

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусское общественное объединение преподавателей
русского языка и литературы
Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований
Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь –
Русский дом в Гомеле
Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Пензенский государственный университет

ТЕКСТ. ЯЗЫК. ЧЕЛОВЕК

Сборник научных трудов

Мозырь
МГПУ им. И. П. Шамякина
2023

УДК 81.161.(08)
ББК 81.2Рус
Т30

Печатается по решению научно-технического совета УО МГПУ им. И. П. Шамякина
(протокол от 20.04.2023 № 4)

Редакционная коллегия:

С. Б. Кураш, кандидат филологических наук, доцент (ответственный редактор);
А. М. Амагов, доктор филологических наук, профессор;
И. Г. Родионова, доктор филологических наук, доцент;
А. П. Седых, доктор филологических наук, профессор;
Е. В. Сузько, кандидат филологических наук, доцент

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *А. Н. Андреев*
(Москва, Россия);
доктор филологических наук, профессор *Н. В. Чайка*
(Минск, Беларусь)

Печатается согласно плану научных и научно-практических мероприятий
УО МГПУ им. И. П. Шамякина и приказу по университету от 10.05.2023 № 508

Текст. Язык. Человек : сб. науч. тр. / УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол.: С. Б. Кураш
Т30 (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2023. – 306 с.
ISBN 978-985-477-861-7.

В сборнике представлены статьи, отражающие содержание докладов XII Международной научной конференции «Текст. Язык. Человек» в рамках Недели русского слова – 2023, проведённой в Мозырском государственном педагогическом университете имени И. П. Шамякина.

Публикуются работы в области филологического анализа художественных текстов, в том числе посвященные русским писателям, чьи юбилейные даты отмечаются в 2023 году; рассматриваются вопросы, связанные с неологическими процессами в сфере тексто- и жанрообразования, анализируются лингво- и социокультурные функции текстов и текстовых единиц.

Адресуется научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам филологических специальностей.

УДК 81.161. (08)
ББК 81.2 Рус

Научное издание

ТЕКСТ. ЯЗЫК. ЧЕЛОВЕК

Сборник научных трудов

Корректор *Е. В. Сузько*
Оригинал-макет *Ю. С. Карась*

Подписано в печать 17.05.2023. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 38,25. Уч.-изд. л. 22,41. Тираж 60 экз. Заказ 15.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий N 1/306 от 22 апреля 2014 г.
Ул. Студенческая, 28, 247777, Мозырь, Гомельская обл. Тел. +375(236) 24-61-29.

ISBN 978-985-477-861-7

© УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2023

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Н. ОСТРОВСКОГО

УДК 81'373'43 + 81'255.2: 82-2=161.3=161.1

ЛЕКСИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ПЬЕСЫ А. Н. ОСТРОВСКОГО
«ДОХОДНОЕ МЕСТО» В СПЕКТАКЛЕ «ПРОФІТ»

Е. Д. Гончаренко,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы
НАН Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь

E-mail: kattka_84@mail.ru

В статье рассматриваются лексемы и выражения, с помощью которых осуществлена модернизация пьесы А. Н. Островского «Доходное место» в постановке «Профит» Республиканского театра белорусской драматургии. Выделены 4 группы лексики, которые создают современную реальность, заменяют устаревшие слова. Отмечена специфика перевода на белорусский язык.

Ключевые слова: драматургия, перевод, русский язык, белорусский язык, неологизмы, устаревшая лексика.

LEXICAL MODERNIZATION OF A. N. OSTROVSKY'S PLAY
«PROFITABLE PLACE» IN THE PERFORMANCE «PROFIT»

K. D. Hancharenka,

PhD in Philology, Senior researcher at the Center for Studies of Belarusian Culture,
Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus

E-mail: kattka_84@mail.ru

In the article lexemes and expressions, which help modernize of the play «Profitable Place» by A. N. Ostrovsky's in the performance «Profit» of the Republican Theater of Belarusian Drama are observed. 4 groups of lexis that create a modern reality, replace archaic words have been identified. The specificity of the translation into Belarusian is noted.

Keywords: drama, translation, Russian language, Belarusian language, neologisms, archaic lexis.

Введение

Спектакль «Профит» Республиканского театра белорусской драматургии был поставлен в 2020 г. (режиссер А. Гарцуев) по пьесе А. Н. Островского «Доходное место» (1857 г.). Спектакль, как и исходный текст, поднимает проблему взяточничества среди госслужащих, брака по расчету. Молодой человек Василий

Жадов честен и не хочет жить по правилам своего влиятельного дяди Аристарха Вышневецкого. Текст пьесы был переведен на белорусский язык переводчиком М. Пушкиной. Поскольку действие спектакля перенесено в XXI век, исследовательский интерес представляют те лексемы и выражения, которые помогают «осовременить» пьесу.

Понятие *модернизация* применяют, когда в произведении используется сюжет художественного текста литературной классики, но его герои живут в современном мире [10, с. 3–4]. По мнению Е. В. Сальниковой, «в процессе осовременивания классической литературы или драматургии <...> происходит обновление традиционного понимания произведения [8, с. 133]. А. В. Трофимчик под *модернизацией* и «осовремениванием» в детской пьесе подразумевает написание произведений с использованием постмодернистских приемов и отсылок к актуальному материалу (в том числе с «модной лексикой» [9, с. 76, с. 99]. Польский исследователь Я. Садовский относит постановку, инсценировку, адаптацию текста иноязычного автора не просто к переводу, а к *трансформации* текста [7; с. 619]. Б. Н. Комиссаров указывает, что модернизирование, т. е. «отказ от малоупотребительных и архаических языковых единиц и, напротив, широкое употребление повседневной, современной лексики», нарушает требования перевода быть «коммуникативно равноценным отдаленному по времени оригиналу» [2, с. 224–225]. К. С. Куликова замечает, что при модернизации «разговорно-диалектная окраска ИТ [исходного текста. – К. Г.] будет неизбежно потеряна». Для ее сохранения используется прием стилизации [3, с. 29].

Цель и задачи

Цель исследования – на примере модернизации пьесы А. Н. Островского «Доходное место» в спектакле «Профіт» показать актуальную для XXI века лексику, отражающую жизнь и речевое поведение современного человека. Задачи: выявить пары соответствий, называющие характерные для двух эпох предметы и явления; указать единицы, характеризующие речь XXI века; отметить специфические лексемы и выражения, связанные с переводом текста на белорусский язык.

Методы и материал исследования

При написании статьи использованы сопоставительный, типологический методы, количественные подсчеты, этимологический анализ.

Материалом исследования стали 90 пар лексем и выражений, 5 фрагментов текста, показывающих модернизацию комедии «Доходное место» А. И. Островского в спектакле «Профіт» (аудиозапись – 142 мин.), а также 25 лексических единиц, характерных для двух эпох, имеющиеся в опущенных или добавленных репликах.

Результаты и их обсуждение

При сопоставлении реплик персонажей текста пьесы «Доходное место» с репликами актеров, персонажей спектакля «Профіт» были выявлены 90 пар единиц (отдельные лексемы, словоформы, устойчивые словосочетания), а также 5 сопоставимых фрагментов текста, показывающих модернизацию исходного текста. В соответствии с переводными единицами модернизированного текста выделены 4 группы. Это группы с лексикой конца XX – начала XXI в. (нейтральной и разговорной), лексикой XX в. и вневременной (нейтральной и разговорной). При этом не учитывались идентичные пары иноязычной лексики (*вакансія* – *вакансія*, *министр* – *міністр*), разговорной лексики (*дрянь* – *дрэнь*,

вздор – лухта), а пары, где не прослеживается различие во времени (*взяточник – хабарнік*).

В первой выделенной группе – пары единиц, где перевод осуществлен нейтральной лексикой конца XX – начала XXI в., а также актуализированной, находившейся в пассивном запасе и активно использовавшейся в постсоветское время (*офіс, серьял* и др.). Таких пар – 19: у него *фабрика* *получше* – у яго *супермаркет*, *когда читаю роман* и *всё идет к благополучной развязке* – *глядзіш які-небудзь серьял і калі ўсё ідзе да хэпі-энд[а]*, *жена не игрушка* – *жонка не гумовая лялька для брыдкіх уцех, писец – клерк*. В том числе и синонимичные между собой пары: *купцы – дзелавыя людзі; банкіры, уладальнікі маёмасці*. Лексемой *офіс* ‘контора фирмы, организации, учреждения и т. д.’ [11, с. 248] заменяются синонимичные лексемы *канцелярыя*, историзм *присутствие* ‘отправление служебных обязанностей в казенном учреждении’ [16, с. 535]. Например, (Юсов): – *С ним давеча в присутствии дурно сделалось* [5, с. 69]; (Юсаў – актёр М. Брагинец): – *Раніцай у офісе ў яго быў сардэчны прыступ*. Всего в данной группе заменено 6 историзмов и архаизмов.

Некоторые слова, функционировавшие ранее, получили новое значение в XXI веке. Например, в пьесе Юля «*в четвертый раз ... записку написала*» жениху Белогубову, в спектакле это «*наведамленне з ультыматумам*», то есть *смс-сообщение*. Одним из забавных моментов «Доходного места» является пляска пожилого помощника Юсова в трактире под музыкальную машину. В реалиях XXI века Аким Акимыч, выпив, «*танцаваць хоча на пілоне*». Употребление лексемы *пілон* в значении ‘специальный шест, вокруг которого танцуют стриптиз’ [11, с. 269] появилось в начале XXI в. Ранее лексема имела терминологическое значение ‘массивная, чаще всего прямоугольная колонна, которая поддерживает арки, своды, оформляет по бокам входы в парки, на мосты и под.’ [13, с. 255]. Современный Василий Жадов (А. Курень) работает «*раніцай – у офісе, днём – урокі, вечарам – аўдытарам*». В тексте пьесы это «*утром – в присутствии, днем на уроках, вечером за делами сижу: беру выпускки составлять, порядочно платят*» [5, с. 62]. Значение *аудитор* ‘финансовый инспектор, который проверяет состояние финансовой деятельности предприятий, организаций и под. на основании контракта, заключенного с руководством этой компании’ [12, с. 77] – новое. Сама лексема ст.-бел. *авдитор* встречается в источниках еще XVII в. в значении ‘член церковного суда; старший ученик в классе, выслушивающий уроки товарищей’ от лат. *auditor* ‘слушатель; судья, ведущий допрос’ [18, т. 1, с. 206].

Следующая группа пар – где перевод осуществлен нейтральной лексикой XX ст. либо вневременной (19 пар). При этом в 15 парах осуществлена замена устаревшей лексики: *фанфаронство* ‘хвастовство’ – *разбэшчанасць, барышня – дзяўчына з прыстойнай сям’і* и др. Аристарх Вышневецкий возмущен тем, что кто-то завидует тому, что он богатый человек и «*покупает деревню за деревней*». Данная реплика указывает на культурно-историческую реалию: произведение написано до отмены крепостного права. В спектакле это – *набывае маёмасць*.

В данной группе только 4 пары представляют собой перевод словом с тем же значением: *хорошо одета* – *модніцай стала, столоначальник* – *начальнік аддзела, провиант* – *прадукты*. В некоторых парах перевод подобран словом, обозначающим более широкое либо более узкое понятие: *купчиха* – *жанчына*,

бумага – справаздача. В финальной части спектакля перечисление преступлений Вышневецкого юридической лексикой можно также отнести к модернизации: (Юсаў): *Праверка знайшла нямэтавае выкарыстанне дзяржаўных сродкаў, прысваенне ў асабліва буйных памерах, іншыя злоўжыванні.* В тексте пьесы это (Юсов): «Открылись якобы упуущения, недочеты сумм и разные злоупотребления» [5, с. 74].

В третьей группе перевод осуществлен лексемами и выражениями разговорной речи, появившимися в конце XX – начале XXI в. Таких пар – 14: *дом – асабняк, материи разные – шмоткі, платье бархатное – кальцо з брулікам ‘бриллиантом’, купцы – таргашы, надежды подает – канкрэтны, взятка – адкат ‘незаконная плата должностному лицу за выдачу кредита, гранта и т. п.’* [14, вып. 2, с. 807], *как только получу – як толькі, дык адразу* и др. В пьесе А. Н. Островского богатая сестра Юля дарит бедной сестре Полине *шляпку* как элемент модного гардероба. В спектакле Юля (Г. Быкова) приносит Полине (А. Семеняко) спортивную куртку – *бомбер*. Лексема в разговорном русском языке обозначает ‘кожаную куртку в спортивном стиле’ [15, с. 117]. То, что это слово еще не вошло в широкое употребление, указывает следующий диалог. (Полина): *Што такое бомбер?* // (Юля): *Бомбер – гэта бомбер.* Помощник Юсов, говоря о возможности продвижения по службе, замечает «Обратили на тебя внимание, ну, ты и человек, дышишь; а не обратили – что ты? <...> **Червь!**» [4, с. 7]. В спектакле данная лексема, имеющая оценочное значение ‘ничтожество’ [16, с. 753], трансформируется во фразеологизм, возникший в 2000-х гг. – *офисный планктон пренебреж.* ‘офисные работники низшего звена, мелкие служащие’ [1, с. 16]. – (Юсаў): *А не звярнулі ўвагу – ведаеш, хто ты? **План[х]тон ты!*** Лексемы *планктон* и *червь* также близки обозначением мелкого организма.

Аристарха Вышневецкого в спектакле называют *босам* (*бос скажа, казаў босу*), в пьесе – *генералом*, а также используется вежливая форма 3-го лица множественного числа (*у них говорили*). Соответствует созданному образу Вышневецкого и современный стереотип, где босс – «владелец предприятия, самоуверенный и агрессивный, готовый единолично принимать решения, патерналист по отношению к подначаленным» [4, с. 163–164]. Лексему, давшую заглавие спектаклю, – *профит* ‘выгода’ [11, с. 286], можно считать актуализированной. В белорусский язык это заимствование попало через польский и русский из франц. *profit* от лат. *profectus*, причастие *profecere* ‘идти на пользу’ [18, т. 10, с. 16]. В спектакле словом *профит* переводятся лексемы *доход, доходное место.* – (Белогубов): *Кабы захотел, мог бы место иметь хорошее, с большим доходом-с;* и – (Белагубаў – В. Ноздрин): *Мог бы пасаду добрую заняць, як кажучь, з дадатковай выгадай, з профітам.*

Четвертая группа из 38 пар – где исходная лексика переведена разговорной лексикой XX в. и вневременной. В данной группе мы видим наибольшее количество единиц (26), где в переводе сохранена исходная семантическая нагрузка: *ужином угощал – прастаўляўся, черновая – чарнавік, лицепрятие ‘...предпочтение одного лица другому из-за родственных связей, выгоды и т. п.’* [17] – *блат* ‘полезные знакомства, благодаря которым можно получить какие-л. выгоды в обход общепринятых правил и законов’ [13, вып. 1, с. 124]. В том числе использованы единицы с большей эмоциональной окраской: *хвастаться тебе*

нечем – ні кожны ні рожы, на какие **доходы** ты жывёшь – на якія **шышы** ты жывеш, денег истратят много – грош[аў] **прафукаюць** процьма; также обценная лексика: *бесчувственный человек* – *бываюць жа такія падонкі, развратная жанщина* – *шалава*, *жил только на жалованье* – *будзеш з голай ср*кай хадзіць* и др. Только 7 исходных лексем и словоформ пьесы являются разговорными: *охота тебе было жениться* – *прыперла ж табе жаніцца* и др.

Кроме того, выявлено 5 сопоставимых фрагментов текста пьесы «Доходное место», которые в репликах спектакля превратились в пошлые шутки путем обыгрывания многозначности слова или трансформации текста. Например, Белогубов говорит Юсову о том, что «*Какая же польза от ученья, когда в человеке нет страха... никакого трепету перед начальством?*» [4, с. 8]. В спектакле это превращается в следующий диалог: – (Юсаў): *...Няма страху перад вышэйстаячымі органамі//* – (Белагубаў): *Якімі органамі?//* – (Юсаў): *Стаячымі вышэй.*

Отметим и особенности, связанные с переводом пьесы на белорусский язык. Большинство переводных лексем – идентичные русскому языку либо заимствованы из него. Имеются также явные русизмы: *таргаш*, *на гроб жыцця*, *дарагуша*, *падцірушка*. Помимо перевода общеупотребительной белорусской лексикой (*гадзіннік*, *жанчына*, *лялька*, *маёмасць*, *разбэжчанаць*, *справаздача*) отметим и некоторые разговорные слова: *дурочка вовсе* – *зусім балдаवेशка*, *жил только на жалованье* – *з голай ср*кай хадзіць*, *много-то с ним разговаривать* – *што з ім валэндацца*.

Аристарх Вышневецкий презрительно говорит о том, что Жадов «*в канцелярии писарям мораль читает*», а его будущая жена не оценит «*лекции о добродетели*». Современный Вышневецкий (актер А. Добровольский) возмущен тем, что Жадов «*калегам у офісе чытае лекцыі па эстэтыцы і духоўнаму адрадж’енью*» и собирается жене рассказывать «*пра шляхі духоўнага адрадж’енья*», намеренно искажая в речи произношение белорусских звуков. В данных репликах можем предположить отсылку к названию премии Президента Республики Беларусь «*За духоўнае адраджэнне*» (награждается за выдающиеся произведения искусства, активную деятельность в гуманитарной сфере) [6].

В спектакле произошли и изменения сюжета, связанные с модернизацией. Так, отсутствуют персонажи-слуги и некоторые второстепенные герои, кроме адвоката Досушева (актёр Д. Давидович). В тексте спектакля убраны реплики с 10 устаревшими единицами: *салоны* ‘вечера приёма гостей’, *чин*, *члены* в знач. ‘части тела’ и др. В добавленных репликах спектакля, измененных фрагментах сюжета встречено 15 слов и выражений XX и XXI вв. Так, таинственный поклонник Вышневецкой (Н. Холодович) Ніхто (В. Соловьев) сообщает, что на имеющихся у него фото есть, *як паліткарэктна сказаць*, *асоба жаночага полу*, *падобная да вас*, Белогубов, «*накалякаў ананімку*» на Вышневецкого, у Полины, по мнению матери Кукушкиной (Л. Сидоркевич), «*адна пасцель на ўме*» и др.

Выводы

Таким образом, лексическая модернизация пьесы А. Н. Островского в спектакле «Профит» Республиканского театра белорусской драматургии осуществлена за счет подбора следующих групп лексики – нейтральной и разговорной конца XX – начала XXI в., нейтральной и разговорной XX в. и

некоторой вневременной, которая заменяет устаревшие понятия. При переводе были подобраны замены с тождественным значением (*присутствие – офіс, взятка – адкат*), с более узким либо более широким значением (*бумага – справаздача, купчиха – жанчына*). Отмечен акцент на лексику экономической тематики (*доходное место – профіт, доходы – шышы, недочеты сумм – прысваенне ў асабліва буйных памерах*). То, что в переводном тексте среди модернизирующих единиц немного больше разговорных, в том числе грубых, обценных – 52 (58 %), есть пошлые шутки, говорит об их распространении, как в повседневной речи, так и в сценической. Среди новейших жаргонных слов – *бомбер* ‘спортивная куртка’, *планктон* ‘мелкие служащие’. Большинство единиц, которыми осуществлен модернизированный перевод, – общие с русским языком или заимствованы через него. Отсылкой к современным белорусским реалиям можно считать выражение *лекцыі па эстэтыцы і духоўнаму адраджэнню – лекцыі о добродетели*.

Список использованных источников

1. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; ред.: Л. И. Балахонова. – М. ; Спб. : Наука, 2011. – Т. 17 : План – Подлечь. – 670 с.
2. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
3. Куликова, К. С. Деформация и модернизация при переводе художественных текстов (на материале повести А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка») / К. С. Куликова // Тенденции развития науки и образования : сб. науч. тр. – Самара : Изд. НИЦ «Л-Журнал», 2016. – Ч. 2. – 40 с.
4. Мирошниченко, А. С. Лексема босс в языке республиканских и региональных СМИ: социально-статусные стереотипы / А. С. Мирошниченко // Язык и межкультурные коммуникации : сб. науч. ст. / отв. ред. В. Д. Стариченок. – Минск : БГПУ, 2019. – С. 160–164.
5. Островский, А. Н. Доходное место / А. Н. Островский. – М. : Гос. изд-во культ. просвет. лит-ры, 1950. – 98 с.
6. Прэмія Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь «За духоўнае адраджэнне» [Электронны рэсурс] // Афіцыйны інтэрнэт-партал Прэзідэнта Рэсп. Беларусь. – Рэжым доступу: <https://president.gov.by/be/gosudarstvo/nagrody/premii/za-duhovnoe-vozrozhdenie>. – Дата доступу: 23.04.2023.
7. Садовский, Я. Пьеса – экран – трансформация – актуализация (на материале «Самоубийцы» Валерия Пендраковского) / Я. Садовский // Производство смысла : сб. ст. и материалов памяти Игоря Владимировича Фоменко / ред.: С. Ю. Артёмова [и др.]. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2018. – С. 617–633.
8. Сальникова, Е. В. Интерпретация классики в театре и кино: феномен осовременивания в контексте других традиций / Е. В. Сальникова // Культура и искусство. – 2017. – № 3. – С. 131–146.
9. Трафімчык, А. В. Беларуская дзіцячая драматургія / А. В. Трафімчык. – Мінск : Ковчег, 2012. – 127 с.
10. Тычына, С. М. Шляхі мадэрнізацыі літаратурнай класікі [Электронны рэсурс] / С. М. Тычына. – 2013. – Рэжым доступу: <http://repository.buk.by/bitstream/handle/123456789/1094/SHLYAH%D0%86%20MADE%27RN%D0%86ZACYI%D0%86%20L%D0%86TARATURNAY%20KLAS%D0%86K%D0%86.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. – Дата доступу: 01.03.2023.

11. Уласевіч, В. І. Слоўнік новых слоў беларускай мовы / В. І. Уласевіч, Н. М. Даўгулевіч. – Мінск : ТетраСистемс, 2009. – 448 с.
12. Уласевіч, В. І. Беларуска-рускі тлумачальны слоўнік новых слоў і новых значэнняў слоў / В. І. Уласевіч, Н. М. Даўгулевіч. – Мінск : Аверсэв, 2013. – 251 с.
13. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / АН БССР, Ін-т мовазн. імя Я. Коласа ; К. К. Атраховіч (К. Крапіва) [агульн. рэд. і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1980. – Т. 4 : П–Р. – 767 с.
14. Толковый словарь русской разговорной речи / Росс. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; М. Я. Гловинская [и др.]. – М. : Языки славян. культ., 2014.
15. Толковый словарь новейших слов и выражений русского языка / сост. Л. А. Асланова. – М. : ООО «Дом славян. книги», 2013. – 960 с.
16. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Аделант, 2014. – 800 с.
17. Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/12/ma219118.htm?cmd=0&istext=1>. – Дата доступа: 17.03.2023.
18. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Нацыян. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазн. імя Я. Коласа ; А. М. Булыка [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 1978.

УДК 81:94

РОЛЬ АНТРОПОНИМОВ В ПЬЕСАХ А. Н. ОСТРОВСКОГО

Л. Б. Гурьянова,

старший преподаватель кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета,
г. Пенза, Российская Федерация
E-mail: lyudmila010159@yandex.ru

Несмотря на то, что антропонимы в драматических произведениях А. Н. Островского рассматривались в научных работах не только лингвистов, но и литературоведов, эта тема продолжает оставаться актуальной, так как не все пьесы драматурга изучены с этой точки зрения. В статье рассматривается роль имен собственных в пьесах выдающегося драматурга А. Н. Островского. Впервые рассматривается 35 пьес автора, из которых методом сплошной выборки было выписано свыше 200 имен собственных, среди которых преобладают личные имена, фамилии, прозвища. Антропонимы включаются в широкую систему художественных номинаций, которые раскрывают характер героя. Кроме того, исследуются различные функции имен собственных в драматических произведениях А. Н. Островского, в том числе назывная, характеризующая, символическая.

Ключевые слова: антропоним, персонаж, А. Н. Островский, имя, фамилия, прозвище.

THE ROLE OF ANTHROPNOMS IN THE PLAYS OF A. N. OSTROVSKY

L. B. Guryanova,

Senior Lecturer, Department of the Russian Language and Methods of Teaching the

Russian Language, Penza State University

Penza, Russian Federation

E-mail: lyudmila010159@yandex.ru

Despite the fact that anthroponyms in the dramatic works of A. N. Ostrovsky were considered in the scientific works of not only linguists, but also literary critics, this topic continues to be relevant, since not all plays of the playwright have been studied from this point of view. The article deals with the role of proper names in the plays of the outstanding playwright A. N. Ostrovsky. For the first time, 35 plays by the author are considered, of which over 200 proper names were written out by continuous sampling, among which personal names, surnames, and nicknames predominate. Anthroponyms are included in a wide system of artistic nominations that reveal the character of the hero. In addition, various functions of proper names in the dramatic works of A. N. Ostrovsky are studied, including naming, characterizing, symbolic.

Keywords: *anthroponym, character, A. N. Ostrovsky, first name, last name, nickname.*

Введение

Ученые неоднократно отмечали, что теоретический и практический интерес представляет вопрос о функции имен собственных в художественных произведениях. Так, В. В. Виноградов считал, что «вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образных характеризующих функциях и т. п. не может быть проиллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» [2, с. 38]. Одним из авторов, вдумчиво подбирающих имена, фамилии, прозвища персонажей, можно назвать драматурга А. Н. Островского. Его пьесы были не только известны в XIX в., но и популярны до сих пор.

По мнению В. В. Основина, «...только А. Н. Островский стал драматургом, с именем которого связано появление подлинно национального и в широком смысле слова демократического театра» [6, с. 6]. Несмотря на то, что роль антропонимов в пьесах А. Н. Островского рассматривалась в научных трудах разных авторов (П. А. Марков, А. И. Ревякин, В. Г. Сахновский, Е. Г. Холодов и др.), обращение к этой проблеме и в настоящее время является актуальным, ведь именно художественный текст – это особая сфера функционирования имен собственных. Нельзя не согласиться с С. И. Зининым, который считал, что отчетливо выделяются две фазы формирования ономастического пространства художественного произведения: «Первая фаза охватывает период работы автора над художественным произведением от замысла до завершающего воплощения. Вторая фаза предусматривает статическое закрепление поэтонимов за конкретным художественным произведением, которые в дальнейшем будут функционировать во времени и пространстве без изменений» [3].

Цель и задачи

Цель нашей статьи – рассмотреть антропонимы в пьесах А. Н. Островского и выявить их функциональные особенности. Поставленная цель обусловила решение следующих задач: составить картотеку антропонимов на основе драматических произведений А. Н. Островского, классифицировать их, определить функции имен собственных в пьесах разных жанров.

Методы и материал исследования

Всего было проанализировано 35 пьес драматурга, из которых методом сплошной выборки было выбрано свыше 200 имен собственных. Нас интересовали имена, отчества, фамилии, прозвища.

Методы исследования в данной статье – описательный и контекстуально-стилистический.

Результаты и их обсуждение

Нельзя не согласиться с мнением, что А. Н. Островский не случайно выбирал имена, отчества, фамилии, прозвища персонажей. Несмотря на то, что семантика фамилий во многих случаях оказывается завуалированной, а имена и отчества могут быть нейтральными, антропонимы играют важную роль в характеристике персонажей.

В пьесах А. Н. Островского действующие лица могут быть представлены по-разному:

1) по имени, отчеству, фамилии – *Антип Антипыч Пузатов* («Семейная картина») или *Раиса Павловна Гурмыжская* («Лес»);

2) по имени, отчеству – *Лидия Юрьевна* («Бешеные деньги») или *Павлин Савельич* («Волки и овцы»);

3) только по имени – *Гаврило* («Бесприданница») или *Иван* («Красавец-мужчина»);

4) только по отчеству – *Михевна* («Последняя жертва») или *Сидорыч* («Утро молодого человека»);

5) только по фамилии – *Прежнев* («Не сошлись характерами») и *Уланбекова* («Воспитанница»);

6) по прозвищу – *Зайчиха* («Грех да беда на кого не живет») и *Жук* («На бойком месте»).

Имена могут как повторяться, так и представлять единичное употребление.

Так, в комедии «На бойком месте» мы знакомимся с помещиком средней руки *Павлином Ипполитовичем Миловидовым*, в комедии «Горячее сердце» главным действующим лицом является именной купец *Павлин Павлинович Курослепов*, а в пьесе «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» сослуживцем Михайло Дмитриевича Бальзамина является *Павлин Иваныч Устрашимов*.

Не во всех случаях можно согласиться с исследователями, что имена в пьесах драматурга социально закреплены. Так, одно и то же имя носит жена купца *Матрена Савина* в пьесе «Семейная картина», жена именитого купца *Матрена Харитоновна* в комедии «Горячее сердце», а в пьесах «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» и «За чем пойдешь, то и найдешь» *Матрена* – кухарка в семье Бальзаминовых.

Часто в пьесах мы встречаемся с разными формами имен, которые автор указывает, перечисляя действующих лиц. Так, в пьесе «Праздничный сон до обеда» автор знакомит нас с дочерью купчихи Клеопатры Ивановны Нечкиной *Капочкой (Капитолиной)* и сыном Нила Борисовича Неудедова *Юшей (Ефимом)*.

В пьесах автор использует разные формы имени для представления героев: *Дарья*, горничная Незабудкиных («Бедная невеста»), и *Даша*, жена Петра («Не так живи, как хочется»); *Василий Николаевич Жадов* («Доходное место») и *Вася*, молодой купеческий сын («Не так живи, как хочется»).

Имена могут писаться по-разному: *Фелицата Антоновна Шаблова* («Поздняя любовь») и старая нянька *Филицата* («Правда – хорошо, а счастье лучше»).

Несмотря на то, что в драматических произведениях А. Н. Островского преобладают старинные русские имена (Никандр, Аграфена, Гордей, Пелагея), встречаются персонажи, которые носят иностранные имена. Так, в пьесе «Не сошлись характерами» одним из главных действующих лиц является *Поль*, сын обеспеченных родителей, в пьесе «Праздничный сон – до обеда» вдова, купчиха *Клеопатра Ивановна Нечкина* размышляет о замужестве дочери, в пьесе «Сердце не камень» мы знакомимся с приказчиком *Ерастом*, а в пьесе «Красавец-мужчина» действуют приятели пожилого барина Лупанова – *Поль* и *Жорж*.

Нередко имя может вызвать неоднозначную реакцию в обществе, как это происходит в комедии «Свои люди – сочтемся»:

Аграфена Кондратьевна. Как тебя звать-то, батюшко? Я все позабываю.

Рисположенский. Сысой Псоич, матушка Аграфена Кондратьевна.

Устинья Наумовна. Как же это так: Псович, серебряный? По-каковски же это?

Рисположенский. Не умею вам сказать доподлинно; отца звали Псой – ну, стало быть, я Псоич и выхожу.

Устинья Наумовна. А Псович, так Псович! Что ж, это ничего! и хуже бывает, бралиянтовый...

Некоторые имена редко встречаются в реальном ономастиконе: *Любим*, *Африкан* («Бедность не порок»), *Василиск* («Тяжелые дни»), *Пуд*, *Луп*, *Ион* («Пучина»), *Афимья* («Не так живи, как хочется»), *Истукарий Лупыч Епишкин* («Не было ни гроша, да вдруг алтын»), *Сосипатра Семеновна* («Красавец-мужчина»).

Так, имя может оказать влияние на характер и поступки персонажа. В комедии «Свои люди – сочтемся» купец Самсон Силыч Большов и его жена Аграфена Кондратьевна души не чают в единственной дочери, которую зовут *Липочкой*. Чуть позже мы узнаем ее полное имя – *Олимпиада* (значение – воспевающая небо, воспевающая богов). Родители делали для нее все, а она мечтала лишь о выгодном замужестве:

Липочка. Не пойду я за купца, ни за что не пойду! Затем разве я так воспитана: училась и по-французски, и на фортопьянах, и танцевать! Нет, нет! где хочешь возьми, а достань благородного.

Нельзя не согласиться с мнением А. И. Ревякина, который считал: «Индивидуализируя своих персонажей, драматург обнаруживает дар глубочайшего проникновения в их психологический мир. Многие эпизоды пьес Островского являются шедеврами реалистического изображения человеческой психологии» [7, с. 169]. В комедии мало кто говорит правду: Липочка скрывает от отца свои мечты, Самсон Силыч организует фиктивное банкротство, приказчик Подхалюзин при помощи свахи и стряпчего женится на дочери купца Большова и завладевает его богатством. В итоге купец Самсон Силыч Большов обманут, а Липочка, прельстившись обещаниями Подхалюзина, забывает об отце и выбирает вольную жизнь в достатке.

Фамилии персонажей могут указывать на различные признаки человека: внешность (*Белотелова* /«За чем пойдешь, то и найдешь»/, *Пузатов* /«Семейная картина»/, *Бородкин* /«Не в свои сани не садись»/), манеру поведения (*Устрашимов* /«Свои собаки грызутся, чужая не приставай»/, *Гневыхов* /«Богатые невесты»/, *Люттов* /«Не было ни гроша, да вдруг алтын»/), образ жизни (*Добротворский* /«Бедная невеста»/, *Погуляев* /«Пучина»/, *Непутевый* /«На бойком месте»/, *Баклушин* /«Не было ни гроша, да вдруг алтын»/), социальное и материальное положение (*Великатов* /«Таланты и поклонники»/, *Большов* /«Свои люди – сочтемся»/, *Прибытков* /«Последняя жертва»/).

Нередко драматург противопоставляет персонажей, этому способствуют их фамилии. Так, в пьесе «Лес» это провинциальные актеры – *Счастливец* и *Несчастливец*. Автор неслучайно дает им имена, которые отражают трагичность их судьбы. *Геннадий Несчастливец* (Геннадий – благородный) и *Аркадий Счастливец* (Аркадий – уроженец легендарной Аркадии), которые не могут до конца раскрыть свой талант в этом расчетливом мире.

Некоторые фамилии носят комический эффект: содержатель трактира и гостиницы *Маломальский* («Не в свои сани не садись»), молодой купчик *Разлюляев* («Бедность не порок»), молодые люди *Недоносков* и *Недоростков* («Шутники»), купеческий сын *Непутевый* («На бойком месте»), студент *Погуляев* («Пучина») и др.

Иногда комический эффект представляет сочетание имени, отчества и фамилии, например, квартальный *Тигрий Львович Люттов* («Не было ни гроша, да вдруг алтын»).

Некоторые фамилии образованы от названий животных, птиц и т. д.: купец *Хрюков* («Шутники»), *Телятев* («Бешеные деньги»), подъячий приказа Галицкой чети *Кочетов*, подъячий приказа царицыной мастерской палаты *Клушин* («Комик XVII столетия»).

По мнению В. Д. Бондалетова, можно выделить различные функции имени собственного в художественном произведении: номинативную, идеологическую, характеризующую, эстетическую, символическую [1, с. 63]. Остановимся на некоторых из них.

И. Н. Исакова считает, что **назывная (номинативная)** функция помогает выделить персонаж из группы других. «Один из способов такого выделения – наделение героя именем. Имя, при этом, выбирается с учетом тех или иных – в зависимости от темы произведения и антропонимических норм» [5, с. 58]. Так, в пьесе «Гроза» богатая купчиха *Марфа Игнатьевна Кабанова* и купец *Савел Прокофьевич Дикой* – столпы провинциального города Калинова. Но, как правило, в пьесах есть герои без имени, так называемые фоновые персонажи. Так, в пьесе «Тяжелые дни» кроме основных действующих лиц драматургом обозначены «*молодой человек, незначительный чиновник, девушки и разные проходящие лица без речей*», а в пьесе «Волки и овцы» – «*малырь, столяр, крестьянин, бывший староста Мурзавецкой, мастеровые, крестьяне и приживалки Мурзавецкой*».

Характеризующая функция способствует подчеркиванию каких-либо свойств личности и качеств характера. В пьесе «Свои люди – сочтемся» купец *Самсон Силыч Большов* привлекает внимание зрителей преобладанием силы, что подчеркивает и имя, и отчество, и фамилия. Правда, он производит такое впечатление до того, пока не решит провозгласить себя банкротом, чтобы

не платить лишние деньги в казну. В конце пьесы он не выглядит уверенным в себе человеком – зять и дочь обводят его вокруг пальца.

Символическая функция имени персонажа, когда имена становятся своеобразным ключом к пониманию замысла драматурга, раскрывают определенную ступень духовного становления персонажа, выражают этапы его жизненного пути. Это отражается, например, в комедии «Доходное место», главным героем которой является *Аристарх Владимирович Вышневецкий*, «одряхлевший старик, с признаками подагры». Об этом подробно пишет И. Н. Исакова в статье «Антропонимическое пространство как символическое обозначение наиболее распространенных типов (“Доходное место” А. Н. Островского)». Она приходит к выводу, что «антропоним Аристарх Владимирович Вышневецкий может прочитываться приблизительно следующим образом: человек, занимающий высокое положение, имеющий большое количество подчиненных, повелевающий всеми и на основании этого считающий себя лучшим» [4, с. 40].

В большинстве пьес А. Н. Островского мы видим противопоставление власть имеющих и им подчиняющихся. Так, помещица *Раиса Павловна Гурмыжская* в комедии «Лес» приказывает не только слугам, знакомым, но и родственникам. В ее доме живет *Аксюша*, ее дальняя родственница, «бедная девушка лет 20-ти», значит и она должна ей подчиняться. Гурмыжская приказывает ей изображать невесту Буланова. Между ними происходит следующий диалог:

«Аксюша. Я ведь не пойду за него; так к чему же эта комедия?

Гурмыжская. Комедия! Как ты смеешь? Да хоть бы и комедия; я тебя кормлю и одеваю, и заставлю играть комедию. Ты не имеешь права входить в мои намерения: мне так нужно, и все тут. Он жених, ты невеста, – только ты будешь сидеть в своей комнате под надзором. Вот моя воля!»

Нельзя не согласиться с И. Н. Исаковой, которая считает, что «все трехчленные антропонимы... могут восприниматься как единые тексты, содержащие довольно полную и подробную характеристику того или иного персонажа, т. е. имена превращаются в своего рода “этикетки”, обозначающие уже не столько героя, сколько тот или иной тип» [4, с. 47]. Таким, например, является *Егор Дмитриевич Глумов* из пьесы «На всякого мудреца довольно простоты», который думает только о карьере: «Конечно, здесь карьеры не составишь, карьеру составляют и дело делают в Петербурге, а здесь только говорят. Но и здесь можно добиться теплого места и богатой невесты, – с меня и довольно. Чем в люди выходят? Не все делами, чаще разговором. Мы в Москве любим поговорить. И чтоб в этой обширной говорильне я не имел успеха! Не может быть ... Я начну с неважных лиц, с кружка Турусиной, выжму из него все, что нужно, а потом заберусь и повыше».

Нечасто драматург использует прозвища персонажей. Так, в пьесе «Бесприданница» барина Паратова сопровождает актер-неудачник *Робинзон*, подобно герою романа Д. Дефо он был высажен по просьбе пассажиров, которым надоело терпеть его вызывающее поведение. По сути, он оказывается игрушкой в руках хозяина, который заставляет его изображать иностранца и выполнять все его прихоти.

Перечисляя действующих лиц пьесы «Гроза», автор указывает, что богатую купчиху Марфу Игнатьевну Кабанову называют *Кабанихой*. Это прозвище она заслужила за свое поведение: она считает, что все ей должны подчиняться

и только ее мнение является верным. Она подобно злому и свирепому кабану способна «нападать» на свои жертвы.

Выводы

Таким образом, проанализировав тексты пьес прославленного драматурга, мы пришли к следующим выводам.

1. Каждый персонаж не просто наделен именем, но прежде всего характером, который должен помочь зрителю понять то, что хотел сказать автор.

По мнению Е. В. Уба, «включённые в систему произведения номинации никогда не бывают случайными, они обусловлены многими её компонентами: законами жанра, художественным методом писателя, родом и видом литературного произведения и особенностями его построения, соответствием содержанию текста, эстетической нагрузкой имени в ближайшем и широком контексте, а также многими индивидуально неповторимыми творческими особенностями стиля писателя в целом. Всё это позволяет говорить об имени как об одном из элементов поэтики художественного текста»[8, с. 3].

2. Особое место в наименовании персонажей драматических произведений А. Н. Островского занимают имена, фамилии и прозвища. Все остальные именованья персонажей не так актуальны.

3. Конечно, при выборе именованья своих героев он стремился учитывать идею пьесы, место персонажа в ней, но старался не выходить за рамки русского национального ономастикона.

4. Комплексное изучение ономастикона А. Н. Островского может быть продолжено, в частности, важен вопрос о первоначальном выборе именованья персонажей, что можно проследить по рукописным вариантам его пьес.

Список использованных источников

1. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика : [Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. 2101 «Рус. яз. и лит.»] / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.

2. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.

3. Зинин, С. И. Поэтическая ономастика. (Собственные имена в художественной литературе и фольклоре) [Электронный ресурс] / С. И. Зинин // Библиотека диссертаций РГБ. – Режим доступа: <http://planeta-imen.narod.ru/litonomastika/main.html>. – Дата доступа: 14.03.2023

4. Исакова, И. Н. Антропонимическое пространство как символическое обозначение наиболее распространенных типов («Доходное место» А. Н. Островского) / И. Н. Исакова // Вестн. РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика. – 2016. – № 4. – С. 39–49.

5. Исакова, И. Н. Зовут его Николаем Петровичем Кирсановым (О поэтической ономастике) / И. Н. Исаков // Русская словесность. – 2005. – № 4. – С. 58–65.

6. Основин, В. В. Русская драматургия второй половины XIX века : пособие для учителя / В. В. Основин. – М. : Просвещение, 1980.

7. Ревякин, А. И. Искусство драматурга А. Н. Островского / А. И. Ревякин. – М. : Просвещение, 1974.

8. Уба, Е. В. Поэтика имени в романной трилогии И. А. Гончарова: «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Уба. – Ульяновск, 2005. – 21 с.

ПРОРАБ ДУХА
(к 90-летию со дня рождения Андрея Вознесенского)

Е. Ю. Муратова,
профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания
Витебского государственного университета им. П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь
E-mail: mouratova@tut.by

В статье анализируются стихи Андрея Вознесенского. Кратко рассказывается о нем как о представителе поколения поэтов-шестидесятников, которое на долгие годы стало своеобразным символом творческого подъёма, свободомыслия и общественных перемен. Наряду с живописью и кинематографом настала эпоха небывалой популярности поэзии, которая в буквальном смысле стала масштабным общественным явлением. Стихи слушали в концертных залах, на стадионах, на площадях. В статье доказывается, что поэзия Андрея Вознесенского, как и других шестидесятников, затрагивала многие традиционные темы: любовь, дружба, общество, родина, но их звучание, глубина, новизна взгляда раскрывали читателю мир с совершенно неординарной стороны. В статье на конкретных примерах раскрывается одна из главных линий творчества поэта: феномен человека, его самоценность, способность преодолевать внутренние слабости. В его стихах существуют миры и антимирь. Антимирь – это серость, безликость, сытое равнодушие; в мире духа – иные измерения и категории, иные ценности, иные имена, в нем – человеческая духовность, высота, доброта, вера.

Ключевые слова: поэзия, творчество, культура, духовность, интеллигенция.

FOREMAN OF THE SPIRIT
(to the 90th anniversary of the birth of Andrei Voznesensky)

E. Y. Muratova,
Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics
Vitebsk State University named after P. M. Masherov,
Vitebsk, Republic of Belarus
E-mail: mouratova@tut.by

The article analyzes the poems of Andrei Voznesensky. He is briefly described as a representative of the generation of poets of the Sixties, which for many years has become a kind of symbol of creative uplift, freedom of thought and social change. Along with painting and cinematography, an era of unprecedented popularity of poetry has come, which has literally become a large-scale social phenomenon. Poems were listened to in concert halls, stadiums, squares. The article proves that the poetry of Andrei Voznesensky, like other Sixties, touched on many traditional themes: love, friendship, society, homeland, but their sound, depth, novelty of view revealed to the reader the world from a completely extraordinary side. The article uses concrete examples to reveal one of the main lines of the poet's creativity: the phenomenon of man, his self-worth, the ability to overcome internal weaknesses. There are worlds and

anti-worlds in his poems. Anti–worlds are greyness, facelessness, well-fed indifference; in the world of the spirit there are other dimensions and categories, other values, other names, in it there is human spirituality, height, kindness, faith.

Keywords: *poetry, creativity, culture, spirituality, intelligentsia.*

Введение

12 мая 2023 года Андрею Вознесенскому исполнилось бы 90 лет. Он принадлежал к поколению, которое называют шестидесятниками, – молодая творческая советская интеллигенция, сформировавшаяся во времена хрущёвской «оттепели». После сталинского железного режима в стране в шестидесятые повеяло тонким ветром свободы, который эти молодые ребята поймали в свои паруса: Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Геннадий Шпаликов, Борис Чичибабин и многие другие. Наряду с живописью и кинематографом настала эпоха небывалой популярности поэзии, которая в буквальном смысле стала масштабным общественным явлением. Стихи слушали в концертных залах, на стадионах, на площадях. Поэтические вечера в Политехническом музее в Москве и у памятника Маяковскому собирали тысячи поклонников: *Тысячерукий как бог языческий / Твое Величество – Политехнический!* Сборники стихов молодых поэтов мгновенно раскупались, а их авторы на долгие годы стали своеобразным символом творческого подъёма, свободомыслия и общественных перемен.

Цель и задачи

Цель статьи – доказать, что Андрей Вознесенский является в нашей культуре одним из многих прорабов духа, создающих духовность нации.

Методы и материал исследования

Основными методами исследования явились основные общенаучные методы наблюдения, описания, анализа и интерпретации. Материал исследования – поэтические тексты А. Вознесенского.

Результаты и их обсуждение

Поэзия Андрея Вознесенского, как и других шестидесятников, затрагивала многие традиционные темы: любовь, дружба, общество, родина, но их звучание, глубина, новизна взгляда, внутренняя аура, самобытность раскрывали мир с совершенно неординарной стороны, заставляя читателя думать, ощущать по-другому окружающую жизнь и себя в этой жизни.

Талант А. Вознесенского многогранен, нам хочется в этой статье остановиться на одной из главных линий его творчества: феномен человека, его самооценку, достаточность и недостаточность в нем духа, духовности, внутренней силы, преодоление внутренней слабости, бесхребетности, нежелания *жить очерково, жить на цыпочках.*

Очень характерно для идиостиля А. Вознесенского стихотворение «Плач по двум нерожденным поэмам», само название которого заставляет задуматься: что значит нерожденные поэмы, кем нерожденные, почему?

Аминь. Убил я поэму. Убил, не родивши. К Харонам!

Хороним...

*На черной Вселенной любовниками отравленными
лежат две поэмы, как белый бинокль театральный.*

*Две жизни прижались судьбой половинной –
две самых поэмы моих соловьиных...*

*Их гибель – судилище. Мы – арестанты.
Встаньте. О, как ты хотела, чтоб сын твой шел чисто и прямо,
встань, мама. Вы встаньте в Сибири, в Москве, в городишках,
мы столько убили в себе, не родивши...
зеленые замыслы, встаньте как пламень,
вечная память,
мечта и надежда, ты вышла на паперть?
вечная память!.. Аминь. Минута молчанья. Минута – как годы.
Себя промолчали – все ждали погоды.
Сегодня не скажешь, а завтра уже
не поправить.
Вечная память. И памяти нашей, ушедшей как мамонт,
вечная память. Аминь. Тому же, кто вынес огонь сквозь траву, –
Вечная слава!
Вечная слава!*

В обыденной, социальной, личной жизни человека существуют «верх» и «низ». Верх – это наши достижения, успехи, уважение, почет, низ – это падение на дно жизни, слабости, пороки, грехи. Это, так сказать, видимые вершины и пропасти человеческой жизни. Андрей Вознесенский смотрит на внутреннюю жизнь человека гораздо сложнее и глубже: жили ли мы в полную силу данных нам способностей и возможностей, смогли ли мы покорить свои собственные вершины? А. Блок в письме к З. Гиппиус утверждал: «Всё, что человек хочет, непременно сбудется. А если не сбудется, то и желания не было. А если сбудется не то, разочарование только кажущееся – сбылось именно то» [1].

Поэт пишет: *«Их гибель – судилище. Мы – арестанты. Мы – обвиняемые в гибели поэм на этом великом суде. Почему? Потому что именно мы столько убили в себе, не родивши, не совершили, не преодолели, не смогли, не захотели, не справились. Сколько в черных Вселенных похоронено надежд, замыслов, первоисточков своей натуры; какие мечты, грандиозные планы и намерения лежат там мертвыми... Но на такие похороны, на такой внутренний беспощадный суд над собой способен далеко не каждый... Именно недовольство собой дает человеку силы духовно “вращивать” самого себя, находить свое настоящее Я, не становиться безмолвной частью безликой массы, не остаться на периферии своей собственной жизни»* [5, с. 64].

Об этом же пишет И. Кудрова: *«“Быть” значит не просто жить, провожать дни, приобретать, владеть, умствовать, играть в деловые или просто азартные игры; “быть” – это ощущать себя как бы внутри бытия, наполненно и напряженно идя путем собственного в нем “сбывания”, сбывания высших творческих возможностей, данных Богом»* [4, с. 84].

Вообще все творчество А. Вознесенского отличает вера в человека, призыв к лучшему в человеке: *Даже если – как исключение – / Вас растаптывает толпа, / В человеческом назначении – / Девяносто процентов добра. / Девяносто процентов музыки, / Даже если она беда...*

Или:

*Человек на 60 % из химикалий,
на 40 % из лжи и ржи?
Но на 1 % из Микеланджело!
Поэтому я делаю витражи*

Один мудрец заметил: «Бог и дьявол ведут вечную борьбу, и местом этой борьбы они избрали душу человека». И за душу человека, за его божественную природу борются фольклор, религия, философия, искусство. Как писал Иммануил Кант в «Критике практического разума»: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – звездное небо над головой и моральный закон во мне» [3, с. 176]. В своих стихах А. Вознесенский показывает, доказывает и убеждает, что даже если человек состоит только на 1 % из Микеланджело, в нем все-таки чаще побеждают добро, звездное небо и внутренний моральный закон.

Его младший современник Александр Кабаков в предисловии к сборнику стихов А. Вознесенского пишет: «Детские наши иллюзии подпитывались его романтическими самовнушениями, мы верили в его безобидные прописи безусловного добра, потому что еще желали верить во что-нибудь, но уже никак не могли верить в прописи обычных лозунгов. Его любовь была настоящей нашей любовью, без комсомольского отъезда на великие стройки...» [2, с. 9].

Стихи А. Вознесенского зачитывали «до дыр», в них не было запретных тем, они тревожили, заставляли задуматься, внимательнее посмотреть на жизнь и на самого себя. Часто поэт буквально призывал читателя остановиться, оглянуться, не бояться жизненных изменений, а наоборот, идти в них:

*Достигли ли почестей постных,
рука ли гашетку нажала –
в любое мгновенье не поздно,
начните сначала!
«Двенадцать» часы ваши пробили,
но новые есть обороты.
ваш поезд расшибся. Попробуйте
летать самолетом! ...
Так Пушкин порвал бы, услышав,
что не ядовиты анчары,
великое четверостишье
и начал сначала! ...*

В этом же духе написано его стихотворение «Монолог актера»: *Провала прошу, провала... / Мне негодование дорого. / Пусть в рожу бы мне исторг / все сгнившие помидоры / восторженный Овощторг. / Да здравствует неудача! / Мне из ночных глубин / открылось – что вам не маячило. / Я это в себе убил... / Провала прошу, аварии. / Будьте ко мне добры. / И пусть со мною / провалятся / все беды в тартарары.*

Своими стихами поэт боролся за духовность человека, воспевая ратников духа и ненавидя ленивую и часто очень активную серость, безликость, сытое равнодушие, для него это были миры и антимирры. В антимирах *живет сосед Букашкин, в кальсонах цвета промокашки; не женщины – антимужчины, антимирры вдвоем сидят и в телевизоры глядят.* В этих антимирах поэт просит: *Уважьте пальцы пирогом, / в солонку курицу макая, / но умоляю об одном – / не трожьте музыку руками!*

В мире духа – иные измерения и категории, иные ценности, иные имена. *Можно и не быть поэтом, / но нельзя терпеть, пойми, / как кричит полоска света, / прищемленная дверьми.* Именно эту полоску света – человеческую духовность, высоту, доброту, веру – своей трагически мятущейся душой воспевал и возвращал

в читателях А. Вознесенский. Его стихи насыщены фактами, упоминаниями, оттенками, аллюзиями, касающимися русской и мировой культуры и истории, он как будто хочет «подтянуть» читателя к своим высотам, включить его как со-творца в мир красоты, гармонии, духовности. Это мир, в котором живут, страдают, любят, творят Гойя, Сартр, Пушкин, Лермонтов, Маяковский, Сервантес, Данте, Пастернак, Шевченко, Шукшин, Высоцкий, Шагал, Рихтер, Кипренский и т. д. И всему, о чем он пишет, А. Вознесенский дает свою оценку и свое понимание:

*1. Когда осквернен колодец
или Феофан Грек,
это не уголовный,
а смертный грех.*

*2. Я думаю, – толпа иль единица?
Что длительней – столетье или миг, который
Микеланджело постиг?
Столетье сдохло, а мгновенье длится.*

*3. Хоронила Москва Шукшина,
хоронила художника, то есть
хоронила страна мужика
и активную совесть.*

У А. Вознесенского есть по-своему символическое стихотворение «Прорабы духа». Кто такой прораб? Это человек, возглавляющий строительство конкретного объекта, отвечающий за его качество и безопасность. Кто же такие прорабы духа? Строго говоря – «строящие, создающие» духовность нации. Прорабами духа в России были не только писатели, художники, музыканты, это были меценаты, священники, учителя, каждый из которых вносил свою лепту в духовное строительство. Например, на рубеже XIX–XX вв. крупнейшими меценатами были Павел Третьяков, Савва Морозов, Савва Мамонтов, Алексей Бахрушин, Мария Тенишева и др. Они открывали театры, музеи, галереи, возрождали старинные ремесла. Их имена становились культурными центрами, где собирались начинающие и знаменитые художники, писатели, актеры.

*С души все спадает рабское,
пустяковое,
когда я вхожу в прорабскую
Цветаева и Третьякова.
Пчелы национальные!
Медици из купцов –
москворецкие меценаты,
точнее – творцы творцов.*

Выводы

Андрей Вознесенский был и остался в нашей культуре прорабом духа, создающим духовность нации. Его слова о русской интеллигенции в равной степени относятся к нему самому:

*Есть русская интеллигенция.
Вы думали – нет? Есть.
Не масса индифферентная,
а совесть страны и честь.*

Благодаря творчеству Андрея Вознесенского выросло не одно поколение, выросло не только в прямом смысле, оно выросло духовно, не утонув в пошлости, безликости, равнодушии, раскрыв свои способности и творческий потенциал.

Список использованных источников

1. Блок, А. А. Собрание сочинений : в 8 т. / А. А. Блок. – М. : Гослитиздат, 1962. – Т. 8. – 771 с.
2. Вознесенский, А. А. Стихотворения / А. А. Вознесенский. – М. : Эксмо, 2007. – 480с.
3. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант. – М. : Проспект, 2010. – 237 с.
4. Кудрова, И. В. Формула Цветаевой: «Лучше быть, чем иметь» / И. В. Кудрова // Норвические симпозиумы по русской литературе и культуре. – Нортфильд, 1992. – С. 79–94.
5. Муратова, Е. Ю. Художественное выражение филологического мышления в поэтических текстах / Е. Ю. Муратова // Вестн. Чувашского гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева. – 2021. – № 1 (110). – С. 62–70.

УДК 82.091-3

СИМВОЛИКА ВЕСЕННЕГО ПЕЙЗАЖА В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ» (К 195-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ)

С. Ю. Николаева,

профессор, доктор филологических наук,
профессор кафедры филологических основ издательского дела
и литературного творчества Тверского государственного университета,
г. Тверь, Российская Федерация
E-mail: foidid-red@rambler.ru

В статье рассматривается проблема сюжетообразующей, композиционной роли ключевых метафор-символов в творчестве позднего Толстого – автора «Воскресения». Эти развернутые метафоры-символы имеют всеобъемлющий смысл по отношению к художественному целому романа, определяют собой его структуру. Анализ основывается на обращении к глубинному подтексту, а также к той архитектонике, которая отчетливо проявляется при условии соотношения «начала» и «конца» произведения. Делается вывод о том, что обобщающая сила и выразительность толстовского зачина обусловлены не просто талантом автора, но и «большой памятью», опорой на древнерусскую литературную традицию, в частности «слов» Кирилла Туровского. Фактически толстовский зачин становится способом развертывания «свернутой», почти стершейся от обыденного словоупотребления метафоры – «воскресение».

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Кирилл Туровский, «Воскресение», метафора, символ, архитектоника, дидактизм, притча, художественность, внутренняя форма слова.

**SYMBOLISM OF THE SPRING LANDSCAPE
IN L. N. TOLSTOY'S NOVEL «RESURRECTION»
(ON THE 195TH ANNIVERSARY OF THE WRITER'S BIRTH)**

S. Y. Nikolaeva,

Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philological Foundations
of Publishing and Literary Creativity of Tver State University,
Tver, Russian Federation
E-mail: foidid-red@rambler.ru

The article deals with the problem of the plot-forming, compositional role of key metaphors-symbols in the work of the late Tolstoy – the author of The Resurrection. These expanded metaphor-symbols have a comprehensive meaning in relation to the artistic whole of the novel, predetermine its structure. The analysis is based on an appeal to the deep subtext, as well as to the architectonics that clearly manifests itself under the condition of the correlation of the «beginning» and «end» of the work. It is concluded that the generalizing power and expressiveness of Tolstoy's conception is due not just to the talent of the author, but also to the «great memory», based on the Old Russian literary tradition, in particular the «words» of Kirill Turovsky. In fact, Tolstoy's beginning becomes a way of deploying a «collapsed» metaphor, almost erased from everyday word usage – «resurrection».

Keywords: L. N. Tolstoy, Kirill Turovsky, «Resurrection», metaphor, symbol, architectonics, didacticism, parable, artistry, inner form of the word.

Введение

Обращение к позднему Толстому, автору «Исповеди» и создателю «народных» рассказов, «Смерти Ивана Ильича», «Крейцеровой сонаты», «Воскресения», неизбежно приводит литературоведов к рассуждениям о нравоучительности, дидактизме, притчевом начале как о доминантах его художественного мира [4; 7; 10]. Но тем важнее такие наблюдения и разыскания, которые позволяют понять сущность поэтического видения Толстого и тем самым объяснить природу, т. е. поэтику и генезис, толстовской притчи.

Относительно поэтики последнего толстовского романа интересное обобщение сделал в свое время Э. Г. Бабаев: «Толстой уверял, что не любит метафор. И в самом деле, он не любил метафоры как “фигуры” красноречия, как украшение слога. Но все его творчество насквозь метафорично. Он как бы опускает метафоры в глубину повествования, превращает их в сюжетные опорные центры своего романа. <...>. Метафорические идеи Толстого, скрытые или развернутые в сюжетном повествовании, составляют художественную структуру романа “Воскресение”» [2, с. 277]. Одной из существеннейших «метафорических идей» в «Воскресении» ученый считал следующую отвлеченную мысль: «Люди, как реки...», отметив, что она обусловила мощное эпическое начало в романе, его «большое дыхание», и при этом воплотилась в настойчиво повторяющемся образе весенней вскрывающейся из-под льда реки – «безмолвного свидетеля» истории Катюши Масловой и Нехлюдова [2, с. 292–293]. Г. Я. Галаган обратила внимание на такую метафору в «Воскресении», как «закрытые двери», возникающие перед главными героями романа в процессе их нравственного движения к истине,

при этом указав на новозаветную традицию, явно учитывавшуюся Толстым [3, с. 167–168]. Оба исследователя подчеркнули сюжетообразующую, композиционную роль отмеченных ими метафор-символов, которые имеют всеобъемлющий смысл по отношению к художественному целому романа, предопределяют собой его структуру.

Цель и задачи

Представляется необходимым рассмотреть и прокомментировать зачин «Воскресения», который с данной точки зрения не анализировался, но, по нашему мнению, чрезвычайно важен для верного понимания замысла Толстого-художника. Он так же, если не в еще большей мере, телеологичен, как и образы реки или дверей, т. е. предваряет не только целый ряд «рифмующихся» ситуаций и картин, но и, как мы попытаемся показать, финал романа. Как известно, этот зачин представляет собой развернутую метафорическую картину весеннего пробуждения природы:

«Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, как ни счищали всякую пробивающуюся травку, как ни дымили каменным углем и нефтью, как ни обрезывали деревья и ни выгоняли всех животных и птиц, – весна была весною даже и в городе. *Солнце грело*, трава, оживая, росла и зеленела везде, где только не соскребли ее, не только на газонах бульваров, но и между плитами камней, и березы, тополи, черемуха распускали свои клейкие и пахучие листья, липы надували лопавшиеся почки; галки, воробьи и голуби по-весеннему *радостно* готовили уже гнезда, и мухи жужжали у стен, *пригретые солнцем*. *Веселы* были и растения, и птицы, и насекомые, и дети. Но люди – большие, взрослые люди – не переставали обманывать и мучать себя и друг друга. Люди считали, что священо и важно не это весеннее утро, не эта *красота мира Божия*, данная для *блага* всех существ, – *красота*, располагающая к *миру, согласию и любви*, а священо и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом» [11, с. 7–8]. (Здесь и далее курсив мой. – С. Н.).

Методы и материал исследования

На первый взгляд, этот весенний пейзаж не требует отдельного комментария: любой, самый неискушенный читатель понимает, что мир Божий противопоставляется здесь миру человеческому, воскресение природы контрастирует с «омертвлением» человеческих душ, красота и радость становятся точкой отсчета в процессе того беспощадного социального анализа и изобличения социального зла, которому будет посвящено все дальнейшее повествование романа. Однако такое восприятие зачина «Воскресения» является поверхностным, неполным и не учитывает глубинного подтекста, литературной традиции, использованной Толстым, а также тех «сводов», той архитектоники, которая отчетливо проявляется при условии соотнесения «начала» и «конца» произведения.

Результаты и их обсуждение

Пейзаж, нарисованный Толстым, необычен. Он необычен прежде всего отсутствием или, по крайней мере, приглушенностью пластического, живописного начала, красок и полутонов, привычных и закономерных в литературном пейзаже (как романтическом, так и реалистическом). Смысловое ударение в этой картине природы падает на слова, обозначающие нравственно-этические понятия, –

«красота», «радость», «веселье», «мир», «согласие», «любовь», «благо», «солнце» как источник тепла, света и самой жизни. Этот пейзаж менее всего изображает, менее всего живописует – он выражает, воссоздает настроение повествователя, передает его учительный пафос, заражает читателя чувством восхищения пробуждающимся миром и заставляет его ужаснуться тем безобразиям и настроениям, которые существуют в мире вопреки воле Творца.

Проведение параллелей между неотъемлемыми атрибутами «мира Божьего» (описание земли, небес, рек и озер, трав и деревьев, птиц, рыб и прочих тварей и т. д.), которые утвердились в русской книжности благодаря «Шестодневу», и нравственными ценностями – это литературный прием, обусловленный религиозным символизмом средневекового художественного мышления и ставший основой творческих открытий и достижений известного проповедника XII в. Кирилла Туровского. Сочинения его были весьма популярны на Руси (его называли «Златоустом, паче всех воссиявшим» [5, с. 132–143], а во времена Толстого хрестоматийно известны. Этому писателю принадлежит истинный шедевр – описание весны в «Слове Кирилла недостойнаго мниха по Пасце, похваление въскресения, и о арьтусе, и о Фомине испытаныи ребр господних» (или «Слове на антипасху», «Слове въ новую неделю по пасце», «Слове на Фомину неделю»).

Приведем фрагмент данного описания, наиболее близкий к толстовскому зачину «Воскресения»: «Днесь *весна красуется*, оживляючи земное еСТЬСТВО: бурнии ветри, тихо повевающе, плоды гобзуютъ и земля, семена питаючи, зеленую траву ражаетъ. *Весна убо красная есть вера Христова*, яже крещениемъ поражаетъ человеческое паки еСТЬСТВО, бурнии же ветри – грехотворнии помысли, иже покаяниемъ претворьшеся на *добродетель, душеполезныя плоды* гобзуютъ: земля же еСТЬСТВА нашего, акы семя слово Божие приимши и страхомъ его болящи, присно *духъ спасения* ражаетъ. Ныня новоражаема агньци и уньци, быстро путь перуще, скачють и, скоро къ матеремъ възвращающися, *веселяться*, да и пастыри свиряюще *веселиемъ* Христа хвалять. Агньца глаголю – кроткия отъ языкъ люди, а уньца – кумиротворителя неверныхъ странъ, иже Христовымъ въчеловечениемъ и апостольскимъ учениемъ и чудесы, скоро по законъ емьшеся, къ святей церкви възвратившеся, млеко си учения съсуть, да и учителя Христова стада о всехъ молящеся, Христа Бога *славятъ*, вся волкы и агньца въ едино стадо събравшаго. Ныня древа леторасли испущаютъ, и цветы благоухания процвитають, и се уже огради сладьку подавають воню; и делатели съ *надежею* тружающеся плододавца Христа призываютъ. Бехомъ бо преже акы древа дубравная, не имуще плода, ныняже присадися Христова *вера* въ нашемъ неверьи, и уже держащеся корене Иосеева, яко *цветы добродетели* пуцающе, *райскаго* паки жития о Христе ожидаютъ, да и святители о церкви труждающеся отъ Христа мзды ожидаютъ. Ныня ратаи слова, словесныя уньца къ духовному ярму приводяще, и крестное рало въ мыслныхъ браздахъ погружающе, и бразду покаяния прочертающе, семя духовное всыпающе, *надежами будущихъ благъ веселяться*. Днесь ветхая конецъ прияша, и се быша вся нова, *въскресения* ради. Ныня реки апостольскыя наводняются, и язычныя рыбы плодь пуцають, и рыбаи, глубину Божья въчеловечения испытавше, полну церковную мрежу ловитвы обретають: реками бо, рече пророкъ, расядеться земля, узрять и разболеться нечестивии людье. Ныне мнишьскаго образа трудолюбивая пчела, свою мудрость показуючи, вся удивляеть;

якоже бо они, въ пустыняхъ самокормиемъ живуще, ангелы и человеки удивляють, и си, на цветы възлетаючи, медвены сты стваряють, да человекомъ *сладость* и церкви потребная подасть. Ныня вся *доброгласная* птица церковныхъ ликовъ гнездящися *веселяться*: и пьща бо, рече пророкъ, обрете гнездо себе, олтаря твоя, и свою каяждо поющи песнь, *славить Бога* гласы немолчными» [6, с. 416].

Ключевыми словами в приведенном фрагменте являются «красота», «добро», «благо», «сладость», «вера», «надежда», «спасение», «веселье», «радость», «слава». Легко заметить, что этот ряд фактически совпадает с вышеприведенным перечнем понятий, образующим структуру толстовского описания весны: «красота», «радость», «веселье», «мир», «согласие», «любовь», «благо», «солнце».

Психологическая и прежде всего этическая окрашенность картины весенней природы, нарисованной Толстым в зачине романа, подтверждается и поддерживается другим описанием весны, точнее, праздника Пасхи, которое дается в XV главе первой части и становится прелюдией к истории «падения» Нехлюдова и Катюши Масловой. Писатель исключает из этого фрагмента почти все природные реалии и подчеркивает саму атмосферу радости и любви: «Все было *празднично, торжественно, весело и прекрасно*: и священники в *светлых серебряных с золотыми* крестами ризах, и дьякон, и дьячки в *праздничных серебряных и золотых* стихарях, и нарядные добровольцы-певчие с маслеными волосами, и *веселые* плясовые напевы *праздничных* песен, и непрерывное *благословение* народа священниками тройными, убранными цветами свечами, с все повторяемыми возгласами: “Христос воскресе! Христос воскресе!” Все было *прекрасно*, но лучше всего была Катюша в белом платье и голубом поясе, с красным бантиком на черной голове и с *сияющими восторгом* глазами» [11, с. 60].

Весенний пейзаж, открывающий роман, внешне, на уровне сюжета, не связан с праздником Пасхи, но окрашен пасхальным настроением благодаря тщательной стилистической работе автора и явной соотнесенности с заглавием романа – «Воскресение». Фактически толстовский зачин становится способом развертывания, поэтической реализацией, объяснением «свернутой», почти стершейся от обыденного словоупотребления метафоры – «воскресение». Толстой раскрывает поэтическую «внутреннюю форму» этого привычного слова.

Зато далее по ходу повествования о судьбах героев, обращаясь непосредственно к описанию главного весеннего праздника – Пасхи, т. е. Воскресения Христова, Толстой переводит свой рассказ в иной план – чисто этический, настойчиво акцентируя тему воскресения повторением возгласов в толпе: «Христос воскресе! Христос воскресе!»

То, что оба приведенных выше фрагмента толстовского романа связаны друг с другом в авторском сознании, несомненно. Созданию «рифмы» ситуаций способствует лейтмотив – упоминание о детях, которые в первом отрывке воспринимаются как часть мира природного, мира Божьего («Веселы были и растения, и птицы, и насекомые, и дети»), а во втором – как часть народного, крестьянского мира:

«Церковь была полна праздничным народом.

С правой стороны – мужики: старики в домодельных кафтанах и лаптях и чистых белых онучах и молодые в новых суконных кафтанах, подпоясанных яркими кушаками, в сапогах. Слева – бабы в красных шелковых платках, плисовых поддевках, с ярко-красными рукавами и синими, зелеными, красными,

пестрыми юбками, в ботинках с подковками. Скромные старушки в белых платках, и серых кафтанах, и старинных поневах, и башмаках или новых лаптях стояли позади их; между теми и другими стояли с маслеными головами дети. <...> Дети, подражая большим, старательно молились, когда на них смотрели. Золотой иконостас горел свечами, со всех сторон окружавшими обвитые золотом большие свечи» [11, с. 59].

Упоминание о детях помогает выразить идею целостности, органичности, естественности и целесообразности существования природного мира (в первом случае) и мира народа (во втором). Эта целостность и изначальная красота нарушаются (в первом отрывке) людьми, которые «считали, что священо и важно не это весеннее утро, не эта красота мира Божия, данная для блага всех существ, – красота, располагающая к миру, согласию и любви, а священо и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом».

Во втором анализируемом фрагменте дисгармония связана с тем «внутренним животным человеком, ищущим блага только себе и для этого блага готовым пожертвовать благом всего мира» [11, с. 58], который просыпается в Нехлюдове и разрушает Катюшину «чистоту девственной любви... ко всем и ко всему.., что только есть в мире» [11, с. 60]. Многоцветию народной толпы и сиянию, наполняющему церковь во время пасхального богослужения, Толстой противопоставляет «черную темноту» [11, с. 59], в которой пребывает Нехлюдов перед службой в «светло Христово воскресенье», и «что-то черное и страшное» [11, с. 68], охватившее его после ночной встречи с Катюшей.

Противопоставление света веры тьме неверия, весны и весеннего возрождения и обновления всего мира, божеского и человеческого, безверию или ложной вере, «зиме» человеческих грехов и пороков впервые в русской литературе возникло в рамках торжественного красноречия и наиболее яркое воплощение получило в «Слове на антипасху» Кирилла Туровского:

«Днесь ветхая конецъ приаща, и се быша вся нова, видима же и невидима. Ныня небеса просветишася, темныхъ облакъ яко вретнища съвлекъше, и светлымъ въздухомъ славу Господню исповедають. <...> Ныня солнце красуюся къ высоте възсходить и радуяся землю огреваетъ, въвиде бо намъ отъ гроба праведное солнце Христось и вся верующая ему съпасаеть. Ныня луна, съ вышняго съступивши степени, болшему светилу честь подаваетъ: уже бо ветхый законъ, по писанию, съ суботами преста и пророки, Христову закону съ неделю честь подаеть. Ныня зима греховная покаянием престаала есть и ледъ неверия богоразумиємъ растаяся; зима убо язычьскаго кумиролужения апостольскимъ учениемъ и Христовою верою престаала есть, ледъ же Фомина неверия показаниємъ Христовъ ребрь растаяся. <...> Днесь новымъ людемъ възскресения Христова поновления праздьник, и вся новая Богда приноситься: отъ языкъ вера, отъ хрестьянь треба, отъ иереи жертвы, отъ миродержитель боголюбныя милостыня, отъ вельможъ церковное попечение, отъ праведникъ смереномудрие, отъ грешникъ истинное покаяние, отъ нечестивыхъ обращение къ Богу, отъ ненавидящихъся духовная любви» [6, с. 416–417].

Задачей средневекового христианского проповедника, включавшего в текст своей проповеди картины весенней и зимней природы и испытывшего на себе влияние традиций Григория Богослова и Иоанна Дамаскина, было, по свидетельству В. П. Адриановой-Перетц, «подчеркнуть ... могущество творца..»

изобразить в виде расцветающей весенней природы всеобщую радость христиан, вспоминающих рождество или воскресение Христово, представить “безбожие” и ереси, подрывающие истинное вероучение, в виде холодной зимы», доказать средствами ораторского искусства, что «зима греховная» неизбежно уступает свое место «красной вере Христовой» – весне [1, с. 41–42]. Мятный и «богоглаголивый» протопоп Аввакум, борясь с «окаянным» никонианством, восклицал совсем по-толстовски: «Зима еретическая на дворе. Говорить ли мне или молчать?» [1, с. 44].

Иначе говоря, пейзаж в древнерусской литературе не был пейзажем в современном значении этого слова, а представлял собой развернутую метафорическую картину, создатель которой преследовал нравоучительную, дидактическую цель при создании жанра проповеди или обличал врагов Отечества в жанре исторического повествования [9]. Именно такой – условный, символический – пейзаж и оказался близок Толстому, который, приступая к работе над «Воскресением», стремился понять и схватить сущность текущего исторического момента.

Характерно, что в одном из писем 1897 г. писатель определил эту сущность почти цитатой из зачина «Воскресения»: «Уж как крепок лед и как скрыта земля снегом, а придет весна, и все рухнет. Так и тот, застывший, как будто и не движущийся строй жизни, который сковал нас. Но это только кажется. Я вижу уже, как он стал внутренне слаб» [12, с. 60–61]. Именно описание весны как «изумительную» находку отметили в толстовском романе и его первые читатели [8, с. 356].

Выводы

Обобщающая сила и выразительность толстовского зачина обусловлены не просто талантом автора, не только его поэтическим воодушевлением, но и «большой памятью», опорой на древнерусскую литературную традицию. Учитывая это, можно в какой-то мере прояснить вопрос и о том, «кто и как воскресает в романе “Воскресение”» – предмет давнего и неутраченного литературоведческого спора [См.: 10, с. 110–120].

Кирилл Туровский, восхищаясь и удивляясь тому преображению, которое происходит в воскресающем и обновляющемся мире, большую часть своего «Слова на антипасху» посвятил рассказу о Фоме неверующем и толкованию притчи о нем, воспроизвел обширный диалог между Фомой и Христом, явившимся Фоме и преодолевшим «запертые двери» [6, с. 417–419]. Пример Фомы, который уверовал в воскресение Христа, только воочию увидев следы ран на его теле, оставшиеся после казни, – это, в глазах средневекового писателя, лишь частный случай, подтверждающий истинность первоначального утверждения о неизбежности воскресения, о торжестве веры над неверием и вместе с тем случай, демонстрирующий необходимость для каждого человека личного опыта в трудном деле обретения веры. Индивидуальный духовный опыт Нехлюдова и Катюши Масловой в толстовском романе не абсолютизируется автором, а воспринимается как одно из проявлений назревающего кризиса, а значит, и воскресения, ожидающего Россию.

Список использованных источников

1. Адрианова-Перетц, В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси / В. П. Адрианова-Перетц. – М. ; Л. : Наука, 1947. – 188 с.

2. Бабаев, Э. Г. Заметки о поэтической структуре «Воскресения» / Э. Г. Бабаев // В мире Толстого. – М. : Советский писатель, 1978. – 852 с.
3. Галаган, Г. Я. Л. Н. Толстой. Художественно-этические искания / Г. Я. Галаган. – Л. : Наука, 1981.
4. Городецкая, А. Г. Л. Н. Толстой. Ответы предания / А. Г. Городецкая. – СПб., 2000. – 262 с.
5. Еремин, И. П. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики / И. П. Еремин. – Л., 1966. – 266 с.
6. Еремин, И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского / И. П. Еремин // Труды Отдела русской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома). – М. ; Л. : Наука, 1957. – Т. 13. – С. 415–425.
7. Николаева, Е. В. Художественный мир Льва Толстого (1880–1900-е годы) / Е. В. Николаева. – М. : Флинта, 2000. – 271 с.
8. Опульская, Л. Д. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1892 по 1899 год / Л. Д. Опульская. – М. : Наука, 1998. – 408 с.
9. Прокофьев, Н. И. К литературной эволюции весеннего пейзажа (Кирилл Туровский, И. М. Катырев-Ростовский и В. К. Третьяковский) / Н. И. Прокофьев // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII – начало XVIII в.). – М. : Наука, 1976. – С. 231–242.
10. Тарасов, А. Б. Что есть истина? Праведники Льва Толстого / А. Б. Тарасов. – М. : Языки славянской культуры, 2001.
11. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Худож. лит., 1983. – Т. 13. – 494 с.
12. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М. : ГИХЛ, 1954. – Т. 70. – 567 с.

УДК 82.091-3

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «МАЛЕНЬКОЙ» ПОЭМЫ В. Д. ФЕДОРОВА (к 105-летию со дня рождения поэта)

В. А. Редькин,

профессор, доктор филологических наук,
профессор кафедры филологических основ издательского дела
и литературного творчества Тверского государственного университета,
г. Тверь, Российская Федерация
E-mail: foidid-red@rambler.ru

В статье рассматривается проблема идейно-художественного своеобразия произведений В. Д. Федорова, написанных в жанре «маленькой» поэмы. Анализ основывается на авторской концепции жанра как системы жанрообразующих признаков. Делается вывод о том, что В. Д. Федоров внес значительный вклад в развитие малых форм поэмы, как эпической, так и лирической её модификации. Для его «маленьких» поэм характерны лаконизм изложения, одноконфликтность, связанная со столкновением двух хронотопов (эпических и лирических), ограниченный круг героев и проблем. В поэмах Федорова время жизни личности

неотрывно от времени жизни народа, художественное пространство неотделимо от национального пространства, категория хронотопа глубоко содержательна.

Ключевые слова: *В. Д. Федоров, современная поэзия, поэма как жанр, жанр как система, лиро-эпос, «маленькая» поэма, национальная картина мира, хронотоп.*

GENRE ORIGINALITY OF THE «LITTLE» POEM BY V. D. FEDOROV (to the 105th anniversary of the poet's birth)

V. A. Redkin,

Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philological Foundations
of Publishing and Literary Creativity of Tver State University,

Tver, Russian Federation

E-mail: foidid-red@rambler.ru

The article deals with the problem of ideological and artistic originality of V. D. Fedorov's works written in the genre of a «small» poem. The analysis is based on the author's concept of genre as a system of genre-forming features. It is concluded that V. D. Fedorov made a significant contribution to the development of small forms of the poem, both epic and lyrical modifications. His «small» poems are characterized by laconism of presentation, one-conflict associated with the collision of two chronotopes (epic and lyrical), a limited range of heroes and problems. In Fedorov's poems, the life time of an individual is inseparable from the life time of the people, the artistic space is inseparable from the national space, the chronotope category is deeply meaningful.

Keywords: *V. D. Fedorov, modern poetry, poem as a genre, genre as a system, lyric epic, «small» poem, national picture of the world, chronotope.*

Введение

Как известно, большие, средние и малые формы лиро-эпоса имеют разную художественную структуру. Так, сюжетные поэмы В. Федорова «Седьмое небо» и «Женитьба Дон-Жуана», насчитывающие более 5–6 тысяч строк, многогеройны, многопроблемны, имеют сложную систему образов. Биографическое время в них вписывается в историческое, а то, в свою очередь, осложнено временем мифа, легенды. Среди современных поэм чаще всего встречаются вещи средней величины. У В. Федорова это произведения от трехсот до тысячи строк. Как правило, здесь решается одна ведущая проблема, подчиняющая себе все остальные вопросы, время и пространство в меру развернуты, круг действующих лиц ограничен. Конечно, это не исключает сложности и философской глубины таких произведений, как «Проданная Венера», «Аввакум» или «Бетховен».

Особый интерес представляет вопрос о своеобразии структуры «маленькой» поэмы, широко представленной в русской поэзии образцами от С. Есенина, М. Волошина, Э. Багрицкого до М. Исаковского, Н. Рыленкова, Н. Асеева, А. Суркова, М. Алигер и от В. Цыбина, В. Фирсова, В. Кострова до Ю. Кузнецова, Н. Рубцова, И. Бродского. Хотя вопрос о «маленькой» поэме остается дискуссионным в силу того, что эпическую её форму трудно отграничить от баллады, а лирическую – от развернутого лирического стихотворения, ряд исследователей считает «маленькую» поэму определенной жанровой

разновидностью стихотворного лиро-эпоса [1; 10]. А главное, сами поэты отстаивают право обращаться к ней, указывая жанр в подзаголовке и, видимо, интуитивно, а может быть, некоторыми и сознательно, понимая её своеобразие и потенциальные возможности.

Цели и задачи

Целью данной работы является анализ того значительного вклада в развитие малых форм поэмы, как эпической, так и лирической её модификации, который внес В. Федоров. Его «маленькие» поэмы обычно насчитывают от 80 до 150 строк. Эпическая повествовательность присуща таким его маленьким поэмам, как «Карой Лигети», «Птичий сад», «Гамлет в совхозе», «Свадьба», «Пролог», «Хозяйка», «Человек». Художественное пространство «маленькой» поэмы слишком ограничено, чтобы вместить в себя цепь событий, схему-пунктир реального времени, неоднократную смену места действия. Конечно, можно пойти по пути простого сокращения количества эпизодов, добиться краткости их описания, взять за основу одно-два места действия. В. Федоров идет другим путем, добиваясь драматизма, остроконфликтности и лаконизма решения идейно художественной проблематики в маленькой эпической поэме. Основа хронотопа его маленьких поэм – это точка пересечения двух времен или двух пространственных плоскостей, их взаимодействие или столкновение. Рассмотрение перечисленных аспектов поэтики В. Федорова определило круг задач данного исследования.

Методы и материал исследования

Материалом исследования послужили все «маленькие» поэмы В. Федорова. Анализ основывается на авторской концепции жанра как системы жанрообразующих признаков.

Результаты и их обсуждение

В поэме «Гамлет в совхозе», с одной стороны, изображается реальное время и место действия, где «еще не старая, но седая сельчанка» смотрит кино в совхозном клубе, с другой – это время и пространство, отраженное в искусстве, связанное с событиями, происходящими на экране. Но хотя в первой и последней строфах говорится, что Гамлет страдает «на киноэкране», эти страдания выглядят как вполне реальные (мотивировка - наивный реализм восприятия крестьянки). Шесть строф посвящены времени Гамлета. Они объединяются анафорой «Страдает Гамлет...», с которой начинается каждая строфа. Все это происходит как будто в настоящее время, «теперь»:

Страдает Гамлет...
Золото венца,
Отечески светившее
Для принца,
ТЕПЕРЬ,
Когда живет
Лишь тень отца,
Блестит все так же
На его убийце [9, с. 113].

При этом три строфы из шести соединяют два хронотопа. Здесь определяется точка наблюдения повествователя. Он воспринимает и свет, идущий «из глубин веков», и в нем скорбящее лицо седой сельчанки. Четыре следующих строфы

объединяются анафорой «Что Гамлет ей...». Здесь речь идет о времени жизни героини, хотя в двух строфах еще сохраняется время Гамлета. Как миллионы других советских женщин, она «дышала адом, прошла войну, со смертной бедой», пережила трагедию родной земли в послевоенное время.

Предпоследняя строфа противопоставлена предыдущим и звучит как итог: «Но с высоты страданья своего, с вершины веры, что неугасима...». С помощью пространственных образов («высота», «вершина») поэт показывает величие героини, величие её времени и величие её страдания. Здесь окончательно сливаются проблемы двух исторических времен и судьбы героев на единой общечеловеческой основе. Простая русская сельчанка смотрит на Гамлета, как мать на сына. Два разных, далеко отстоящих друг от друга времени едины в поэме. Этим обусловлена и её кольцевая композиция. Единство при кажущейся несовместимости символически подчеркивается в названии «Гамлет в совхозе».

Подобная же структура хронотопа характерна для поэм «Птичий сад» и «Пролог». Её основа – пересечение двух времен: настоящего и легендарного прошлого. Географическое пространство в поэмах одно, но в одной поэме меняется его облик, в другой – отношение к нему окружающих. В поэме «Птичий сад» сталкиваются дореволюционное прошлое и революционное настоящее. В основе поэмы «Пролог» лежит не столкновение, а взаимодействие двух времен. При этом одно входит в другое.

Явно на пересечении времен основаны конфликт, развитие действия и вся художественная система поэмы «Хозяйка». С одной стороны, в прошлом «мальчишкой в году тридцатом я агитатором ходил», а с другой - в настоящем «я шел и мучился виной, что нет в моей деревне счастья, в тот год обещанного мной». Встреченная Авдотья рисуется «теперь» и «когда-то». В заключительных строках происходит единение времен. Лирический герой ощущает себя «не в роли юного пророка, а в долге зрелого бойца».

Масштабы сопоставляемых времен, их протяженность, их дистанция различны в поэмах Федорова. Это могут быть эпохи, отделенные веками, или близкие по времени события, но ставшие далекими в результате социальных исторических изменений. Два сталкивающихся времени неизмеримо велики в поэме «Человек», так же как и значительны её действующие лица: природа и человек. Пока природа растила человека, «она счет потеряла периодам, эрам, векам». Время природы – творческий вдохновенный процесс созидания: «И снова дымила, чадила, крепила, чтоб сила была... И снова дышала могучно, чтоб свет его жизни не мерк...». А время человека? «Чем занялся он, человек?» – «Он стал сучковатым деревьем губить черновые наброски себя – то, что стало зверьем», дети природы «царят с превышением власти». Поэма направлена в защиту природы, но в конечном счете и в защиту человека, который должен, по мысли поэта, продолжать созидательную деятельность матери-природы. В этой поэме историческое (и доисторическое) время передается в глобальных пространственных образах. Природа «предгорья вздвигала на горы, бросала моря на моря», «земля, потерявшая стыд, так мучилась в корчах рожденья, что даже срывалась с орбит». Изображение времени с помощью пространственных образов вообще характерно для хронотопа поэм В. Федорова, в том числе и эпических, видимо, с этим связана некоторая субъективизация восприятия времени и пространства, лирическая струя в эпических поэмах.

Показательна символика пространственных образов в поэме «Пролог». О противостоянии юным героиням гор с их «холодным блеском ледников» говорится в поэме дважды, с разным эмоциональным смыслом. Радистка из легенды погибла ради любви: «И навсегда все вниз, и вниз, ушла за голосом любимым...» (движение вниз), а радистки-попутчицы стоят «лицом к горам», которые им предстоит покорить (движение вверх).

Время рисуется с помощью символических пространственных образов и в поэме «Птичий сад». Прошлое символизирует закрытое пространство: темницы, клетки; новое время – открытое пространство: раскрыты темницы, разбиты клетки, птицам вернули небо. С переходом пространственных образов во временные связана иногда структура поэмы в целом. В поэме «Карой Лигети» хронотоп основан, так же как и в других маленьких эпических поэмах Федорова, на пересечении, но на этот раз на пересечении двух пространств: Венгрии и России. В поэмах Федорова взаимодействие хронотопов решается не только на уровне символики образов, но и на уровне лексики, ритма и интонации. В «Птичьем саде», с одной стороны, караван, охраняемый стражей, угодливо кроткая речь маленького старца с седой бородкой, благородный хан, с другой – вольные крылья, свобода, труд, сад, песни и т. д.

В поэме, где лиризм является структурообразующим, не смена (столкновение) событий, а смена переживаний играет главную роль в конструкции хронотопа. Пространство воспринимается обычно лирически обобщенно, а время лирически субъективно, события играют роль реалистической (в реалистической поэме) мотивировки переживаний, пространственные образы выполняют эмоциональную роль, а время приобретает условный характер. В поэме «Совесь» время переживаний и раздумий – время перерыва в пути. Это показывает кольцевая композиция. «Упадет голова – не на плаху, на стол упадет...» – так начинается поэма. «Упадет голова – не на плаху, на тихую грусть...» – так она заканчивается. Все, что происходит между этими точками, – происходит в сознании: «В темноте головы моей тихая всходит луна...». Пространственный образ голубой дороги символизирует жизненный путь человека. Из прошлого, «из могилы восставши» и в то же время из пространственной дали, «через тысячи верст, через реки, откосы и рвы» движется к поэту его мать, олицетворяющая совесть. С помощью субъективированных пространственных метафор выражается внутренний мир героя.

Здесь, как и в эпической поэме, прошлое сталкивается с настоящим, но это столкновение условное, оно происходит в сознании героя, который задает себе мучительные вопросы: «Ну, а если я мир не избавил от слез, не избавил родных, то зачем же я, мама?», горько сетует на то, что еще никого на земле «не сделал счастливей», прямо признается: «Значит, делаю что-то не так, значит, что-то со мною неладно». За исключением первой и последней строф время в поэме является психологическим, но в целом мы можем говорить о лирически трансформированном времени, о лирическом хронотопе.

Поэма «Я – словно дом» построена на развернутой метафоре: внутренний мир лирического героя – внутреннее «содержание» дома. В доме живут то мальчик, то юноша, то человек страстей, то мастер цеховой, то поэт. Черты реального пространства используются для передачи обуревающих лирического героя чувств. Мальчик «все в дом тащил и украшал его», юноша «табачным дымом не коптил»,

а когда явился человек страстей, «дом задрожал и загудел от встрясок, от переделок, выпивок и плясок». Дом можно «на бревна раскатить, чтобы дорогу к милой намостить», можно «полдома сжечь, чтоб осветить строку», он может стареть, могут кривиться стены, падать стропила и т. д. Для создания лирического хронотопа поэмы используются и другие пространственные образы: юноша «взлетел почти до звезд», у мастера «крик души смиряли заводские чертежи», душа поэта «где-то кочевала». Появляется образ мира, который можно «прозревать во многих измерениях». С помощью этих образов разворачивается внутренняя жизнь лирического героя во времени. Конфликт поэмы, естественно, лирический, внутренний. Образно он выражается в различном поведении жильцов дома, противоречиях последнего жильца – поэта. Вообще, для маленькой лирической поэмы характерен внутренний конфликт, а для эпической – внешний: бытовой, социальный или даже космологический. Но, конечно, в этом внешнем конфликте могут быть решены духовно-нравственные проблемы, что обычно происходит в эпических поэмах Федорова. В свою очередь, духовный конфликт лирической поэмы имеет выходы к социальной, исторической проблематике.

Наиболее сложна структура хронотопа маленькой лиро-эпической поэмы. В поэме В. Федорова «Муза» изображен момент поэтического прозрения девятилетнего ребенка – будущего поэта. При этом лирический герой из настоящего смотрит в прошлое и как бы видит себя и свою музу. Вся поэма окольцована образом реального пространства, где происходит действие: «В деревне пустовали гумна...», «Все это было за Удою, у старой дедовской избушки». Реальное время передается схематически с помощью смены действия: «Лицом смугла и темно-руса, по зреющим полям бездумно бродила марьевская Муза», «брела и землянику мяла она подошвами босыми», «останавливалась часто», «искала своего поэта», «рожь, стоявшую стеною, раздвинула», наклонилась, ворожила и т. д. Образ Музы нарисован реалистическими красками. Второе действующее лицо – это объективированное «я», отделенное от «я» лирического героя, живущего в настоящем времени: «Я её заметил», «прочел я тайну...» и т. д. Разворачивается миг сознания в психологическом времени: «Миг – что зерно. Вся жизнь в том миге». Будущий поэт читает в глазах Музы свою судьбу, свою предстоящую жизнь. В заключительных двух строфах лирический герой уже из настоящего оценивает это событие.

Таким образом, в основе и этой поэмы лежит столкновение двух времен: настоящего и прошлого. Одна линия времени – из прошлого в будущее, другая – из настоящего в прошлое. Большую роль в поэме играет объективированное время, но не трудно увидеть здесь и лирически-субъективную трансформацию времени. Поэма в целом – это размышление о сложности судьбы поэта, о его жизненном пути, о цели поэтического творчества. Время размышлений о радостях поэта, страдании, вере, любви и время переживаний занимает в поэме значительное, если не основное, место. Так лиро-эпическая поэма, не теряя родства структуры с эпической поэмой, приобретает черты, близкие поэме лирической. Её хронотоп существует как бы в двух ипостасях.

Хотя хронотопы эпической, лирической и лиро-эпической поэмы различны, все маленькие поэмы В. Федорова имеют в своей структуре общее, связанное с их жанровыми и стилевыми особенностями. Лаконизм изложения, одноконфликтность, связанная со столкновением двух хронотопов (эпических и лирических), узкий

круг героев (обычно два) и проблем – все это черты маленькой поэмы. При этом, если в поэмах средней и большой формы происходит движение сюжета, смена изображаемых картин, что связано с развитием времени среды («Проданная Венера», «Седьмое небо») или развитием времени человеческой жизни («Белая роща», «Золотая жила», «Бетховен», «Аввакум»), то в маленьких поэмах время статично или же амплитуда его развития очень мала. Если даже идет речь о создании природой человека, этот огромный период берется как одна эпоха, а вся история человечества – как другая.

В поэмах средней и большой формы тоже пересекаются и сопоставляются времена, но если даже их два, все равно они состоят из нескольких отрезков, то есть дискретны. Пунктирное движение времени в прошлом или настоящем характерно для поэм «Обида», «Золотая жила», «Белая роща» и др. Сложная и многократная смена времен лежит в основе «Проданной Венеры» и особенно поэмы романного типа «Седьмое небо». «Хронотоп как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе; этот образ всегда существенно хронотопичен» [2, с. 235]. С этой точки зрения следует отметить диалектическое единство позиции лирического героя в современном мире и авторских оценок, близость черт характера лирического героя и главных ролевых: отца («Отец»), Бетховена («Бетховен»), Аввакума («Аввакум»), Василия Горина («Седьмое небо»), деда Харитона («Золотая жила») и т. д. При этом характеры своих героев поэт обобщает, типизирует, иногда подчеркивая это прямо. «Сто разных вздохов, как её дыханье, и, как одно лицо её, сто разных лиц...» – говорит он, например, о героине поэмы «Гамлет в совхозе». Цельность и единство «хронотопического» человека Федорова в его исторической конкретности, современности, в его национальной укорененности [6, с. 45]. Художественный мир В. Федорова – это национальный мир. Для поэта характерна «одержимость русской идеей» [7, с. 49]. В рамках жанра «маленькой» поэмы он решает сложную художественную задачу, к решению которой тяготеет каждый настоящий русский поэт, – «дать концепцию своей эпохи, социально-историческую концепцию, не ограничиваясь мимолетным и конъюнктурным» [6, с. 45].

Диалектически един и изображенный автором мир. В его основе лежит реалистическое мировосприятие поэта. Реалистическая конкретность характерна для изображения как времени, так и пространства. Не случайно в поэмах Федорова, как и у Н. Рыленкова, указывается географически точное место, прикрепляющее, как правило, события и героя к родной стороне: родной деревне Марьевке («Муза», «Хозяйка», «Золотая жила»), родному краю («Пурга», «Белая роща»), Сибири («Дуся Ковальчук», «Пролог», «Обида», «Первые слезы»), Родине - России («Седьмое небо», «Проданная Венера» и т. д.) и Родине – всей Земле («Человек», «Бетховен»). Это не признак родства поэмы В. Федорова с идиллией (не идиллическая жизнь изображается в поэмах), а признак кровной связи автора с национальным пространством, принадлежности его к определенной общности: национальной, а через неё – общечеловеческой.

Характерно, что родной край изображается с помощью описания природы-тайги, названий пород деревьев, сурового климата (пурга, метель, трескучий мороз), мотива отдаленности, описания бытовых подробностей. В. Федоров, как и другие поэты и писатели «почвенного направления», посвятил свое творчество «изучению русской почвы, того русского начала, которое заложено в природе и

отражается в национальном характере» [5, с. 36]. В таком произведении, как «Свадьба», национальное пространство воссоздается самим свадебным обрядом, с плясовыми ритмами, народной речью, вышитой рубахой жениха и дедом на печи. В поэме «Птичий сад» его символизирует «иволга с Волги», а в поэме «Гамлет в совхозе» прямо говорится о трагедии родной земли. Пространство родины проникает и в лирический хронотоп: мотив сибирской дали и таежных вековых лесов органично входит в поэму «Совесь», а в поэме «Я – словно дом» его символом становится дом – деревянный с бревенчатыми венцами и русской печью. Пространственные образы используются для реалистической мотивировки происходящих в поэме событий, столкновений, размышлений и эмоций. Этой цели служит изображение кинозала в поэме «Гамлет в совхозе», отдаленность Сибири от Москвы в поэме «Совесь» и т. д. Мотивировка (причинность) вообще характерна для конкретно-реалистического стиля. Присуща она и стилю В. Федорова. Так, необычные, фантастические события происходят, как правило, во сне, когда герой забывается («Совесь», «Птичий сад», «Седьмое небо»).

Поэт всегда обосновывает причину обращения к прошлому. В поэме «Пурга» лирический герой вспоминает детство, чтобы его поняла любимая, в поэме «Хозяйка» воспоминания вызываются возвращением героя на родину и т. д. Сопоставление времен и характеров в поэме «Отец» обоснованы даже биологически: «Но какая-то хромосома страсть отцу передала». Многие образы имеют биографическое обоснование. Например, тот факт, что Федоров был летчиком в аэроклубе, так или иначе преломляется в поэмах «Я – словно дом», «Седьмое небо», «Лирическая трилогия» и в других произведениях; факты деревенского детства отражены в поэмах «Марьевская летопись», «Муза», «Пурга»; работа на заводе – в поэмах «Седьмое небо», «Проданная Венера», «Я – словно дом» и т. д. Для поэмы В. Федорова характерно такое сочетание жизни героя и среды, которое всегда является временем историческим. Точка отсчета в поэме «Гамлет в совхозе» – это война, в поэме «Птичий сад» – революция, во многих других поэмах – это современность. «Все нужно поэту: и перспектива, и пространство, причастность к истории и мирозданию», – подчеркивал сам автор [8, с. 90].

Единство стиля проявляется и в том, что Федоров стремится ритм поэмы (а ритмическая единица – единица времени изложения) привести в соответствие с временем изображенных событий или размышлений. Вот наглядный пример из поэмы «Муза»:

Миг –

Что зерно.

Вся жизнь в том миге.

«Миг» – строка из одного слога, одно ударение, «жизнь» – строка из пяти слогов, при этом четыре из них ударные. Или в поэме «Человек»: для природы, создающей человека, периоды, эры, века мгновенны, и каждое из этих слов составляет строку. Чтобы убедиться в реалистическом соответствии ритма изображаемому времени, достаточно сравнить две строфы, передающие разные скорости течения времени. Так, в поэме «Совесь»: «Упадет голова – Не на плаху, На стол упадет...» – мгновенность действия (грамматически переданная глаголом совершенного вида) и соответственно одно-два ударения в строке. «В темноте головы моей Тихая всходит луна...» – здесь протяженность (глагол несовершенного

вида) и соответственно три ударения в строке. «Мгновение в жизни должно быть мгновенным и в стихе», – заявляет сам автор и рассказывает, как проверял, вписываются ли его стихи в поэме «Седьмое небо» в то короткое время, в течение которого горит бикфордов шнур и происходит взрыв [8, с. 86]. Конечно, важны здесь не только длительность строки и ритм, но и сама интонация изложения: ускоренная или замедленная, описательная или изобразительная, «летописная» или «современная». В этом смысле плавная интонация «сказки-былины» «Птичий сад» отличается от повествовательной манеры изложения поэмы «Отец», а та, в свою очередь, от тревожной, резкой интонации поэмы «Пролог». Разумеется, что все эти соответствия надо рассматривать как тенденцию. У В. Федорова нет и не может быть натуралистического копирования реального времени, тем более ритм и интонация несут на себе и иные выразительные и композиционные функции.

Выводы

Итак, структура маленькой поэмы Василия Федорова имеет некоторые черты, обусловленные своеобразием стиля поэта, жанра поэмы в целом и его разновидностями. Из связи хронотопов поэмы с временем и пространством изображаемого мира вытекает определенная авторская «концепция времени и пространства» (выражение Н. К. Гей [3, с. 213]). В поэмах Федорова время жизни личности неотрывно от времени жизни народа, художественное пространство неотделимо от национального пространства, категория хронотопа глубоко содержательна.

Список использованных источников

1. Базанов, В. В. «Маленькая поэма» первых лет революции и 20-х годов как особая разновидность жанра / В. В. Базанов // Русская литература. – 1973. – № 4. – С. 23–32.
2. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 504 с.
3. Гей, Н. К. Время и пространство в структуре произведения / Н. К. Гей // Контекст – 1974. – М. : Наука, 1975. – С. 213–238.
4. Золотцев, С. Время, летящее сквозь сердце: Заметки о поэзии В. Цыбина / С. Золотцев // Москва. – 1978. – № 8. – С. 58–63.
5. Николаева, С. Ю. На «большаке» русской литературы: Достоевский в творческом сознании И. С. Соколова-Микитова / С. Ю. Николаева // Вестн. Тверского гос. ун-та. Сер. Филология. – 2018. – № 3. – С. 33–38.
6. Николаева, С. Ю. Особенности идиостиля тверского поэта Сергея Герасимова (на материале сборника стихотворений «Облака») / С. Ю. Николаева // Вестн. Тверского гос. ун-та. Сер. Филология. – 2019. – № 3 (62). – С. 39–48.
7. Редькин, В. А. Художественный мир поэзии С. А. Клычкова / В. А. Редькин // Вестн. Тверского гос. ун-та. Сер. Филология. – 2019. – № 3 (62). – С. 49–56.
8. Федоров, В. Наше время такое... : О поэзии и поэтах / В. Фёдоров. – М. : Современник, 1973. – 511 с.
9. Федоров, В. Собрание сочинений : в 3 т. / В. Фёдоров. – М. : Молодая гвардия, 1975. – Т. 2. – 461 с.
10. Червяченко, Г. А. Поэма в советской литературе / Г. А. Червяченко. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1978. – 187 с.

К 205-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. С. ТУРГЕНЕВА

УДК 811.161.1

ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ РЕЧЕВЫЕ ЕДИНИЦЫ (в прозе И. С. Тургенева)

О. В. Сергушкова,

доцент, кандидат филологических наук,
доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: sergushkova_olga@mail.ru

В статье рассмотрена специфика тургеневских вставных конструкций, показано их структурное и тематическое разнообразие. С применением описательного и трансформационного методов изучены основные функции парентез и их экспрессивность. Делается вывод о том, что вставки играют важную роль в структурировании когерентности текста. Выявляются причины частого употребления вставок у Тургенева.

Ключевые слова: вставка, специфика, структура, семантика, функция.

INSERTED STRUCTURES AS STRUCTURAL-SEMANTIC SPEECH UNITS (in the prose of I. S. Turgenev)

O. V. Sergushkova

associate Professor, Candidate of Philological Sciences, associate Professor
of the Department of Belarusian and Russian Philology of Mozyr State
Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: sergushkova_olga@mail.ru

The article considers the specifics of Turgenev's insert structures, shows their structural and thematic diversity. Using descriptive and transformational methods, the main functions of parentheses and their expressivity were studied. It is concluded that inserts play an important role in structuring text coherence. The reasons for the frequent use of inserts by Turgenev are revealed.

Keywords: insertion, specificity, structure, semantics, function.

Введение

В текстах художественных произведений И. С. Тургенева отразились характерные для XIX века синтаксические особенности речи, совпавшие с языковыми вкусами и пристрастиями автора, с лингвистическим укладом его мышления и его индивидуальным стилем. К наиболее константным языковым средствам создания «возможного мира» писателя, отражающим авторские

предпочтения, кроме восклицательных высказываний, параллельных конструкций, риторических и медитативных вопросов, предложений и аллюзий, несомненно относятся и вставные конструкции.

Цель и задачи

Цель исследования – изучить и описать основные структурные и коммуникативно-семантические признаки вставных конструкций в прозе И. С. Тургенева. Для достижения указанной цели были поставлены и решались следующие задачи:

- 1) определить специфику вставок в текстах писателя;
- 2) указать причины повышенной частотности их употребления;
- 3) выявить функции рассматриваемых единиц.

Методы и материал исследования

Для достижения поставленной цели и решения конкретных задач применялся описательный метод, использовались элементы трансформационного подхода, приёмы семантико-стилистического и коммуникативно-прагматического анализов, а также количественного подсчёта.

Материал исследования – более 250 языковых единиц, извлечённых методом свободной выборки из текстов произведений И. С. Тургенева: «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», «Новь» (1 часть), «Дым», «Первая любовь», «Накануне», «Затишье», «Фауст», «Записки охотника».

Результаты и их обсуждение

Проведённый анализ позволил сделать следующие выводы.

1. В прозе И. С. Тургенева преобладают классические, конструктивные вставки, или парентезы (от греч. *parenthesis* – вставка). Согласно [1. с. 114], под ними понимаются разрывающие предложение или текст стилистические фигуры, которые не связаны с ними никаким грамматическим средством, то есть, в отличие от вводных слов, обладают формальной и смысловой независимостью. Хотя конструктивные вставки в любых текстах могут быть представлены словом, словосочетанием, предложением, в том числе полипредикативным, и даже микротекстом большой протяжённости, однако именно у И. С. Тургенева такое структурное многообразие представлено особенно широко и заметно, что определяет специфику их формы. Употребление вставок у писателя, впрочем как и других языковых единиц, подчинено не только строгим канонам данного речевого явления, но и гениальному чутью и творческой свободе мастера слова. Н-р: *...живописец (мастер!) поместил виноградную ветку в её волосах, чёрных, как смоль, с ярко-серыми отблесками: это вакхическое украшение идёт как нельзя более к выражению её лица* [2, с. 25]; *Примков, словно обрадованный (бедняк!) вскочил, вздохнул и начал благодарить меня...* [2, с. 18], где несобственно-прямая речь персонажа очень проста, представляя собой однословные высказывания, но у Тургенева эти вставки вводят второй речевой план повествования – модально-оценочный. И он не менее важен, чем тот, который дается в разрываемом предложении. Случаев разрыва «основного предложения» словосочетанием немного: *...все эти ребята были либо ужасно бойкие, либо ужасно мрачные... и у Нежданова с ними тоже не вышло ничего. < ... > Он даже решился (важный признак доверия и сближения!) говорить об этой своей неудаче с Марианной...* [3, с. 333], где воздействие парентезы-словосочетания, имеющей качественно-оценочное значение, усилено восклица-

тельностью. Подавляющее большинство вставок имеет структуру предикативной единицы, причём такие парентезы могут разрывать не предложение, а микротекст: *Мы... желая до восхода солнца опять попытать нашего счастья (на тягу можно также ходить поутру), решились переночевать в ближайшей мельнице* [4, с. 41]; *Когда на другой день после нашего свидания я прочёл в газетах ваше имя... (а узнал я ваше имя уже в театре), то... этот факт меня поразил* [3, с. 293]; *Я подошёл к ней к ручке (это я делал всегда, когда хотел прекратить разговор) и ушёл к себе* [3, с. 28]; *Покойного Одинцова она едва выносила (она вышла за него по расчёту, хотя она, вероятно, не согласилась бы сделаться его женой, если б она не считала его за доброго человека) и получила тайное отвращение ко всем мужчинам* [4, с. 537]; *...Их [Женщин. – О. С.] следует презирать, и я их презираю, вполне и совершенно! (Возможность презирать и выражать свое презрение было самым приятным ощущением для Ситникова; он в особенности напал на женщин, не подозревая того, что ему предстояло несколько месяцев спустя пресмыкаться перед своей женой потому только, что она была урождённая княжна Дурдолеосова.) Ни одна из них не была бы в состоянии понять нашу беседу; ни одна из них не стоит того, чтобы мы, серьёзные мужчины, говорили о ней!* [4, с. 520] и др.

2. Степень грамматической изолированности парентез может быть разной. Иногда только скобки указывают на вставку, а при их «снятии» «бывшие» вставки вступают в обычную грамматическую связь с членами данного предложения: *Молодой пропагандист... написал четырнадцать больших писем, двадцать восемь малых и восемнадцать записок (из коих четыре карандашом, одну кровью, одну сажей, разведённой на воде); и всё это он успевал сделать, потому что научился систематически распределять время...* [2, с. 342], где выделенная полужирным курсивом часть предложения может быть отнесена к парентезам по формальному признаку – знаку препинания «скобки». Это вставка «неконструктивного типа» [5, с. 159]. В [1] утверждается, что эти парентезы можно отнести к вставочным конструкциям лишь по формальному признаку – скобкам, самому сильному знаку препинания, предназначенному прежде всего для обозначения парентез. Применяя этот термин и в нашем исследовании, заметим, однако, что он отражает лишь структурные (то есть формальные) функции явления, не учитывая содержательной стороны вставок. У И. С. Тургенева немного таких построений. В нашей картотеке почти все языковые единицы называются просто вставками. Принимая и используя термин «неконструктивная вставка», следовало бы использовать и дефиницию «конструктивная вставка». Но это название появляется редко. Теория вставных конструкций представляется нам мало разработанной: данные единицы явно находятся в таксономических отношениях, а классификации их этого не учитывают.

3. Вставные конструкции в прозе писателя отличаются высокой частотностью употребления и широчайшим многообразием семантики, что также обуславливает их специфику.

Наша картотека насчитывает более 250 вставных конструкций, извлечённых из текстов И. С. Тургенева. В них содержится информация о персонаже (40 единиц), оценке (30), характере речи героев (30), известие о параллельном событии (26), единичном факте (24), причине (20), указание на время (18), сведения об имени (12), эмоции (12), пояснение (8), напоминание о чем-то (4),

указание на место (3), перевод (3), авторское замечание (2), предложение (2), медитативный вопрос (1). В картотеку также входит вставка-анаподотон (10) и неконструктивная вставка (10).

Во вставки-факты чаще всего вводятся сообщения о каких-то особенностях, привычках персонажа, которые, как правило, отражают те или другие черты личности героя, то есть такие вставки выполняют не только информационную, но и характерологическую функцию. Например: *О... явно, на виду у всех, занимался одними политическими и социальными вопросами, исповедовал самые крайние мнения (в нём они не были фразой!) – и втайне наслаждался искусством, поэзией...* [3, с. 296]. В такие вставки помещается также дополнительная информация, которая расширяет семантическое пространство текста, однако её экспрессивность невелика, а характерологическая функция выражена неярко: *Панишин громко и решительно взял первые аккорды сонаты (он играл вторую руку), но Лиза не начинала своей партии* [2, с. 149].

Носителями особого смысла выступают вставки-темпоративы, в которых сообщается о времени совершения того или иного текстового события. В них может содержаться общая, но достаточная, по мнению автора, темпоративная информация, но возможно также указание на точное время совершения события (по григорианскому календарю). Такие фрагменты мы называем **вставками-датами**: *В те времена (дело происходило в 1836 году) ещё не успело развестись племя фельетонистов и хроникёров...* [2, с. 166] и др. Внимание к темпоративным компонентам текста мотивировано стремлением писателя максимально сблизить его индивидуальный, вымышленный мир с реальным.

4. Очень выразителен у Тургенева **анаподотон** – «...стилистическая фигура, основанная на расчленении структуры предложения вставной конструкцией большой протяжённости. Отличительной особенностью этой фигуры является повторение после вставки конечного слова или нескольких слов той части предложения, которая расположена перед вставкой...» [7, с. 49]. При этом увеличивается информационный объём высказывания, выражаются разные субъективно-модальные значения. Например, сочетание сожаления с лёгкой иронией: *Базаров (как хвалился он в споре с Павлом Петровичем), этот самоуверенный Базаров и не подозревал, что он в их глазах был всё-таки чем-то вроде шута горохового* [4, с. 621] или неприятие старшим Кирсановым взглядов Базарова: *Вспомните, милостивый государь (при этих словах Базаров поднял глаза на Павла Петровича), вспомните, милостивый государь, – повторил он с ожесточением, – английских аристократов* [4, с. 503]. Иногда анаподотон сочетается с **мимезисом**, «намеренным воспроизведением характерных элементов чужой речи» [8, с. 325]: *Мы... полагаем, что без принципов (Павел Петрович выговаривал это слово мягко, на французский манер, Аркадий, напротив, произносил «прынцип», налегая на первый слог), без принципов... шагу ступить, дохнуть нельзя* [4, с. 482]. На наш взгляд, структура анаподотона может модифицироваться. Так, например, в следующем фрагменте данная стилистическая фигура представлена вставной конструкцией большой протяжённости, а такая отличительная особенность, как повторение после вставки конечного слова той части предложения, которая расположена перед вставкой, отсутствует. Однако, благодаря реализации заместительного функционального значения местоимения «она» (в форме «ей»), связь между частями расчленённого парентезой

предложения легко восстанавливается: *Она боялась ласкать Базарова... Василий Иванович присоветовал ей не очень его «беспокоить». «Молодые люди до этого не охотники», – твердил он ей (ничего говорить, каков был в тот день обед: Тимофеич собственною персоной скакал на утренней заре за какую-то особенную черкасскую говядиной; староста ездил в другую сторону за налимами, еришами и раками; за одни грибы бабы получили сорок две копейки медью); но глаза Арины Власьевны, неотступно обращённые на Базарова, выражали не одну преданность и нежность... [4, с. 576]. В микротексте Мы... с Ариной этого не ожидали. Она вот цветов выпросила у соседки, хотела комнату тебе убрать. (Василий Иванович уже не упомянул о том, что каждое утро, чуть свет, стоя о босу ногу в туфлях, он совещался с Тимофеичем и, доставая дрожащими пальцами одну изорванную ассигнацию за другою, поручал ему разные закупки, особенно налегая на съестные припасы и на красное вино, которое, сколько можно было заметить, очень понравилось молодым людям.) Главное – свобода; это моё правило... не надо стесняться... не... Он вдруг умолк и направился к двери [4, с. 579]* важная для автора информация оформлена как вставка, формально не связанная ни с предшествующим ей предложением, которое она не разрывает, ни с последующим. Более того, рассматриваемая конструкция развивает другую тему. По сути дела, данная парентеза имеет внешне только один признак, роднящий её с анаподотомом, – большую протяжённость (53 слова). Однако именно благодаря этому качеству она тесно связывается с названием произведения и с его идейным содержанием. Такая глубинная смысловая связь, на наш взгляд, оказывается одним из важнейших факторов когерентности текста романа. Именно поэтому мы полагаем, что причислять подобные конструкции к обычным вставкам, имея в виду только ее формальные признаки, было бы неверно. Считаю необходимым более детальное изучение названного объекта для уточнения понятия «вставочная конструкция и её типы».

5. Есть несколько причин семантического и структурного многообразия парентез. Одной из главных, на наш взгляд, является стремление писателя к преодолению явного разрыва между линейностью речи, дискретностью отраженных в ней реалий и событий действительности и их континуальностью в реальной жизни. Отсюда много вставок, в которых сообщается о попутном или параллельном действии, о том, что в «возможном мире» писателя должно (насколько это возможно) восприниматься не поэтапно, не линейно, как в речи, а целостно, неразрывно вместе в один данный момент. Что касается наиболее очевидного эффекта такой организации речевого материала, мы бы здесь подчеркнули экономию языковых усилий и ту «правду» эпизода, которой добивается автор. Эксперимент демонстрирует именно эти роли вставок: *...Что же касается до вас, Алексей Дмитрич, – обратилась она с любезной улыбкой к Нежданову (он внутренно изумился тому, что его имя и отчество были ей известны), – ...вы не разделяете опасений Семена Петровича... [3, с. 308] → Что же касается до вас, Алексей Дмитрич, – обратилась она с любезной улыбкой к Нежданову, – ...вы не разделяете опасений Семена Петровича... Нежданов внутренно изумился тому, что его имя и отчество были ей известны.* Здесь при трансформации мы вынуждены были для избежания двусмысленности заменить местоимение «он» фамилией героя – «Нежданов», т. е. увеличить сообщение на 6 букв, кроме того Нежданов изумился не после всего сказанного женой

Сипягина, а после её обращения к нему, именно в этот момент. То есть часть информации со вставкой при трансформации в текст без вставки «запаздывает».

Выводы

Таким образом, вставки в прозе И. С. Тургенева имеют специфические структурно-семантические признаки. Наиболее ярким из них является практически неисчерпаемое богатство семантики вставок и роли их в тексте. Прежде всего это мотивировано стремлением автора расширить информационное пространство повествования, максимально уменьшить «разрыв» между дискретностью и цельностью, продемонстрировать реальную возможность гармонии линейности и континуальности в реальном бытии и в созданном с помощью речи и таланта творца «возможном мире».

Парантезы в художественных произведениях И. С. Тургенева нуждаются в дальнейшем изучении, глубоком анализе и классификации. Исследование вставных конструкций чрезвычайно актуально, так как имеет прямое отношение к проблеме упорядочения и компрессии стремительно увеличивающегося объёма информации.

Список использованных источников

1. Сковородников, А. П. Вставная конструкция или парантеза, парантезис / А. П. Сковородников // Культура русской речи : энцикл. слов.-справ. / под ред. Л. Ю. Иванова [и др.]. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 114–117.
2. Тургенев, И. С. Сочинения : в 2 т. / И. С. Тургенев – М. : Худож. лит., 1980. – Т. 1 : Повести и романы 1856–1862. – 446 с.
3. Тургенев, И. С. Сочинения : в 2 т. – М. : Худож. лит., 1980. – Т. 2 : Повести и романы 1860–1876. – 448 с.
4. Тургенев, И. С. Записки охотника. Накануне. Отцы и дети / И. С. Тургенев. – М. : Худож. лит., 1971. – 672 с.
5. Прияткина, А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложнённого предложения / А. Ф. Прияткина. – М. : Высш. шк., 1990. – 176 с.
6. Демиденко, Е. В. Структурные и функционально-семантические особенности вставных конструкций в прозе Б. Пильняка [Электронный ресурс] / Е. В. Демиденко, Н. В. Князева // Studia Humanitatis. – 2019. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-i-funktsionalno-semanticheskie-osobennosti-vstavnyh-konstruktsiy-v-proze-b-pilnyaka>. – Дата доступа: 24.04.2023
7. Сковородников, А. П. Анаподотон или анаподатон / А. П. Сковородников // Культура русской речи : энцикл. слов.-справ. / под ред. Л. Ю. Иванова [и др.]. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 49.
8. Сковородников, А. П. Мимезис или Мимесис / А. П. Сковородников // Культура русской речи : энцикл. слов.-справ. / под ред. Л. Ю. Иванова [и др.]. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 328–329.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

УДК 81'373

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РАННЕЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Н. С. ЛЕСКОВА

С. Н. Стародубец,

доктор филологических наук, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского»,
г. Брянск, Российская Федерация
E-mail: starodubets.madam@yandex.ru

О. А. Головачева,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского»,
г. Брянск, Российская Федерация
E-mail: golovacheva-olga@mail.ru

Н. С. Лесков привлекал в свои тексты паремии, крылатые выражения, устойчивые сравнения, слова с фразеологически связанным значением, подвергал различного рода трансформациям широко известные речения. В трудах великого мастера слова употреблены многочисленные цитаты, интертекстуальные вкрапления, что показывает широту кругозора автора, его лингвистическую смелость, умение внимательно и с любовью описывать свои наблюдения и убедительно представлять умозаключения.

Ключевые слова: язык произведений Н. С. Лескова, публицистика, фразеологические единицы, трансформация фразеологизмов

FUNCTIONAL AND PRAGMATIC POTENTIAL OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE EARLY JOURNALISM OF N. S. LESKOV

S. N. Starodubets,

Doctor of Philology, Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines, Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky,
Bryansk, Russian Federation
E-mail: starodubets.madam@yandex.ru

O. A. Golovacheva,

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language, Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky,
Bryansk, Russian Federation
E-mail: golovacheva-olga@mail.ru

N. S. Leskov drew into his texts paroemias, winged expressions, stable comparisons, words with phraseologically related meanings, subjected widely known

utterances to various transformations. Numerous quotations and intertextual inclusions are used in the works of the great master of the word, which shows the breadth of the author's horizons, his linguistic courage, the ability to carefully and lovingly describe his observations and present conclusions convincingly.

Keywords: *the language of N. S. Leskov's works, journalism, phraseological units, transformation of phraseological units.*

Введение

Исследователи языка Н. С. Лескова [1; 3–5; 6; 7] отмечают широкое использование литератором различных языковых средств, среди которых особое место занимают устойчивые единицы.

Результаты и их обсуждение

Статьи Н. С. Лескова насыщены как исконно русскими устойчивыми единицами (*канитель мотать; небо покажется с овчинку; ни швец, ни жнец, ни в дуду игрец; по губам помазать; Закон – что конь, куда повернешь, туда и поедешь; Дорогое мило, дешевое гнило; Милые бранятся, только тешатся и др.*), так и заимствованными (*conditio sine qua non* [Непременное условие – Лат.]; *ничто же бысть еже бысть; arrière pensée* [Задняя мысль – Франц.] и др.), что демонстрирует начитанность и образованность русского литератора, его умение подкрепить свою мысль обращением к опыту предков, умозаключениями других народов. Русские фразеологические единицы, имеющие характер жизненных констант и постулирующие истинные ценности, выступают как средство оценочности лица или ситуации, создания экспрессии, прагматического посыла и т. д.

Так, чтобы вызвать в своих читателях сочувствие, милосердие к страдающим арестантам, Н. С. Лесков в статье «Страстная суббота в тюрьме» использует узуальные фразеологические единицы, претерпевшие авторскую трансформацию, например, фразеологизм *небо коптит* – «(разг., неодобр.) вести бездеятельную, нетрудовую жизнь, жить бесцельно» [2, с. 213], образован из пословичного выражения *без дела жить, только небо коптит*. В указанной статье фразеологический оборот был конкретизирован с учетом особенностей содержания заключенных: небо они видят не так часто, как тюремные стены, в пространстве которых бесцельную жизнь они вынуждены вести *по целым годам*:

Арестанты за грошковые кражи все будут по целым годам коптить тюремные стены [Лесков, 1996; здесь и далее цит. по указанному источнику].

Таким образом, трансформация данного выражения, как и других, подразумевает «целенаправленные авторские изменения фразеологических единиц, распространяющиеся на их структуру и семантику и способствующие активизации потенциальных выразительных возможностей фразеологических единиц» [9, с. 7].

В статье порядка 80 % фразеологических единиц претерпели структурную трансформацию, повлекшую изменение семантики. Н. С. Лесков варьирует устойчивые обороты, чтобы выделить актуальную для каждой конкретной ситуации идею и в доступной форме донести ее до читателя.

Так, рассказывая читателю про камеры арестантов, которые посетил русский писатель вместе с начальником тюрьмы, Н. С. Лесков употребляет ФЕ *хоть топор вешай* в несколько «исправленном» виде. Узуальная единица – фразеологизм *хоть топор вешай* – «*невыносимо душно, нечем дышать*

(о тяжелом, спертom воздухе в помещении)» [10, с. 63], модернизирована только на уровне одного компонента (глагола *вешай*): вместо формы повелительного наклонения глагола несовершенного вида *вешай* использована та же форма глагола совершенного вида *повесь*, тем самым читатель как бы призывается к совершению действия, при этом указывается на результат:

А воздух, просто хоть топор повесь, так удержится.

Данный фразеологизм очень ярко показывает условия содержания арестантов, другой – *брать за сердце* – говорит об их душевном состоянии:

...стоит серая деревянная часовня для усопших. Здание очень непредставительное. Его тоже нужно бы или поправить, или вынести за тюремные стены, в которых и без покойников нудьга берет человека за живое сердце.

Подвергая трансформации узуальный фразеологизм *брать за сердце* – «глубоко трогать, волновать» [2, с. 34] путем введения в его структуру адъектива *живой* в значении «остро переживаемый» [8, с. 166], автор вторгается и в семантику: усиливает значение устойчивого выражения в целом, доводя его до гиперсемантизации, избыточности, показывая тем самым, что и в тюрьме люди стараются хотя бы в главном сохранить то, что всегда было для них значимым.

Убедительно, ярко, обличительно в статье «Страстная суббота в тюрьме» Н. С. Лесков призывал к человеколюбию, квалифицируя в иронически-сатирическом регистре стремление чиновников ущемить хоть в малом несчастных арестантов:

Странная домовитость наших чиновников! Хоть что-нибудь казенное да побережь у себя, авось кусочек какой к ладоням прилипнет.

В контексте употреблено выражение *к ладоням прилипнет*, смысловое наполнение которого свидетельствует о его генетической связи с узуальным многозначным фразеологизмом *прибирать к рукам*, в одном из ЛСВ – «присваивать, захватывать что-либо, завладевать чем-либо» [10, с. 353]. В авторском устойчивом обороте актуализируется оба компонента ФЕ с учетом первичной мотивации каждого. Слово *рука* имеет более широкую семантику, чем слово *ладонь*, ср.: *рука* – «верхняя конечность человека от плеча до пальцев, а также от запястья до пальцев» [8, с. 506], а *ладонь* – «внутренняя сторона кисти руки» [СО, 1986, 271], следовательно, человек берет что-то именно в ладонь! Глагол *прилипнуть* – «крепко приставать к чему-либо липкому» [8, с. 513], может сочетаться как с лексемой *рука* так и с лексемой *ладонь*, при этом более широкое семантическое наполнение субстантива *рука* в сравнении с *ладонь* предоставляет и более разветвленные синтагматические возможности, однако в последнем актуализируется имплицитная сема «можно скрыть», которая и является эффективным средством осмеяния порока жадности, воровства.

Для эффективного воздействия на читателя автор широко использовал оценочные единицы – фразеологизмы (*сбор овчинок; лыко ставит в строку*), паремии (*Закон – что конь, куда повернешь, туда и поедешь; Скверно скроен, но крепко шит; Свой своему поневоле друг*), варваризмы (*laissez faire, laissez aller* [Пусть они делают, что хотят; пусть все идет своим чередом – Франц.]; *conditio sine qua non* [Непременное условие – Лат.]; *sit eximia laude* [«Для вящей славы» – Лат.]), выражения из известных широкой публике произведений, ставшие крылатыми («не ими свет начался, не ими и кончится»; *Это уж так самим Богом устроено, и волтерианцы напрасно против этого восстанут*) и мн. др.

Например, возмущение Н. С. Лескова атмосферой лицемерия, безразличия к близким, вопиющего самодурства у старообрядцев представлено через фразеологизмы, которые мы считаем излюбленным средством автора при подаче негативных оценок в обобщенном виде (*искать ветра в поле, синий чулок; как молода и легка, так все «поди сюда», а как затяжелела, так и милу дружку надоела и т. д.*):

Довольно было мужу с пьяных глаз сказать жене: «Ступай вон, я тебя отлучаю», и ступай искать ветра в поле [«С людьми древнего благочестия»; Лесков, 1996].

Н. С. Лесков в работе «С людьми древнего благочестия» большое место уделяет раскольничьей семье, представленной, в частности, и через призму отношения к женщине.

Добиваясь нужного воздействия на читателя, публицист указывает на противоречия, поистине перевертыши жизни беспоповцев, при этом текст насыщается антонимами, берется на вооружение многообразие значений каждого слова, привлекаются смысловые вариации, заимствования, в том числе используются единицы в графике языка-источника, выпукло демонстрируя фоновые и этнокультурные составляющие номинативных единиц:

Нет никакого основания ждать от раскольников salto mortale [Прыжок с переворотом через голову, букв.: смертельный прыжок (Итал.)], на которые плохо поднимаются ноги, давно порывающиеся к разным pas de deux [Па-де-де – хореографический термин, букв.: танец вдвоем (Франц.)].

Таким образом, устойчивые единицы, включенные автором в антонимические парадигмы (*salto mortale – pas de deux; невинные шутки – тяжелые последствия* и др.), ярко и точно фиксируют истинное положение дел в раскольничьих общинах русских беспоповцев. Ханжество, лицемерие, блуд под личиной благочестия нашли широкое распространение среди непросвещенных, запуганных страхом греха людей, особенно женщин, страдающих от пагубных устоев якобы благочестия, которое фактически давно перешло границы блуда вследствие извращенного трактования веры.

В работе «Два мнения по вопросу о браках» рассматривается точка зрения русских раскольников на возможность вступления в законный супружеский союз представителей различных конфессий. Автор отмечает, что «люди “древнего благочестия”... против брачных связей “людей древнего благочестия” с православными и вообще “еретиками”».

Наблюдения показывают, что публицист солидарен с взглядами авторитетных православных священников, которые не противятся таким союзам. Авторская позиция эксплицирована семантически сближенными синтагмами *не противно духу христианства, может быть терпимо*, а также фразеологизмами *нести крест, не с руки*, трансформированными автором единицами (<лишь бы> *семейный сор <его> не вылетел на улицу; из рук вон скверно*).

В случаях, когда затрагивались принципиальные для Н. С. Лескова вопросы, он был категоричен и даже резок по отношению к оппонентам, использовал негативно оценочную лексику и фразеологию, в т. ч. единицы, трансформированные по типу эвфемизации, например, *что ни мечи в глаза, все Божья роса*.

Один Бог знает, как надоело мне препираться с этим рассвирепелым стадом, которому, что ни мечи в глаза, все Божья роса [«Последнее слово г-ну д-ру Аскоченскому»; Лесков, 1996].

В статьях Н. С. Лескова, внимательно изучавшего литературное творчество современников, присутствуют оценочные фразеологические единицы, аттестующие русских авторов как писателей и как индивидуумов. Например, публицист высоко ценил А. И. Герцена как автора ряда высокохудожественных произведений («Кто виноват?», «Капризы и раздумье», «Записки доктора Крупова», «Былое и думы» и др.), однако к Герцену-революционеру относился негативно:

...г. Герцен, разглагольствующий о безнравственности богатства, сам очень богат ... а до тех пор, пока все, что имеешь, не роздано будет неимуцим, не уйдешь дальше верблюда, собирающегося пролезть в игольное уxo.

Индивидуально-авторская трансформация устойчивого оборота-библейзма *Легче верблюду пройти сквозь угольное ушко, чем богачу войти в царствие небесное* раскрывает понимание Н. С. Лесковым, православным человеком, концептуальных, ценностных принципов жизни, с одной стороны, с другой – характеризует Герцена в негативном ракурсе: как человека, попирающего духовно значимую составляющую в обществе.

В статьях Н. С. Лескова, где речь идет о Герцене, автор с разными целями частотно использовал как яркое характерологическое средство фразеологические единицы, различные по стилистической окрашенности, происхождению, функциональной нагрузке, которые выполняют как эмотивно-оценочную, так и функцию воздействия на читателя.

Выводы

Таким образом, публицистические труды Н. С. Лескова уже в ранний период творчества литератора позволяют сделать вывод: придавая текстам особую выразительность, образность, эмоциональность, фразеологические единицы способствуют общей для всех жанров публицистики задаче максимального воздействия на читателя, выступают как идиостилевые элементы. Различные языковые приёмы, в т. ч. и трансформация ФЕ, помогают автору ярко, убедительно активизировать деятельность социума.

Список использованных источников

1. Алешина, Л. В. Ономастическое пространство идиостиля Н. С. Лескова (на материале инновационных онимов и деонимов) / Л. В. Алешина. – Орел : Изд-во Орловск. гос. ун-та, 2000. – 104 с. ; 1.

2. Жуков, В. П. Школьный фразеологический словарь / В. П. Жуков, А. В. Жуков. – М., 1989.

3. Головачева, О. А. Идиостилевые особенности ранних публицистических произведений Н. С. Лескова (на примере статей по проблематике спиритизма) / О. А. Головачева // Международный сборник научных трудов : материалы третьей междунар. науч. интернет-конф. / науч. ред. Д. В. Неустроев. – М. ; Орёл : НИП «ВФК», 2010. – Т. 3 : Творчество Н. С. Лескова в современном изучении. – С. 86–102.

4. Головачева, О. А. Нравственные проблемы публицистики Н. С. Лескова 60-х годов XIX века. Языковые средства отражения позиции автора / О. А. Головачева. – Брянск : Брянское областное полиграфическое объединение, 2011. – 168 с.

5. Головачева, О. А. Окказионализмы в идиолекте Н. С. Лескова: модели и способы создания функции слов признаковой лексики : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. А. Головачева. – Брянск, 2001. – 232 л.

6. Леденёва, В. В. Особенности идиолекта Н. С. Лескова / В. В. Леденёва. – М. : ИИУ МГОУ, 2000. – 183с.
7. Леденёва, В. В. Слово Лескова : моногр. / В. В. Леденёва – М. : ИИУ МГОУ, 2015. – 260 с.
8. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 1986.
9. Стоян, Л. М. Фразеология русскоязычных произведений Т. Г. Шевченко : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. М. Стоян. – Киев, 1988.
10. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М., 1986.

УДК 81'42

**АВТОРСКИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СУБКОНЦЕПТЫ
В НОМИНАТИВНОМ ПОЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
КОНЦЕПТА-ДОМИНАНТЫ WAR
(на материале романа Тима О'Брайена «The things they carried»)**

И. А. Даниленко,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Российская Федерация,
E-mail: danilenko_ia@bsu.edu.ru

В статье рассматривается номинативное поле авторского художественного концепта-доминанты WAR/ВОЙНА в произведении «The things they carried». При помощи когнитивно-герменевтического моделирования была построена модель номинативного поля исследуемого концепта-доминанты. Художественные субконцепты, входящие в приядерную зону концепта-доминанты, подвержены изменениям в наименьшей степени. Художественные субконцепты, формирующие периферию, в основном отражают авторское видение событий.

***Ключевые слова:** художественный концепт-доминанта, художественный субконцепт, номинативное поле.*

**AUTHOR'S LITERARY SUB-CONCEPTS IN THE NOMINATIVE FIELD
OF THE LITERARY DOMINANT CONCEPT WAR
(in Tim O'Brien's novel «The things they carried»)**

I. Danilenko,

Belgorod state national research university,
Belgorod, Russian Federation,
E-mail: danilenko_ia@bsu.edu.ru

The article examines the nominative field of the author's literary dominant concept WAR in «The things they carried». With the help of cognitive-hermeneutic

modeling the model of the nominative field of the dominant concept under was made. The literary sub-concepts which form the close nuclear zone of the dominant concept are the most stable. The literary concepts which form the periphery mainly reflect the author's vision of events.

Keywords: *literary dominant concept, literary subconcept, nominative field.*

Введение

Концептосфера художественного текста состоит из художественных концептов, созданных автором на основе известных ему познавательных концептов и реализованных при помощи лексических единиц. Поскольку во время создания художественного концепта автор опирается на свои собственные знания об окружающем мире, то концептосфера художественного текста является частью индивидуально-авторской картины мира. Опыт взаимодействия автора с определённым явлением реального мира находит отражение в созданных им художественных концептах.

Анализ репрезентантов художественных концептов, созданных автором, позволяет раскрыть его замысел, поскольку индивидуальный опыт «складывается из ментальных репрезентаций, проникнуть в сущность которых возможно лишь благодаря языковым структурам» [1, с. 241].

Познавая окружающий мир, человек, интуитивно выдвигает «те или иные элементы в качестве определенных доминант» [2, с. 38], что может быть обусловлено индивидуальными особенностями или самой ситуацией восприятия. Принцип доминантности применим и при моделировании концептосферы художественного текста.

Художественные концепты в рамках одного художественного текста реализованы автором в разной степени: часть художественных концептов доминирует над остальными. Это доминирование проявляется как качественно, так и количественно. Количественное доминирование проявляется в объёме лексических единиц, входящих в номинативное поле концепта, тогда как качественное доминирование проявляется в смысловом отношении. Как правило, читатель сам способен определить доминирующий концепт художественного произведения, определяя это художественное произведение как «история о...».

В этом исследовании концепт-доминанта рассматривается как «центральный концепт художественного произведения» [4, с. 27]. Художественные субконцепты предлагается рассматривать как художественные концепты, номинативное поле которых полностью или частично входит в номинативное поле концепта-доминанты. Архитектоника номинативного поля концепта-доминанты подразумевает «ядро-периферийную совокупность субконцептов» [6, с. 39].

Подобно номинантам, формирующим приядерную зону, ближнюю и дальнюю периферию номинативного поля концепта, художественные субконцепты формируют номинативное поле художественного концепта-доминанты. Художественные субконцепты, репрезентированные большим количеством лексических единиц и отражающие значение художественного концепта-доминанты в большей степени, располагаются ближе к ядру. Тогда как художественные субконцепты,

репрезентированные меньшим количеством лексических единиц и отражающие значение художественного концепта-доминанты в меньшей степени, находятся ближе к периферии номинативного поля.

Поскольку художественные концепты созданы автором и основаны на «индивидуально авторском восприятии действительности» [2, с. 22], то несут в себе элемент индивидуальности и уникальности. Такая уникальность художественных концептов-доминант проявляется в наличии в их номинативном поле уникальных субконцептов, которые отсутствуют в номинативных полях одноимённых познавательных концептов.

Цель и задачи

Цель исследования: построить модель номинативного поля авторского художественного концепта-доминанты WAR/ВОЙНА, созданного американским писателем Тимом О'Брайеном в цикле рассказов «The things they carried».

Методы и материал исследования

Материалом для исследования послужил цикл автобиографических рассказов о Вьетнамской войне американского писателя Тима О'Брайена «The things they carried». Изучение концепта доминанты WAR/ВОЙНА в этом произведении представляется интересным в силу того, что автор является непосредственным участником событий и реализует в тексте произведения индивидуально-авторские субконцепты.

Для построения модели номинативного поля художественного концепта-доминанты мы прибегли к **методу когнитивно-герменевтического моделирования**, который подразумевает понимание и толкование художественного текста. Полученная когнитивная модель даёт наглядное «представление о концептуальных структурах» [5, с. 16–17] и предоставляет возможность проведения сравнительного анализа разных художественных концептов-доминант.

Результаты и их обсуждение

Цикл рассказов «The things they carried» состоит из 22 произведений. Все рассказы можно разделить на 3 группы: события до войны, военные события и события мирной жизни после войны. Несмотря на разноплановость рассказов, их объединяет один художественный концепт-доминанта WAR/ВОЙНА: рассказ о довоенном периоде повествует о днях, когда автор получил повестку, а события мирной послевоенной жизни связаны со встречами с фронтовыми товарищами или с посещением мест боёв.

Анализ номинативного поля художественного концепта-доминанты WAR/ВОЙНА позволил выявить следующие художественные субконцепты, расположенные в зависимости от частотности упоминания: начиная от самого часто упоминаемого. В скобках указано количество рассказов, в которых реализован определённый художественный субконцепт:

ARMS/ОРУЖИЕ (12), FRONTLINE FRIENDSHIP/ФРОНТОВАЯ ДРУЖБА (11), DEATH/СМЕРТЬ (6), WOUND/РАНЕНИЕ (5), INSANITY/ПОМЕШАТЕЛЬСТВО (5), STRESS/СТРЕСС (5), LETTER/ПОСЬМО (5), LOVE/ЛЮБОВЬ (3), FEAR/СТРАХ (2), SUPERSTITION/СУЕВЕРИЕ (2), ENEMIE/ВРАГ (2), RELIGION/РЕЛИГИЯ (1).

В процентном соотношении степень реализации художественных субконцептов представлена на рисунке 1.

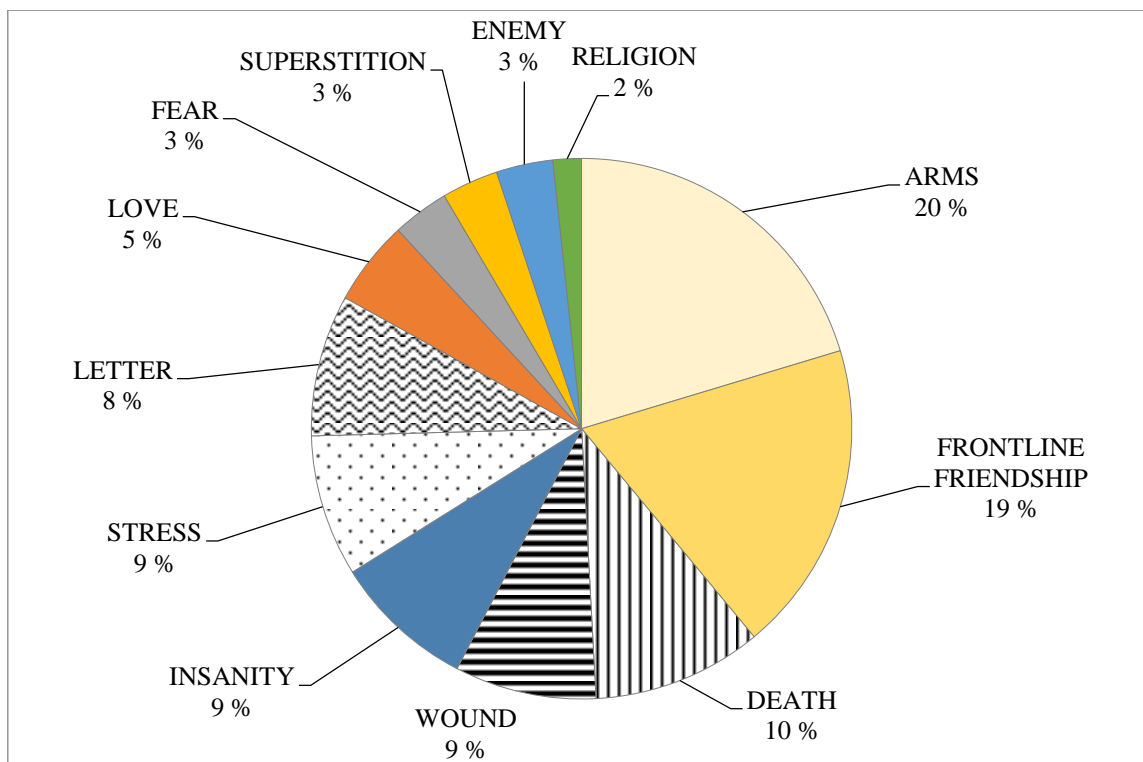

Рисунок 1 – Процентное соотношение художественных субконцептов в номинативном поле концепта-доминанты WAR/ВОЙНА

Полученные результаты можно представить в виде полевой модели концептосферы художественного концепта-доминанты WAR/ВОЙНА, созданного Т. О'Брайеном в произведении «The things they carried».

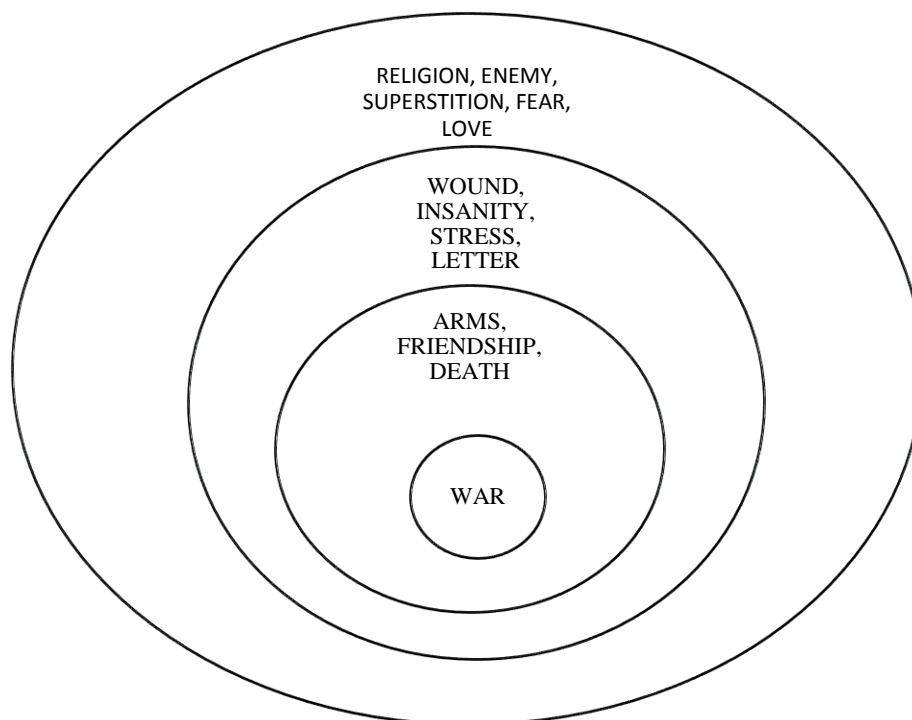

Рисунок 2 – Полевая модель номинативного поля художественного концепта-доминанты WAR

На рисунке 2 представлена полевая модель номинативного поля художественного концепта-доминанты WAR/ВОЙНА. Приядерную, наиболее устойчивую зону, формируют художественные субконцепты ARMS/ОРУЖИЕ, FRONTLINE FRIENDSHIP/ФРОНТОВАЯ ДРУЖБАИ и DEATH/СМЕРТЬ, что, в целом, совпадает с субконцептами, формирующими номинативное поле одноимённого познавательного концепта-доминанты WAR.

Ближнюю периферию формируют художественные субконцепты WOUND/РАНЕНИЕ, INSANITY/ПОМЕШАТЕЛЬСТВО, STRESS/СТРЕСС, LETTER/ПИСЬМО. Художественный субконцепт WOUND/РАНЕНИЕ включает в себя не только ранения, полученные в бою, но и раны, которые солдаты по разным причинам наносят себе сами. Так, в рассказе «Enemies» один солдат устав от постоянного ожидания «расплаты» за ссору от своего сослуживца, сам ломает себе нос, чтобы считать инцидент исчерпанным. Что удивительно, второй солдат счёл дело улаженным, и они снова стали друзьями. В рассказе «Night life» солдат так сильно внушил себе, что все москиты во Вьетнаме охотятся только на него, что для того чтобы избежать смерти от их укусов сам себе простреливает ногу и с ранением отправляется в госпиталь. Его командир относится к такому поступку с пониманием, и обещает отразить в бумагах этот инцидент как несчастный случай.

Художественные субконцепты INSANITY/ПОМЕШАТЕЛЬСТВО, STRESS/СТРЕСС почти всегда реализуются автором в паре: нахождение в постоянном стрессе приводит к помешательству у солдат, что заканчивается либо членовредительством, либо временным помешательством. В рассказе «How to tell a true war story» один из солдат снимает стресс жестоким убийством телёнка. В рассказе «Style» солдаты выходят к сожжённой вьетнамской деревне, где среди остатков домов и обгорелых трупов в полной тишине танцует босая 14-летняя девочка, не обращая внимания ни на кого.

Во всех случаях проявления девиантного поведения оно не вызывает осуждения сослуживцами, они либо относятся с пониманием, либо находят такое поведение нормальным для тех ситуаций, в которых они оказываются.

Наибольший интерес для исследователя представляет дальняя периферия художественного субконцепта WAR/ВОЙНА, сформированная художественными субконцептами LOVE/ЛЮБОВЬ, FEAR/СТРАХ, SUPERSTITION/СУЕВЕРИЕ, ENEMIE/ВРАГ, RELIGION/РЕЛИГИЯ. Каждый из этих художественных субконцептов по-своему уникален.

Художественный субконцепт LOVE/ЛЮБОВЬ реализован, в основном, через описание писем, которые солдаты получают и носят с собой. В рассказе «Stockings» этот художественный субконцепт реализован в паре с художественным субконцептом SUPERSTITION/СУЕВЕРИЕ. Американский солдат всегда носит чулки своей возлюбленной обвязанными вокруг шеи, утверждая, что это приносит ему удачу. Боевой опыт на практике показывает, что солдат и вправду крайне удачлив: он не получает даже царапин в крайне сложных ситуациях, а мины возле него не срабатывают.

Получив письмо, в котором его подружка сообщает, что разрывает отношения с ним, солдат не перестаёт носить её чулки, утверждая, что они всё равно его хранят. Весь взвод вздыхает с облегчением: они уверены, что любовь этого солдата хранит и их всех и если бы он объявил о том, что магия чулок ушла, то это принесло бы неудачу каждому солдату во взводе.

Художественные субконцепты FEAR/СТРАХ и ENEMIE/ВРАГ настолько уникальны, что они не означают страх умереть в бою или врага, с которым воюют американские солдаты. В рассказе «On the Rainy river» автор рассказывает, как ему было страшно являться по повестке на пункт сбора, а в рассказе «Dentist» описывается практически животный страх перед посещением дантиста. Солдат так сильно внушил себе, что его не будут уважать из-за его страха посещения дантиста, что, не выдержав такого стресса, явился ночью в палатку к доктору и потребовал, чтобы тот удалил ему совершенно здоровый зуб. Зато наутро этот солдат превосходно себя чувствовал, справившись со своим страхом.

В номинативном поле художественного субконцепта ENEMIE/ВРАГ нет описаний вьетнамских солдат. В рассказе «Enemies», о котором упоминалось выше, врагами названы сослуживцы у которых затянулся конфликт из-за выкидного ножа. В рассказе «Field trip» автор через 20 лет возвращается на место гибели своего сослуживца и встречает местных жителей – вьетнамских крестьян. Определив их возраст, он заключает, что это те, с кем он воевал 20 лет назад и что теперь они вовсе не похожи на врагов.

Выводы

Проанализировав номинативное поле художественного концепта-доминанты WAR/ВОЙНА в произведении «The things they carried», мы пришли к выводу, что приядерную зону формируют художественные субконцепты, схожие с субконцептами одноимённого познавательного концепта. Художественные субконцепты, находящиеся дальше от ядра, отличаются от субконцептов одноимённого познавательного концепта в большей степени. Эти отличия заключаются в авторском понимании описываемых явлений.

Общая тенденция формирования художественных концептов-доминант такова, что субконцепты, формирующие приядерную зону, наиболее устойчивы, тогда как концепты, формирующие периферию, подвержены изменениям в большей степени под влиянием авторского видения.

Список использованных источников

1. Богачёв, Р. Е. Репрезентация концептуальной картины мира в различных языковых картинах / Р. Е. Богачёв // *Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях* : сб. ст. – Севастополь. 2009. – Вып. 11. – С. 241–246.
2. Болдырев, Н. Н. Язык и структура сознания / Н. Н. Болдырев // *Когнитивные исследования языка*. – 2016. – № 24. – С. 35–48.
3. Болдырев, Н. Н. Доминантный принцип организации языкового сознания / Н. Н. Болдырев // *Когнитивные исследования языка*. – 2019. – № XXXVII. – С. 37–43.
4. Даниленко, И. А. Когнитивно-герменевтическое моделирование художественного концепта (на материале романа Э. М. Ремарка «Der Funke Leben») / И. А. Даниленко // *Гуманитарные исследования*. – 2021. – № 1. – С. 26–32.
5. Кушнерук, С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование: Опыт сопоставительного исследования рекламной коммуникации / С. Л. Кушнерук. – М. : Флинта, 2019.
6. Огнева, Е. А. Концепция когнитивного моделирования текстового художественного пространства / Е. А. Огнева // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2022. – № 2. – С. 37–49.

ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОДНОРОДНЫХ РЯДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИКИ Е. ЕВТУШЕНКО)

Е. Е. Долбик,

доцент, кандидат филологических наук,
профессор кафедры русского языка Белорусского государственного университета,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: dolbikee@gmail.com

В статье анализируются изобразительно-выразительные возможности однородных рядов, описываются такие экспрессивные синтаксические конструкции, как градация, зевгма, асиндетон, полисиндетон, амплификация, антитеза. Выявляется специфика функционирования синтаксических фигур в лирике Е. А. Евтушенко.

Ключевые слова: *экспрессивность; однородный ряд; сочинительный ряд; градация; зевгма; асиндетон; полисиндетон; амплификация; антитеза; Е. Евтушенко.*

EXPRESSIVE POTENTIAL OF HOMOGENEOUS SERIES (BASED ON THE MATERIAL OF E. YEVTUSHENKO'S LYRICS)

E. E. Dolbik,

Associate professor, Cand. Phil. D.,
Professor of the Department of Philology of Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: dolbikee@gmail.com

The article analyzes the pictorial and expressive possibilities of homogeneous series, describes such expressive syntactic constructs as gradation, zeugma, asindeton, polysindeton, amplification, antithesis. The specifics of the functioning of syntactic figures in the lyrics of E. A. Yevtushenko are revealed.

Keywords: *expressivity; homogeneous series; a composition series; gradation; zeugma; asindeton; polysindeton; amplification; antithesis; E. Yevtushenko.*

Введение

По меткому выражению Максима Горького, «язык – это оружие литератора, как ружье – солдата. Чем лучше оружие – тем сильнее воин» [4, с. 749]. Исследование языка художественной литературы постоянно находится в центре внимания филологов, а анализ художественной формы литературного произведения никогда не теряет своей актуальности.

В организации художественного текста особая роль отведена синтаксическому уровню. В синтаксической структуре предложений наиболее ярко и зримо отражаются индивидуальные особенности стиля того или иного автора.

Язык располагает целым арсеналом специальных средств для воздействия на адресата, усиления выразительности, изобразительности сказанного.

«На синтаксическом уровне экспрессивность создается упорядоченностью расположения (фигуры речи) и набором конструкций экспрессивного синтаксиса» [3, с. 404].

Объект исследования – ряды однородных членов предложения в поэтической речи. **Предмет** исследования – роль однородных рядов в создании экспрессивности текста.

Цель исследования – описать экспрессивный потенциал однородных рядов в поэтическом тексте. **Задачи:** 1) составить реестр экспрессивных синтаксических конструкций, основанных на использовании сочинительных рядов; 2) рассмотреть функции однородных рядов в художественном тексте; 3) выявить своеобразие использования однородных рядов в поэзии Е. А. Евтушенко.

Материалом исследования послужили поэтические произведения одного из крупнейших российских поэтов второй половины XX – начала XXI века Евгения Александровича Евтушенко, 90-летие со дня рождения которого отмечается в 2023 г. При изучении материала использовались контекстуальный анализ, количественный и сравнительный методы.

Результаты и их обсуждение

Анализ поэтических текстов, включенных в сборник «Это женщина – моя» из серии «Великие поэты», позволяет говорить о широком употреблении однородных рядов в лирике Евгения Евтушенко.

Однородный ряд – один из видов структурно-семантического осложнения простого предложения. Наиболее общая функция однородных рядов – увеличение объема передаваемой в предложении информации: будучи монопредикативной единицей, предложение с однородными членами выступает как полипрозитивное, многособытийное.

С помощью однородных членов достигается высокая степень детализации образов, дается максимально полный перечень признаков, исчерпывающее описание предметов, животных, людей, характеристика их состояния: *И, глядя на мелькание косилок, / коней, / колосьев, / кепок / и косынок, / мы доставали булки из корзиночек* [2, с. 21] – значимость каждой детали подчеркивается графически – лесенкой, каждый член однородного ряда занимает отдельную строку; *Амбар был низкий. / Душно пахло в нем / овчиною, сушеными грибами, / моченою брусникой и зерном* [2, с. 23]; *И ночь плыла, как пес, косматый, мокрый, черный* [1, с. 89]; *Уходит он, / сутулый, / неумелый* [2, с. 20]; *Я шатаюсь в толкучке столичной / <...> возмутительно нелогичный, / непростительно молодой* [2, с. 11]; *Меня любила девочка одна / с повадками мальчишескими дикими, / с летящей челкой / и глазами-льдинками, / от страха / и от нежности бледна* [2, с. 37]; *Вокруг все было жутко и торжественно* [2, с. 37]; *Пришла разумно и отчаянно* [2, с. 46]; *Они уходят медленно и странно* [2, с. 51]; *Насмешки над людьми горьки и солонны* [2, с. 90]; *И шлете вы скорбно и важно / поддержку моральную вашу* [2, с. 91].

Особо следует сказать об однородных определениях, выполняющих функцию эпитетов. То, что за пределами художественного текста расценивается как речевая ошибка, в поэтической речи усиливает экспрессивность высказывания: *И повела плечами и запела, / **веселая и мокрая** она* [2, с. 22].

Точность описания достигается подбором, поиском синонимов в однородном ряду: *Землей **чужой**, / **не местною**, / с винтовкою пойдет* [2, с. 14];

Уходят друзья, / кореша, / однолетки [2, с. 101]; *Нам друг закадычный, душевный, простой / не менее нужен, чем Пушкин, Толстой* [2, с. 177].

На использовании однородных рядов основаны такие стилистические фигуры, как градация, полисиндетон, асиндетон, амплификация, зевгма, антитеза.

Градация может быть как восходящей, так и нисходящей: *Все вычищено, / выскоблено, / гладко* [2, с. 24]; *И вдруг поляна лес густой пробила, / вся в пьяном солнце, в ягодах, в цветах* [2, с. 26]; *О, радость быть простым, берущим, жадным!* [2, с. 26]; *Я так боюсь, я так боюсь / конца нежданного восхода, / конца открытий, слез, восторга* [2, с. 39]; *И я тебе – шепотом, / потом – полушепотом, / потом – уже молча: / «Любимая, спи...»* [2, с. 66]; *Что ни строка, то фальшь, подлог, подвох* [2, с. 179].

Эмоциональность высказывания может усиливаться за счет повтора однородного ряда: *В костюме и немодном и ненормальном, – / как и всегда, немодном и ненормальном, – / да, как всегда, немодном и ненормальном, – / спускается профессор в гардероб* [2, с. 19].

При многократном повторе соединительного союза **и** передается значение широкого, исчерпывающего охвата явлений: *Мне мало всех щедростей мира, / мне мало и ночи, и дня* [2, с. 5]; *И все вперед – / и сердце и глаза* [2, с. 22]; *Имен есть много у России, / но есть негромкое одно – / Цветаева Анастасия, / и в этом столько сплетено. / В нем и Марины жесткий локон, / и коктебельская волна, и волосок волнистый, легкий / из бороды Волошина* [2, с. 167]; *Шли и деды, и сироты-дети / всех убитых на фронте солдат* [2, с. 205].

Достаточно частотны ряды однородных членов, связанных повторяющимся союзом **ни – ни**, имеющим значение отрицательного перечисления: *Ни водка, / ни петля, / ни женщины – / все это не спасенье* [2, с. 83]; *Дай Бог быть третьим калачом, / не сожженным ничьею шайкой, / ни жертвой быть, ни палачом, / ни барином, ни попрошайкой* [2, с. 145]; *А дым из дула смерть не выдула / и Пушкина не выдала, / не разрешив ни умереть, / ни постареть* [2, с. 148]; *И нет ни щита, ни меча, / ни желанья въехать в Сенат, / ни коня, / ни прежних друзей* [2, с. 194].

Обращает на себя внимание сочетание различных союзов **и – соответственно – различных** (соединительных и противительно-уступительных) смысловых отношений в пределах одного однородного ряда: *Дай Бог не вляпаться во власть / и не героизировать подложно, / и быть богатым – но не красть, / конечно, если так возможно* [2, с. 145].

Повтор разделительного союза подчеркивает значение выбора: *Черта с два здесь получишь ты добрый совет, / или, скажем, привет, или белый букет* [2, с. 75]; *Когда мужчине сорок лет, / или распад, или расцвет – / мужчина сам решает* [2, с. 116].

Бессоюзная связь членов однородного ряда характерна для перечислительных отношений: *Мир трепыхался, зеленел, галдел* [2, с. 21]; *Были тайнами – Тони, Тани* [2, с. 43]; *Были тайнами звезды, звери* [2, с. 43]; *Там тоже глаза, голоса, огоньки сигарет* [2, с. 125].

Усиление выразительной силы высказывания достигается и при помощи амплификации: *А любил я Россию / всю кровью, хребтом – / ее реки в разливе / и когда подо льдом, / дух ее пятистенков, / дух ее сосняков, / ее Пушкина, Стеньку / и ее стариков* [2, с. 79] – в пределах одного предложения сталкиваются несколько

рядов однородных членов (*любил всю кровь, хребтом; любил Россию – ее реки, дух ее пятистенков, дух ее сосняков, ее Пушкина, Стеньку и ее стариков; реки в разливе и когда подо льдом* – в сочинительном ряду объединяются член предложения и придаточная часть).

Сущность такого экспрессивного приема, как зевгма, наиболее глубоко и полно раскрыта в работах Э. М. Береговской: «Зевгма (окаzionale сочинение) – экспрессивная синтаксическая конструкция, которая состоит из ядерного слова и зависящих от него однородных членов предложения, равноценных грамматически, но семантически разноплановых, вследствие чего в многозначном ядерном слове одновременно актуализируются два разных значения» [1]. Например: *И на ресницах – / слезы и гроза* [2, с. 22]; *Лес мошкаррой и соснами гудел* [2, с. 26]; *Он гитару и себя изводит* [2, с. 67]; *И надену я не свитер, / только ветер на себя* [2, с. 222].

В основе приема – функционально-семантический конфликт в однородном ряду. Экспрессивный эффект возникает вследствие нарушения автоматизма, сознательного отступления от нормы, отклонения от стандарта: *Удивляюсь баржам бокастым, / самолетам, стихам своим...* [2, с. 5]; *От быта, от житейского расчета, / от бледных скептиков и розовых проныр / нас тянет вдаль мерцающее что-то, / преображая отсветами мир* [2, с. 70]; *Нефертити / сквозь быт, / события, лица, даты / все так же тянется куда-то...* [2, с. 74]; *<...> моя молодость <...> вовлечет в старинный заговор / огней, деревьев и пурги* [2, с. 84]; *<...> расшвырян вдрызг по сценам и клише, / хотел я счастья дать всему земному шару* [2, с. 90]; *Когда тебя толкает злоба / к забвенью собственной души, к бесчестью выстрела и слова, – / не поспеши, не соверши!* [2, с. 99]; *Сизый мой брат, / мы клевались полжизни, / братства, и крыльев, и душ не ценя* [2, с. 121]; *Не цветы им даря, а морщины, / возложив на любимых весь быт, / воровски изменяют мужчины, / а любимые – лишь от обид* [2, с. 129]; *Мы росли в синяках и заплатах* [2, с. 206].

Этот прием активно использовался и другими поэтами-«шестидесятниками»: *И, кстати, там, за брезжащей чертой / и лунной ночи, и стихотворенья, / истекшее вот этой краснотой, / я встречу солнце, скрытое от зренья* (Б. Ахмадулина); *Не горло – сердце рву* (А. Вознесенский); *Просто вы дверь перепутали, / улицу, город и век* (Б. Окуджава).

В приведенных примерах отсутствует один из главных признаков однородных членов предложения: логическая и семантическая сопоставимость компонентов однородного ряда. Экспрессивный потенциал подобных построений особенно наглядно проявляется на фоне традиционных, канонических однородных рядов, члены которых обозначают близкие понятия, относятся к одной тематической группе: *Да это ведь она сквозь дождь и ветер / летела с песней жаркой и простой* [2, с. 25]; *О, сколько нервных / и недужных, / ненужных связей, / дружб ненужных!* [2, с. 29]; *Но роицы, реки и моря / оно особо осветило* [2, с. 39]; *Мещанство – / мой доносчик и судья* [2, с. 55]; *Как мало можно видеть, / обонять!* [2, с. 57]; *Через реки, горы и моря / я бреду и руки простираю* [2, с. 68]; *И куда ты захочешь, мгновенно туда / унесут поезда, самолеты, суда* [2, с. 76]; *И задевают за стены, / шторы и косяки / черные бандерильи* [2, с. 97].

Использование антонимов, слов с противоположным значением в однородном ряду служит для создания контраста. Приведем яркую самохарактеристику

лирического героя одного из ранних стихотворений Е. Евтушенко «Пролог»: *«Я разный – / я натруженный и праздный. / Я целе- / и нецелесообразный. / Я весь несовместимый, / неудобный, / застенчивый и наглый, / злой и добрый»* [5, с. 421].

Антитеза может создаваться в рядах однородных членов, связанных соединительными союзами: *В скольжении лучей и темноты / огромными летучими мышами / под потолком чернели хомуты* [2, с. 23]; *О, кто-нибудь, / приди, / нарушь / чужих людей / соединенность / и разобщенность / близких души* [2, с. 29]; *Ты жмурилась от счастья и тоски, / до боли сжав ладонями виски* [2, с. 42]; *Но ведь сколько раз в любом кричало и шептало это же начало* [2, с. 68]; *Ведь жизни цена / не понизится / и не повысится* [2, с. 126].

Традиционным маркером сопоставительно-противительных отношений выступает союз **а**: *До сорока, до сорока / схватить удачу за рога / на ярмарку мы скачем, / а в сорок с ярмарки пешиком / с пустым мешком бредем тишком* [2, с. 115].

Наиболее востребованными в стихотворениях Е. Евтушенко оказываются конструкции с отрицательным противопоставлением, в том числе с пропуском противительного союза **а**, что усиливает экспрессивный эффект: *Ведь не способность быть премудрым змием, / не опыта сомнительная честь, / а свойство очаровываться миром / нам открывает мир таким, какой он есть* [2, с. 71]; *Когда они в носилках плыли, / то взгляды всех глазевших были / обращены, / как по наитью, / не к фараону – / к Нефертити* [2, с. 73]; *Мы не деревья – калеки* [2, с. 91]; *Не запевалы – подпевалы нужны опять* [2, с. 107]; *Но когда я умру – / на шумевшим сибирским Вийоном, – / положите меня / не в английскую, / не в итальянскую землю – / в нашу русскую землю, / на тихом холме, / на зеленом* [2, с. 113] – в этом примере обращает на себя внимание повтор предлога, как в народных песнях; *И мы лежим с тобой не на постели, / а на тумане, нас держащем еле* [2, с. 144]; *Есть / весть, / и не плохая, а благая* [2, с. 149]; *Не крест – бескрестье мы несем* [2, с. 146]; *Не плакать мне хочется – выть, как собака* [2, с. 151]; *Она в поэзии – былинка, / не корабельная сосна* [2, с. 168]; *Но слишком стало много «зимних глаз», / глядящих не на нас, / а лишь сквозь нас* [2, с. 169]; *И во снах, другим невидные, / меня мучат не стихи, – к сожалению, невинные / все мои недогрехи* [2, с. 177]; *От жалости, не от любви / совали пленным немцам вдовы / горбушки горькие свои* [2, с. 192]; *Я идеям служу – не рублю* [2, с. 210].

Показательные случаи, когда антитеза формируется на основе противопоставления не компонентов однородного ряда, а рядов однородных членов: *Имел он войско, / колесницы, / ну а она – / глаза, ресницы, / и лоб, звездами озаренный, / и шею выгиб изумленный* [2, с. 73].

Противопоставление может приобретать уступительный оттенок: *А как нам быть, / негениальным, / но все-таки многострадальным* [2, с. 148].

Особый интерес для исследователя представляют отмеченные в текстах Е. Евтушенко конструкции с сочинительным союзом при подчинении словоформ (так называемые конструкции с вторичной союзной связью): *И хотел бы я счастья, / но лишь не за счет несчастливых, / и хотел бы свободы, / но лишь не за счет несвободных* [2, с. 109]; *Послевкусие счастья чуть-чуть, но горчит* [2, с. 174]. Компоненты подчинительного сочетания *чуть-чуть горчит* оказываются связанными сочинительным союзом **но**. Подобные высказывания являются полипропозитивными и образуют зону переходности от простого предложения к сложному.

В некоторых конструкциях реальные смысловые отношения вступают в противоречие с семантикой союза: *Ты милая, / но ты же и посылая, / как нелюбимая и верная жена* [2, с. 35] – ср.: *нелюбимая, но верная*; *Как стыдно одному ходить в кинотеатры / без друга, без подруги, без жены, / где так сеансы все коротковаты / и так их ожидания длинны!* [2, с. 33] – отношения между однородными придаточными уместно квалифицировать как противительные (ср.: *сеансы коротковаты, а их ожидания длинны*).

Особенностью идиостиля Е. Евтушенко является комбинирование экспрессивных ресурсов синтаксиса с другими средствами усиления выразительности, воздействия на читателя (использование авторских новообразований, паронимов, фразеологизмов и др.), например: *Я попал в кольцо. / Затравленный, / оплеванный, оболганный* [2, с. 55] – прием градации в сочетании с «лесенкой» и парцелляцией; *Бога просила молитвенно, ранено, / чтобы ей дали белье постирать* [2, с. 93] – в однородный ряд включено авторское наречие *ранено*, нарушена лексическая сочетаемость в выражении *просить ранено*; *В песках на Памире и в дебрях всех чащ / я буду всегда на помине легчайш* [2, с. 178] – однородный ряд в сочетании с окказиональным образованием формы превосходной степени прилагательного; *И какая боль – / поперек и вдоль* [2, с. 187] – однородный ряд в сочетании с трансформацией фразеологизма (перестановка компонентов); *Но точечной и точной месь природы / не может быть, как никакая месь* [2, с. 158]; *Все было старинно, чуть-чуть стеаринно* [2, с. 196] – однородный ряд в сочетании с паронимической аттракцией; *За ними скрыты лица и личины* [2, с. 220] – столкновение паронимов в однородном ряду.

Выводы

Экспрессивные синтаксические конструкции, основанные на использовании однородных рядов, – одно из ярких изобразительно-выразительных средств в поэзии Е. Евтушенко. Авторская индивидуальность проявляется в комплексном использовании разноуровневых средств экспрессивности в пределах узкого контекста, в сочетании графических, словообразовательных, лексических, фразеологических, морфологических и синтаксических средств выразительности. Наиболее востребованный прием усиления воздействующей силы сказанного – создание функционально-семантического конфликта в однородном ряду путем сталкивания логически несопоставимых понятий. Для четкого, лаконичного выражения авторской позиции активно используются конструкции с отрицательным противопоставлением.

Список использованных источников

1. Береговская, Э. М. Очерки по экспрессивному синтаксису / Э. М. Береговская. – М. : Рохос, 2004. – 208 с.
2. Евтушенко, Е. Это – женщина моя: [стихотворения, поэма] / Евгений Евтушенко. – СПб. : Амфора. ТИД Амфора ; М. : ИД Комсомольская правда, 2012. – 239 с. – (Серия «Великие поэты»).
3. Матвеева, Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. – М. : Флинта: Наука, 2003. – 432 с.
4. Мудрость тысячелетий от А до Я. Великие мысли и афоризмы великих людей / авт.-сост. В. Н. Зубков. – М. : АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 861 с.
5. Шедевры отечественной поэзии XVIII, XIX, XX веков : в 3 т. – М. : Изд. дом Синергия, 2004. – Т. 3 : Разгадать грядущее стремясь.

КРАПИВИНСКИЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ АННЫ ЗЕНЬКОВОЙ «С ГОРЯЧИМ ПРИВЕТОМ ОТ ФЁКЛЫ»

М. В. Колин,

аспирант кафедры филологических основ издательского дела
и литературного творчества Тверского государственного университета,
г. Тверь, Российская Федерация
E-mail: mvkomin@gmail.com

В настоящей статье повесть Анны Зеньковой «С горячим приветом от Фёклы» проанализирована на предмет воплощения традиционных крапивинских мотивов, таких как сиротство, усыновление, Дорога, обретение дружбы и ее испытание, вера в счастливый исход. Показана преемственность литературных традиций, художественных принципов и эстетических идеалов Владислава Крапивина в произведениях лауреатов Крапивинской премии (на примере повести Анны Зеньковой). Установлено, что протагонист Анны Зеньковой соответствует типу «крапивинского мальчика», расшифрованы заложенные в повесть «С горячим приветом от Фёклы» отсылки к произведениям В. П. Крапивина. Показано единство книг Владислава Крапивина и Анны Зеньковой в утверждении идеалов гуманизма, ценности детства, семьи и дружбы.

Ключевые слова: Владислав Крапивин, крапивинские мотивы, лауреаты Крапивинской премии, «крапивинский мальчик», детская литература.

KRAPIVINSKY MOTIFS IN THE STORY OF ANNA ZENKOVA «WITH THE WARM GREETINGS OF FEKLA»

M. V. Komin,

Postgraduate student of the Department of Philological Foundations of Publishing
and Literary Creativity of Tver State University,
Tver, Russian Federation
E-mail: mvkomin@gmail.com

In this article, Anna Zenkova's novel «With warm greetings from Fekla» is analyzed for the embodiment of traditional Krapivin motives, such as orphanhood, adoption, the Road, finding friendship and its trial, faith in a happy outcome. The continuity of literary traditions, artistic principles and aesthetic ideals of Vladislav Krapivin in the works of the Krapivin Prize laureates is shown (by the example of the novel by Anna Zenkova). It is established that the protagonist of Anna Zenkova corresponds to the type of «Krapivinsky boy», the references to the works of V. P. Krapivin embedded in the story «With warm greetings from Thekla» have been deciphered. The unity of the books of Vladislav Krapivin and Anna Zenkova in affirming the ideals of humanism, the values of childhood, family and friendship is shown.

Keywords: Vladislav Krapivin, Krapivin motifs, winners of the Krapivin Prize, «Krapivin boy», children's literature.

Введение

Одной из самых престижных современных премий для детских писателей является международная литературная премия имени В. П. Крапивина, ежегодно вручаемая с 2006 года. Как отмечает О. В. Колпакова, «Крапивин [в качестве имени литературной премии] был выбран не случайно. На его книгах выросло не одно поколение детей; он как будто занял пустующее после Гайдара место “комиссара детской литературы”, писателя-романтика, преданного теме защиты детства» [3, с. 191].

Белорусская писательница Анна Зенькова становилась лауреатом премии имени В. П. Крапивина дважды. В 2020 году ее дебютная юношеская повесть «С горячим приветом от Фёклы» была удостоена Крапивинской премии в почетной номинации «Выбор Командора»; в 2021 году Анна Зенькова вновь получила Крапивинскую премию за повесть «Удар скорпиона» (в номинации «Выбор литературного совета») [8].

Особенность премии имени В. П. Крапивина состоит в том, что члены ее жюри работают под девизом «Книга должна быть воспитателем души» [3, с. 192], тщательно отбирают произведения, обладающие высокими художественными достоинствами и воспитательным, нравственным, гуманистическим потенциалом. Лауреаты премии имени В. П. Крапивина традиционно ориентируются на крапивинскую романтику, поэтику, художественный подход к изображению детства, их основные темы – это взросление, нравственное становление юного героя, обретение настоящей дружбы, преодоление трудностей и улучшение мира. Таким образом, произведения лауреатов премии имени В. П. Крапивина всегда тесно связаны с творческим миром писателя и в некотором плане могут быть рассмотрены как его своеобразное продолжение и расширение.

Цель и задачи

В настоящей статье исследованы крапивинские мотивы в повести Анны Зеньковой «С горячим приветом от Фёклы» (2020).

Результаты и их обсуждение

Главным героем повести выступает 11-летний Севка Степнов. В именовании персонажа можно разглядеть отсылку к известной повести В. П. Крапивина «Сказки Севки Глущенко» (1984). Единство используемых имен подчеркивает типологическое сходство героев В. П. Крапивина и А. В. Зеньковой.

Протагонист Владислава Крапивина и в литературоведении, и в читательской среде традиционно именуется «крапивинским мальчиком» [5, с. 153] и представляет собой яркий и узнаваемый социокультурный типаж подростка: как правило, это мальчик 11–12 лет (младший подросток), длинноволосый и утонченный, романтик, мечтатель и любитель приключений. Крапивинского героя отличают вера в добро и обостренное чувство справедливости, при всей своей внешней незащитности он не раздумывая бросается в бой со злом и подлостью.

Сева Степнов в повести Анны Зеньковой изображен типичным «крапивинским мальчиком»: он обладает широким кругозором и богатой фантазией, любит сравнивать окружающих с персонажами книг и киногероями (представляет водителя машины гангстером, а сердитую соседку Валюху – грозным вождем индейцев), придумывает себе прозвища – «*то Румпельштилцхен, то Ганс, то Зорро*», мечтает о море и кораблях (называет обрыв за домом «пиратским утесом»), в лагере участвует в спектакле про пиратов Карибского моря); Сева дружелюбен, совестлив и рассудителен, он очень тонко чувствует других и с пони-

манием относится ко всем, даже к ворчливой Валюхе, поскольку сам он многое испытал за свою недолгую жизнь: когда-то родная мать выбросила его на свалку.

В повести Анны Зеньковой сюжетобразующим выступает мотив сиротства, традиционно присущий русской литературе. По замечанию писателя Б. Д. Минаева, «герои советской детской литературы – от Гайдара до Крапивина – это, как правило, дети глубоко страдающие. Переживающие глубокие потрясения. Попадающие в дико сложные ситуации. И если пытаться выразить эту проблему одним словом, то можно сказать так – это литература СИРОТСКАЯ» [4, с. 12]. Если в XX веке мотивы сиротства и беспризорничества в литературе были обусловлены в первую очередь масштабными социально-политическими катаклизмами (революции, гражданская война в России, Великая Отечественная война, распад СССР и региональные конфликты 1990-х годов) [2, с. 24], то в настоящее время на первый план выходит уже не реальное, а социальное сиротство: продолжающийся с 1990-х годов кризис семейных ценностей, разводы, неполные семьи, потеря эмоциональной связи между родителями и детьми – по мнению специалиста по детской литературе Н. Ю. Богатыревой, «всё это оказывается в фокусе внимания практически каждого писателя, работающего для подростков» [1, с. 8].

Сиротами являются многие герои Владислава Крапивина: в повести «Выстрел с монитора» (1989) Павлик Находкин живет с мачехой, а Лотика из старинного Реттерхальма воспитывают тетки; Лесь Носов в повести «Дырчатая луна» (1994) и Ромка Смородкин в повести «Самолет по имени Серёжка» (1994) не знают своих отцов; в романе «Бронзовый мальчик» (1994) Кинтель пытается выяснить, действительно ли его мать погибла в кораблекрушении или же она бесследно скрылась, бросив семью ради новой жизни.

Крапивинский Севка Глушенко до последнего ждет без вести пропавшего на войне отца: его возвращение в заключительной сцене дарит Севке самую большую радость в жизни. Школьные несправедливости и мелочные нападки, прежде доставлявшие огорчения, больше ничуть не печалят Севку.

В повести Анны Зеньковой «С горячим приветом от Фёклы» Сева Степанов решает проверить слухи о том, что его родила и выбросила спившаяся Ленка Рябая из соседнего подъезда. Сева подходит к курящей на скамейке заторможенной женщине с вопросом: «Ты моя мама?», но та лишь смеется и грубо прогоняет мальчика, после чего Сева окончательно теряет надежду отыскать свою настоящую мать. И все же по-настоящему материнской заботой его окружает Фёкла.

Как и в повести В. П. Крапивина «Лето кончится не скоро» (1995), где одинокая баба Дуся берет под опеку Шурку Полушкина из далекого интерната, Севу Степанова растит бездетная пожилая Фёкла, которая нашла его маленьким в мусорном баке у дома и забрала к себе. Потерянный мальчик обретает заботливую бабушку, а одинокая женщина – благодарного внука.

Сева привязан к Фёкле, хотя и тяготится ее запретами – гулять только до восьми, не лазить на вишню Валюхи, не купаться в реке. Порой Севке кажется, что Фёкла не всегда внимательна к нему: вместо телефона купила ему смешной свитер с жирафом. Сева любит Фёклу как родную, но не забывает о своем происхождении: он называет ее не мамой, бабушкой или тетей, а просто Фёклой.

Развитие сюжета все больше обостряет мотив сиротства: со смертью Фёклы Сева сиротеет повторно и попадает в «учрежде-е-ение», мрачное и бездушное: *«Ничего уродливее я в своей жизни просто не видел. <...> Тусклое здание смотрелось похлеце фильма ужасов. Я тут же представил себе, что это*

никакой не интернат, а кирпичный монстр. Ну а что? Похож! Окна – это глаза, а дверь – кривой рот, который сейчас сожрет меня и даже косточек не оставит» [6].

В детском доме красивые Севкины волосы небрежно обстригает хамоватая парикмахер Эльза, которую Сева сравнивает с Эдвардом Руки-Ножницы из фильма ужасов. Ножницы необратимо разрезают жизнь Севы на «до» и «после»: в художественном оформлении книги от издательства «КомпасГид» (2020) они вынесены на обложку вместе с портретом Севки.

Прежде Сева всерьез огорчился из-за отсутствия телефона, немодной одежды, невозможности поехать на море; в новых обстоятельствах он резко взрослеет через переживание утраты: *«Плакал я долго, можно сказать, целую вечность. Но не так, как в детстве, – громко и надрывно, чтобы кто-нибудь услышал и пожалел. Это были другие слезы. Какие-то бесполезные, что ли. Которыми никого не укоришь. Которые тебе никто не вытрет. <...> Меня вдруг озарило: «Может, это и есть настоящее горе?» [6].*

И все же Севка не может полностью поверить в смерть Фёклы: *«Кладбище я как-то плохо запомнил...» [6].* Фёкла не умерла совсем, а просто переселилась в его голову и там продолжает жить вместе с ним, разговаривать, советовать, иногда ворчать, как прежде, а главное – любить Севу и заботиться о нем:

«Фёкла отказывалась уходить и слонялась по моим мыслям туда-сюда. Я прямо слышал, как она там топает. У меня заболела голова. Я прижался лбом к стенке и закрыл глаза в надежде, что всё пройдет. Но Фёкла и там меня нашла. Вынырнула из темноты и спрашивает:

– Ты не простудился?

Я даже головой покачал, такой настоящей она мне показалась» [6].

В интервью порталу МЕЛ Анна Зенькова так определила роль своей героини Фёклы в сюжете повести: *«Фёкла, несмотря на некоторую эфемерность в вопросах присутствия, довольно-таки весомый и осязаемый персонаж. Она внезапно и резко исчезает из поля зрения читателя, но при этом продолжает существовать параллельно сюжету, вроде бы и за кадром, но по-прежнему в главных ролях. Не могу сказать, что для её создания был взят какой-то прототип, это, скорее, собирательный образ: портрет человека, которого обычно не хватает всем – маленьким, и взрослым. Здесь и любящая мама, и уютная, ласковая бабушка, и строгая, но справедливая няня в одном лице. Такое вот олицетворение женщины в самых лучших её проявлениях» [9].*

Крапивинский Шурка Полушкин живет с золотой рыбкой вместо сердца в груди, Сева Степанов живет с голосом Фёклы в голове: каждый из героев имеет свою тайну и утешение.

В интернате Сева бережно надевает свитер с жирафом, который Фёкла купила ему вместо телефона. Фёкла умирает уже во второй главе повести, и в дальнейшем все сцены жизни с ней на протяжении книги показаны в ретроспективе как теплые воспоминания Севки о доме. Жираф на свитере выступает отсылкой к повести В. П. Крапивина «Полосатый жираф Алик» (1999), в которой жираф – единственная настоящая игрушка на космических Астероидах, символ детской надежды на возвращение к счастливой жизни.

Как и Шурка Полушкин, Сева Степанов противопоставлен ребятам из детского дома: Шурка не находит друзей в интернате и ночью отбивается от жестокого восьмиклассника гвоздем; Сева недоволен тем, что в его комнате

всем заправляет нахальный Ржавый, который заставляет участвовать в своих проказах безлобных, но слабовольных Яшку и Гнусика: *«Было ясно, что им меня жаль, а ржут они только чтобы поддержать рыжего»* [6].

Летний лагерь оказывается таким же безрадостным, как интернат, из него хочется убежать на волю, как Рыжик в романе В. П. Крапивина «Рыжее знамя упрямота» (2006) сбежал из лагеря «Солнечная Радость» к друзьям в отряд «Эспада». Севе Степанову и его новым приятелям некуда бежать, но очень хочется выбраться за забор хотя бы ненадолго – дойти до соседней деревни, где добрая баба Лида угощает их вкусными блинами, посидеть вечером в лесу у костра, отдохнуть от угнетающего циничного надзора и почувствовать себя не «интернатскими», а обычными счастливыми детьми.

После драки с бандой хулигана Фали Сева и Ржавый скрываются от преследователей в лесу. Заблудившись, они вместе ищут дорогу в лагерь, добывают себе еду, готовят ночлег, поддерживают друг друга в опасном пути и, оставшись совершенно одни, общаются уже более откровенно и доверительно.

Вспоминая, как Фёкла ласково называла сиротами потрепанные книги, задвинутые на край полки, Сева все глубже осознает собственное сиротство и ненужность миру: *«И тут я понял! Мы и сами как те книги – обглоданные и без обложек. Безымянные дети, задвинутые подальше на полку – чтобы не портили вид. Кто-то берет и читает нас из жалости. Кто-то ради забавы. А кто-то – чтобы сделать вид, что мы есть. А на самом деле просто стереть пыль»* [6]. Севе удастся прочесть судьбу Ржавого, как книгу, и узнать, что прежде тот имел добрую, любящую, интеллигентную семью, но его родители, геологи, погибли во время оползня. За вычурной кличкой Ржавый прячет мягкое имя Валентин, а за напускной наглостью – израненную страданиями душу; Валя Ржавый отчаянно борется, чтобы остаться человеком, он мечтает выбраться из интерната и построить свою большую крепкую семью: *«Дружную. Где много детей. И собака еще, рыжая! Или кот. Пусть будет»* [6].

Блуждание Севы и Вальки Ржавого в лесу в поисках выхода вносит в повесть Анны Зеньковой присущий творчеству В. П. Крапивина мотив Дороги. В крапивинской повести «Полосатый жираф Алик» (1999) команда ребят отправляется в дальнее путешествие по Дороге, соединяющей грани Великого Кристалла Вселенной, чтобы выбраться из Безлюдных пространств, отменить свою гибель и возвратиться домой к родным: преодоление пути становится условием и ценой избавления от тяжелого прошлого. Пройдя до конца выпавшую им непростую Дорогу, Сева и Валька Ржавый обретают уверенность в своих силах и веру в счастливое будущее. Достигнув дна, можно от него оттолкнуться; порой необходимо потеряться, заплутать в чаще, чтобы отыскать настоящего себя и обрести настоящего друга.

Теперь Сева с улыбкой вспоминает, как однажды Фёкла по совету соседки Валюхи отвела его к психологу. Сцена приема у психолога представлена Анной Зеньковой в комическом стиле: когда равнодушная психолог-формалист, напоминающая циничную и бестактную Аиду Матвеевну, штатного психолога отряда «Эспада» из романа В. П. Крапивина «Рыжее знамя упрямота» (2006), дает Севе тестовое задание, Севка рисует на листе ее портрет с нелепыми усами, чем выводит мнительную даму из себя. Тем самым Анна Зенькова вслед за Владиславом Крапивиным предостерегает читателей от слепого увлечения модной тенденцией на посещение психологов: далеко не все детские проблемы могут быть решены

на психологических тренингах, поскольку лишь искренняя любовь и настоящая дружба помогают ребенку обрести уверенность и счастье в жизни.

Кульминация в повести Анны Зеньковой выстроена на традиционном крапивинском мотиве испытания мальчишеской дружбы: Сева не бросает попавшего в беду Ржавого перед лицом опасности, даже когда принимает фонари поисковиков за глаза волков в темноте, и помогает спасателям вытащить сломавшего ногу Вальку из подземного бункера.

Фёкла по-прежнему остается с Севой, разговаривает с ним и, принеся ему в больницу бананы, обещает: *«Я буду приходить к тебе вместе с солнцем»* [6]. Диалоги героев в заключительной главе раскрывают смысл эпиграфа к повести: *«Если сегодня нет солнца на небе – это не значит, что его нет вообще»* (Би Дорси Орл):

«Когда я открыл глаза, солнца уже не было. Кудлатые тучи снова затемнили его вдоль и поперек.

– Солнце исчезло, – сказал я осторожно <...>.

– Не исчезло, – прошептала Маечка. – Оно за тучами спряталось.

“Точно. – Я повернулся и заглянул ей в глаза. – Надо просто смотреть внимательнее!”

– Солнце скоро появится! – Маечка робко улыбнулась. – Вот увидишь!

– Да, – сказал я уверенно. – Обязательно появится.

Теперь я уже и сам в это поверил» [6].

Образ солнца выражает негаснущую надежду юных героев. Анна Зенькова убеждает читателей в том, что все трудности – временны, нужно набраться терпения, сил и переждать непогоду вместе с верным другом. Солнце обязательно выйдет из-за туч, и вместе с ним в жизнь вернуться счастье, тепло и радость. Сева рисует солнце на стене в интернате, ему снится Фёкла: *«Она сидела верхом на солнце и, свесив ноги, по-девчоночьи болтала ими в воздухе»* [6].

И хотя Сева Степанов и Валька Ржавый в завершении повести все же остаются жить в интернате (только Гнусика отыскал и забрал к себе родной отец), они, как и герои книг В. П. Крапивина, твердо верят в лучшее:

«Якорь брошен в усталую глубь,

Но дорога еще не кончена:

Самолёт межзвёздную мглу

Рассекает крылом отточенным.

Он, быть может, напрасно спешит

И летит совсем не ко мне.

Только я в глубине души

Очень верю в хороший конец...» [7].

Эту песню в повести В. П. Крапивина «Самолет по имени Серёжка» (1994) поет лишившаяся родителей девочка Сойка. «Дорога» Севы Степанова также «еще не кончена»; *«Ты будешь жить долго и счастливо»*, – обещает ему Фёкла. Вера в хороший конец помогает герою преодолеть трудности сиротства.

Выводы

Несмотря на то, что стереотипный типаж ребенка ассоциируется с беззащитностью, слабостью, неготовностью к серьезной ответственности, страхом перед большим непонятным миром, Сева Степанов и Валька Ржавый принимают ответственность на себя, берут все в свои руки и самостоятельно справляются с выпавшими на их долю испытаниями. Поскольку Анна Зенькова разделяет крапивинскую традицию противопоставления светлого мира детей и мира

испорченных взрослых, главной опорой для ее героев-сирот становятся не взрослые наставники (воспитатели в интернате, спонсоры, психологи и т. д.), а они сами, так рано познавшие столь многое.

Список использованных источников

1. Богатырёва, Н. Ю. Русская литература для подростков 2010–2020-х годов : моногр. / Н. Ю. Богатырёва. – М. : МПГУ, 2022. – 190 с.
2. Бухина, О. Герои-сироты в детской литературе: отражение социального кризиса начала и конца советской эпохи / О. Бухина, А. Лану // Детские чтения. – 2015. – № 1 (7). – С. 24–47.
3. Колпакова, О. В. Литературная премия имени В. П. Крапивина / О. В. Колпакова // Детские чтения. – 2012. – № 1 (1). – С. 191–196.
4. Минаев, Б. Д. Старинные пасхальные и святочные рассказы / Б. Д. Минаев // Огонек. – 1991. – № 15. – С. 12–13.
5. Сергиенко, И. А. Формула Крапивина: сюжетная модель реалистической прозы Владислава Крапивина 1960–1980-х годов / И. А. Сергиенко // Сюжетология и сюжетография. – 2019. – № 2. – С. 151–165.
6. Зенькова, А. В. С горячим приветом от Фёклы / А. В. Зенькова. – М. : КомпасГид, 2020. – 357 с.
7. Крапивин, В. П. Самолет по имени Серёжка / В. П. Крапивин. – М. : Изд. дом Мещерякова, 2014. – 187 с.
8. Международная детская литературная премия имени В. П. Крапивина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lit-parus.ru/o_premii.htm. – Дата доступа: 15.04.2023.
9. МЕЛ: «Сложные темы в современной детской литературе неизбежны». Интервью с Анной Зеньковой (Текст публикации: Мария Петрова) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mel.fm/blog/kompasgid-pr/45109-slozhnyye-temy-v-sovremennoy-detskoj-literature-neizbezhnny>. – Дата доступа: 15.04.2023.

УДК 811.161.3'42

ИСТОЧНИКИ И ИМПУЛЬСЫ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ РУССКОГО ЛИРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НАЧАЛА XX ВЕКА

С. Б. Кураш,

кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь,
E-mail: s.kurash0611@gmail.com

О. Н. Хаками,

кандидат филологических наук, педагог,
Специальный (коррекционный) образовательный и консультационный центр
им. Луизы фон Баден,
г. Гейдельберг, Германия,
E-mail: hakami@hotmail.de

В данной статье представлен обзор некоторых основных источников интертекстуализации русского лирического дискурса начала XX века и выявлены

те факторы литературно-культурного процесса эпохи, которые послужили своеобразным импульсом семиотически усложнённого (в данном случае – интертекстуализованного) кодирования действительности в рассматриваемую эпоху. Сделан вывод о том, что возникновение и функционирование интертекстуальности обусловлено сложным комплексом причин, относящихся как к сфере субъективного в поэтическом мышлении, так и к сфере объективно заданных особенностей языковой системы, а также утратой единого мировоззренческого и эстетического центра в переломную эпоху.

Ключевые слова: *лирический дискурс, Серебряный век, интертекстуальность.*

SOURCES AND IMPULSES OF INTERTEXTUALITY OF THE RUSSIAN LYRICAL DISCOURSE OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY

S. B. Kurash,

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology,
I. P. Shamyakin Mozyr State Pedagogical University,
Mozyr, Republic of Belarus,
E-mail: s.kurash0611@gmail.com

O. N. Hakami,

Candidate of Philological Sciences, teacher,
Special (correction) Educational and Consulting Center named after Louise von Baden,
Heidelberg, Germany,
E-mail: hakami@hotmail.de

This article presents an overview of some of the main sources of intertextualization of the Russian lyrical discourse of the early twentieth century and to identify those factors of the literary and cultural process of the epoch that served as a kind of impulse for semiotically complicated (in this case, intertextualized) encoding of reality in the era under consideration. It is concluded that the emergence and functioning of intertextuality is due to a complex set of reasons related both to the sphere of the subjective in poetic thinking and to the sphere of objectively defined features of the language system, as well as the loss of a single ideological and aesthetic center in a critical era.

Keywords: *lyrical discourse, Silver Age, intertextuality.*

Введение

Общей предпосылкой усложнения картины мира русской культуры начала XX века явилась утрата единого мировоззренческого и эстетического центра. Культура Серебряного века поражала обилием талантов, многообразием художественных поисков, концептуальной полемикой Стилей – Текстов – Творцов. Но важнее всего отметить то, что такие – переломные, рубежные – эпохи всегда несут в себе «определенный сгусток возможных, потенциальных, содержащихся в зародыше, в свернутом виде тенденций, которые могут получить свое полноценное развитие далеко не сразу, обладают некоей, если можно так выразиться, отсроченной актуальностью» [7, с. 16–17]. Данный тезис полностью подтверждается последующей поэтической традицией: тексты, вновь и вновь создаваемые каждым из поэтов этой эпохи, испытывали на себе заметное

интертекстуальное влияние, будучи включенными в диалог множества произведений.

Цель и задачи

В данной статье предполагается сделать обзор некоторых основных источников интертекстуализации русского лирического дискурса начала XX века и выявить те факторы литературно-культурного процесса эпохи, которые послужили своеобразным импульсом семиотически усложнённого (в данном случае – интертекстуализованного) кодирования действительности в рассматриваемую эпоху.

Результаты и их обсуждение

Одним из основных источников интертекстуальности русской поэзии начала XX века стала поэтическая традиция прошлого, прежде всего XIX столетия, либо ещё более ранних эпох, что было своеобразной формой поиска чего-то нового и одновременно отрицания современного [7, с. 16–17]. Так, на творчество С. Есенина мощное воздействие оказала древнерусская литература. По его словам, литература Древней Руси – «великая литература», которая «перевесит всю прочую мировую словесность». С. Есенин особенно часто обращается к «Слову о полку Игореве», которое знал наизусть. Фразеологию и мотивы великого произведения можно встретить в его стихотворениях «Песнь о великом походе», «По-осеннему кычет сова...» и др.

Есенинскую традицию во второй половине XX века продолжили такие поэты, как П. Васильев, Н. Рубцов, В. Федоров, Г. Горбовский, И. Григорьев и др. Это лишь один из примеров того, как творчество поэта не только впитывало в себя претексты, «произрастало» на их почве, но и само становилось интертекстуальным источником для создателей последующих текстов.

В то же время русский поэтический дискурс XX века предъявил немало образцов интертекстуальной родственности поэтов с непосредственными предшественниками либо современниками. Так, другая знаковая фигура русского интертекста «серебряного века» А. Ахматова подчеркивала, что ведет свое «начало» от стихов Анненского (на это обращали внимание и её современники: Вяч. Иванов, Н. Оцуп [4, с. 585–594]).

А. Ахматова включила в свой сборник «Вечер» стихотворение «Подражание И. Ф. Анненскому» (1911), а позже написала стихотворение «Учитель» (1945), посвященное его памяти.

Можно говорить и о третьем случае – множественности, подчас неясности источников интертекстуального влияния. В частности, та же А. Ахматова полагала, что её современник и соратник по «поэтическому цеху» О. Мандельштам не имеет претекстов в своем творчестве. «У Мандельштама нет учителя. <...> кто укажет, откуда донеслась до нас эта новая божественная гармония, которую называют стихами Осипа Мандельштама?» – писала она [1, с. 327].

Между тем и творчество О. Мандельштама не явилось абсолютным исключением из доминирующей культурной тенденции эпохи. Так, его стихотворение «Silentium» затрагивает тему, когда-то разработанную в тютчевском стихотворении с родственным названием. Стихотворение «Слух чуткий – парус напрягает...» варьирует мотивы тютчевских «Певучесть есть в морских волнах...» и «О вещая душа моя...». «Из омута злого и вязкого...» О. Мандельштама восходит к стихотворению «О чем ты воешь, ветр ночной...» Ф. Тютчева. Оба поэта

родственно интерпретировали такие концепты, как «сон», «хаос», «хор среди пустоты», схоже конструировали пространство лирического «я», поглощенного космосом или морем. Кроме того, О. Мандельштам откликается на поэзию Ф. Сологуба, зачитывается А. Блоком. В 1909 году О. Мандельштам знакомится с И. Анненским, посещает его, ощущает тесную связь с его поэзией. Стихотворение И. Анненского «Он и я» отозвалось в «Концерте на вокзале». Характерно, что сам О. Мандельштам справедливо утверждал, что его нельзя «от века оторвать».

Важной предпосылкой интертекстуальных связей выступало и продолжает выступать личное знакомство поэтов и писателей, их непосредственное общение (в том числе эпистолярное), выливающееся, например, в обмен стихотворными посланиями и посвящениями (например, М. Цветаева «Ахматовой», Б. Пастернак «Марине Цветаевой», И. Северянин «Валерию Брюсову», А. Ахматова «Борису Пастернаку» и др.). Литературные произведения, следы литературной полемики вследствие этого входят в «активную зону» пресуппозиции целого ряда авторов и находят свое отражение в их поэтических текстах.

Осознание многими художниками слова важности наличия у них Учителей часто принимает форму их упоминания и цитирования в своих произведениях, что также стимулирует выход в интертекстуальный слой дискурса. Классическим примером подобной традиции стали, например, строки Н. Некрасова: *Учитель! перед именем твоим / Позволь смиренно преклонить колени! / Ты нас гуманно мыслить научил... / Едва ль не первый ты заговорил / О равенстве, о братстве, о свободе...*

В XX веке в стихотворении «Молитва перед поэмой» (из поэмы «Братская ГЭС») Е. Евтушенко, обращаясь к основным мотивам, образам, отличительным чертам творчества поэтов-предшественников (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. Некрасов, А. Блок, Б. Пастернак, С. Есенин, В. Маяковский), как бы просит их стать его учителями: *И, на колени тихо становясь... / прошу смиренно помощи у вас, / великие российские поэты... / Дай, Маяковский, мне / глыбастость, / буйство, / бас...*

Одной из основных предпосылок интертекстуальности русского лирического дискурса явилось наличие концептов, присущих национальному мировоззрению, так называемых «ключевых концептов культуры» (Ю.С. Степанов), существующих в качестве межтекстовых образов. Так, в диалоге текстов национальной поэзии непременно возникают концепты Родины, родной природы, времени, пространства, собирательный образ лирического героя и т. д. Это универсалии поэтического дискурса, в то время как дифференциация (частное) касается индивидуально-авторского компонента данных концептов, поскольку «картину, которую пишет художник, стихотворение, которое пишет поэт, сонату, которую пишет композитор, никто за них никогда бы не написал, пройди хоть тысячи лет» [8, с. 113].

Смысловое поле для появления интертекстуальных феноменов возникает вследствие осознания авторами подобного межтекстового, общенационального статуса таких концептов – как следствие рефлексии по поводу того, как этот концепт уже кем-то осмыслялся, выстраивался. Например, в стихотворении «И вот в журнале громогласном...» И. Ляпина находим строки, отсылающие к некрасовской интерпретации концепта «Россия»: *...Его Россия безъязыка, / Как та крестьянка на Сенной.* Или у Е. Евтушенко в «Письме к Есенину», отсылающему к смысловой оппозиции концептов России у С. Есенина и

В. Маяковского: *Я, как Россия, более стальной, / и, как Россия, менее березовый. / Есенин, милый, / изменилась Русь...*

Импульс интертекстуальности постоянно поддерживается и тем фактом, что художественные тексты продолжают жизнь (и зачастую весьма активную) вне рамок времени их создания – в культурном пространстве последующих эпох и поколений. Текст становится доступным все новым и новым поколениям. По словам М.М. Бахтина, «произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, то есть в большом времени, притом часто (а великие произведения всегда) более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности» [2, с. 331].

Но прежде чем обрести жизнь в будущем, текст вбирает в себя сведения из прошлого, он продолжает прошлое, связывая его с будущим, создавая тем самым непрерывность информативного пространства и постоянно насыщая его новыми «квантами информации». М. М. Бахтин приводит в пример Шекспира: «Смысловые сокровища, вложенные Шекспиром в его произведения, создавались и собирались веками и даже тысячелетиями. Шекспир использовал и заключил в свои произведения огромные сокровища потенциальных смыслов, которые в его эпоху не могли быть раскрыты и осознаны в своей полноте. Сам же автор и его современники видят, осознают и оценивают прежде всего то, что ближе к их сегодняшнему дню...» [2, с. 332]. В то же время М. Цветаева в 1932 году писала, что «брак поэта со временем – насильственный брак» [10, с. 391], то есть произведения поэта должны быть вне времени, или, выражаясь её словами: *быть или нет / Стихам на Руси – / Поток спроси, / Потомков спроси* (М. Цветаева «Не нужен твой стих...»). В этом смысле часто оказывается так, что произведение искусства остаётся незамеченным или даже не признанным современниками, но, спустя время, начать плодотворно функционировать как часть художественного дискурса, что ёмкой поэтической формулой определила М. Цветаева: *Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед* (М. Цветаева «Моим стихам, написанным так рано...»). Именно время и предъявляет художественным текстам испытание интертекстуальностью: отзовётся ли «старый» текст в «новых» цитатах, аллюзиях, реминисценциях, обогатит ли литературный язык крылатыми словами и афоризмами, вошедшими в узус языковыми новообразованиями и пр. То, что это испытание многими текстами выдерживается, ведёт к процессу самогенерации литературного интертекста, весьма точно определённого И. Бродским в том плане, что «не человек пишет стихотворение, а каждое предыдущее стихотворение пишет следующее» [9, с. 6].

В контексте и в развитие наших рассуждений можно привести и высказываемую исследователями мысль об объективной востребованности интертекста в литературе XX века вследствие того, что накопленная информация имеющегося интертекста столь всеобъемлюща, разнопланова и велика, что она не может не довлеть над сознанием авторов и время от времени обязательно выплещивается во вновь продуцируемые тексты.

Наконец, потенциальная заданность интертекстуальности заложена и в противоречии между дискретностью языка и континуальностью поэтического смысла: количество лексем и их валентность системно ограничены, в то время как поэзии свойственна повышенная смысловая нагрузка на языковые средства в силу ограниченности форм. Поэтому все, что произнесено нами, уже в той или иной форме было сказано, говорится или будет сказано другими. Именно этот феномен явился концептуальным стержнем стихотворения Я. Смелякова «Поздняя

благодарность»: *Я, запоздняясь, благодарю / того, кто был передо мною / и кто вечернюю зарю / назвал вечернею зарею. // Того, кто первый услышал / капель апреля, визг мороза / и это дерево назвал / так упоительно березой. // Потом уже, уже потом / сюда пришел Сергей Есенин / отогреть разбитым ртом / ее озябшие колени.*

По сути, о том же писал и И. Бродский, говоря об ощущении «немедленного впадения в зависимость от языка, от того, что на нём уже высказано, написано, осуществлено» [6, с. 192].

Всё вышесказанное убедительно свидетельствует о том, что интертекстуальность стала «неотъемлемой структурообразующей чертой литературы XX века» [3, с. 47]. Литература искала и продолжает искать источники развития внутри себя, смещая границы между своими и чужими текстами. Пусть и в шутливо-иронической форме, но, в сущности, точно это подмечено Т. Кибировым: *...и, куда ни поверни, / здесь аллюзии, цитаты, / символистские закаты, / акмеистские цветы, / баратынские кусты, / Достоевские старушки / да гандлевские чекушки, / надежи и времена! / Это Родина. Она / и на самом деле наша.*

Именно в таком, сложном и многоголосом, полилоге множества появившихся и так или иначе оттолкнувшихся от прежней литературной традиции течений и стилей (символизм, акмеизм, футуризм, имажинизм и пр.) формировался интертекстовый слой русского поэтического дискурса начала XX века, определивший интертекстуальность как одну из ведущих доминант русского поэтического стиля вплоть до настоящего времени.

Сразу уточним: круг исследуемого в работе материала в основном ограничен поэтическими текстами допостмодернистской традиции. Разумеется, нельзя не признать того, что постмодернистский дискурс, нередко называемый даже не современным, а «постсовременным», в значительной мере определил облик всего русского поэтического дискурса конца XX – начала XXI века и, более того, имеет в качестве одной из своих системообразующих категорий именно категорию интертекстуальности. Однако в меньшей степени ему присущи и иные определяющие его суть лингво-эстетические доминанты: игровой принцип, дискурсивная интерференция, интерактивность, нелинейность, нарратив, панхронизм, децентрация и др. [5, с. 11], что, по-видимому, все же требует определенных специфических подходов к его изучению как с точки зрения содержания, так и в плане методов и приемов исследования. Иными словами, интертекстуальность русской поэзии начала – середины – отчасти конца XX века, не включая постмодернистов (при всем многообразии имен), и интертекстуальность постмодернистов – не вполне одно и то же. Здесь напрашивается такая аналогия: в первом случае инструментом (т. е. интертекстуальностью) работают, пользуются, а во втором – им играют, его разбирают «на винтики» и собирают заново уже новым способом.

Заключение

Таким образом, можно говорить об интертекстуальной составляющей русского поэтического дискурса как конкретно-детерминированном феномене. Возникновение и функционирование интертекстуальности обусловлено сложным комплексом причин, относящихся как к сфере субъективного в поэтическом мышлении, так и к сфере объективно заданных особенностей языковой системы.

Список использованных источников

1. Ахматова, А. Из воспоминаний о Мандельштаме (Листки из дневника) / А. Ахматова // А. Ахматова Я – голос ваш... – М. : Кн. палата, 1989. – С. 315–328.
2. Бахтин, М. М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» / М. М. Бахтин // М. М. Бахтин, Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – С. 328–335.
3. Дымарский, М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX – XX вв.) / М. Я. Дымарский. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 328 с.
4. Кожина, М. Н. Художественно-образная речевая конкретизация / М. Н. Кожина // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 585–594.
5. Лучинская, Е. Н. Постмодернистский дискурс: семиологический и лингвокультурологический аспекты интерпретации : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е. Н. Лучинская. – Краснодар, 2002. – 328 л.
6. Маслова, В. А. Филологический анализ поэтического текста : моногр. / В. А. Маслова. – Минск : БРФФИ, 1999. – 208 с.
7. Пахсарьян, Н. Т. К проблеме изучения литературных эпох: понятие рубежа, перехода и перелома / Н. Т. Пахсарьян // Литература в диалоге культур : материалы Междунар. науч. конф. – Ростов н/Д, 2004. – С. 12–17.
8. Солоухин, В. Камешки на ладони / В. Солоухин // Наш современник. – 1984. – № 1. – С. 105–114.
9. Уфлянд, В. Предисловие / В. Уфлянд // Бродский И. А. Форма времени: Стихотворения, эссе, пьесы : в 2 т. / И. А. Бродский. – Минск : Эридан, 1992. – Т. 1. – С. 6–12.
10. Цветаева, М. И. Век мой – враг мой / М. И. Цветаева // Цветаева М. И. Любви старинные туманы: Стихотворения и поэмы. – М. : Изд-во Эксмо, 2002. – С. 391.

УДК 807

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ: КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО *ПАМЯТЬ* В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. П. КУЗНЕЦОВА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «ДЛЯ ТОГО, КТО ПО-ПРЕЖНЕМУ МОЛОД...»)

О. В. Ланская,

кандидат филологических наук, учитель Муниципального общеобразовательного учреждения средней школы № 14 г. Липецка,
г. Липецк, Российская Федерация
E-mail: o.vlad.lanskaja@rambler.ru

В статье анализируется стихотворение «Для того, кто по-прежнему молод...», рассматривается ключевое слово память, а также слова камень, бездна, эхо, руины, входящие в лексико-тематические группы «дорога», «память», связанные с противопоставлениями «чужая душа – русская память», «память –

беспамятство», «свое – чужое». С помощью перечисленных номинаций создается образ пространства и времени в творчестве одного из выдающихся поэтов конца XX века – Ю. П. Кузнецова.

Ключевые слова: пространство, время, сема, словосочетание, лексико-тематическая группа.

SPACE AND TIME: THE KEYWORD MEMORY IN THE WORK OF YU. P. KUZNETSOVA (ON THE MATERIAL OF A POEM «FOR ONE WHO IS STILL YOUNG...»)

O. V. Lanskaya,

candidate of philological sciences, teacher Municipal General Education institutions of secondary school № 14 in Lipetsk, Lipetsk, Russian Federation
E-mail: o.vlad.lanskaja@rambler.ru

The article analyzes the poem «For the one who is still young ...», considers the keyword memory, as well as the words stone, abyss, echo, ruins, included in the lexical-thematic groups «road», «memory», associated with oppositions «someone else's soul – Russian memory», «memory – unconsciousness», «one's own – someone else's». With the help of the listed nominations, an image of space and time is created in the work of one of the outstanding poets of the late 20th century, Yu. P. Kuznetsova.

Keywords: space, time, seme, phrase, lexical-thematic group.

Введение

Когнитивная лингвистика при исследовании художественного текста позволяет по-новому рассмотреть пространственные и временные категории, на основе которых в произведении создаётся особая модель мира, художественное пространство, отражающее национальный характер народа, историю государства.

Цель и задачи

Цель настоящего исследования – определить содержание ключевого слова *память*, его связь в лирическом тексте с такими понятиями, как «пространство» и «время», способы речезыкового воплощения, их пространственные конкретизаторы, смыслообразующую функцию. Она предполагает постановку и решение следующих конкретных задач: выявить основные виды категорий пространства и времени в художественной системе лирического текста; определить смысловые типы пространства, основные принципы его языковой объективации; описать различные парадигмы и позиции, лексико-семантические (синонимы, антонимы и т. п.), лексико-тематические, а также ключевые слова, слова-символы, их смыслообразующие функции.

Результаты и их обсуждение

Пространство, время и память воспринимаются как единое целое. Данные понятия объясняются через осмысление прошлого, настоящего и будущего, представление о происходящем в момент совершения действия, зафиксированного формулой «здесь и сейчас». Ключевое слово *память* обозначает «способность помнить, не забывать прошлое» [3, т. III, с. 14]. Данная лексическая единица имеет семы 'разум', 'рассудок', 'мысль', 'суждение', 'мнение', 'загадка' [10, т. 3, с. 195], вбирает в себя представления человека о мире.

По словам исследователя О. А. Черепановой, «основной формой передачи культурной памяти является язык, который, несмотря на свою вариативность и историческую изменчивость, обладает способностью консервировать и сохранять коммуникативно значимые содержательные фрагменты» [11, с. 16]. Культурная память сохраняется через ключевые слова, словосочетания, с помощью которых создается языковая картина мира.

Стихотворение «Для того, кто по-прежнему молод...» (1980) построено на антитезе «чужая душа – русская память». Данное противопоставление предполагает преодоление противоречия. Лирический герой исследуемого произведения – человек из прошлого, с нестареющей душой, объединяющий тех, кто разделяет его взгляды. Отсюда использование в тексте местоимения *мы*, имеющего семы 'общее', 'единение':

Для того, кто по-прежнему молод,
Я во сне напоил лошадей.
Мы поскачем во Францию – город
На руины великих идей [7, т. 4, с. 11].

По-особому организовано в тексте время. В нем соединено прошлое и настоящее, реальное и мифологическое. При этом действие будет происходить в будущем. Путешествие героев совершается во времени и пространстве. Ключевое слово *дорога* (в значении «ездовая полоса» [3, т. I, с. 473]) связано с понятиями «путь во времени», «поиски смысла бытия», входит в лексико-тематическую группу «дорога» вместе со словами *поскачем, найдем, пропылим, прогремим*. Приставка *про-* обозначает «действие сквозное или конченное» [3, т. III, с. 466]. Слово *дорога*, по мнению Кузнецова, связано не только с судьбой одного человека, но и с судьбами других людей. Данная лексическая единица приобретает значение «единение», «общность», «соборность». Символизирует исследуемое слово путешествие во времени, в иное пространство, которое, несмотря ни на что, воспринимается одновременно как свое и чужое, объединяющее всех.

В лексико-тематическую группу «память» входят слова *руины, потомки, память, дорога*, словосочетания *по забытым могилам, по священным камням, золотых потускневших людей, русская память*. Слова *руина* (в значении «развалина» [3, т. IV, с. 109]), *потомки* (с семой 'после того' [10, т. 3, с. 345]) указывают на быстротечность времени, на то, что все предается забвению: попираются священные камни, от великих идей остаются руины. В то же время все через идеи способно к возрождению. Изменяется само видение происходящего. Возникает понимание того, что мир противоречив, загадочен, что познание его рождается в действии, в сопротивлении, в стремлении понять тайны бытия. Сохраняется при этом собственное достоинство, уважение к своей истории, традициям.

Слово *блеск* приобретает в тексте отрицательную символику. Имея семы 'сверкать', 'бледный' [10, т. 1, с. 174], обозначая «яркое средоточие или отражение света» [3, т. I, с. 96], данная лексическая единица ассоциируется с роскошью, ослеплением, которое настигает человека, оказавшегося в чужом пространстве, но преодолевающего путь, несмотря ни на что:

Нам чужая душа – не потемки
И не *блеск* Елисейских Полей.
Нам едино, что скажут потомки
Золотых потускневших людей [т. 4, с. 11].

В лексико-тематическую группу «память» входит словосочетание *Елисейских полей*. В комментариях к стихотворению говорится, что данная синтаксическая единица происходит от слова *Элизиум*. В греческой мифологии «Елисейские поля – прекрасные поля в загробном мире на берегу реки Океан, куда по окончании бренной жизни попадают любимые богами герои» [7, с. 12]. Смыслы, связанные с исследуемым словосочетанием, с одной стороны, восходят к Библии; с другой – к реалиям современности, в которой данное словосочетание приобретает смыслы 'богатство', 'социальное неравенство', 'западные ценности', 'отсутствие духовности'. Внешний блеск не может затмить свет истины, идеи, основанные на идеалах гуманизма.

В последнем четверостишии словосочетание *русская память* фиксирует пространство и время, традиции, ментальность русского человека, его способность воспринимать чужое как свое, с сочувствием относиться к миру. По словам исследователя Е. В. Богачкова, «тут уместно вспомнить принципиальную “открытость”, “диалогичность” “большого опыта” и вообще гуманитарного знания, о которых говорил М. М. Бахтин, а также, конечно, слова Достоевского о “всечеловечности” русских» [7, с. 12]. Можно предположить, что в поэтическом тексте, так же как и в прозаическом, слова носят «не неподвижный, динамический характер: взаимоотношение голосов в слове может резко меняться, однонаправленное слово может переходить в разнонаправленное, внутренняя диалогизация может усиливаться или ослабляться» [1, с. 115].

Особые смыслы связаны со словосочетанием *русская память*. С одной стороны, память русского человека сохраняет знаковые события давно прошедших дней; с другой – нет в ней места чувству мести, но есть осознание ценности достижений цивилизации:

Только *русская память* легка мне
И полна, как водой решето.
Но чужие священные камни,
Кроме нас, не оплачет никто [т. 4, с. 11].

Словосочетание *священные камни* также связано с идеей единения, но с особым осмыслением событий давно прошедшего, трепетным отношением к святыням. Как известно, слово *камень* – «один из первоэлементов мира. < ... > В народной космогонии камень трактуется как опора, основание, стержень, ось мира и уподобляется *дереву мировому и горе*» [8, с. 214].

Символизирует *камень* основание дома, храма, «вместилище жизненной силы» [12, с. 53], поэтому камни прошлого, руины священны для всего человечества.

Ключевым является слово *душа*, которое имеет смыслы 'сокровенное', 'чувства, мысли, переживания человека'.

Выводы

Итак, пространство и время осознаются через понятие «память», фиксируются с помощью номинаций, входящих в разные лексико-тематические группы, связанные с противопоставлением «свое – чужое», с понятием «единение на основе общих нравственных ценностей», с помощью ключевого слова *память* создается образ языковой картины мира второй половины XX века в творчестве великого русского поэта Кузнецова.

Список использованных источников

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М. : Изд-во «Э», 2017. – 640 с.

2. Богачков, Е. В. Юрий Кузнецов о памяти (Теоретико-литературный потенциал категории «память» в творческом сознании Ю. П. Кузнецова) / Е. В. Богачков // Юрий Кузнецов и Россия. – М. : Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2011. – С. 314–371.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2006.
4. Колесов, В. В. Слово и дело: Из истории русских слов / В. В. Колесов. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – 703 с.
5. Колесов, В. В. Словарь русской ментальности : в 2 т. / В. В. Колесов, В. Д. Колесова, А. А. Харитонов. – СПб. : Златоуст, 2014.
6. Копалинский, В. Словарь символов / В. Копалинский. – Калининград : Янтарный сказ, 2002. – 267 с.
7. Кузнецов, Ю. П. Стихотворения и поэмы. Составитель и автор комментариев Евгений Богачков / Ю. П. Кузнецов. – М. : Лит. Россия, 2011. – Т. 3–4.
8. Левкиевская, Е. Е. Камень / Е. Е. Левкиевская // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М. : Междунар. отношения, 2002. – С. 214–215.
9. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1987. – Т. III.
10. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – 4-е изд., стер. – М. : ООО «Изд-во Астрель»: «Изд-тво АСТ», 2004.
11. Черепанова, О. А. Культурная память в древнем и новом слове: Исследования и очерки / О. А. Черепанова. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 331 с.
12. Шейнина, Е. Я. Энциклопедия символов / Е. Я. Шейнина. – М. : ООО «Изд-во АСТ» ; Харьков : Торгсинг, 2003. – 591 с.

УДК 821.161.1

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА

К. И. Малышева,

преподаватель кафедры мировых языков

Витебского государственного университета им. П. М. Машерова,

г. Витебск, Республика Беларусь

E-mail: kseniya-malysheva@list.ru

В статье анализируются образные средства и стилистические особенности в творчестве Л. Улицкой, позволяющие раскрыть социальные и национальные особенности советского общества 50–70-х годов XX века. Выявлены и описаны образцы русского литературного языка столичной интеллигенции, речь и уклад жизни деревенского жителя, диалектизмы, экспрессивные языковые

формы, специфика говорения различных слоев населения, а также материальные и духовно-ценностные артефакты бытовой и социокультурной жизни общества. Делается вывод о том, что благодаря используемым средствам – разноплановость стилей, метафоры, сравнения, повтор форм, пословицы и поговорки – автор органично воссоздает и описывает уже ушедшую эпоху.

Ключевые слова: стиль, артефакты, речь, лексика, диалектизмы, приемы, тропы.

STYLISTIC FEATURES IN A WORK OF ART AS A REFLECTION OF THE SOCIAL STRUCTURE OF SOCIETY

K. I. Malysheva,

teacher of the Department of World Languages
of Vitebsk State University named after P. M. Masherov,
Vitebsk, Republic of Belarus

The article analyzes the figurative means and stylistic features in the work of L. Ulitskaya, allowing to reveal the social and national characteristics of the Soviet society of the 50–70s of the twentieth century. The samples of the Russian literary language of the metropolitan intelligentsia, the speech and lifestyle of a villager, dialectisms, expressive language forms, the specifics of speaking of various segments of the population, as well as material and moral-value artifacts of everyday and socio-cultural life of society are identified and described. It is concluded that, thanks to the means used – the diversity of styles, metaphors, comparisons, repetition of forms, proverbs and sayings – the author organically recreates and describes an era that has already passed for us.

Keywords: style, artifacts, speech, vocabulary, dialectisms, methods, tropes.

Введение

В этом году исполняется 80 лет со дня рождения известной писательницы Людмилы Евгеньевны Улицкой, поэтому данная статья посвящена исследованию языковых стилей, проявленных в ее творчестве как отражение социальной структуры советского общества 50–70 годов XX века.

Цель и задачи

Цель статьи – выявить и проанализировать образные средства русского языка и его стилистические особенности в творчестве Л. Улицкой, раскрыть внутреннюю социальную жизнь советского общества, проследить через бытовые детали идеологию того времени, определить значение артефактов художественной культуры в произведениях Л. Улицкой.

Методы и материал исследования

Материалом исследования послужили романы и сборники рассказов Л. Улицкой: «Зеленый шатер», «Лестница Якова», «Казус Кукоцкого», «Искренне Ваш Шурик», «Медея и ее дети», «Бедные родственники» и др. При анализе использовались общенаучные методы наблюдения, описания, обобщения.

Результаты и их обсуждение

Людмила Улицкая родилась в Башкирии, куда во время войны уехала в эвакуацию семья её родителей, но всю свою жизнь она прожила в Москве:

с отличием закончила школу, биофак МГУ, работала в Институте общей генетики, завлитом Камерного еврейского музыкального театра. В театре она начала делать свои первые шаги в творчестве, занимаясь написанием статей. Первая книга Людмилы Улицкой увидела свет, когда писательнице уже исполнилось 50 лет, а первый громкий успех принес Улицкой роман «Медея и ее дети». Произведения Людмилы Евгеньевны переведены почти на тридцать языков. Кроме того, Л. Улицкая – первая женщина-лауреат премии «Русский Букер» (2001) за роман «Казус Кукоцкого», лауреат премии «Большая книга» (2007, 2016), учредитель «Лиги избирателей». По данным СМИ и букмекерских контор Людмила Улицкая была неоднократно представлена на соискание Нобелевской премии в области литературы.

Личность Л. Улицкой формировалась в послевоенное время, которое повлияло на становление и развитие ее отличительного стиля, которому присущ социоцентризм, базирующийся на вскрытии социальных проблем посредством изображения жизни простого человека. Центральной для всех произведений Л. Улицкой является проблематика семьи, рода, пола, болезни, смерти. Автор открыто и непримиримо выражает свою гражданскую позицию: Л. Улицкая, у которой оба деда были репрессированы в эпоху сталинского режима, во многом не принимала идеологию Советского Союза, хотя утверждала, что никогда не соизмеряла свою жизнь с государственной властью. Критический взгляд на проблемы в СССР многих советских людей в конечном итоге привел к перестройке и смене власти в стране.

Авторский стиль Л. Улицкой является ярким примером виртуозного владения образными средствами русского языка, его стилистическими особенностями, богатой лексикой. Она удивительным образом через, казалось бы, мелочи, незначительные детали рисует эпоху, судьбы людей, их дела и мечты.

Так, из произведений Л. Улицкой мы узнаем, что было основной едой советских людей в 50–70 годы: *соленые огурцы, картошка «в мундирах», блины, винегрет, соленые грибы, пироги с капустой, запеканка, щи, молоко, крошка и др.* Домашняя обстановка в произведениях Л. Улицкой представляет собой весьма разрозненные предметы мебели, что во многом зависело от состояния и положения человека в обществе, а также места жительства – города или деревни: *раскладной стол, самоварный столик, буфет, этажерка, топчан, оттоманка, тахта* и др. Через бытовые детали в то же время просматривается идеология послевоенного времени: вещи в комнате должны быть только необходимые и удобные, аскетичность и минимализм стояли во главе угла. Стремление к комфорту и украшательству своего жилища считалось чем-то недостойным, так как воспринималось советской общественностью как помеха в труде и в бою.

Со страниц произведений Л. Улицкой является история советской моды, а также повседневная одежда людей того времени. Это *цигейковые шубы, телогрейки, байковые рубахи, шапки-ушанки, блузки с круглыми воротничками и кружевными прошивками, светлые, в мелкий цветочек платья, твидовые пиджаки* и др. Вот как описывает Л. Улицкая детское белье в 50–70 годы в сборнике «Девочки»: **«На короткие рубашечки надевался сиротский лифчик с большими, в данном случае желтыми, пуговицами. К лифчику крепились две ерзающие резинки, которые пристегивались к коротким чулкам, вшивающимся в плотные Викины ноги уже под коленками. На все это надевали просторные**

штаны, именуемые не по чину “трико”, и вся эта сбруя имела обыкновение впиваться, натирать красные отметины на нежных местах и лопаться при резком движении. Белье взрослых женщин в ту пору мало чем отличалось и должно было, вероятно, гарантировать целомудрие нации» [1, с. 161].

Важными артефактами художественной культуры в творчестве Л. Улицкой являются все виды искусств, однако подавляющая доля ценностно-духовных артефактов приходится на художественные произведения.

Следует отметить, что практически в каждой советской семье имелась богатая (или не очень) библиотека, что указывало на высокую образованность значительной части советских граждан, среди которых начитанность, эрудиция, тяга к знаниям и любовь к литературе ценились превыше всего. Книги жадно прочитывались, ходили по рукам, их бережно обертывали в самодельные газетные обложки: **«Библиотека дома была – как у профессора университета <...> В низах у отца стояли книги особые – на русском, но заграничной выпечки, он их с работы приносил. Лена ими совершенно не интересовалась, а Ира иногда брала на прочтение. Там было много интересного, чего в библиотеках не найдешь: и Гумилев, и Ахматова, и Цветаева, и Мандельштам»** [2, с. 431].

Автор одним предложением подчеркивает характерную примету времени. Она сама утверждала, что во времена ее молодости героев было немного, а потерпевшими были все, каждое слово правды, каждая вольная мысль оплачивались очень дорогой ценой. Хранить дома книги Ахматовой или Цветаевой – это уже был почти подвиг, поскольку всех названных поэтов в советской литературе как бы не было. Тем не менее «не очень советских» поэтов знали, читали, обсуждали. Пусть это была небольшая часть советской интеллигенции, но она была. И это тоже примета того времени.

Художественным текстам Л. Улицкой характерна разноплановость стилей: в свое повествование она включает разговорную речь, диалекты, литературную речь, речь публицистического жанра. Л. Улицкая предваряет произведения эпиграфами, сочетает разные типы повествования, использует прием «текст в тексте».

В своих произведениях Л. Улицкой удается передать уникальные социальные и национальные особенности советского общества: она показывает интеллектуалов и простых рабочих, партийных чиновников и служащих, богачей (по советским меркам) и бедняков, даже лиц без определенного места жительства, а также рисует портреты как коренных москвичей, так и деревенских жителей, проводит контраст между детьми и молодежью из города и глубинки.

Л. Улицкая как носитель московской культуры ярко показывает образцы русского литературного языка в устах многих представителей советской интеллигенции. Например, речи и разговоры на свадьбе столичной интеллигенции в романе «Зеленый шатер», где собрались талантливейшие музыканты и поэты: **«– Вы встали на опасный путь брака! Возможно, он не столь опасен, сколь непредсказуем. Я желаю вам самого, с моей точки зрения, главного в браке: чтобы он не помешал вам слышать музыку. Это величайшее счастье – слышать в четыре уха, играть в четыре руки, быть причастным к рождению новых звуков, которых до вас в мире не бывало. Музыка, выходящая из-под рук, живет лишь мгновения, пока не угасти, не рассеялись в пространстве волны. Но сиюминутность музыки – изнанка ее вечности»** [3, с. 292].

Весьма колоритен язык одного из ярких персонажей романа «Казус Кукоцкого» – домработницы Василисы, которая выросла в общине, а затем воспитывалась в монастыре: «*Василиса пожимала костлявым плечом: экое дело, дите кашляет...*» [4, с. 33]; «*Но ты не бойся, делов в доме на всех хватает...*» [4, с. 86]; «*Все мозги у девки перекошились... Отдала бы ее в инженера, и никакой этой гнили не набралась бы... Упустили девку*» [3, с. 168].

«– Ты ня пей вина, дочка. Говор у нее был не московский, с сильным “я” вместо “е”», «Знаешь, куда *иттить*? В “деревяшку” надо» [4, с. 209] – заплетающимся языком давали указания два бомжа девочке из семьи врача, приняв ее в свою компанию и напоив дешевым вином, о чем говорится в романе «Казус Кукоцкого». Л. Улицкая умышленно старается воспроизвести неправильности в речи героев, предпочитающих просторечие: «...а отец сказал, что *матерьял* очень хороший...»; «*Все с собой принесла – шприц, иглы, пеньцилин*».

Просторечный характер имеет такая форма повелительного наклонения как *поди*, которую употребляют персонажи – работники кладбища, привыкшие ко всему и не ничего не стесняющиеся, в романе «Казус Кукоцкого», выражая этой просторечной морфемой уверенное предположение либо удивление: «– Ну, дядь Федь, а чего плохого-то? Я бы тут на могилке ее и выдрал бы. *Поди плохо?*» [4, с. 326].

В своих произведениях Л. Улицкая тонко передает даже акценты произношения своих персонажей. Одним из героев в романе «Лестница Якова» является грузинский режиссер Тенгиз, который говорит с явным грузинским акцентом. Весьма интересным представляется то, как Л. Улицкой удается передать характерные особенности акцента людей восточного происхождения: «– *Какая проблема! Вместе с мишками идем! Малчик!* – с грузинским твердым “л” произнес Тенгиз решительно» [5, с. 155]; «*Пачему, Нора, малчик не может быть битломаном?*» [5, с. 337]. Таким образом Л. Улицкая создает живой образ грузинского мужчины, способного с помощью чувства юмора и жизнерадостности уладить все проблемы.

Даже в небольшом эпизоде, в котором фигурируют цыгане, Л. Улицкая очень точно передает специфику их речи. Цыгане как своеобразная прослойка общества имеют свою характерную манеру речи: говорят звонко, нараспев, щедро сдабривая свою речь поговорками, интонацией гипнотически воздействуя на собеседника и тем самым зарабатывая себе на хлеб. Очень ярко говорит об этом следующий пример из сборника «Девочки»: «*Размахивая многоцветной одеждой, она преградила путь Эмме Ашотовне и запричитала: – Ой, что вижу, что вижу... Ой, смотри, беда идет... Дай руку, посмотрю... – Эмма Ашотовна <...> сверкнула на нее сильными темными глазами. Цыганку как ветром сдуло, и только вслед она крикнула: – Иди, иди своей дорогой, вода твоя соленая, еда твоя горькая...*» [1, с. 72–73].

Своеобразен в творчестве Л. Улицкой образ деревенского жителя. Само авторское повествование, используемая лексика, знание деталей деревенской жизни, точный слог передают традиции, быт, занятия, речь деревенских жителей.

Речь деревенских жителей отличается яркой экспрессией, особой фонетикой, нарушением литературных норм, но все это создает неповторимый, многим знакомый «дух» русской деревни: «– *Спасибо, Артюша. Отец последнее время плохой стал*» [3, с. 269]; «...но скисала каждый раз от его “пинжаков” и

“тубареток”» [6, с. 161]; *«Разве третий глаз не видит? – Он никудышный. Ничего не видит»* [4, с. 305]; *«– Не буду я вашу слякоту есть, дитяам отдай...»* [4, с. 472–473]; *«– Возьмите, сколько унесете, – велела она им, – и морквы с килограмм»* [1, с. 232]. Данная лексика имеет сниженную, эмоционально-экспрессивную окраску, но является яркой речевой характеристикой героев.

В произведениях Л. Улицкой встречаются явные диалектизмы. В романе «Зеленый шатер» Л. Улицкая описывает жизнь московского художника в забытой всеми деревне Вологодской области. Художник находится в бегах из-за нарисованной им карикатуры, пародии на советскую власть, и длительное время живет у знакомой старушки в деревенской глуши, обретая там вдохновение и душевный покой. Хозяйка дома – бабка Нюра – требовала небольшую плату в виде водки и незначительной помощи по хозяйству. В ее разговорах с жильцом и своими соседками можно услышать своеобразное русское наречие, интонация и манера говорить имеют все признаки северного говора Вологодской области: *«– Водка им мешаить, да кто ее, водку, видит-то, самогону-то не достать. Не надо нам этого вашего ничего, вы нам наше оставьте»* [2, с. 47]; *«Она посмотрела в темноту божницы и пробормотала: – Али Он сам на нас рукой махнул, не скажу...»* [2, с. 48]; *«– Ой, жилиец-то твой, Нюрка, за девками подсматривает! – Отстегаем его веником, чтоб не озоровал!»* [2, с. 56]. Специфическая черта Вологодского говора – оканье полного типа – подчеркивает местный колорит и чрезвычайно устойчива. Думается, что автор сознательно использует народную речь в языке своих героев, чтобы придать яркость и контраст стилю изложения и показать, что в глубинке жива самобытность и простота жизни.

Лексика пожилого поколения была весьма разнообразна, порой старомодна, с деревенским налетом: *«– Нечего тебе обижаться, нам помирать пора. Пусть на свой лад устраивает, ей рожать скоро...»* [7, с. 103]; *«– Удивляюсь на тебя, Сенька, – задумчиво сказал пожилой»* [4, с. 326]; *«– Ладно, ты иди теперь. Еще, бог даст, свидимся»* [4, с. 305]; *«Ступайте домой, девочки, я скоро приду»* [6, с. 272]; *«Но когда очень уж хотелось добавить что-нибудь от себя, то она взывала к Пречистой Деве: голубушка, дорогая, сделай так-то и так-то, чтобы по-хорошему...»* [4, с. 44]. Мы можем заключить из примеров, что пожилое поколение отличается не только мудростью и богатым жизненным опытом, но и обладает душевным покоем, добротой и чистосердечностью, стремится к простоте и простым радостям, чем и обусловлена манера общения и особенности их лексики.

Советская интеллигенция, в основном зрелого возраста, в романах Л. Улицкой использует вежливые, уважительные, порой старомодные обращения, заботясь о тактичном высказывании своих мыслей, а сама речь была богата на всевозможные пословицы и поговорки: *«Даже прозвучали дореволюционные слова “кузен”, “кузина”, – тоже, вероятно, из той коробки на антресолях... Анна Александровна называла девчонок “барышнями”, мальчишек “молодыми людьми”, и Миха был ошеломлен всем этим великосветским обращением»* [3, с. 27–28]; *«Ира, он обращался ко мне на “вы”! Он ко всем обращался на “вы”!»* [7, с. 65]; *«– Проку от него будет как от козла молока. Можешь мне поверить, – припечатала Елизавета Ивановна.<...> Она обожала пословицы и поговорки и знала их множество, даже и латинские»* [8, с. 18].

Характерно, что поколение почтенного возраста словно роднится с окружающими людьми, сердечно обращаясь к ним словами «доченька», «сыночек», «деточка», что также отражается в романах Л. Улицкой: «**Всех женщин своей большой семьи, от бабушки, которая приходилась ему невесткой, до правнучки Дины, прадед называл “доченьками”. Всех мужчин – “сыночками”, делая исключение для своего старшего сына Григория**» [1, с. 246]. К знакомым и друзьям также относились со всей душевной теплотой, выражая это обращениями **голубушка, голубчик, душа моя, старик, друг сердечный**, а к незнакомым людям официально обращались словом «гражданин»: «– **Гражданин, от вас урна в двух шагах, неужели трудно?**» [7, с. 73].

В своем повествовании Л. Улицкая использует различного рода обращения, восклицания и вводные слова, характеризующие доброжелательность, сердечность и мир в душе русского народа. Обращение к членам семьи в произведениях «Зеленый шатер», «Искренне ваш Шурик», «Лестница Якова» было ласковым и даже шутливым: «– **Ох, ты старый!**» [7, с. 9] – так общалась пожилая пара между собой в сборнике «Бедные родственники»; «– **Батяня, – назвала Оля отца детским прозвищем**» [3, с. 176] – дочь Ольга из романа «Зеленый шатер», будучи взрослой, хотела смягчить суровый характер отца и задобрить его, принять в семью ее нового мужа. Уменьшительно-ласкательные суффиксы в обращениях («– **Деточка! Что случилось?**», «– **Женечка! Дорогая ты моя!**») всегда отзываются в сердцах русских людей, особенно в кругу семьи, и персонажи автора тем самым выражают свою любовь и доброту, порой даже неожиданную для них самих.

Лексика Л. Улицкой эмоционально окрашена, обладает ярко выраженной экспрессивностью, на что указывают диминутивы – уменьшительно-ласкательные суффиксы *-очк-*, *-ечк-* как уничижительные: «...на девичьих фотографиях не так хороша собой – лицо пухленькое, глаза небольшие, нос картошечкой» [4, с. 112]; «и Георгий заметил, что мать и дочь уморительно похожи – круглыми глазами и острыми подбородочками – на котят» [6, с. 24].

Для достижения большей выразительности и создания яркого образа Л. Улицкая обращается к художественным тропам. Для более точного портрета своих героев Л. Улицкая прибегает к образным средствам, таким, как сравнения с чертами животных и птиц, порой обращаясь к фольклору: «...муж приобретал **прочность и узловатость дерева и очертания птицы-ворона...**» [9, с. 189]; «**Не величественный человек, а обыкновенный, с козлиной бородкой**» [2, с. 345]; «... оказалась не очень молодой коротконогой женщиной с **толстыми хомячьими щеками** и полностью лишенной волшебства» [8, с. 41].

В повествовании Л. Улицкой также можно встретить яркие метафоры: «...и талия была **тоненькая и еще специально утянутая в рюмочку...** Именно не гитарная грубость, а **стеклянная прелесть маленькой рюмки**, мимолетно отметил про себя Роберт Викторович» [10, с. 81]; «По случайному стечению квартирообменных обстоятельств Роберт Викторович оказался вблизи **московского Монмартра, в десяти минутах ходьбы от целого городка художников**» [10, с. 52].

Для усиления выразительности речи Л. Улицкая использует такие стилистические приемы, как повтор форм: «Татьяна Евгеньевна со второго взгляда показалась славной, хотя с первого – **хорек хорьком...**» [8, с. 418];

«Но был он, несмотря на истошную синеву глубоко утопленных в глазницах глаз, волк волком»[9, с. 105]; *«И Маша была рада-радехонька»* [9, с. 152].

Выводы

Творчество Л. Улицкой литературоведы называют прозой нюансов. И это очень точная и меткая характеристика. Внимание Л. Улицкой к деталям – жизненным, бытовым, языковым – по-своему уникально. Через замеченную мелочь жеста, детали одежды, словесного оборота она художественно раскрывает характер, привычки, традиции героя, семьи, социального слоя или целой нации. Для этого Л. Улицкая использует все слои русского национального языка, разноплановость стилей, метафоры, сравнения, повтор форм, пословицы и поговорки, которые помогают органично воссоздать и описать уже ушедшую эпоху.

Список использованных источников

1. Улицкая, Л. Девочки : рассказы / Л. Улицкая. – М. : Аст, 2019. – 285 с.
2. Улицкая, Л. Зеленый шатер : роман : в 2 т. / Л. Улицкая. – М. : Эксмо, 2011. – Т. 2. – 384 с.
3. Улицкая, Л. Зеленый шатер : роман : в 2 т. / Л. Улицкая. – М. : Эксмо, 2011. – Т. 1. – 384 с.
4. Улицкая, Л. Казус Кукоцкого : роман / Л. Улицкая. – М. : АСТ, 2018. – 509 с.
5. Улицкая, Л. Лестница Якова : роман / Л. Улицкая. – М. : АСТ, 2019. – 731 с.
6. Улицкая, Л. Медя и ее дети : роман / Л. Улицкая. – М. : АСТ, 2019. – 346 с.
7. Улицкая, Л. Бедные родственники : рассказы / Л. Улицкая. – М. : АСТ, 2018. – 124 с.
8. Улицкая, Л. Искренне ваш Шурик : роман / Л. Улицкая. – М. : АСТ, 2018. – 477 с.
9. Улицкая, Л. Люди нашего царя : рассказы / Л. Улицкая. – М. : АСТ, 2018. – 413 с.
10. Улицкая, Л. Сонечка : повесть / Л. Улицкая. – М. : АСТ, 2018. – 126 с.

УДК 81.1

ПОНИМАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК ОСНОВА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА

В. А. Маслова,

профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры ДиНО
Витебского государственного университета им. П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь
E-mail: mvavit@tut.by

В статье показано, что проблема понимания занимает важнейшее место при филологическом анализе художественного текста. При понимании следует учитывать не только знания лингвистические, но и знания энциклопедические.

дические, законы логики, экстралингвистические факторы (личный опыт, личностные оценки), культурный контекст, психологические особенности личности (автора и читателя). Каждый из этих факторов в отдельности и их возможные комбинации определяют степень глубины и полноты постижения смысла художественного текста.

Ключевые слова: герменевтика, понимание, интерпретация, знания, филологический анализ.

UNDERSTANDING AND INTERPRETATION AS THE BASIS OF PHILOLOGICAL ANALYSIS OF THE TEXT

V.A. Maslova,

Professor, Doctor of Philology,
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
Vitebsk, Republic of Belarus

The article shows that the problem of understanding occupies an important place in the philological analysis of a literary text. When understanding, one should take into account not only linguistic knowledge, but also encyclopedic knowledge, laws of logic, extralinguistic factors (personal experience, personal assessments), cultural context, psychological characteristics of the individual (author and reader). Each of these factors individually and their possible combinations determine the degree of depth and completeness of comprehension of the meaning of a literary text.

Keywords: hermeneutics, understanding, interpretation, knowledge, philological analysis.

Введение

Эпиграфом к докладу мне хотелось бы взять следующие слова Ю. Айхенвальда: «Можно написать книгу, но нельзя ее прочесть, потому что она бездонна, и вечному подлежит восприятию» [1, с. 12].

Филологический анализ нацелен на исследование реальности целостного художественного текста, а сама филология – это служба понимания, помогающая понять другую культуру и, в конечном счете, другого человека.

Цель и задачи

Целью статьи стало доказательство того, что филологический анализ текста состоит в понимании и интерпретации художественного текста. Задачи – показать, что при анализе текста нужно учитывать не только знания лингвистические и литературоведческие, но и знания энциклопедические, законы логики, экстралингвистические факторы (личный опыт, личностные оценки), культурный контекст, психологические особенности личности (автора и читателя).

Методы и материал исследования

В статье использовались дедуктивный и индуктивный методы, а также такие общенаучные методы, как анализ, сравнение, обобщение. В качестве материала была взята русская поэзия.

Результаты и их обсуждение

Понимание – важнейшая гуманитарная проблема. Интерес к этой проблеме идет из Античности – от Аристотеля. Мыслители XVIII века решали проблему понимания по-своему. Это И. Г. Гердер и Дж. Вико. До сих пор актуальна

аксиома Дж. Вико: «Мы понимаем лишь то, что в состоянии сами проделать». Как самостоятельная методологическая проблема понимание осмыслена лишь Дильтеем и продолжена М. Вебером. Сейчас понимание трактуется как многоаспектное и сложное явление. Прежде всего, как эвристическая познавательная процедура, как «процедура постижения или порождения смысла» [8, с. 767]. А. Эйнштейн считал, что все идеи в науке родились в драматическом конфликте между реальностью и нашими попытками ее понять. И действительно, понимание – это отношение к миру, в котором человек толкует самого себя и свое бытие в мире.

На постсоветском пространстве сформировалась две разновидности *герменевтики* (науки о понимании) – филологическая (Г. И. Богин, А. А. Богатырев, Н. Л. Галеева и др.) и философская, которой весьма успешно занимались киргизские ученые – А. А. Брудный, В. К. Нишанов. Но понимание это и лингвистическая проблема, как считал В. Гумбольдт, и одновременно филологическая: «Филология есть служба понимания» (С. Аверинцев).

Значительный вклад в разработку проблемы понимания внес Л. С. Выготский, которого называли «Моцартом в психологии» (Стефан Тулмин). Л. С. Выготский совместил в себе самые различные гуманитарные знания и тем самым приблизил время цельного знания, которое ведет к интеграции с разными науками, что раздвигает границы понимания мира. Это будто о его научной деятельности сказал философ и психолог К. Р. Мегрелидзе: «Ветхие искусственные границы, подобно китайским стенам огораживающие науки друг от друга, должны быть разрушены» [7, с. 16]. Понимание рассматривается Л. С. Выготским как «процесс мышления, выявляющий существенные свойства вещи или явления» [5, с. 13]. Сознание в его работах выступает как психологическая реальность, имеющая огромное значение для всей жизнедеятельности человека. В центр сознания он ставил значение, над проблемой которого он работал последние годы жизни. Этот подход дал ряд важных результатов, одним из которых и явилась оригинальная концепция понимания.

Ряд работ Л. С. Выготского посвящен филологическому анализу художественных текстов, их восприятию, пониманию и интерпретации. Это анализы «Анны Карениной», творчества Достоевского, «Гамлета», работа «Психология искусства». Сам Л. С. Выготский называл их «читательской критикой», а с позиции сегодняшней науки – это восприятие и понимание текстов: как воспринимает художественное произведение читатель, какие эмоции у него вызывает текст и т. д.

Художественный текст воспринимается человеком, без которого существует лишь «тело текста», т. е. звуковой шум или цепочки графем, не являющихся знаками в собственном смысле слова до тех пор, пока не появится человек, способный приписать им значение. Отсюда следует, что письменный художественный текст не содержит в себе ничего, кроме типографских знаков. Только когда книгу читают, она превращается в произведение: в воображении читателя возникает целый мир. Этот мир – ментальное образование, виртуальная реальность, ради которой и создается сам текст. Но в тексте его нет, там есть только сигналы, которые будят воображение читателя. Значения и смыслы принадлежат сфере ментальности.

В процессе коммуникации художественный текст как бы раздваивается на текст автора и текст реципиента, отсюда и возможность его двойного изучения. М. М. Бахтин предлагал начинать изучение текста с авторского текста, и данный подход закрепился в современном литературоведении.

Другой путь изучения – от читателя. Поставить проблему сотворчества с читателем заставляет нас развитие нарратологии, рецептивной эстетики, герменевтики.

Есть какие-то универсальные механизмы, которые из сигналов порождают всю совокупность смыслов: мыслей и чувств, вызванных данным текстом. Так что же такое текст – это хранилище смыслов или смыслопорождающий механизм?

Думается, что вернее второе предположение. Причем, проблема эта не нова. Еще Гете, по словам Эккермана, писал о «бессодержательных» в широком смысле словах, получающих в стихе какую-то «кажущуюся семантику». Семантика, действительно, возникает. Разгадать эту тайну пытались поэты. Так, поэт-классик считал, что здесь работает магия звука:

Бессвязные, страстные речи.

Нельзя в них понять ничего.

Но звуки правдивее смысла,

И слово сильнее всего.

Но так ли это на самом деле? Да. Ритм и звук очень важны в поэзии, но значительную роль играют и другие составляющие. Так, в художественном тексте возникает полилогичность (многоголосие). Например, в стихотворении Б. Пастернака «Гамлет» звучит целый ряд голосов: голос Шекспира, голос Юрия Живаго, голос Пастернака. Но есть и четвертый голос – голос читателя. А в самом стихотворении звучит и голос актера, играющего Гамлета (*Гул затих. Я вышел на подмости*), а также голос Христа (*Если только можно, Авва Отче, / Чашу эту мимо пронеси*). И все они обертонами звучат в этом стихотворении.

Мы, вслед за А. А. Брудным [3], одним из основоположников философской и психологической герменевтики, рассматриваем понимание как эвристический процесс, дающий приращение знания, а не только выявляющий изначальный замысел. На материале анализа, вероятно, самых сложных из всех вербальных текстов – поэтических – мы разрабатываем диалоговую и лингвокультурную, а не только интерпретационную версию понимания.

Почему именно поэтические тексты стали объектом нашего исследования? Поэзия важна не только как феномен культуры, но и науки и жизни человека вообще, потому что мир поэзии лежит за пределами простых истолкований, это дверь в запредельное. С. И. Вавилов писал: «И в наше время рядом с наукой... продолжает бытовать мир представлений ребенка и первобытного человека, намеренно или ненамеренно подражающий им мир поэтов. В этот мир стоит иногда заглянуть, как в один из возможных истоков научных гипотез» [4, с. 3]. Знание поэзии делает человека Человеком. Как утверждал И. Бродский, каждый индивидуум должен знать по крайней мере одного поэта от корки до корки: если не как проводника по этому миру, то как критерий языка.

Нет и не может быть проблемы понимания языка/текста вне проблемы понимания мира. Мышление человека всегда этнически обусловлено. Поэтому понимание текста зависит не только от вербального, но и от исторического, социального, культурного и иных контекстов речевого произведения, которые

лишь в совокупности дают нам более или менее адекватное понимание. Так, М. М. Бахтин справедливо считает, что «наша эпоха открыла в Шекспире то, что не могли оценить его современники» [2, с. 332].

Все художественные тексты можно интерпретировать в довольно широком диапазоне. Например, строфа из стихотворения Е. Евтушенко (*Когда на полке банный лист липучий / прилип клеймом Бурбулису ко лбу. / Кто право дал / им в Беловежской пуще / решать в парилке / всей страны судьбу?*) по-разному воспринимается в нашем обществе людьми разных поколений, разных национальностей, разной приближенности к власти.

Отсюда следует, что поэтический текст включает в себе приглашение к диалогу. И это не метафора, а реальность текста, который ждет духовно близкого ему читателя. Текст содержит в себе сигналы, назначение которых состоит в том, чтобы обеспечить прием сообщения партнером.

Для поэтического текста важно превращение читателя в сотворца. В стихотворении, как писал Г. А. Гуковский, всегда идет «речь не о том, о чем говорят слова». Там играют вторичные смыслы, коннотации, подтексты. Например, словосочетание поэта *кровотечение звука* объединяет две независимые области жизни: медицину и акустику. Противоположны эти слова и по оценке: *кровотечение* – это плохо, так уходит жизнь, а через звук в творческих муках рождается слово, и это прекрасно. Сама метафора *кровотечение звука* дает новый смысл – через звук, муки, слово уходит жизнь.

Анализ поэтического текста – это истинный стык лингвистики, филологии в целом, психологии, теории культуры и ряда других более отдаленных областей научного знания.

Часто культура настолько прочно проникает в текст, что без учета культурных ценностей и кодов языка текст остается не до конца понятным. Например, без знания культуры и истории трудно понять фразу *Это же надо так испортить настоящее, чтобы люди, мечтая о будущем, хотели вернуть прошлое.*

Таким образом, для понимания поэтического текста и его интерпретации необходимо привлечение сведений культуры, истории, а также мифологического, ритуального, обрядового контекстов, без которых оно плохо поддается логическому осмыслению. Не случайно Гете говорил: *Wer den Dichter will verstehen, mus in Dichters Lande gehen* (кто хочет понять поэта, тот должен узнать его страну).

Выводы

Понимание следует отличать от знания, интерпретации и рефлексии: знание характеризует определенное отношение к тексту, а понимание – к знанию о нем. Индийский мыслитель XX века Дж. Кришнамурти писал: «Понимание не приходит со знанием. Оно приходит в интервале между словами, между мыслями, этот интервал – безмолвие, не нарушенное знанием; оно открыто, неуловимо, внутренне полно» [6, с. 17]. Понимание близко к интерпретации, но отличается от нее тем, что может быть невербальным. Более того, интерпретация есть открытая процедура, представляющая собой непрерывный историко-культурный процесс все нового и нового прочтения и понимания текста. Поэтому никакая, даже самая глубокая его интерпретация не может претендовать на исчерпывающий характер и окончательность результата. Рефлексия же обнаруживает смысловые лакуны и снова запускает процесс понимания. Понимание имеет деятельностно-коммуникативную природу. При таком подходе понимание создает смыслы, которые продуцируются в самом процессе понимания.

При филологическом анализе художественного текста нужно учитывать не только лингвистические знания, но и знания энциклопедические, законы логики, экстралингвистические факторы (личный опыт, личностные оценки), культурный контекст, психологические особенности личности (автора и читателя). Каждый из этих факторов в отдельности и их возможные комбинации определяют степень глубины и полноты постижения смысла художественного текста.

Список использованных источников

1. Айхенвальд, Ю. Силуэты русских писателей / Ю. Айхенвальд. – М. : Республика, 1994.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
3. Брудный, А. А. Психологическая герменевтика : учеб. пособие / А. А. Брудный. – М., 1998. – 336 с.
4. Вавилов, С. И. Глаз и Солнце / С. И. Вавилов. – М. : Наука, 1976.
5. Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1982. – Т. 1. – С. 9–41.
6. Кришнамурти, Дж. Начало познания / Дж. Кришнамурти. – М. : Лабиринт, 2023.
7. Мегрелидзе, К. Р. Основные проблемы социологии мышления / К. Р. Мегрелидзе. – Тбилиси : Мецниереба, 1973. – 146 с.
8. Новейший философский словарь. – 3-е изд. – Минск : Книжный дом, 2003. – 1280 с.

УДК 811.161.1'37

ОПЫТ СЕМАНТИКО-СТАТИСТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА *ЖИЗНЬ* (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА)

А. А. Папейко,

доцент, кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и методики начального образования
Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова,
г. Могилев, Республика Беларусь
E-mail: papayko@msu.by

*В статье вводится понятие семантико-статистической модели концепта, конструируется общая семантико-статистическая модель, которая апробируется на примере концепта *ЖИЗНЬ* в творчестве О.Э. Мандельштама. Применяются методы конструирования, сплошной выборки, контекстуального анализа, статистической обработки, описания. Выделяются основные смысловые блоки, образующие лексико-семантическую структуру концепта *ЖИЗНЬ*. Осуществляется визуализация лексико-семантической модели концепта *ЖИЗНЬ* в творчестве О. Э. Мандельштама. Используется диаграммный способ представления данных. Делаются выводы о содержании и соотношении смысловых блоков*

в лексико-семантическом поле концепта, об универсальности семантико-статистической модели концепта в качестве инструмента изучения и описания.

Ключевые слова: концепт, жизнь, семантико-статистическая модель, О. Э. Мандельштам, удельный вес.

EXPERIENCE OF SEMANTIC-STATISTICAL MODELING OF THE CONCEPT LIFE (BY THE MATERIAL OF O. E. MANDELSHTAM'S CREATIVITY)

A. A. Papeiko,

associate Professor, Cand. Phil. D., associate Professor of the Department of Theory and Methods of Primary Education of Mogilev State University named after A. A. Kuleshov, Mogilev, Republic of Belarus

E-mail: papeiko@msu.by

The article introduces the concept of a semantic-statistical model of the concept, constructs a general semantic-statistical model, which is tested on the example of the concept LIFE in the work of O. E. Mandelstam. Methods of construction, continuous sampling, contextual analysis, statistical processing, and description are applied. The main semantic blocks that form the lexical-semantic structure of the concept LIFE are singled out. The visualization of the lexico-semantic model of the concept LIFE in the works of O. E. Mandelstam. A diagrammatic way of presenting data is used. Conclusions are drawn about the content and correlation of semantic blocks in the lexical-semantic field of the concept, about the universality of the semantic-statistical model of the concept as a tool for study and description.

Keywords: concept, life, semantic-statistical model, O. E. Mandelstam, specific gravity.

Введение

Изучение смыслового и общекультурного содержания концептов, актуализирующегося в тот или иной период русской поэзии, представляет собой малоизученную, интересную и важную проблему современного языкознания. Исследуя концептосферу русского поэтического дискурса XX – начала XXI веков, мы столкнулись с необходимостью создания простого и надежного инструмента, с помощью которого можно было бы, во-первых, структурировать лексико-семантическое поле ключевых концептов для последующего описания, а во-вторых, отобразить семантику концепта при помощи количественных данных, что сделает возможным рассмотрение ключевых концептов как в плане синхронии, так и с точки зрения динамических изменений. Сказанное определило цели и задачи настоящей статьи.

Цели и задачи

Основные цели работы: 1) сконструировать общую семантико-статистическую модель концепта; 2) апробировать ее на примере концепта ЖИЗНЬ в творчестве О. Э. Мандельштама.

Задачи работы: 1) разработать общую конструкцию семантико-статистической модели концепта; 2) собрать фактический материал; 3) выделить основные смысловые блоки концепта ЖИЗНЬ; 4) сконструировать семантико-статистическую модель концепта ЖИЗНЬ на материале творчества О. Э. Мандельштама; 5) описать наиболее значимые особенности названной модели.

Методы и материал исследования

Методы исследования: конструирование, сплошная выборка, контекстуальный анализ, статистическая обработка, описание. Теоретическая основа исследования: труды / Ю. С. Степанова [1], Ю. Д. Апресяна [2], З. Д. Поповой и И. А. Стернина [3], Ю. Н. Караулова [4], А. Д. Шмелева [5] и др., а также некоторые предшествующие публикации автора [6–9]. Фактическая (текстовая) база исследования: документы, размещенные в Национальном корпусе русского языка [10].

Результаты и их обсуждение

Под семантико-статистической моделью концепта, полученной на материале некоторой совокупности текстов, мы предлагаем понимать перечень основных смысловых блоков, из которых складывается семантика данного концепта, с указанием удельного веса каждого блока и формулировкой обобщенного «надсловарного» значения, реализующегося параллельно со «словарным» значением в том или ином тексте, например:

ИМЯ КОНЦЕПТА

- смысловой блок 1 (процент);
- смысловой блок 2 (процент);
- смысловой блок 3 (процент) и т. д.;
- надсловарное значение.

В результате выборки из поэтических произведений О. Э. Мандельштама нами было зафиксировано 95 случаев употребления лексического репрезентанта концепта ЖИЗНЬ, при этом поиск производился с учетом всех возможных словоформ и некоторых фонетических вариантов. Анализ цитат позволил выделить ряд смысловых блоков, в определенной степени соотносимых с лексическими значениями (см., например, позиции в списке литературы № 11 и 12). Перечислим установленные смысловые блоки, проиллюстрировав каждый из них примерами цитат из произведений О. Э. Мандельштама; числа в скобках после примеров обозначают количество употреблений лексического репрезентанта ЖИЗНЬ в значении, соответствующем данному блоку.

1. Особая форма движения материи, возникающая на определенном этапе ее развития (либо, в соответствии с теологической точкой зрения, сотворенная высшей силой) и характеризующаяся наличием обмена веществ: *На плавниках своих качают небо рыбы, / И золотые кольца плавают на лоне вод, / Танцует солнце на спине дворняги, / Из Божьего образа выходят жизни глыбы, / И в час единственный в горячей этой влаге / Брат узнает сестру и радостно поет* (3).

2. Процесс жизнедеятельности; физиологическое состояние, существование человека, животного, растения (в переносном значении также существование неодушевленного предмета); отправление связанных с существованием функций: *Если хватит сердца у эмира, / С этими храбрыми он должен сразиться – / С лица они горды, не жалеют жизни* (24).

3. Отрезок времени от зарождения до смерти; период в жизни, ограниченный определенными (территориальными, хронологическими и т. п.) рамками: *С притворной нежностью у изголовья стой / И сам себя всю жизнь баюкай; / Как небылицю, своей томись тоской / И ласков будь с надменной скукой* (15).

4. События в прошлом; совокупность всего пережитого и сделанного человеком: *Она содержит семя предков, ряд тяжелый: / Солдаты, мужики,*

бродяги, богомолы, – / Ряд жизней внутреннею теплотой / Мне согревает кровь, бежит за мной (8).

5. Качество, свойство, характеристика существования; образ существования человека либо группы людей; установившийся порядок, уклад, быт: *Мне, в опьяненье легком, суждено / Изведать краски жизни небогатой* (11).

6. Жизненные силы, энергия; степень проявления физических и духовных сил: *Еще мы жизнью полны в высшей мере, / Еще гуляют в городах Союза / Из мотыльковых, лапчатых материй / Китайчатые платица и блузы* (6).

7. Оживление, возбуждение, вызываемые деятельностью живых существ (в переносном значении также машин и механизмов): *И налетит пламенных лет стая, / Прошелестит спелой грозой Ленин, / И на земле, что избежит тленья, / Будет будить разум и жизнь Сталин* (8).

8. Реальная действительность; окружающий мир с его законами и порядками; бытие: *И в бой меня ведут понятные слова – / За оборону жизни, оборону / Страны-земли, где смерть уснет, как днем сова* (12).

9. Персонафикация, т. е. наделение свойствами одушевленных существ; жизнь как объект прямого обращения автора, лирического героя, персонажа; жизнь как субъект свойственных человеку (или другому живому) существу действий: *Простерла руку жизнь над нами. / Я был до боли молодым* (8).

Обобщенное надсловарное значение концепта в данном случае можно сформулировать следующим образом: ‘жизнь как высочайшая ценность’.

Заметим, что приведенный перечень смысловых блоков концепта ЖИЗНЬ, равно как и их соотношение, у разных авторов может отличаться, что и делает представленную семантико-статистическую модель пригодной для сопоставления выборок разного рода: творчество разных авторов; одновременные срезы в творчестве одного автора; разделенные во времени этапы развития поэтического творчества в целом.

Приняв общее количество употреблений репрезентанта ЖИЗНЬ, равное 95, за 100 % и придерживаясь приведенной выше нумерации смысловых блоков, мы можем визуализировать семантико-статистическую модель концепта ЖИЗНЬ следующим образом (см. рисунок 1; сокращение ЛЗ в данном случае обозначает ‘лексическое значение’):

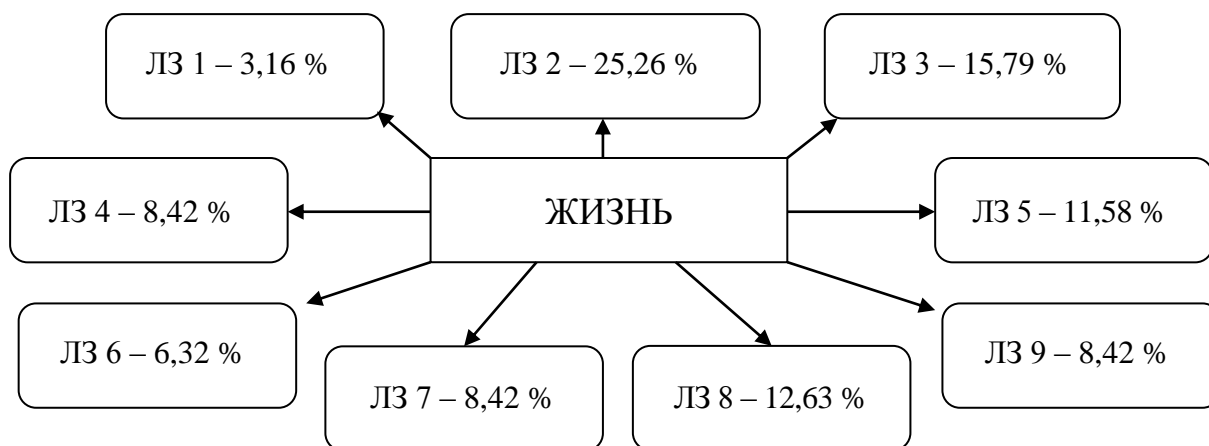

Рисунок 1 – Семантико-статистическая модель концепта ЖИЗНЬ

Соотношение удельного веса блоков, образующих лексико-семантическое поле изучаемого концепта, удобно представить в виде диаграммы, построенной на основе количества употреблений лексического репрезентанта ЖИЗНЬ в том или ином значении (см. рисунок 2):

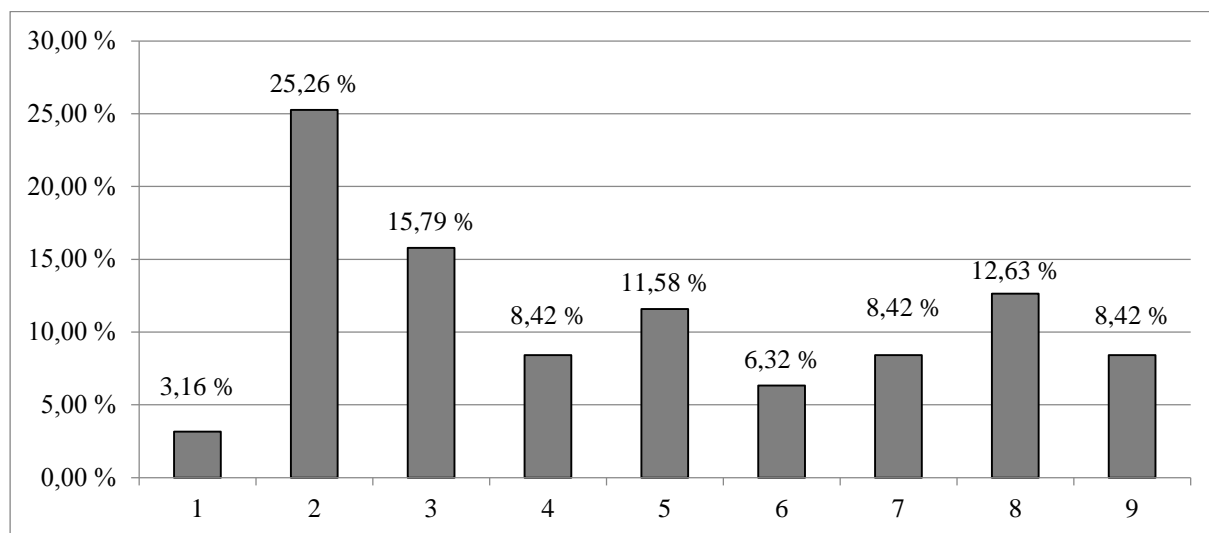

Рисунок 2 – Удельный вес блоков в лексико-семантическом поле концепта ЖИЗНЬ

Как мы видим, самым весомым в количественном плане блоком, составляющим приблизительно четверть всех случаев употребления репрезентанта ЖИЗНЬ и опережающим следующий по частоте блок почти на 10 %, является № 2 со значением процесса жизнедеятельности, физиологического состояния, существования. Затем в порядке уменьшения удельного веса следует блок № 3 с общим значением отрезка времени, периода в жизни. Далее идут № 8 со значением реальной действительности, окружающего мира (12,63 %) и № 5 со значением качества, свойства, характеристики, образа существования (11,58 %); частота употребления лексического репрезентанта ЖИЗНЬ в данных случаях отличается незначительно и составляет около 1 %. Блоки № 4 (события в прошлом; совокупность пережитого и сделанного), № 7 (оживление, возбуждение, вызываемые деятельностью живых существ) и № 9 (персонификация) имеют одинаковый удельный вес, равный 8,42 %. Наименее представленными в количественном плане являются блоки № 6 (жизненные силы, энергия) с удельным весом 6,32 % и № 1 (форма движения материи) с удельным весом 3,16 %. Очевидно, наименьший удельный вес первого блока объясняется тем, что значение ЖИЗНИ как формы существования материи присуще в основном текстам научной, научно-популярной направленности с их коммуникативной установкой на точную передачу информации, в то время как поэтический дискурс – это сфера функционирования художественных текстов, предполагающих высокую степень образности, эмоциональности и, как следствие, значительную вариативность понимания, декодирования смысла. Соотношение максимального удельного веса (блок № 2) и минимального (блок № 1) составляет $25,26 \% : 3,16 \%$, что равняется 7,99.

Усредненным удельным весом семантических блоков, определяемым как 100 % разделить на их количество (т. е. в нашем случае на 9), является величина

11,11 %. Этому показателю приблизительно соответствует блок № 5 (качество, свойство, характеристика существования) с удельным весом 11,58 %; затем в порядке увеличения удельного веса следуют блоки № 8 (реальная действительность, окружающий мир) с показателем 12,63 %, № 3 (отрезок времени, период в жизни) с удельным весом 15,79 % и, наконец, № 2 (жизнедеятельность, физиологическое состояние, существование) с показателем 25,26 %. Меньший удельный вес в сравнении с показателем 11,11 % отмечен у блоков № 4 (события в прошлом; совокупность пережитого и сделанного), № 7 (оживление, возбуждение, вызываемые деятельностью живых существ), № 9 (персонификация); в каждом случае удельный вес составляет 8,42 %. В группу блоков с удельным весом, не достигающим среднего показателя, входят также № 6 (жизненные силы, энергия), занимающий 6,32 %, и № 1 (особая форма движения материи) с удельным весом 3,16 %. Если просуммировать количественные показатели, то окажется, что блоки с превышением среднего удельного веса занимают 65,26 %, а совокупное употребление в группе с удельным весом меньше среднего показателя составляет 34,74 %; соотношение же двух названных групп составляет 65,26 : 34,74 (или 1,89).

Выводы

В заключение сформулируем основные выводы.

1) Семантико-статистическая модель концепта ЖИЗНЬ, построенная на материале творчества О. Э. Мандельштама, включает 9 основных смысловых блоков со следующим кратким обозначением содержания:

- особая форма движения материи;
- жизнедеятельность, физиологическое состояние, существование;
- отрезок времени, период в жизни;
- события в прошлом, совокупность пережитого, сделанного;
- качество, свойство, характеристика, образ существования;
- жизненные силы, энергия;
- оживление, возбуждение, вызываемые деятельностью;
- реальная действительность, окружающий мир, бытие;
- персонификация;

2) перечисленные смысловые блоки имеют различный удельный вес; в случае с семантико-статистической моделью концепта ЖИЗНЬ, построенной на материале творчества О. Э. Мандельштама, соотношение максимума и минимума может составлять почти 8 раз (округленно до сотых – 7,99);

3) семантико-статистическая модель как инструмент изучения и описания пригодна для сопоставления выборок разного рода: творчество разных авторов; разновременные срезы в творчестве одного автора; разделенные во времени этапы развития поэтического творчества в целом.

Список использованных источников

1. Степанов, Ю. С. Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М. : Академический проект, 2004. – 992 с.
2. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка : попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
3. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Изд. 3-е. – Воронеж, 2003. – 192 с.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. 7-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.

5. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира : Материалы к словарю / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
6. Папейко, А. А. Ключевые концепты в поэтических текстах А. А. Ахматовой / А. А. Папейко // Весці БДПУ. Сер. 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2022. – № 2. – С. 99–102.
7. Папейко, А. А. Частотный паспорт ключевых концептов русской поэзии Серебряного века / А. А. Папейко // Весці БДПУ. Сер. 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2022. – № 3. – С. 111–115.
8. Папейко, А. А. Опыт диахронического сопоставления ключевых концептов русской поэзии XX века / А. А. Папейко // Весці БДПУ. Сер. 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2022. – № 4. – С. 77–82.
9. Папейко, А. А. Лексическая реализация концептов *жизнь* и *смерть* в творчестве поэтов Серебряного века: частотная характеристика / А. А. Папейко // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. Сер. А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2023. – № 1 (61). – С. 95–99.
10. НКРЯ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/index.html>. – Дата доступа: 02.04.2023.
11. Большой толковый словарь русского языка: около 130 тыс. слов / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.
12. Толковый онлайн-словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/efremova>. – Дата доступа: 02.04.2023.

УДК 821.161.3

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА И СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО
АНАЛИЗА ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА И. МЕЛЕЖА
«ЛЮДИ НА БОЛОТЕ»)**

Л. В. Прохоренко,

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской
и русской филологии Мозырского государственного педагогического
университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: prohorenkoludmila129@gmail.com

Д. В. Шакутина,

студентка филологического факультета Мозырского государственного
педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: Darababic0@gmail.com

В статье рассматриваются особенности употребления лексических средств, используемых в романе И. П. Мележа «Люди на болоте», а также специфика их перевода с белорусского на русский язык.

Анализ переводов произведений И. Мележа показывает богатство изобразительных средств родного языка, красоту его звучания, а также

убеждает в том, что белорусский оригинал – это высококачественное произведение, которое трудно передать на другом языке.

Частичный лингвистический анализ произведений показал яркие примеры использования лексических ресурсов родного языка. Было отмечено, что варианты перевода метафор на русский язык отличаются большим разнообразием. Выявленные лексические несоответствия не снижают эстетическое влияние произведения на читателя, позволяют ему по-настоящему ощутить лиризм, пронизательность и искренность манеры автора.

Русский текст нельзя считать в полной мере адекватным оригиналу, поскольку выявленные расхождения (в лексическом, стилистическом и синтаксическом планах) приводят к определенным изменениям в общей структуре текста, его смысловой насыщенности, эмоциональной окраске.

Ключевые слова: перевод, оригинальный текст, адекватность, метафора, эквивалентность.

PECULIARITIES OF TRANSLATION AND COMPARATIVE ANALYSIS OF TEXTS (BY THE MATERIAL OF I. MELEZH'S NOVEL «PEOPLE IN THE SWAMP»)

L. V. Prokhorenko,

Candidate of philological Sciences, Assistant Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology at Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin, Mozyr, Republic of Belarus

E-mail: prohorenkoludmila129@gmail.com

D. V. Shakutsina,

Student of the Faculty of Philology at Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin Mozyr, Republic of Belarus

E-mail: Darababic0@gmail.com

The article discusses the features of the use of lexical means used in the novel «People in the swamp» by I. P. Melezh, as well as the specifics of their translation from Belarusian into Russian.

The analysis of the translations of the works of I. Melezh shows the richness of the figurative means of the native language, the beauty of its sound, and also convinces that the Belarusian original is a high-quality work that is difficult to convey in another language.

A partial linguistic analysis of the works showed vivid examples of the use of the lexical resources of the native language. It was noted that the options for translating metaphors into Russian are very diverse. The identified lexical inconsistencies do not reduce the aesthetic impact of the work on the reader, they allow him to truly feel the lyricism, insight and sincerity of the author's manner.

The Russian text cannot be considered fully adequate to the original, since the identified discrepancies (in lexical, stylistic and syntactic terms) lead to certain changes in the overall structure of the text, its semantic richness, and emotional coloring.

Keywords: translation, original text, adequacy, metaphor, equivalence.

Введение

В последние десятилетия на русский язык переведены произведения Ивана Мележа, Янки Брыля, Ивана Пташникова, Владимира Короткевича, Янки Сипакова, Бориса Саченко, Ивана Шамякина и других. Как правило, переводы, выполненные профессиональными переводчиками, самими авторами или их коллегами-писателями, отличаются хорошим художественным уровнем. Перевод с белорусского на русский обычно выполняют люди, не только хорошо владеющие этими языками, но и знающие особенности жизни и быта белорусского народа, его духовную и материальную культуру. Это позволяет избежать ловушек, которые часто мешают переводу с близкородственного языка.

В соцветии выдающихся белорусских писателей XX века Иван Павлович Мележ занимает особое место. Много написанное им почти сразу становилось классикой и нашло широкое признание в мире. И это совсем не случайно: автор был предельно открыт миру, кроме того, он принадлежит к тем художникам, которые в глубинных основах своего творчества и всей жизни ориентированы на вечные представления о жизни и смерти, о добре и зле и потому, насколько возможно, свободны от сиюминутной злободневности.

Цель и задачи

Целью статьи является сравнительно-сопоставительный анализ особенностей авторизированного перевода метафорических средств с белорусского на русский язык в романе И. Мележа «Люди на болоте».

Методы и материал исследования

Были использованы метод контекстного и текстологического анализа, описательный метод. Материалом исследования послужил роман И. Мележа «Люди на болоте».

Результаты и их обсуждение

Прекрасные примеры использования лексических средств родного языка отмечены в романе «Люди на болоте». «Полесская хроника» написана не только опытной, умелой рукой, но и, по выражению Янки Брыля, «чутким, умным сердцем». Лексика, наполненная метафорами, используется в свободной беседе, вводится в язык персонажей, создавая художественные образы, четкие языковые характеристики и т. д.

В результате исследования было замечено, что в авторизированном переводе на русский язык ряд метафор И. Мележ передаёт довольно точно, сохраняя исходную образность и семантику метафорических конструкций. Это объясняется многими факторами, среди которых важно отметить мастерство переводчика, стремление для сохранения полного объёма исходной информации в произведении. Анализ случаев адекватной передачи метафорической образности позволяет нам определить условия, необходимые для этого, а также совокупность языковых средств, которые позволяют достичь цели точного перевода.

Одним из важнейших условий адекватной передачи метафор в поэтическом тексте перевода является совпадение русских и белорусских лексем: *зорамі вышытае неба* [1, с. 33] – *звёздамі вышитае неба* [2, с. 19]; *ціхі шэпт груш* [1, с. 38] – *тихий шепот груш* [2, с. 23]; *шумяць, шапочуць грушы* [1, с. 41] – *шумят, шепчутся груши* [2, с. 25]; *камарэча, якая кіпела хмарамі* [1, с. 43] – *от комаров, что кипели тучами* [2, с. 257]; *чорны дзень* [1, с. 45] – *чёрный день* [1, с. 28]; *ззяў ад шчасця* [1, с. 46] – *сиял от счастья* [2, с. 29]; *каб не плялі чаго лішняга языкастыя цёткі* [1, с. 46] – *чтоб не наплели лишнего языкастые тётки*

[2, с. 29]; *успамін неабсяжнай, бязмежнай, бясконцай радасці* [1, с. 47] – воспоминание необъятной, безграничной радости [1, с. 30]; *смеласць выветрылася* [1, с. 52] – смелость выветрилась [2, с. 34]; *маўклівыя, абыякавыя чарнеюць пустыя гумы* [1, с. 53] – молчаливые, равнодушные, чернеют пустые овины [2, с. 35]; *драпежнымі ценямі* [1, с. 57] – хищными тенями [2, с. 37]; *трывога высушыла слёзы* [1, с. 58] – тревога высушила слёзы [2, с. 38] и т. д.

Одинаковое или подобное звучание межъязыковых лексических единиц является одним из языковых ресурсов, которые позволяют адекватно передать содержание и образность белорусскоязычного оригинала при переводе на русский язык.

На морфологическом уровне этому способствует совпадение существительных, прилагательных и глаголов в русском и белорусском языках: *зоры* – звёзды, *позірк* – взгляд, *думка* – мысль, *драпежнікі* – хищники; *ціхія, цёплыя* – тихие, тёплые, *смяротны* – смертельный, *абыякавы* – равнодушный; *дрэмле* – дремали, *шапочуць* – шепчут, *пацяплела* – потеплело, *пацягнуліся* – потянулись и т. д.

При переводе образных средств романа «Люди на болоте» на русский язык И. Мележ часто использует контекстуальные синонимы: *анямелая* – окаменевшая; *адганяў* – рассеивал и т. д. В развёрнутой метафоре «*у анямелай душы яго была важкая і жорсткая пустата*» [1, с. 68] – «Окаменевшую душу его давила тяжкая и жесткая пустота» [2, с. 46] описывается состояние главного героя. Всем чувствам, мыслям и сознанию мы обязаны душе. При этом душа – это нечто большее, чем просто сознание и самосознание. Душа Василя, в которой тяжкая и жёсткая пустота, нема, равнодушна, как и он безразличен для других людей. А жёсткая от того, что в этот момент ему никого не жаль, никто его не волновал. И даже то, что где-то дома мать, должно быть, в слезах, ничего для него не значило. Ничто не выводило Василя из этого жестокого безразличия.

В переводе этой метафоры употребляется контекстуальный синоним, в результате чего образность фрагмента сохраняется, хотя и воспринимается в меньшей степени.

Второй пример («*пакуль падышоў да Вадавіч, насунуліся поцемкі. Муціць, каб не снег, навокал была б густая чарната, але снег адганяў цемру, бяліў усё*» [1, с. 125] – «*пока дошел до Водовичей, надвинулись сумерки. Если бы не снег, вокруг стояла бы густая чернота, но снег рассеивал тьму, выбелил всё*» [2, с. 89]) также представляет собой развёрнутую метафору, которые возникают в том случае, когда одна метафора влечет за собой новые, связанные с ней по смыслу. Или, по словам В. П. Москвина, «развернутая метафора – цепочка слов, в которой носителем одного метафорического обзора является целая группа тематически связанных слов» [3, с. 74]. Развернутые метафоры – особенно яркое средство изобразительности речи, часто встречаются на страницах романа «Люди на болоте». В данном примере весь макроконтекст показывает, как Василь через душевный подъём (его признали невиновным, выпустили из тюрьмы) воспринимает первый снег. В переводе использован соответствующий лексический элемент – синоним, который передаёт те же ассоциации, которые заключены в основе оригинальной метафоры.

Иногда метафоризация распространяется на другое слово контекста, находящееся в тесной смысловой связи с опорным словом, что в основном не меняет образный смысл метафоры: «*Васіль гарэў перажытым*» [1, с. 51] –

«Василь весь ещё был полон воинственного пыла» [2, с. 33]. В данном случае И. Мележ использует разные виды метафор: в оригинале образная, оценочная, эмотивная нагрузка выражена глагольной формой, а в переводе – адъективной, которые сохраняют общую направленность метафоризации.

В ряде случаев в процессе перевода теряются оригинальные метафоры, что связано с языковыми трудностями, с которыми сталкивается переводчик. Подобное явление мы называем деметафоризацией – утратой образной составляющей метафоры в переводимом тексте, отказом переводчика от использования тропа.

В оригинале И. Мележ пишет: «думкі варушыліся неахвотна» [1, с. 54], значит, что сонный Грибок ещё не проснулся, он был не в состоянии оценить ситуацию. В переводе метафора отсутствует: «думалось трудно» [2, с. 35], в результате чего исчезает эффект образного переноса, образность не ощущается.

Когда сплетню о том, что Ганну с Евхимом видели в малиннике, рассказали Василию, всё его существо заполнили гнев и негодование, он в злости всё высказал девушке («яна ўзрадавалася, калі ўбачыла: такі ўкалола» [1, с. 241]: сделала больно, обидно). В переводе: «она обрадовалась, когда увидела: всё же доняла» [2, с. 178]. Ганна думала так, потому что он ей не верил и она хотела ему сделать неприятно, заставить ревновать. На наш взгляд, в переводе мотив горечи, обиды оказывается значительно ослабленным, а образность приведенного фрагмента исчезает.

Деметафоризация возникает и в тех случаях, когда переводчик по тем или иным причинам не включает в переводимый текст те слова, которые в исходном тексте образуют метафору: *апаліла сябе папрокам* [1, с. 57] – *упрекнула себя* [2, с. 38], *сон зляцеў* [1, с. 57] – *отец проснулся* [2, с. 38], *панурая постаць* [1, с. 50] – *образ шевельнулся* [1, с. 33] и т. д.

Нами были выявлены и примеры, где из-за той или иной замены компонентов метафорических выражений в переводах возникают более или менее существенные различия в образном содержании, фактически в переводимом языке используются другие образы. К. Чуковский называл это употребление «неточной точностью», когда воспроизводится не форма, а чувство, заложенное в оригинале: *сэрца трыміць ад страху* [1, с. 43] – *сердце замирает* [2, с. 27], *млела дрыгва* [1, с. 46] – *стыла трясина* [2, с. 29], *узяла нецярпліваць* [1, с. 47] – *охватило нетерпение* [2, с. 30], *вецер варушыў валасы* [1, с. 50] – *ветер трепал волосы* [2, с. 32], *грозна рынуўся* [1, с. 51] – *гневно рванул* [2, с. 33], *са смакам пазяхнуў* [1, с. 54] – *сладко зевнул* [2, с. 35], *сушыла смага* [1, с. 54] – *томила жажда* [2, с. 36], *гумны панурыя* [1, с. 52] – *гумна печальные* [2, с. 34] и т. д.

Это связано с тем, что художественный текст представляет собой не просто последовательность определенных единиц, связанных между собой грамматической и смысловой связью, а проекцию определенной культуры, мировоззрения автора. Необходимо иметь в виду, что перевод – это пересказ содержания словами другого языка. Любой перевод точен лишь с известной долей условности, что объясняется как особенностями языка, так и реалиями культуры народа. Также нельзя не учитывать грамматические, лексические, синтаксические, стилистические особенности языка исходного текста, многие из которых требуют интерпретации при передаче средствами другого языка, что дистанцирует переводимый текст от оригинала.

Заключение

Перевод с белорусского на русский благотворно реализует диалог близких, но в то же время самобытных и неповторимых национальных культур. С культурологической точки зрения перевод выполняет важную функцию осмысления мирового литературного наследия средствами иного языка, раскрывает широкие выразительные возможности слова, развивает эстетические вкусы читателей, является значительным культурологическим явлением, и позволяет решать некоторые практические лингвистические задачи на примере конкретных произведений.

И. Мележ старался передать характерные черты оригинала, создать художественное и эмоциональное впечатление, подбирая синонимы, соответствующие образы. Перевод текста выполнен посредством лексических и синтаксических соответствий. Стилистическая неадекватность при переводе метафор часто меняет стилистическую окраску текста и приводит не только к иному восприятию произведения, но и затемняет отдельные яркие качества произведений в оригинале. В переводе имеется и ряд несоответствий при передаче метафор, что сказывается на идейно-образном содержании. Среди недочетов можно отметить отсутствие важных деталей, перемещение на второй план тех, которые в оригинальном тексте выступают как первостепенные, замена образных средств необразными и т. д., что ведёт к некоторому ослаблению, воспроизведению больше в логическом, чем в эмоционально-образном плане. Перевод представляет собой новое художественное произведение со своей системной организацией образных средств.

Выявленные лексические несоответствия авторизованного перевода романа И. Мележа «Люди на болоте» не снижают эстетическое воздействие произведения на читателя, позволяют ему по-настоящему ощутить лиризм, проницательность и искренность авторской манеры.

Список использованных источников

1. Мележ, І. Людзі на балоце : раман з «Палескай хронікі» / Іван Мележ. – Мінск : Маст. літ., 1999. – 399 с.
2. Мележ, И. П. Люди на болоте. Дыхание грозы: Романы из полесской хроники. Авториз. пер. с бел. / И. П. Мележ. – М. : Воениздат, 1984. – 669 с.
3. Москвин, В. П. О структурных типах русской метафоры / В. П. Москвин // Русский язык в школе. – 1999. – № 5.

УДК 81'1

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ФУНКЦИИ СКАЗУЕМОГО В РОМАНЕ И. П. ШАМЯКИНА «В ДОБРЫЙ ЧАС»

И. Г. Родионова,

доцент, доктор филологических наук, заведующий кафедрой
«Русский язык и методика преподавания русского языка»

Пензенского государственного университета,

г. Пенза, Российская Федерация

E-mail: Inessa96@bk.ru

В статье анализируются глагольные фразеологизмы, используемые в функции простого и составного глагольного сказуемого в тексте романа

И. П. Шамякина «В добрый час». Выявлены тематические группы таких фразеологизмов. Сделан вывод о том, что наиболее часто глагольные фразеологизмы-сказуемые употребляются при описании состояний и действий персонажей, а также при характеристике отношений между ними, реже – при назывании процессов, происходящих в обществе. Семантика и эмоционально-экспрессивный потенциал рассматриваемых устойчивых единиц усиливается частицами и вводными конструкциями. Стилистическая характеристика глагольных фразеологизмов-сказуемых обусловлена прежде всего тем, используется ли устойчивое сочетание в речи персонажа или в речи автора. Отмечается, что в речи персонажа, как правило, употребляются фразеологизмы, обладающие повышенной экспрессивностью и имеющие разговорную окраску. В авторскую речь включены в основном стилистически нейтральные фразеологизмы.

Ключевые слова: фразеологизм, глагольное сказуемое, семантика, стилистическая характеристика, И. П. Шамякин.

VERB PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE FUNCTION OF THE PREDICIAL IN THE ROMAN I. P. SHAMYAKIN «AT A GOOD HOUR»

I. G. Rodionova,

Associate Professor, Doctor of Philology, Head of the Department of the Russian Language and Methods of Teaching the Russian Language, Penza State University, Penza, Russian Federation
E-mail: Inessa96@bk.ru

The article analyzes the verbal phraseological units used in the function of a simple and compound verbal predicate in the text of the novel by I. P. Shamyakin «Good afternoon». Thematic groups of such phraseological units are revealed. It is concluded that most often verbal phraseological units-predicates are used in describing the states and actions of characters, as well as in characterizing the relationship between them, less often in naming the processes taking place in society. The semantics and emotional-expressive potential of the considered stable units is enhanced by particles and introductory constructions. The stylistic characteristic of verbal phraseological units-predicates is primarily determined by whether a stable combination is used in the speech of the character or in the speech of the author. It is noted that in the speech of the character, as a rule, phraseological units are used, which have increased expressiveness and have a colloquial coloring. The author's speech includes mostly stylistically neutral phraseological units.

Keywords: phraseological unit, verbal predicate, semantics, stylistic characteristic, I. P. Shamyakin.

Введение

Важнейшим свойством художественного произведения является образность, т. е. «такое эстетически значимое построение текста, которое посредством особого отбора и употребления языковых/речевых единиц порождает соответствующее авторскому заданию эстетическое переживание реципиента» [6, с. 192]. Достижение образности художественного произведения возможно за счёт использования в нём языковых единиц разных уровней, в том числе

фразеологизмов, выполняющих прежде всего не номинативную, а эмоционально-экспрессивную функцию. Н. М. Шанский отмечал: «В умелых руках художников слова – писателей и публицистов – фразеологические обороты становятся одним из наиболее действенных языковых средств для создания того или иного художественного образа, колоритной авторской речи, для обрисовки речевого портрета героев и т. д.» [7, с. 200].

Лингвистической науке известно большое количество работ, посвящённых анализу структуры, семантики, стилистических свойств фразеологизмов в художественном тексте. «Синтаксические функции фразеологизмов реже привлекают внимание лингвистов, чем их структура и семантика, однако грамматика активно использует возможности фразеологии, потому что это расширяет возможности выражения характеризующих и оценочных смыслов», – отмечает Н. А. Герасименко [2, с. 207].

В центре внимания в настоящей статье находятся глагольные фразеологизмы, функционирующие в роли сказуемого в романе И. П. Шамякина «В добрый час», рассказывающем о восстановлении белорусской деревни после Великой Отечественной войны. **Актуальность** работы обусловлена тем, что сказуемому принадлежит важная роль при передаче смысла предложения, а значит, и при выражении авторского замысла. Именно сказуемое оформляет предикативность предложения. «Семантическим центром высказывания является предикат, который обычно включает в себе сущность, основное значение, смысл коммуникации. Потому особенно интересным и важным, на наш взгляд, является исследование способов представления предиката в том или ином художественном тексте», – считает Н. А. Герасименко [1, с. 251].

Цель и задачи

Цель настоящей статьи – охарактеризовать семантико-грамматическую и стилистическую роль фразеологизмов, используемых в функции глагольного сказуемого в романе И. П. Шамякина «В добрый час». **Задачи:** 1) выявить место фразеологизмов в системе простого и составного глагольного сказуемого в названном произведении; 2) определить семантику глагольных фразеологизмов, используемых в функции сказуемого в романе И. П. Шамякина «В добрый час»; 3) проанализировать стилистические особенности выделенных фразеологизмов.

Методы и материал исследования

В ходе работы были использованы следующие **методы:** метод сплошной выборки, структурно-семантический и описательный. **Материалом** исследования послужили фразеологизмы с опорным глагольным компонентом, функционирующие в роли сказуемого в русскоязычном тексте романа И. П. Шамякина «В добрый час».

Результаты и их обсуждение

Значительную часть фразеологизмов, включённых в текст романа И. П. Шамякина «В добрый час», составляют устойчивые сочетания, которые обозначают действие, процесс или состояние как процесс. «Стержневым, господствующим элементом таких устойчивых словосочетаний выступает глагол», – отмечает В. П. Жуков [4, с. 3]. Фразеологизмы данного типа выполняют функцию глагольных сказуемых разных видов.

В романе И. П. Шамякина глагольные фразеологизмы активно употребляются в функции **простого глагольного сказуемого**. По словам П. А. Леканта,

«глагольные фразеологизмы не представляют возможности последовательно и свободно, без ограничений, строить модально-временную парадигму форм сказуемого» [5, с. 41]. Эти ограничения обусловлены тем, что основное назначение глагольных фразеологизмов – «не прямая номинация действия, а вторичная номинация, образная, включающая экспрессивную характеристику действия» [5, с. 40]. Поэтому, несмотря на то что основной компонент таких фразеологизмов является спрягаемым, наиболее часто эти устойчивые сочетания употреблены в форме изъявительного наклонения: *Тогда и Максим, который было на мгновение растерялся, **пришёл в себя**; Ой, вижу, подведёте вы... А мы **слово дали**; И в самом деле, добродеевские девчата **не сводили с него глаз**; Это как будто просто-душно «не знаю» взорвало Ладынина. Он редко **выходил из себя**, но тут не выдержал; – Я коров не лечу, – Ладынин **подливал масла в огонь**, ему нравилась эта решительная и смелая женщина.*

Однако в ряде случаев реализуется возможность спрягаемого компонента употребляться в форме других наклонений, что усиливает эмоционально-экспрессивный потенциал высказывания: *За один его поступок с Машей я с него **три шкуры спустил бы**, чтоб до седых волос помнил; За такое отношение к лошади я **душу бы вытряс** кой из кого (сослагательное наклонение); **Не меряй всех на один аршин, товарищ председатель!** (повелительное наклонение).*

В составном глагольном сказуемом рассматриваемые фразеологизмы занимают позицию основного глагола – вещественного компонента, актуализируя значение действия субъекта речи и выражая экспрессивную характеристику этого действия. При этом глагольный компонент фразеологизма употреблён в форме инфинитива. В роли вспомогательных компонентов, выражающих грамматическое значение составного глагольного сказуемого, используются лексически ослабленные глаголы а) с фазовой и б) с модальной семантикой: а) *Действительно, как только с поля свезли последний сноп, Лазовенка сразу же, как говорится, **начал «звонить во все колокола»***; б) – *А что с ней? – всё ещё **не мог взять в толк Василь**; Старшина он был расторопный: всё **умел раздобыть**, всё **получить и доставить раньше всех, обвести вокруг пальца** любого интенданта; а также слова категории состояния с модальным значением: *Сначала **надо поставить колхозы на ноги**.**

Таким образом, включённость глагольных фразеологизмов в систему сказуемых современного русского языка подтверждается их активным использованием в романе И. П. Шамякина «В добрый час», в котором эти устойчивые словосочетания функционируют в роли простого глагольного сказуемого (как правило, в форме изъявительного наклонения) и в качестве вещественного компонента составного глагольного сказуемого.

Анализ языкового материала позволил выделить следующие **тематические группы** глагольных фразеологизмов-сказуемых.

1. Состояние человека или (реже) животного: *Он **пришёл в себя**, услышав голоса Лиды и Алеси; Стоим, но **не падаем духом**; Парень как воды в рот **набрал**; Одна неудачная любовь – и ты **повесила нос**. Стыдись!; От неожиданности девушка даже **отшатнулась**. Лицо её сначала побледнело, потом **залилось краской**; Такие кони в других местах давно уже **богу душу отдали**.*

2. Мыслительно-речевые и физические действия персонажа: *Вот и **ломай теперь голову**, товарищ секретарь, если проглядел человека!..; **Глядишь, в разго-***

воре сможешь высказать какую-нибудь свежую мысль, которая им самим, обжившимся и привыкшим к местным условиям, **могла и не прийти в голову**; Но во взгляде её был явный вызов: **можешь, мол, начинать, но знай, что я за словом в карман не полезу**; Они **перекинулись** несколькими словами; Тоже энергичные работники, но их нужно держать под контролем и поправлять, а иначе они **наломают дров**; День и ночь **спины не разгибали**; Отец твой и мать были такие спокойные люди. **Никогда, бывало, воды не замутят.**

3. Внешность персонажа: **Эти брови сразу бросались в глаза, они придавали верхней части лица суровое выражение.**

4. Отношения между персонажами: **Не заговаривай мне зубы! Я тебя насквозь вижу; Гибкая, чернобровая, с тонкими нежными чертами белого лица, с русой длинной косой, она вскружила голову не одному парню.** Обратим внимание на то, что выражение отношений между персонажами часто связано со зрительным восприятием одного субъекта другим; при этом используются глагольные фразеологизмы-сказуемые, включающие соматизм *глаз*: **Максим оглянулся и увидел ребят. Мальчики стояли поодаль и не сводили с него глаз; Смотри! Сорвёшь хоть один день уборки – не попадайся на глаза.**

5. Процессы, происходящие в обществе: **Колхоз с помощью государства становился на ноги.** Отметим использование приёма олицетворения, благодаря которому неодушевлённые предметы предстают в образе живого существа [3, с. 198], что усиливает экспрессивность художественного текста: **Вообще, колхоз хотя и медленно, но крепко становился на ноги; Видимо, тема эта всех задела за живое; Верх взял хозяйский расчёт; Да, на всём война оставила свой след.**

Анализ семантических особенностей глагольных фразеологизмов-сказуемых показал, что наиболее часто они используются при описании состояний и действий персонажей, а также при характеристике отношений между ними, реже – при назывании процессов, происходящих в обществе. Для И. П. Шамякина было важно показать в романе отношение людей к тем преобразованиям, которые происходили в белорусской деревне после Великой Отечественной войны, отразить состояние тех, кто, вернувшись с фронта или претерпев боль и страдания на захваченной врагом земле, испытывал трудности при восстановлении разрушенного хозяйства и создании новой жизни. С помощью глагольных фразеологизмов-сказуемых писателю удалось передать всю палитру взаимоотношений между персонажами в тяжёлое для страны, деревни и лично для каждого послевоенное время – любовь, дружбу, страдание, ненависть, зависть и т. д.

Нанизывание глагольных фразеологизмов-сказуемых, т. е. употребление нескольких устойчивых единиц в одном контексте, усиливает образность и экспрессивность художественного текста: **Начнёт, к примеру, твой Лазовенка чего-нибудь хитрить-мудрить – Ладынину скажешь. Он ему сразу мозги вправит. Но, к счастью, все взялись за ум, как это говорится.**

Важно отметить, что семантика и эмоционально-экспрессивный потенциал глагольных фразеологизмов-сказуемых усиливается частицами и вводными конструкциями.

Так, использование частицы *буквально* способствует дефразеологизации устойчивого выражения, «приближая» его к свободному словосочетанию, что, однако, не ослабляет его эмоционально-экспрессивной значимости: **Следом шли девочки. Их было меньше, но они растянулись значительно более длинной**

цепочкой, чем мальчики, которые **буквально «наступали на пятки»** друг другу. Частица *всё* усиливает значение длительности процесса, названного устойчивым сочетанием: *Коли любит, так чего ж она его **всё за нос водит?*** С помощью частиц *чуть не* и *было* передаётся оттенок нереализованности действия: *Он был ранен в первую мировую войну и, как сам говорит, **чуть не отдал богу душу** в каком-то царском госпитале; Макушенка **собрался было** уже **взять слово**, но неожиданно понялась Сынклета Лукинична.*

Использование вводного словосочетания *как говорится* свидетельствует о метафорическом способе выражения действия, названного фразеологизмом: *Мурашку «разносили» безжалостно: **как говорится, «не оставили живого места».***

Стилистическая характеристика глагольных фразеологизмов-сказуемых обусловлена прежде всего тем, используется ли устойчивое сочетание в речи персонажа или в речи автора. В речи персонажа, как правило, употребляются фразеологизмы, обладающие повышенной экспрессивностью и имеющие разговорную окраску, поскольку они, как правило, используются говорящим в ситуации эмоционального напряжения: *Ты что, тоже **решила мне нос утереть?*** (Максим – Маше); *Назначили к нам агитатором Дяткова. Вы же сами и назначили... А что он делает – поинтересовались? Он и **носа ни разу не показал*** (Клавдя); *Чёрт знает какие мысли **лезут в голову!*** (Василь). Значительно реже в речь персонажей включены стилистически нейтральные фразеологизмы: *Что это она, Павлик, **верх над тобой берёт**, Кацубиха эта?* (мать Павла); *Я своё слово крепко **держу*** (Шаройка).

В авторской речи, наоборот, преобладают стилистически нейтральные глагольные фразеологизмы-сказуемые: *Ей было больно за сына; только она, мать, знала, как он работает, как **принимает всё близко к сердцу**; **Всё вдруг стало на своё место**, и ей захотелось рассмеяться громко, на всё ночное поле.* Однако в речи автора могут использоваться и разговорные устойчивые сочетания, которые эмоционально и образно описывают ситуацию и в меньшей степени служат для передачи состояния автора-рассказчика: *Слабая дисциплина у соседей **стояла поперёк горла**: немало ещё находилось таких, которые в трудную минуту кивали на этих соседей.*

Выводы

В романе И. П. Шамякина «В добрый час» глагольные фразеологизмы активно используются в функции простого глагольного сказуемого и в качестве вещественного компонента составного глагольного сказуемого.

Наиболее часто глагольные фразеологизмы-сказуемые употребляются при описании состояний и действий персонажей, а также при характеристике отношений между ними, реже – при назывании процессов, происходящих в обществе. Семантика и эмоционально-экспрессивный потенциал рассматриваемых устойчивых единиц усиливается частицами и вводными конструкциями.

Стилистическая характеристика глагольных фразеологизмов-сказуемых обусловлена прежде всего тем, используется ли устойчивое сочетание в речи персонажа или в речи автора. В речи персонажа, как правило, употребляются фразеологизмы, обладающие повышенной экспрессивностью и имеющие разговорную окраску. В авторскую речь включены в основном стилистически нейтральные фразеологизмы.

Список использованных источников

1. Герасименко, Н. А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование : моногр. / Н. А. Герасименко. – М. : Изд-во МГОУ, 2012. – 292 с.
2. Герасименко, Н. А. Фразеологизмы в инфинитивно-субстантивных предложениях / Н. А. Герасименко // Русский язык в поликультурном мире : сб. науч. ст. VI Междунар. симп., Ялта, 08–12 июня 2022 г. : в 2 т. / редкол.: И. П. Зайцева [и др.]. – Симферополь : Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского, 2022. – Т. 1. – С. 207–211.
3. Емельянова, О. Н. Олицетворение / О. Н. Емельянова // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А. П. Сковородникова. – 4-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. – С. 198–200.
4. Жуков, В. П. Особенности синтаксического употребления устойчивых словосочетаний, выступающих в роли сказуемого / В. П. Жуков // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвёртые Жуковские чтения) : материалы Междунар. науч. симп., 4–6 мая 2009 г. / НовГУ им. Ярослава Мудрого ; отв. ред. В. И. Макаров. – Великий Новгород, 2009. – С. 3–8.
5. Лекант, П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке : учеб. пособие / П. А. Лекант. – 2-е изд. – М. : ИИУ МГОУ, 2017. – 132 с.
6. Сковородников, А. П. Образность / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А. П. Сковородникова. – 4-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. – С. 190–192.
7. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка : учеб. пособие / Н. М. Шанский. – 5-е изд., испр. и доп. ; предисл. Т. А. Бобровой. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 272 с.

УДК 81'42:821.161.1

ПОТЕНЦИАЛ ЦВЕТОВОГО ХРОНОТОПА В РЕКОНСТРУКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ПИСАТЕЛЯ (на материале повести «Орест Кипренский» К. Г. Паустовского)

Т. В. Сивова,

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь

E-mail: sitavi@tut.by

В статье на материале повести «Орест Кипренский» К. Г. Паустовского раскрывается диагностический потенциал цветового хронотопа в реконструкции цветовой картины мира писателя. Цель исследования – на основе воссоздания цветовой концептосферы повести, описания ее пространственно-временной организации продемонстрировать методологический потенциал цветового хронотопа в выявлении специфики идиостиля писателя. Задачи: 1) установить

количественный и качественный состав терминов цвета; 2) описать функциональный потенциал терминов цвета в конструировании пространственного и темпорального измерения произведения; 3) раскрыть специфику цветописа К. Г. Паустовского. Методы: метод сплошной выборки, описательно-аналитический, контекстуальный, количественной обработки данных. Результаты: 1) установлен и представлен в модели поля состав цветообозначений, значимых в создании цветового времени и пространства произведения (ядро включает 21 термин цвета; расширение диапазона осуществляется репрезентантами околядерной зоны, ближней, дальней периферии – около 80 единиц; доминанта цвета повести черный; уникальная цветовая иерархия произведения черный, белый, синий); 2) выявлен функциональный потенциал колористических дескрипций в конструировании пространственного (пространство природы, искусства, человека, города) и темпорального (ТК «Время суток», «Возраст») измерения произведения, его цветового хронотопа; 3) раскрыты особенности цветовой манеры письма К. Г. Паустовского.

Ключевые слова: лингвистика цвета, термин цвета, концептосфера, цветовой хронотоп, языковая картина мира, К. Г. Паустовский.

THE POTENTIAL OF COLOUR CHRONOTOPE IN THE WRITER'S LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD RECONSTRUCTION (on the material of the story «Orest Kiprensky» by K. Paustovsky)

T. V. Sivova,

associate Professor, Ph.D. in Philology, associate Professor of the Journalism
Department Yanka Kupala State University of Grodno,
Grodno, Republic of Belarus
E-mail: sitavi@tut.by

In the article on the material of the story «Orest Kiprensky» by K. Paustovsky diagnostic potential of colour chronotope in writer's colour picture of the world reconstruction is revealed. The aim of the research is to demonstrate methodological potential of colour chronotope in revealing of specificity of the writer's idiostyle on the basis of story colour conceptosphere construction and its space-time organization description. Research objectives: 1) to establish the qualitative and quantitative composition of colour terms; 2) to describe the functional potential of colour terms in the work's spatial and temporal dimension construction; 3) to reveal the specificity of Paustovsky's colour writing. Research methods: total sampling method, descriptive-analytical, contextual, quantitative data processing. The main results of the research are: 1) the range of colour terms, significant in colour chronotope creating (21 corecolour terms; expanded range is presented by representatives of the near-core zone, near, far periphery – about 80 units; the dominant is black, the unique colour hierarchy is black, white, blue); 2) functional potential of coloristic descriptions in constructing of spatial (space of nature, art, man, city) and temporal (ТК «Time of Day», «Age») dimensions of the work, its colour chronotope is revealed; 3) the peculiarities of Paustovsky's colour style of writing are revealed.

Keywords: linguistics of colour, colour term, conceptosphere, colour chronotope, language picture of the world, K. Paustovsky.

Введение

Термин *цветовой хронотоп*, под которым понимается «колористическая и световая визуализация пространства и времени в их диалектическом единстве по отношению к художественному дискурсу» [6, с. 20], был введен в научный оборот в выполненном под руководством М. И. Конюшкевич диссертационном исследовании Т. В. Сивовой «Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К. Г. Паустовского», цель которого «на основе выявления особенностей и функций языковой репрезентации цвета, света и хронотопа в произведениях К. Г. Паустовского установить их взаимосвязь, представленную в художественном произведении как категория цветового хронотопа, обеспечивающая глубокое проникновение в идиостиль писателя» [6, с. 5].

Стоящая перед нами задача реконструкции цветовой концептосферы прозы К. Г. Паустовского, признанного мастера художественного слова, обусловила осуществленное нами ранее обращение к широкому ряду произведений, среди которых «Блистающие облака», «Дым отечества», «Золотая роза», «Кара-Бугаз», «Колхида», «Мещерская сторона», «Повесть о жизни», «Повесть о лесах», «Разливы рек», «Романтики», «Северная повесть», «Тарас Шевченко», «Черное море», – воссоздание цветовой концептосферы которых вносит вклад в комплексное описание и выявление специфики цветовой картины мира писателя, его цветовой манеры письма.

Цель и задачи

Цель данного исследования – реконструировав сегмент цветовой концептосферы прозы К. Г. Паустовского, описав пространственно-временную организацию повести «Орест Кипренский», продемонстрировать потенциал цветового хронотопа в выявлении специфики идиостиля писателя. **Задачи:** 1) установить количественный и качественный состав цветообозначений, функционирующих в тексте, представив его в модели поля; 2) описать функциональный потенциал терминов цвета в конструировании пространственного и темпорального измерения произведения; 3) раскрыть специфику цветописи писателя.

Методы и материал исследования

Материалом исследования послужил текст повести К. Г. Паустовского «Орест Кипренский» (1936 г.); методы исследования: метод сплошной выборки, описательно-аналитический, контекстуальный, количественной обработки данных.

Результаты и их обсуждение

Повесть «Орест Кипренский» попадала в фокус научно-исследовательского интереса филологов, спорадически обращавших внимание на цветовую и световую составляющую текста; вместе с тем цветовая концептосфера произведения, согласно доступным нам источникам, не стала предметом отдельного исследования. Так, Н. А. Жаринов исследует жанровые особенности повести, раскрывает специфику создания К. Г. Паустовским образа художника в литературном портрете, подчеркивая: «автор чувствует в картинах Кипренского подлинное искусство, потому что в них есть связь между светом, запахом, звуком и цветом» [1]. Янь Ланьлань, ставя целью изучение терминов живописи в профессиональной и непрофессиональной сфере, отмечает: текст повести «отличает невероятная насыщенность терминами живописи (242 словоупотребления)» [8, с. 20]; формулирует в качестве одной из особенностей произведения «семантическое сближение терминов живописи и слов, олицетворяющих полноту жизни и неизбежность ее конца: золотистые тона – юность; теплые, глубокие тона –

зрелость, синеватые холодные краски – цвет жил на старческих руках; краски – вино; краски – кровь» (см.: [8, с. 20]). С. Л. Михеева обращает внимание на символический потенциал цветообозначений: *событие загадочное, оставившее черную тень на всей дальнейшей жизни Кипренского*; на уровне оппозиции свет – тьма осуществляется противопоставление периодов творчества художника (см.: [4, с. 426]). Т. В. Карпеченко, исследуя эстетическую концепцию К. Г. Паустовского, акцентирует актуализацию световой составляющей: «большое внимание писатель уделяет свету от свеч» [4, с. 19].

Таким образом, реконструкция цветовой концептосферы повести, выявление на ее материале индивидуально-авторской специфики цветописи К. Г. Паустовского, которая заключается, по нашим наблюдениям, в диалектической цвето-свето-пространственно-временной перцепции, служащей основой функционирования цветового хронотопа его произведений (см.: [6, с. 20]), остается исследовательской лакуной.

Цветовая концептосфера повести. Колористическое пространство повести представим в модели поля, **ядро** которого формируют термины цвета, сгруппированные согласно классификации Р. М. Фрумкиной [7, с. 54].

Блок «красные» (*багровый 3, розовый 3, малиновый 1, красный 1, кровавый 1*): *багровое пламя рванулось к потолку* [5, с. 520]; *<небо>, с грядой легких розовеющих облаков* [5, с. 505]; *<тон>сменился фиолетовым и малиновым* [5, с. 504]; *с пестрой толпой, расступившейся перед красной каретой кардинала* [5, с. 514]; *упал на постель, на кровавые пятна, и лицо его начало медленно и торжественно бледнеть* [5, с. 529].

Квазиблок «оранжевые» (*терракотовый, апельсиновый, оранжевый, рыжий, ржавый, медовый, бронзовый*) не представлен в произведении.

Блок «желтые» (*золотой 3, желтый 2, лимонный 1*): *На последних картинах Левицкого золотистый тон исчез* [5, с. 504]; *прелесть пушкинской поэзии вложить не в лицо поэта, бывшее в то время утомленным и даже чуть желтоватым* [5, с. 524]; *дома, выкрашенные в зеленоватый, лимонный и серый цвета* [5, с. 499]. Для выявления особенностей цветовой картины мира писателя важно отметить, что *лимонный* ‘светло-жёлтый’, ‘имеющий цвет кожуры лимона’ в его произведениях (см. Собр. соч. в 9 т.) актуализируется преимущественно в создании цветового флористического пространства, коррелируя с фитонимами (*лимонная бледность осин; лимонная листва <дикого винограда>; лимонные <мхи>; лимонные листья берез; лимонные листья лип; лимонный лист вербы; лимонный цвет палой листвы; лимонный лист <бука>; платан с лимонными пятнами на стволе*); далее по ранжиру – пространства человека: как соматического (*лимонная нездоровая кожа; лимонный цвет его тела; человек с лимонного цвета припухшим лицом*), так и вестигального (*в лимонного цвета лайковых перчатках; лимонного цвета носки*). Спорадически *лимонный* используется в визуализации природного пространства: фауны (*оперение <пеликана> переливалось лимонным и розовым цветом*); небесного (*лимонное солнце*) и водного (*вода отливала бледным цветом лимона*). Актуализация цветообозначения в повести «Орест Кипренский» в пространстве города представляется уникальной.

Блок «зеленые» (*зеленый 3*): *Мраморные статуи смотрели в зеленоватую воду холодных прудов, где плавали форели* [5, с. 501].

Блок «синие» (*синий 4, голубой 1; «промежуточное» ИЦ сизый 1*): *знамена развевались в синих грозовых тучах* [5, с. 502]; *Голубой воздух наполнял комнату*

[5, с. 514]; <ночь>лежала пластами тяжелого сизого воздуха у подножия здания и в глубине садов [5, с. 505].

Блок «фиолетовые» (фиолетовый 1): <тон картин> сменился фиолетовым и малиновым – холодным и старческим тоном [5, с. 504].

Блок «серые» (черный 7, серый 3, свинцовый 1; «промежуточные» серебристый 2, сизый 1): «Мне часто мерещится, – писал Кипренским впоследствии, – черная качающаяся аллея деревьев [5, с. 503]; серые, насыщенные росой облака [5, с. 507]; память с натугой проникала через вереницу тяжелых матросских лет, через свинцовые туманы, через мутную воду старческой слепоты [5, с. 501]; <снег> сваливался пластами с грубых парусов, но тонким серебром ложился на реи [5, с. 498].

Блок «белые» (белый 4, белесый 1, молочный 1; «промежуточное» серебристый 2): В нишах тускло белели мраморы [5, с. 519]; белесое небо простиралось над болотистым берегом [5, с. 501]; накладывая на полотно серую или молочно-розовую краску [5, с. 523]; на гербе Ораниенбаума было изображено серебряное поле с апельсиновым деревом [5, с. 500].

Квазиблок «кремовые» (сливочный, цвет слоновой кости, телесный, кремовый, опаловый, палевый, бежевый, цвет кофе с молоком) не представлен; равно как и в некоторых др. произведениях раннего периода («Блισταющие облака», «Кара-Бугаз», «Колхида», «Романтики»), что свидетельствует, вероятнее всего, о влиянии романтической эстетики на творчество писателя (превалирование контрастных цветов).

Блок «коричневые» (коричневый 1): Эта работа Кипренского написана в глубоких, бархатистых коричневатых и синих тонах [5, с. 520].

Таким образом, ядро поля цвета включает **21** термин цвета: *черный 7; белый, синий 4; багровый, зеленый, золотой, розовый, серый 3; желтый, серебристый 2; белесый, голубой, коричневый, красный, кровавый, лимонный, малиновый, молочный, свинцовый, сизый, фиолетовый 1*. Доминанта – **черный**, сильную позицию занимают *белый* и *синий*. Сравнив с установленными нами ранее доминантами других произведений Паустовского: повторяющейся последовательностью **черный, белый, красный** («Дым отечества», «Повесть о жизни», «Черное море»); модифицированной **черный, белый, желтый: черный, белый, желтый, синий** («Романтики»), **черный, белый, желтый, зеленый** («Золотая роза»); уникальными **черный, желтый, серый, белый** («Кара-Бугаз»), **белый, красный, черный, синий** («Колхида»); с пересекающейся с повестью «Орест Кипренский» последовательностью **черный, синий, белый, красный** («Блισταющие облака»); с цветовой иерархией, репрезентирующей, согласно Ю. Н. Караулову, стандарт русского цветового языкового сознания (**белый, красный, зеленый, желтый**) [2, с. 144], можем сделать заключение, с одной стороны, об уникальности цветовой иерархии доминант произведения (**черный, белый, синий**), об устойчивом характере цветовой оппозиции **черный – белый**, предположительно свидетельствующей о романтическом мировосприятии К. Г. Паустовского, с другой – о пересечении со стандартом русского цветового языкового сознания (**белый**).

Околоядерная зона поля цвета¹ представлена: а) лексемами, не входящими в блоки цвета, но зафиксированными в лексикографических источниках (*седой*):

¹Начиная с околоядерной зоны границы приобретают свойство диффузности.

бронзовый памятник полководцу, седой от снежной пыли [5, с. 505]; б) стилистически маркированными терминами цвета (лазоревый trad.-поэт. лазурный; позлатить trad.-нар. 'освещая, придать чему-л. золотистый цвет, оттенок'): «Селения улыбались своему изображению в лазоревой воде» [5, с. 513]; в зрачках красавиц, позлащенных пламенем свечей [5, с. 504]; в) авторскими цветовыми дескрипциями: когда солнце превратит наконец в бледное золото воды залива [5, с. 501].

Ближняя периферия цветового поля включает: а) лексемы с корнем -цвет- (многоцветный, подцветить, цвет): всматриваться в спящие многоцветные воды, чтобы потом перенести эти краски на полотно [5, с. 511]; подцветчивал свои рисунки с удивительной тонкостью [5, с. 510]; б) лексику изобразительного искусства с семой 'цвет' (краска, мазок, палитра, сетия 'светло-коричневая краска', тон и др.): Чем было лучше всего передать цвет этого ненастного дня? Кипренский выбрал сетю [5, с. 524].

Дальняя периферия цветового поля представлена: а) лексемами с интегральной семой цвет, выраженной имплицитно (грязный, загорелый, пестрый, полосатый, чахоточный и др.): сок стекал по его загорелым пальцам [5, с. 498]; пробираться мимо полосатой будки гренадера [5, с. 502]; б) лексемами со зн. интенсивности окраски (бледный, бледнеть, бледность; водянистый; глубокий; густой; тусклый, потускнеть; светлый; темный; холодный; ясность и др.): Густая темнота в углах и в длинных каменных коридорах [5, с. 528]; в) образными колоративами, в которых цветовая составляющая уступает место образной (живой, мертвый): как бы не замечая ее <краски> мертвого тона [5, с. 523]; г) лексемами с цвето-световым и световым зн. (блеск, блестеть; вспышка; гореть, разгореться; зажечь; закат, закатный; зарница; засверкать; игра; мрак, сумрак; огонь; озарить; отблеск; пламя; пылать; рассвет; сверкать, сверкание; свет; сумерки; тьма и др.): когда закатное солнце бросало косые лучи на паркет [5, с. 504]; в отблесках куполов и игре бронзовых шандалов [5, с. 504].

Цвет в конструировании пространственного и темпорального измерения произведения. Функциональность колористических дескрипций охватывает широкий спектр функций от онтологической: Короли и императоры неторопливо скакали на этих портретах в желтом пороховом дыму [5, с. 502] до изобразительно-выразительной: <снег> тонким серебром ложился на реи [5, с. 498]; особый исследовательский интерес для нас представляет хронотопическая. Колористические дескрипции принимают участие в конструировании цветового пространственного (пространственные плоскости могут пересекаться) и темпорального измерения повести. Так, цветовая характеристика значима в создании цветового 1) пространства природы: преобладает визуализация а) небесного пространства (белесое небо; черное небо; голубой воздух; гряда легких розовеющих облаков; серые, насыщенные росой облака; свинцовые туманы): За окнами непрерывно мчалось к востоку черное угрюмое небо [5, с. 524]; в меньшей мере б) водного пространства (зеленоватая вода прудов; солнце превратит в бледное золото воды залива): статуи смотрели в зеленоватую воду холодных прудов, где плавали форели [5, с. 501]; в) мира флоры: черная качающаяся аллея деревьев [5, с. 503]; 2) пространства искусства: а) живописи (золотистый теплый тон картин; <работа> написана в глубоких, бархатистых коричневатых и синих тонах; а также <горизонты> провел своим безошибочным карандашом Растрелли; цвет неба и облака были как будто написаны венецианцами): Короли

и императоры неторопливо скакали на этих портретах в желтом пороховом дыму. Багровые вспышки мортир освещали крутые и надменные лица. Блестели кирасы. Знамена развевались в синих грозových тучах, обрезанных тяжелой золоченой рамой [5, с. 502]; **б)** скульптуры: Торвальдсен остановился посреди обширного зала. В нишах тускло белели мраморы [5, с. 519]; в меньшей мере **3)** пространства человека: **а)** соматического кода (в зрачках красавиц, позлащенных пламенем свечей): лицо поэта, бывшее в то время утомленным и даже чуть желтоватым [5, с. 524]; при выражении эмоционального состояния персонажа: и лицо его побледнело от гнева [5, с. 519]; **б)** вестигального: Люди пробежали вдоль домов, придерживая шляпы. Ветер хлопал черными шинелями [5, с. 524]; **4)** города (купол собора, более черный, чем ночь; мимо полосатой будки гренадера; <на гербе> серебряное поле с апельсиновым деревом): Петербургские дома, выкрашенные в зеленоватый, лимонный и серый цвета, казались фарфоровыми [5, с. 499].

Цвет играет значимую роль в конструировании темпорального измерения произведения, маркируя временные отрезки **а)** ТК «Время суток»: белые ночи (о летних ночах на севере, когда сумерки не переходят в темноту), день, ночь, рассвет: Чем было лучше всего передать цвет этого ненастного дня? Кипренский выбрал сепию [5, с. 524]; Взошло солнце. Багровый свет уже загорался в окнах дворцов и падал вниз, в темноту [5, с. 505]; **б)** ТК «Возраст»: зрелость, старость, юность: юности свойственна пестрота красок, зрелости – тонкая мера в употреблении теплых и глубоких тонов, а старости – синеватые и холодные краски, столь похожие на цвет жил на старческих руках [5, с. 504]. Так цвет становится точкой пересечения пространственного и темпорального измерения, формирует цветовой хронотоп произведения: Не только каждый возраст человека имеет свои любимые краски, но также и каждая страна, и каждое столетие на всем протяжении рода человеческого. Изучайте лица людей и краски своего века, если хотите стать его живописцами [5, с. 504].

Цветовая манера письма К. Г. Паустовского характеризуется: **а)** корреляцией цветовой и световой составляющей описаний (багровые вспышки; белый блеск и др.): Столица покрывалась белым блеском [5, с. 506]; обусловленностью цветовой характеристики фактором света: Куда ни взглянешь, всюду лежали чистые краски, то плотные, то совершенно прозрачные, созданные светом северного солнца, снегом, огнем фонарей [5, с. 505]; др. факторами: горизонты, синие от прохладного воздуха [5, с. 505]; **б)** актуализацией цветового контраста (черный – белый) [интертекст; Н. Языков]: кавалерист Денис Давыдов – «боец чернокудрявый с белым локоном на лбу» [5, с. 508]; основанного также на др. сопутствующих признаках (теплый – холодный): пытались подражать золотистому теплему тону его картин [5, с. 504]; он [золотистый тон] сменился фиолетовым и малиновым – холодным и старческим тоном [5, с. 504]; **в)** передачей многоцветности посредством цепочек цвета, некоторых последовательностей терминов цвета, функционирование которых ограничено рамками одного предложения (2- и 3-компонентных): петербургские дома, выкрашенные в зеленоватый, лимонный и серый цвета [5, с. 499]; **г)** наделением цветом объектов, которым цветовая характеристика не свойственна (голубой воздух, пласты сизого воздуха): Горели костры, освещая черные капли дождя [5, с. 510]; **д)** актуализацией эмоционального плана цветового описания: Краски сделались грязными, мутными и угнетали глаз [5, с. 521]; <краски> рождают резкие переходы от улыбки

к необъяснимой печали, от восторга к задумчивости [5, с. 511]; е) ассоциативностью колористических дескрипций: *дома, выкрашенные в зеленоватый, лимонный и серый цвета, казались фарфоровыми* [5, с. 499]; ж) повторяющейся корреляцией цвето-световой, пространственной, темпоральной характеристик текста, которая маркирует особый колористический пространственно-временной континуум (см.: [6, с. 20]).

Выводы

В результате исследования, актуальность которого обусловлена антропоцентричностью современного языкознания, вниманием к языковой личности писателя, **1)** установлен и представлен в модели поля состав значимых в создании цветового хронотопа произведения цветообозначений: ядро включает 21 термин цвета; демонстрирующее своеобразие авторской цветовой картина мира писателя, а также постепенную утрату цветового признака, взаимосвязь цветовой и световой составляющей описаний расширение спектра осуществляется репрезентантами околоядерной зоны, ближней, дальней периферии (ок. 80 ед.); доминанта цвета *черный*; охарактеризована как уникальная иерархия ключевых цветообозначений *черный, белый, синий*; **2)** описан функционал колористических дескрипций в создании цветового пространства (природы, искусства, человека, города) и времени (ТК «Время суток», «Возраст») произведения, его цветового хронотопа; **3)** раскрыты особенности манеры цветописи Паустовского, среди которых – лежащая в основе создания цветового хронотопа повторяющаяся корреляция цвето-световой, пространственной, темпоральной составляющей текста.

Список использованных источников

1. Жаринов, Н. А. Образ художника в литературных портретах К. Г. Паустовского («Орест Кипренский», «Исаак Левитан») [Электронный ресурс] / Н. А. Жаринов // Язык. Культура. Коммуникации. – 2018. – № 2. – Режим доступа: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/646/806>. – Дата доступа: 10.04.2023.
2. Караулов, Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю. Н. Караулов. – М. : Ин-т. рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1999. – 180 с.
3. Карпеченко, Т. В. Писатель и творчество в эстетической концепции К. Г. Паустовского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Т. В. Карпеченко. – М., 2000. – 24 с.
4. Михеева, С. Л. Символика цветowych прилагательных как средство выражения причинно-следственных отношений в художественном тексте / С. Л. Михеева // Русский язык в поликультурном мире : II Междунар. симп., 8–12 июня 2018 г. : в 2 т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – Т. 2. – С. 424–429.
5. Паустовский, К. Г. Собрание сочинений : в 9 т. / К. Г. Паустовский. – М. : Худож. лит., 1981–1986. – Т. 3 : Повести. 1982. – 687 с.
6. Сивова, Т. В. Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К. Г. Паустовского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Т. В. Сивова. – Минск, 2018. – 29 с.
7. Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина. – М. : Наука, 1984. – 175 с.
8. Янь Ланьлань. Терминология живописи в русском языке: структурный и функциональный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Янь Ланьлань. – М., 2014. – 24 с.

**ЦИКЛ А. АХМАТОВОЙ «В ЦАРСКОМ СЕЛЕ» КАК ПОЭТИЧЕСКОЕ
НАЧАЛО ПУШКИНСКОЙ ТЕМЫ**

И. Л. Судибор,

старший преподаватель кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: tanechka_tati@mail.ru

В статье анализируются поэтические тексты цикла А. Ахматовой «В Царском Селе» в аспекте тематики, жанра, стиля и литературной типологии. В работе показано, что обращение Ахматовой к пушкинской теме характерно как для раннего периода, так и для последующих этапов творчества поэтессы.

Ключевые слова: Серебряный век, Ахматова, пушкинская тема, литературная традиция, новаторство, стиль, образ Пушкина, жанр, цикл, литературный триптих.

**SERIES BY A. AKHMATOVA «IN TSARSKOE SELO» (IN TSAR VILLAGE)
AS THE POETICAL BEGINNING OF PUSHKIN'S THEME**

I. L. Sudibor,

Senior Lecturer of Belarusian and Russian Philology Department,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: tanechka_tati@mail.ru

The article deals with the poetic texts of A. Akhmatova's series «In Tsarskoye Selo» in the aspect of subject matter, genre, style and literary typology. The author shows that Akhmatova's appeal to the Pushkin's theme is typical both for the early period and for next stages of the poetess's work.

Keywords: Silver Age, Akhmatova, Pushkin theme, literary tradition, innovation, style, Pushkin's image, genre, series, literary triptych.

Введение

Пушкинская тема занимает особое место в творчестве представителей Серебряного века. «Пушкин – поэт» (А. Блок), «Пушкин – русская легенда» (В. Ходасевич), «Пушкин-мастер» (В. Брюсов), «Пушкин – поэт “мирового лада”» (В. Розанов), «Пушкинский стих – предел совершенства» (Д. Мережковский), «действительный в любые времена» (И. Северянин), «вечно современный» (М. Цветаева). Все эти определения, данные Пушкину, свидетельствуют о современности и гениальности пушкинского таланта, о его роли в становлении и развитии русской литературы. Образ А. С. Пушкина в литературе Серебряного века представляет собой культурный феномен, не имеющий аналогов в русской литературе.

Образ Пушкина для поэтов и писателей Серебряного века стал символом России и любви к художественному слову, «концентрированное выражение культуры прошлого». Его «сбрасывали с корабля современности» (футуристы), присваивали в единоличное владение (М. Цветаева) и одновременно считали воплощением того гармонического мировидения, которое не должно быть поколеблено даже самыми смелыми художественными экспериментами и инновациями. Пушкинская тема звучит в произведениях В. Брюсова, И. Анненского, А. Блока, В. Маяковского, М. Цветаевой и др. Традиции и заветы Пушкина прослеживаются и в творчестве А. Ахматовой. Ее диалог с Пушкиным – это разговор об искусстве и поэзии, о России и ее месте в мире, и, наконец, постулирование собственных творческих принципов.

Цель и задачи

Цель исследования – определить и исследовать пушкинскую тему в поэтическом цикле А. Ахматовой «В Царском Селе». Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- проанализировать стихотворения цикла в аспекте тематики, стиля и литературной типологии;
- обосновать роль и значение пушкинской темы в лирике Анны Ахматовой.

Методы и материал исследования

Предметом исследования послужили стихотворения А. Ахматовой «По аллее проводят лошадок...», «А там мой мраморный двойник...», «Смуглый отрок бродил по аллеям...». В процессе работы над темой были использованы методы анализа и обобщения литературных фактов при изучении лирики А. Ахматовой.

Результаты и их обсуждение

На протяжении своего жизненного и творческого пути Ахматова очень часто обращалась к А. С. Пушкину, пытаясь найти ответы на возникшие и интересующие её вопросы по проблемам поэтического творчества. Для неё Пушкин являлся высшим поэтическим и духовным авторитетом, а имя Пушкина – самым дорогим, потому что именно с ним у Ахматовой возникал образ и суть ее поэзии. В своих произведениях поэтесса не раз отмечала, что «Пушкин – её наставник, а она его ученица». Ахматова унаследовала традиции Пушкина в краткости, простоте, подлинности поэтического слова. Стихи Пушкина Анна Ахматова знала наизусть.

Интересен тот факт, что при изучении биографии Пушкина и Ахматовой можно обнаружить ряд сходств и удивительных совпадений: родились оба в июне, жили и учились в Царском Селе, затем, как и Пушкин, Ахматова переехала жить в Петербург. Царское село и Петербург, как для Ахматовой, так и для Пушкина, являются родными и особыми местами в их жизни, образы которых отразились в творчестве поэтов.

В Царском Селе жизнь и творчество Анны Ахматовой связаны неразрывно. Об этом пишут все ее биографы и современники, освещая ее творческий путь. «Царскосельской Музой» назвала ее Марина Цветаева. Царское село в своих произведениях воспевали многие русские поэты. Как и для Пушкина, для Анны Ахматовой Царское Село было источником вдохновения, что и послужило толчком для написания в 1911 году цикла стихотворений «**В Царском Селе**», состоящего из трех стихотворений, которые были опубликованы в её дебютном сборнике «Вечер».

Цикл «В Царском селе» состоит из трех стихотворений («По аллею проводят лошадок...», «А там мой мраморный двойник...», «Смуглый отрок бродил по аллеям...»). Перед нами – литературный триптих: «поэтическое произведение из трех стихотворений, отрывков, объединенных общим замыслом» [1, с. 412]. Все части литературного триптиха «В Царском селе» неразрывно связаны между собой общей темой – любовь к Царскому Селу и А. С. Пушкину.

Стихотворение «**По аллею проводят лошадок...**» – отправная точка в цикле «В Царском Селе»:

*По аллею проводят лошадок,
Длинные волны расчесанных грив.
О, пленительный город загадок,
Я печальна, тебя полюбив.*

*Странно вспомнить: душа тосковала,
Задыхалась в предсмертном бреду.
А теперь я игрушечной стала,
Как мой розовый друг какаду.*

*Грудь предчувствием боли не сжата,
Если хочешь, в глаза погляди.
Не люблю только час пред закатом,
Ветер с моря и слово «уйди» [2, с. 26].*

Анализируя данный художественный текст, следует отметить, что лирическим героем данного стихотворения выступает сам автор – Анна Ахматова. В контексте данного стихотворения присутствует тема детства и юношеской любви. В своём стихотворении она признается в любви к своему «городу загадок», вспоминает ряд символов своего детства и более позднего возраста: «лошадки», «длинные волны расчесанных грив», «розовый друг какаду».

Во второй строфе прослеживается намёк на пережитую душевную рану:

*Странно вспомнить: душа тосковала,
Задыхалась в предсмертном бреду... [2, с. 26]*

В последних строчках наблюдается облегчение страданий героини, будто боль притупилась со временем или вовсе исчезла:

*Грудь предчувствием боли не сжата,
Если хочешь, в глаза погляди [2, с. 26].*

Тоскливые эмоции двоятся: в начале для неё они были нестерпимо тяжёлыми, затем они сменились привычным ощущением душевного груза, ведь время лечит. Автор даже предлагает заглянуть в глаза, чтобы все убедились в том, что чувства угасли, боль ушла, и он освободился от любовных переживаний. Тема памяти стала толчком, первой ступенью для зарождения темы двойничества. В последующем эта тема будет характерна и для лирической героини триптиха: лирической героине прошлого предшествует двойник – лирическая героиня настоящего времени.

Во втором стихотворении цикла «**...А там мой мраморный двойник**» уже отчетливо прослеживается тема двойничества:

*...А там мой мраморный двойник,
Поверженный под старым кленом,
Озерным водам отдал лик,
Внимает шорохам зеленым.*

*И моют светлые дожди
Его запекиуюся рану...
Холодный, белый, подожди,
Я тоже мраморною стану [2, с. 26].*

Стихотворение продиктовано царскосельской «античностью» (влияние классицизма). Парковая «античность» Царского Села позволяет проследить тему двойничества и времени. С течением времени и по степени его развития в жизни лирической героини происходит ряд изменений, как в окружающем мире: «Поверженный под старым кленом», так и в самой личности и мировосприятии.

Решительно появляется двойник лирической героини, автор описывает его, используя метафору «мраморный»: «... А там мой мраморный двойник».

Прошли года, и в Царском Селе многое изменилось: появились новые кварталы, дома, улицы, однако некоторые места пришли в запустение, а именно Царскосельский парк. Героиня, гуляя по заброшенному парку, увидела мраморный памятник. При виде мраморной статуи у героини возникает картина настоящего и будущего. В нём она увидела своё отражение, своего двойника, лежащего на мокром асфальте под старым клёном и взирающего на свой лик. Казалось бы, что памятник обрел покой, однако упоминание о его ранах даёт повод усомниться в этом: «И моют светлые дожди / Его запекиуюся рану...». Автор подсказывает своим читателям, что памятник явно был чем-то или кем-то разрушен. Лирическая героиня, наблюдая за мраморным памятником, делает феноменальный вывод: «...подожди, Я тоже мраморною стану». Поэтесса считает, что в будущем её ждёт та же участь.

Примечательно, что в поэзии Ахматовой встретить памятник – это нередкое явление. Для Ахматовой памятник – символ одновременно вечности и смертности. Используя эпитет «мраморный», она подчеркивает его вечность, но говоря о его ранах и показывая его в разрушенном состоянии, она доказывает, что он тоже не бессмертный. Ахматова повествует, что так же, как и памятник, станет: «холодной и белой». Заключительные слова «Холодный, белый, подожди. Я тоже мраморною стану» – подтверждение того, что все мы окажемся в забвении.

Кульминационное стихотворение цикла – «Смуглый отрок бродил по аллеям...»:

*Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.*

*Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни [2, с. 26–27].*

Стихотворение воплощает в себе пространство прошлого и настоящего. Главный лирический герой стихотворения – Пушкин. Его появление в контексте произведения олицетворяет прошлое. Лирическая героиня напоминает нам о настоящем. При этом пространство прошлого принадлежит двум начальным строкам первой строфы и двум завершающим строкам второй строфы – настоящее оказывается как бы окольцованным прошлым, оберегаемый им. Разъединенные во времени, лирические герои стихотворения объединены в пространстве Царского Села. «Отечество – нам Царское Село» – общее пространственное поле и цикла Ахматовой, и лицейской лирики Пушкина. Они бродят по одним и тем же аллеям в поиске одного и того же – поэтического вдохновения.

Стихотворение «Смуглый отрок бродил по аллеям» было написано в 1911 году. Это даже не случайно, ведь ровно сто лет назад Пушкин приехал в Царское Село для поступления в Царскосельский Лицей.

Перейдем далее к осмыслению сюжета и следующей разгадке скрытого смысла стихотворения «Смуглый отрок бродил по аллеям...»:

*Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов [2, с. 26].*

Исследователь творчества Пушкина Е. А. Маймин в своей книге «Пушкин. Жизнь и творчество» отмечает: «В посланиях 1815 года Пушкин воспевает радость, вино, веселье – и это звучит в его стихотворениях не как дань литературной традиции, а как выражение личного, как лирическое признание, как выражение бурлящей и переливающейся через край юной полноты жизни» [3, с. 19].

Ахматова пишет: «...отрок бродил... грустил». Слово «грустил» впервые появляется в сборнике 1958 года. Тогда почему же у Ахматовой, которая всегда давала точные характеристики предметам и лицам, возникло неточное описание Пушкина-отрока. Несомненно, у Пушкина были причины грустить, но это так не типично для художественного стиля поэта того времени. Например, в «Евгении Онегине» (гл. VIII) Пушкин описывает свои лицейские годы следующим образом:

*Моя студенческая келья
Вдруг озарилась: муза в ней
Открыла пир молодых затей,
Воспела детские веселья... [4, с. 22]*

Поэтическая формула «бродил... грустил» характерна для более позднего внутреннего состояния Пушкина. Следовательно, мы приходим к следующему заключению – в стихотворении происходит смещение времён. На протяжении одной-двух строк образ Пушкина возникает перед нами параллельно и как отрок, и как зрелый мужчина.

Две последние строчки служат доказательством данной мысли: образ Пушкина в стихотворении запечатлён в разные периоды времени: в период, когда он был отроком, и в период, когда он был юношей:

*Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни [2, с. 27].*

Лирическая героиня стихотворения не воображает некие абстрактные атрибуты пушкинского облика. Она видит конкретные предметы четко: «треуголка», «том Парни». Для лицейстов того времени в первые годы обучения было характерным носить треугольные шляпы, по праздникам – мундир, белые

панталоны, белый жилет, белый галстук, ботфорты. Отсюда следует, что за строкой «Здесь лежала его треуголка» изображается образ Пушкина-лицеиста, то есть отрока, который только начинает делать свои первые шаги в мире русской поэзии. В следующей же строке «И расстрепанный том Парни» описывается время, когда Пушкин уже стал юношей. В этот период времени интересы Пушкина изменяются и самое главное – за ним закрепляется репутация начинающего поэта. На старшем курсе многие лицеисты (возможно, вследствие возраста) увлекались анакреонтической лирикой и поэзией Парни.

Как можно заметить, временные рамки ещё изначально были разграничены в стихотворении Ахматовой. Удивителен тот факт, что на протяжении всего восьмистрочного стихотворения Анна Ахматова смогла вместить и описать всю жизнь Пушкина. Следовательно, стихотворение имеет кольцевую композицию, так как начинается и заканчивается одной и той же мыслью: показать Пушкина в разные периоды жизни (Пушкин-отрок, Пушкин-юноша, Пушкин – великий поэт).

Стихотворение пропитано любовью автора к первому поэту России. Ахматова видит, слышит и чувствует его присутствие даже сто лет спустя:

И столетие мы лелеем...

Еле слышный шелест шагов [2, с. 26].

В этих строках реализуется мотив памяти, как единственного средства преодоления враждебности времени и способа сохранения цельности личности. Память оберегает от разрушения дорогие приметы прошлого. «Лелеать» можно только самое ценное и дорогое. Звонкий звук [л], пронизывающий весь текст, словно концентрируется и приобретает мягкость в этих строках – «столетие», «лелеем», «еле», «слышный», «шелест» – выражает особую нежность и тепло. В стихотворении «Смуглый отрок бродил по аллеям...» Анна Ахматова объединяет мир прошлого и настоящего в восприятии Пушкина, что дает возможность возродить распавшуюся связь времен через искусство слова.

Выводы

А. Ахматова, благодаря своему поэтическому дару, посвятила ряд стихотворений А. С. Пушкину. В них она выразила всеобщее поклонение и любовь к первому поэту России. В поэтическом мире Ахматовой прослеживается эволюция пушкинской темы: от «Царскосельской статуи» к циклу «В Царском Селе» и стихотворению «Царскосельская ода». Цикл «В Царском Селе» свидетельствует о приверженности Ахматовой к пушкинской литературной традиции: классическая простота, ясность и гармоничность, гуманизм и мудрость, многообразность и реализм.

Список использованных источников

1. Словарь русского языка : в 4 т. / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. – Т. 4.
2. Ахматова, А. А. Сочинения : в 2 т. / А. А. Ахматова ; сост., подгот. текста и примеч. М. М. Кралина ; вступ. ст. Н. Скатова. – М. : Правда, 1990. – Т. 1 : Стихотворения и поэмы. – 448 с. – (Библиотека «Огонек»).
3. Маймин, Е. А. Пушкин: жизнь и творчество / Е. А. Маймин. – М. : Наука, 1981. – 209 с. – (Серия «Литературоведение и языкознание»).
4. Пушкин, А. С. Евгений Онегин / А. С. Пушкин. – М. : Эксмо, 2015. – 239 с. – (Классика в школе).

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И СУДЬБЫ НАРОДА В ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ
СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ В РОМАНЕ Г. ЯХИНОЙ
«ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»**

Е. В. Сузько,

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской
филологии Мозырского государственного педагогического университета

им. И. П. Шамякина,

г. Мозырь, Республика Беларусь

E-mail: suzko-1974@tut.by

В статье выявлено своеобразие художественного решения проблемы коллективизации и судьбы народа в переломные моменты советской истории в романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза». Показано авторское уважительное отношение к традициям и культуре татарского народа. Определены функции художественной детали, наглядно-пластических образов, кинематографических приемов в создании масштабной картины народной трагедии.

Ключевые слова: *Гузель Яхина, коллективизация, раскулачивание, хронотон, художественная деталь, панорамность, образ-тип.*

**ARTISTIC UNDERSTANDING OF THE PROBLEM
OF COLLECTIVIZATION AND THE FATE OF THE PEOPLE
AT A TURNING POINT IN SOVIET HISTORY IN G. YAKHINA'S NOVEL
«ZULEIKHA OPENS HER EYES»**

E. V. Suzko,

Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
of the Department of Belarusian and Russian Philology of Mozyr State Pedagogical

University named after I. P. Shamyakin,

Mozyr, Republic of Belarus

E-mail: suzko-1974@tut.by

The article reveals the originality of the artistic solution to the problem of collectivization and the fate of the people at the turning points of Soviet history in Guzel Yakhina's novel «Zuleikha opens her eyes». The author's respectful attitude to the traditions and culture of the Tatar people is shown. The functions of artistic detail, visual-plastic images, cinematographic techniques in creating a large-scale picture of a national tragedy are determined.

Keywords: *Guzel Yakhina, collectivization, dispossession, chronotope, artistic detail, panoramacity, image-type.*

Введение

В романе «Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной показана судьба татарского народа, ставшего, как и множество других, жертвой антигуманной советской политики 20–30-х гг. XX века.

По признанию автора, в основе романа – трагическая судьба ее родных, в частности, бабушки, которой на момент раскулачивания и выселения в Сибирь ее семьи было только 7 лет. В интервью Александре Гузевой Г. Яхина отметила, что ее произведение – не семейная история, а «история жизни одной женщины из 3 миллионов раскулаченных и 6 миллионов, прошедших спецпоселение» [2], что роман «Зулейха открывает глаза» не в полной мере биографичен, так как из жизни бабушки взяты временной отрезок с 1930-го по 1946-й и маршрут «татарская деревня – Казань – Красноярск – река Ангара – глухое место в тайге». Условно биографическими, по словам автора, можно назвать и 2 эпизода: когда тонула баржа со спецпереселенцами, закрытыми намертво в трюме, и как бабушку (в романе Юзуфа. – Е. С.) учил математике ссыльный профессор по собственноручно написанному учебнику. Все остальное, по Г. Яхиной, – плод художественного вымысла, обобщенное осмысление трагической судьбы крестьянства, интеллигенции в условиях антигуманного тоталитарного режима.

Цель и задачи

Выявление специфики художественного решения проблемы коллективизации и судьбы народа в переломный момент советской истории в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» является **целью** исследования. Писательнице важно было показать, как в нечеловеческих условиях гугаговского поселения, рабского, унижительного труда и отсутствия самых элементарных, нужных человеку ежедневно вещей можно остаться человеком, не озлобиться, сохранить в своем сердце веру, любовь, надежду и нежность. Поэтому мир небольшой татарской деревни, одной мусульманской семьи, дорога в «караване» раскулаченных, подвалы ОГПУ, путь по железной дороге длиною в лето, жизнь в Сибири показаны глазами женщины, восприятие которой богато на эмоции, на сильное психологическое переживание несправедливости жизни, ее драматизма.

Результаты и их обсуждение

В романе отражается судьба «маленького человека» в контексте истории огромной страны. Так, хронотоп произведения постепенно расширяется: от маленького, ограниченного мирка восточной женщины, живущей на женской половине, спящей на сундуке, подчиняющейся мужу и властной свекрови, до большого, необъятного мира сибирской тайги, Ангары, где человек – песчинка в большом несчастном мире людей, волей судьбы оторванных от дома и брошенных в необжитые, неизведанные пространства.

Л. Улицкая подчеркнула: «Рассказ о судьбе главной героини, татарской крестьянки времен раскулачивания, дышит такой подлинностью, достоверностью и обаянием, которые не так уж часто встречаются в последние десятилетия в огромном потоке современной прозы» [3, с. 5].

В романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» выявлена трагедия всего трудового крестьянства эпохи великого перелома. По историческим источникам, руководство бывшей ТАССР, учитывая краткий срок, отведенный на коллективизацию – с осени 1930 по весну 1931 г., решает провести ее еще в более сжатые сроки, «и уже в марте 1930 г. Татарская республика по темпам коллективизации вышла на третье место в стране» [1, с. 59].

Только в начале произведения чувствуется, что татарское село Юлбаш живет своей особой, оторванной от всего мира жизнью, куда не доходят отзвуки мировых трагедий и социального переустройства. Мир татарской деревни –

это сильный хозяин-мужчина, женщина у него в подчинении, все права которой заключаются в создании домашнего уюта, обеспечении чистоты, уходе за домашней скотиной, рождении наследников. Видимо, поэтому многие исследователи увидели в романе Г. Яхиной поклев на татарскую действительность. Она умело использует прием художественной детали. Так, беда приходит в дом Муртазы с тревожного ночного стука в окно, предупреждающего об очередной продрозверстке.

Писательница проникновенно показывает любовь крестьянина к своему хозяйству, позволяющему чувствовать себя сильным, независимым, крепко стоящим на ногах. Так, муж Зулейхи, сильный и уважаемый в селе хозяин Муртаза, узнав об очередном визите красноармейцев, твердит постоянно только одно: *«Не отдам!.. В этот раз ничего не отдам»* [4, с. 45]. Он вынужден убить корову-кормилицу, кобылу и ее жеребенка, только бы они не достались врагам, не стали общей собственностью: *«Муртаза и Кюбелек стоят посередине двора – лоб ко лбу. Он нежно гладит курчавую коровью морду, доверчиво прикинувшую к его лицу. Затем достает из-за спины топор и обухом шибает Кюбелек меж больших влажных глаз с длинными ресницами...»* [4, с. 62]; *«У двери в хлев встает на дыбы Сандугач, истошно ржет, бьет в воздухе тяжелыми копытами, выкатывая белки ошалелых глаз. Жеребенок мечется под ногами у матери»* [4, с. 63]. И только напоминание Зулейхи о главном (*«Пахать? Пахать на ком будешь? Весна скоро! Умрем с голода»*) возвращает Муртазу к реальности. Так, в драме отдельно взятой семьи воплотилась драма всего трудового крестьянства, что сближает художественный мир Г. Яхиной с творчеством М. Шолохова, В. Белова и др.

Страшная беда, ворвавшаяся в дом, ассоциируется у необразованной, но тонко чувствующей жизнь Зулейхи с другой исторической трагедией, с ордынским игом, о котором женщина знала от отца. Красноармейцев, проводящих продрозверстку и коллективизацию, она называет по-женски метко и символично – *красноордынцы*.

К живому, повествовательному течению художественного дискурса Г. Яхина подключает официально-деловой стиль, стиль приказов, распоряжений, показывая, что человек в руках административной системы либо винтик, либо жертва. Так, речь красноармейца Игнатова полна канцеляризмами и бюрократизмами, но именно за языком документов советской эпохи чувствуется масштаб трагедии крестьянства: *«В конце тысяча девятьсот двадцать восьмого тоненький ручеек раскулаченных потянулся с широких просторов тогда еще Казанской губернии в столицу. Переселенцев надлежало собрать, погрузить в вагоны и отправить в места следования согласно предписанию...»*

Постепенно ручеек полнел, крепчал, рос. И зимой тридцатого года превратился в могучую реку, которая затопила не только саму тюрьму, а и все привокзальные подвалы, административные постройки и нежилые помещения...» [4, с. 143].

Для патриархального узкого мира татарской деревни процесс коллективизации, перехода на новые формы социалистического хозяйствования был большой трагедией, катастрофой. Тяжело было крестьянам смириться с тем, что ломались вековые устои, рушились национальные традиции, были осмеяны национальные святыни. Так, уют и чистота, с любовью созданные Зулейхой, были нарушены

фактически за несколько минут: реквизированы домашний скот и птица, чернявый активист выдергивает из-под головы убитого Игнатовым Муртазы «*стопку подушек в расшитых наволочках, сдирает с окон занавески, со стен – полотенца, на вытянутых руках выносит из избы огромный ворох белья, подушек, одеял*» [4, с. 82]; «*Неугомонный чернявый осматривает напоследок голую, словно нежилую избу в поисках незамеченной добычи. Наконец поддевает лезвием штыка висящую высоко над входом ляхэ – пытается снять. Витиеватое кружево арабских букв тянется и морщится под стальным острием. – Это у них вместо икон, – словно в сторону, тихо бросает военный со шрамом*» [4, с. 82]; «*Нагие стены, неприкрытые окна, на грязном полу – пара затоптанных тастымал... Громкий треск материи – Мансурка срывает чаршау, отделявшую мужскую половину избы от женской, и довольно потряхивает ладони. Разбитые горшки, выпрошенные сундуки, остатки кухонной утвари бесстыже открываются взору любого входящего. Срам какой*» [4, с. 84].

Антигендерная политика советской власти, культ свободной любви, глумление над национальными татарскими святынями отражено писательницей и в сцене ночевки в мечети, по традиции разделенной на мужскую и женскую половины. Так, Зулейха считает большим грехом и срамом уже то, что мужчины видят ее с непокрытой головой, без платка. А тут, в месте, предназначенном для молитв, был устроен скотный двор, в мечети держали баранов, хотя храм еще сохранил запах старых ковров и запыленных книг. Религиозные запреты отступают перед страшной общенародной бедой, где уже неважно, кто ты по национальности, по полу, по социальному статусу. Неслучайно после ночлега в мечети, не выдержав осквернения святынь, умирает представитель исламской церкви – деревенский мулла: «*На полу, устремив седую голову к михрабу и вытянув длинные ноги из-под кудрявой шубы, лежит мулла-хазрет... Открытые глаза мoulлы застыли и смотрят вверх, скулы обтянуло кожей, бегущие от носа к подбородку морщины сложили губы в бледную сухую улыбку*» [4, с. 106].

Председатель местного колхоза Денисов стремится сохранить книги, потому что «*больно хороши они для растопки*», а на куполе самой мечети им был водружен красный флаг: «*Когда деревня остается далеко позади, Зулейха оборачивается. Над тонкой свечкой мечети уже вьется горячим огоньком красный флаг*» [4, с. 107].

Г. Яхина показывает объективное отношение советской власти к раскулаченным, которых за людей уже не считают и воспринимают как рабочую силу, необходимую для освоения сибирских земель. Неслучайно писательница посвящает несколько глав («До востребования», «Побег», «Баржа») описанию трудного и драматического, длиною в три месяца, пути спецпереселенцев к месту назначения, рассказывает о том, как скрывали подобные поезда от людских глаз, загоняли в тупик и стояли они там до особого распоряжения.

Вся трагедия раскулаченных и лишенных всего крестьян раскрывается в эпизоде, когда баржа с переселенцами тонет на Ангаре. Г. Яхина показывает, что к людям относятся как к скоту, набивают ими трюмы барж плотнее, чтобы сэкономить государственные средства. Писательница признавалась, что эпизод с баржей возник благодаря рассказам бабушки: «*При погрузке выяснилось, что баржа не вмещает всех переселенцев. Три сотни голов набили в трюм плотно, не продохнуть – в нарушение всех инструкций и правил, много превысив допустимую*

норму (баржа осела низко, тяжело)...» [4, с. 208]; «Палуба кренится, кренится. Горизонт вдруг заваливается, утыкается одним концом в небо. Баржа оседает кормой, задирая кверху тупорылую морду» [4, с. 220]; «Десятки рук тянутся, тянутся к нему сквозь решетку, шевеля пальцами. Колышутся, как огромный сноп. Уходят глубже, глубже. Исчезают в темной зелени» [4, с. 222].

Спецпереселенцев высадили на пустынный берег, почти без провианта и орудий труда, бросили на произвол судьбы. И только благодаря своему умению трудиться, несмотря на голод, холод, лишения, умению крестьянства находить выход из самой сложной и экстремальной ситуации им удалось выжить и создать в сибирской тайге свой маленький рай. Видимо, поэтому многие исследователи говорили о приметах робинзонады в романе «Зулейха открывает глаза». Вот тут и проявляется одна из сторон жанрового синкретизма романа «Зулейха открывает глаза». Знающий мировую литературу читатель узнает в подобной сюжетной ситуации элементы робинзонады, одним из определяющих мотивов которой является стремление героев выстоять и выжить, несмотря на одиночество, беспомощность. Постепенно осваивают новые земли и раскулаченные, чьим трудом на пустом месте создается поселок Семрук.

Если до эпизода высадки в Сибири Г. Яхина создавала собирательный образ крестьянства, только время от времени уделяя внимание внутреннему миру главной героини, то с этого момента она создает разнообразные образы-типы крестьян, используя прием косвенных характеристик, данных комендантом Игнатовым.

Так, в Зулейхе он отмечает молчаливость и тяговитость, умение тихо и спокойно выполнять любую работу: помогать повару в столовой, заниматься охотой, отпугнуть волков, убить медведя, защищая сына, и, при этом, какую-то особенную хрупкость и деликатность.

Умением однорукого Авдея работать, приобщить к ней всех он любит: *«Авдей Богарь, однорукый. Инвалид, а работает споро – ловко укладывает ветки на крышу шалаша, что-то подсказывает остальным, указывает пальцем. К нему прислушиваются, кивают. Видно, дельный мужик. Глаза у него смекалистые, цепкие...» [4, с. 242].* Эти же качества: крестьянская практичность, умение работать, трудолюбие, несмотря на понимание подневольности своего труда, отсутствия свободы, невозможности распорядиться собой и своими талантами, – проявляются и при строительстве землянки. Так Г. Яхина прославляет крестьянский труд, утверждая, что благодаря такому крестьянству можно построить рай и в Сибири, поднять и укрепить страну.

Интересным типом крестьянина-мученика, сломленного злой судьбой, но при этом смекалистого, хозяйственного, предприимчивого, является Лукка Чиндыков, обеспечивший рыбой, благодаря своему таланту, поселок, не давший умереть с голоду людям в самое трудное и напряженное время: *«Следующим днем Лукка соорудил удочки, наловил слепней. Походил по берегу, поговорил с Ангарой. Вечером принес в лагерь ведро, в котором меж бархата зеленых лопуховых листьев дрожали серебром увесистые тельца плотвы» [4, с. 289].*

Роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», таким образом, – это ода человеку труда, лишенному властью всего, выброшенному на край света, но устоявшему и уцелевшему, построившему новые поселки и города благодаря своему трудолюбию, терпению, настойчивости и оптимизму.

Но, несмотря на искусственно созданный крестьянским трудом рай, и в нем царят порядки полного контроля и борьбы с частной собственностью. Закономерно, что Г. Яхина постоянно апеллирует к документам того времени, переходит к их стилю, чтобы еще больше подчеркнуть трагедию мирного крестьянства, попавшего в тиски тоталитаризма. Ведь за каждым словом, за каждой цифрой – человеческая судьба. Вот Зиновий Кузнец обвиняет Игнатова, сумевшего наладить в тайге успешное хозяйство, в так называемом «кулацком росте»: так стали называть *«быстрое обогащение сосланных крестьян. Отправленные за тысячи километров от родного дома, они, за шесть-восемь лет оправившись от удара и немного освоившись на чужбине, исхитрялись и тут заработать лишнюю копейку, отложить, а после прикупить на нее личный хозяйственный инвентарь и даже скот... Поэтому в государственных верхах было принято мудрое решение: рост – немедленно прекратить; виновных – наказать; кулаков, даже в ссылке так коварно проявивших свою неистребимую индивидуалистическую сущность, организовать в колхозы...»* [4, с. 367].

Заключение

Таким образом, полифонизм стиля Г. Яхиной, панорамность отражения действительности в ее романе подчинены задаче художественного отражения масштабности и глобальности народной трагедии, незаконности необъявленной войны власти с собственным народом. В романе «Зулейха открывает глаза» отражена трагедия крестьянства 20–30-х гг., ставшего жертвой антигуманной политики раскулачивания и стопроцентной коллективизации.

Список использованных источников

1. Галлямова, А. Г. История Татарстана и татарского народа. 1917–2013 гг. : учеб. пособие / А. Г. Галлямова [и др.]. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2014. – 436 с.
2. Гузева, А. «Зулейха» как семейная история Яхиной [Электронный ресурс] / А. Гузева. – Режим доступа: <http://www.godliterature.ru/projects/zuleykha-kak-semeynaya-istoriya-yakhinoy>. – Дата доступа: 24.04.2023.
3. Улицкая, Л. Любовь и нежность в аду / Л. Улицкая // Яхина, Г. Ш. Зулейха открывает глаза : [роман] / Гузель Яхина. – М. : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. – С. 5–6.
4. Яхина, Г. Ш. Зулейха открывает глаза : [роман] / Гузель Яхина. – М. : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. – 508, [4] с.

УДК 811.161.3'42:821.161.3

ЛЕКСИКА-СЕМАНТИЧНАЕ ПОЛЕ КАНЦЭПТУ ВАДА ІДЫЯСТЫЛЮ ПАЭЗП І ПРОЗЫ У. КАРАТКЕВІЧА

Л. М. Шэцка,

кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры педагогікі і псіхалогіі
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: larisachaika7905@gmail.com

Статья посвящена исследованию традиционных для белорусской культуры образов, составляющих ядро индивидуально-авторского концептуального

пространства текстов В. Короткевича, одного из ярких представителей белорусской литературы и культуры. Исследуются концептуально значимые, текстообразующие единицы лексико-семантического поля «вода» идиостиля поэзии и прозы писателя, а также второстепенные ключевые слова, участвующие в смысловом содержании концепта. Характеризуются словесные образы концепта «вода», представленные в соответствующей образной парадигме. Делается вывод о разнообразии средств выражения концептуально значимых лексем как одной из основных характерных черт идиостиля В. Короткевича.

Ключевые слова: Владимир Короткевич, идиостиль, идиостиль поэзии и прозы, лексико-семантическое поле, концептосфера, концепт.

LEXICO-SEMANTIC FIELD OF THE CONCEPT WATER IN THE IDIOSTYLE OF POETRY AND PROSE OF V. KOROTKEVICH

I. M. Shetska,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Mozyr Pedagogical University named after I. P. Shamyakina, Mozyr, Republic of Belarus

E-mail: larisachaika7905@gmail.com

The article is devoted to the study of images traditional for Belarusian culture, which form the core of the individual-author's conceptual space of texts by V. Karotkevich, one of the brightest representatives of Belarusian literature and culture. Conceptually significant, text-forming units of the lexico-semantic field «water» of the author's poetry and prose idiostyle, as well as secondary key words involved in the semantic content of the concept, are investigated. The verbal images of the concept «water», presented in the corresponding figurative paradigm, are characterized. The conclusion is made about the variety of means of expressing conceptually significant lexemes as one of the main characteristic features of V. Korotkevich's idiostyle.

Keywords: Vladimir Korotkevich, idiostyle, idiostyle of poetry and prose, lexico-semantic field, concept sphere, concept.

Уводзіны

У канцы XX – пачатку XXI стст. назіраецца павышаная цікавасць даследчыкаў мастацкага тэксту да ідыястылю пісьменніка, да індыўідуальных асаблівасцей выкарыстання мастаком слова яго моўнай прасторы. Сучаснае вызначэнне мастацкага тэксту ўключае ўказанне на значнасць асобы яго стваральніка.

Феномен ідыястылю У. Караткевіча як дваадзінага поліжанравага ўтварэння (паэзія + проза) прадстаўляе асаблівую цікавасць для далейшага даследавання творчасці пісьменніка і ў цэлым для лінгвістычнай стылістыкі і паэтыкі. Улічваючы шматаспектны характар праблемы ідыястылю, аналіз ідыястылю паэзіі і прозы (ПП) ажыццяўляўся па наступных узроўнях: канцэптэптуальным (ПП У. Караткевіча як дваадзіная канцэптасфера) і вобразна-паэтычным (лексічныя і іншыя сродкі стварэння вобразнасці). Прадметам нашага даследавання з'яўляецца індыўідуальна-аўтарская канцэптасфера ПП

У. Караткевіча. Непасрэдным аб'ектам даследавання выступаюць вербальныя рэпрэзентацыі вобразнай парадыгмы канцэпту *вада* ў лексіка-семантычнай сістэме ідыястылю.

Мэты і задачы

Мэта даследавання – вызначыць фактары канцэптуалізацыі лексічных адзінак у ІПП У. Караткевіча з улікам тэорыі лексіка-семантычнага поля (ЛСП) на прыкладзе канцэптуальна-значай лексемы *вада*. Дасягненне пастаўленай мэты заключаецца ў вырашэнні наступных задач: выявіць у ІПП аўтара канцэптуальна значныя, тэкстаўтваральныя адзінкі ЛСП канцэпту *вада*; вызначыць другарадныя ключавыя словы, якія ўдзельнічаюць у сэнсавым змесце канцэпту; прадставіць адпаведную вобразную парадыгму з апісаннем асноўных слоўных вобразаў.

Метады і матэрыял даследавання

Матэрыялам даследавання з'яўляюцца канцэптуальна-значныя лексемы ІПП У. Караткевіча, якія ствараюць індывідуальна-аўтарскую канцэптасферу. Шляхам суцэльнай выбаркі мы вылучалі з паэтычных і праязічных тэкстаў фрагменты, якія змяшчаюць вобразныя супастаўленні (рэалізацыі тых або іншых парадыгм славесных вобразаў), пасля чаго матэрыял быў раскласіфікаваны. У даследаванні былі выкарастаны такія метады і прыёмы, як кантэкстны аналіз (пры азначэнні і ўдакладненні семантыкі славесных вобразаў у тэксце); канцэптуальны аналіз (пры даследаванні рэпрэзентацыі элементаў канцэптасферы); лінгвакультуралагічны аналіз (пры ўстанаўленні значнасці славеснага паэтычнага вобраза як захавальніка культурнай інфармацыі); супастаўляльны аналіз (пры характарыстыцы розных фрагментаў канцэптасферы, а таксама аднаго і таго ж канцэпту ў розных тэкстах аўтара); метады камп'ютарнай апрацоўкі тэкставых дадзеных з атрыманнем колькасных паказчыкаў на аснове стэмінг-аналізатара.

Вынікі і іх абмеркаванне

Індывідуальныя мастацкія канцэпты ўяўляюць сабой шматслойныя ўтварэнні, увасабляючы аўтарскую задуму і рэалізуючы кагнітыўна сюжэтную сетку твора. У іх складзе можна вылучыць пачуццёвы, паняццёвы, вобразны, асацыятыўны, сімвалічны і каштоўнасна-ацэначны кампаненты [13]. У ІПП У. Караткевіча намі разглядаюцца індывідуальна-аўтарскія, мастацкія канцэпты – ключавыя словы мастацкага твора, якія з'яўляюцца дамінантамі.

Аналіз канцэптасферы ІПП прадугледжвае выяўленне, класіфікацыю, іерархізацыю і апісанне асноўных канцэптаў у прозе і паэзіі, а таксама іх узаемадзеяння, збліжэнняў, выяўленне найбольш значных для паэта аспектаў канцэптуалізацыі рэчаіснасці. Дыферэнцыяцыя канцэптуальна значнай лексікі па ўзроўнях канцэптуалізацыі ў ІПП У. Караткевіча ажыццяўлялася па наступных крытэрыях: аб'ём семантыкі (гіпероніма-гіпанамічныя адносіны: *вада* – *мора* – *рака* – *крыніца* – *кропля*), схільнасць да метафарызацыі (*Пад кілем вада заціхае, звініць* [2, с. 65]; *Там вада памярцвела гайдаецца ў чорных палонках* [2, с. 215]); інтэртэкставы статус (*Глыбокі, аж да апошняга дна, наскрозь сіні празрысты крышталі* – *найчысцейшай вады* [5, с. 237]; *Бяжыць крышталі да пенных хваль салёных* [2, с. 200]; *Чаша ўнізе і чаша ўверсе. І – як мошка – я ў крышталі* [2, с. 231]); распаўсюджанасць (напрыклад, налічваецца звыш 230 згадванняў канцэптуальнай лексемы *рака Днепр*) і інш.

Канцэпт у ІПП У. Караткевіча можа быць сэнсаўтвараючым цэнтрам аднаго ці многіх тэкстаў, можа станавіцца адным з элементаў асацыятыўнага поля іншых канцэптаў, увасабляцца ў ключавым слове як значнай кампазіцыйнай адзінцы, што знаходзіць сваю рэалізацыю ў ідэйна-мастацкім і эмацыянальна-ацэначным планах твораў, а гэта ў сваю чаргу звязана з фарміраваннем індывідуальна-аўтарскай карціны свету. Семантычны патэнцыял канцэпту можа быць выяўлены шляхам аналізу ЛСП.

Адной з асаблівасцяў ЛСП у ІПП У. Караткевіча, у прыватнасці асацыятыўнай прасторы перыферыйных кампанентаў, з'яўляецца тое, што ключавыя словы і лексічныя адзінкі перыферыі ў агульнапрынятым словаўжыванні могуць быць семантычна вельмі далёкімі ад ядзернай лексемы поля. Аднак у мове мастацкіх твораў гэтыя лексічныя элементы становяцца блізкімі, а часам і тоеснымі ядзернаму кампаненту.

Лексіка-семантычнае поле індывідуальна-аўтарскага канцэпту ў ІПП У. Караткевіча складаецца з ядра (яго семантычная напоўненасць рэпрэзентуецца моўнымі сродкамі вобразнасці, часцей за ўсё ў складзе метафарычных выразаў, параўнальных зваротаў, пры дапамозе эпітэтаў, онімаў, устойлівых зваротаў і г. д.), каляядзернай зоны (змяшчае ключавыя лексемы першаснага парадку, якія складаюць аснову лексіка-семантычных груп) і перыферыю (ключавыя словы другаснага парадку). Разглядаючы лексіка-семантычнае поле канцэпту, мы вылучаем не толькі сукупнасці слоў, але і іх магчымасці ўваходзіць у гіпероніма-гіпанімічныя адносіны – самыя агульныя і ўніверсальныя пры апісанні лексіка-семантычных палёў, а таксама функцыянаваць у кантэкстных збліжэннях.

Ядро канцэптuallyнай прасторы тэкстаў У. Караткевіча складаюць традыцыйныя для беларускай культуры вобразы: *вада, дрэва, зямля, неба, Радзіма* і інш. Славесныя знакі такога роду ў ідыястылі аўтара дзякуючы канцэптuallyзацыі і канататыўным прырашчэнням падвяргаюцца семантычным трансфармацыям і ў сукупнасці ўтвараюць індывідуальна-аўтарскую канцэптасферу.

Групіраванне славесных вобразаў па тэмах дазваляе прадставіць структуру канцэптасферы, выявіць асноўныя аб'екты, што знаходзяцца ў цэнтры ўвагі аўтара (парадыгмы вобразаў, кантэкстуальныя збліжэнні ключавых лексем прадстаўлены ў «Слоўніку вобразаў паэзіі і прозы Уладзіміра Караткевіча» (у 2 частках) [15; 16]). Аналіз матэрыялу сведчыць аб стабільнасці асноўных параметраў вобразнага свету У. Караткевіча. На працягу ўсяго творчага шляху пісьменнік звяртаецца да такіх значных для яго вобразных адпаведнасцей, як *кропля – сляза, рака – дарога, рака – сонца, мора – вочы, мора – жыццё* і інш.

Асноўную частку вобразнага тэзаўрусу аўтара складаюць параўнанні, метафары, разнастайныя па структуры, марфалагічнай прыродзе, аб'ёме. Для У. Караткевіча характэрна разгортванне тропай, гэта тычыцца перш за ўсё ключавых вобразаў яго творчасці. Разгляд славеснай вобразнасці ў плане суадносін традыцыйных і новых элементаў дазваляе, з аднаго боку, адзначыць ступень і характар таго, як аўтар упісваецца ў традыцыйную лінгвакультуру, з другога – ацаніць наватарства яго творчай асобы.

Вядома, што вада – адзін з першасных архетыпаў. Ён нейтральны, г. зн. не абмежаваны рамкамі канкрэтнага міфалагічнага сюжэту і звязаны з універсальнымі катэгорыямі чалавечага мыслення. Падсумоўванне матэрыялу, які прапануюць «Беларуская міфалогія: энцыклапедычны слоўнік» [1], «Слоўнік

сімвалаў» Х. Э. Керлота [10] і энцыклапедыя «Міфы народаў свету» [12], дазваляе сфармуляваць наступныя фундаментальныя сімвалічныя значэнні **вады**: першапачатак, зыходны стан усяго існага, эквівалент першабытнага хаоса; андрагінны пачатак жыцця, увасабленне мужчынскай або жаночай жыватворчай моцы; эквівалент усіх жыццёвых сокаў чалавека; метафара смерці, небяспекі, знікнення; пачатак і фінал усіх рэчаў; сімвал невымернай мудрасці.

ЛСП **вада** прадстаўлена канцэптuallyна значнымі, тэкстаўтвараючымі для ПП аўтара лексемамі: **акіян – мора – возера – рака – Днепр – крыніца – кропля**, а таксама ключавымі словамі другаснага парадку, якія ўдзельнічаюць у сэнсавым напаўненні канцэпту: **вал, дождж, зліва, кропля, плынь, прыбой, раса, ручай, сляза, струмок, хваля** і інш.

Славесныя вобразы канцэпту **вада** ўнікальныя, разнастайныя. Адпаведная вобразная парадыгма прадстаўлена ў выглядзе:

- **эпітэтаў**: *Чатыры хвіліны ў ледзяной, глыбіннай, жывушчай вадзе!* [3, с. 282]; *І старая ўсміхнулася, такая цёплая і празрыстая была вада* [3, с. 360]; *Крыштальная вада і сіняя вада* [2, с. 200];

- у складзе **параўнанняў**: *Сіняя, быццам індзіга, вада, / Халодная, як апёк* [2, с. 189]; *Прыпадзі да мяне, прыпадзі, / Як да глебы сухой вада* [2, с. 201]; *Меч ззяе ўбаку, як струменьчык вады* [3, с. 277] (Параўнанне разглядаецца намі як моўная канструкцыя, якая ўяўляе сабой трохчленную структуру і ўключае ў сябе аб'ект, эталон і падставу параўнання [14, с. 3–5]. Аналагічным чынам структура вобразнага параўнання разглядаецца ў працах С. Б. Кураша, Н. В. Паўловіч, А. І. Равуцкага і інш. Метафара разглядаецца як скрытае параўнанне (кампаратыўны троп), падстава ў метафары не называецца, а маецца на ўвазе (гл. працы І. Я. Лепешава, В. Д. Старычонка, А. І. Равуцкага і інш);

- працэсуальных **метафар**: *Пад кілем вада заціхае, звініць* [2, с. 65]; *А вада імчала, уздымалася, абурвалася на іх, гарматна біла ў барты, кідала, раўлівымі плынямі імчала на палубах, абкатвала мосцік, з размаху біла людзей, спрабавала цяжка і ўладна цягнуць іх з сабой, не давала выбіраць апошнія тралы* [3, с. 329];

- апісанне вады перадаецца пры дапамозе кантамінацыі **метафар** і **параўнанняў**: *Шчоўкнуў непадалёк, выпрабоўваючы голас, салоўка (...) адказаў – быццам крыштальная вада падала на срэбра* [4, с. 268]; *Вада пад ім клекатала, бы ў катле вядзьмаркі, і была белая, як трунак забыцця* [3, с. 141]; альбо **метафар** і **эпітэтаў**: *Шытучая цёплая вада дакацілася да чорнай, пабітай зморшчынамі і вечнымі мазалямі рукі і лізнула яе* [3, с. 360]; *Жанчына (...) апусціла залацістыя ногі ў ласкавую вадку. І вада, празрыстая, блакітна-зялёная, набягала на гэтыя ногі, рабіла іх бліскучымі, залатымі, усмоктвалася ў гальку і зноў наступала* [3, с. 362];

- **перыфрастычных метафар**, сярод якіх можна адзначыць: **капішча Пасейдона** (*У капішчы Пасейдона / Між сонцам і золатам хваль* [2, с. 221]); **люстра** (*Пралятае самотны гусь, разразаючы люстра крылом* [2, с. 267]); **шкло** (*рачнае шкло* [2, с. 165]); часта пісьменнік выкарыстоўвае лексему **крышталь** у суседстве з устойлівымі эпітэтамі **сіні, празрысты** (*Ён хітнуў човен, апісаў вялізную дугу ў сярэдзіне сіняга крышталю* [3, с. 401]; *І стронгі ў крышталі маленькіх рэк* [2, с. 381]; *Глыбокі, аж да апошняга дна, наскрозь сіні празрысты крышталь – найчысцейшай вады* [5, с. 237]); у дачыненні да марской вады аўтар ужывае лексему **алмаз** часта з азначэннем-прыметнікам ці ў складзе параў-

нальнага звароту (*Ён спыніў шлюпку ў невялікай лазурна-сіняй і празрыстай бухце. Уся прасвечаная да дна, чыстая, як сіні алмаз, яна спакойна грэлася між скал* [3, с. 400]; *Вісіць нібы над сіняй безданню. Празрыстай да самага дна, як сіні алмаз* [3, с. 401]; *Вось сады пад вадою. Медузы цвітуць у сярэдзіне сіняга алмаза* [3, с. 402]);

- **онімаў**: *І над вадою, над Дняпром шырокім / Вясёлка светлай аркаю лягла* [2, с. 317]; *Мой Дняпро, і Бяроза, і Нёман* [2, с. 274]; *Ад вясёлай Друці да нетраў Падляшша* [2, с. 152];

- у складзе ўстойлівых зваротаў ці фразелагізмаў: *І не трэба, каб людзі былі заўжды (...) падобныя ўсе, быццам кроплі вады* [2, с. 95]; *Быццам ваду ў ступе таўчы. Ад усяго гэтага ў яго балела галава* [5, с. 160]; *Мы з ёю сябры – не разлі вада* [7, с. 186]; *Сярод вясковых хлопцаў з глухіх месц хапае такіх ціхіх, «вады не замуцяць», людзей* [8, с. 446].

У ІІІ У. Караткевіча ўсе каляядзерныя кампаненты ЛСП **вада**: **кропля** – **крыніца** – **рака** – **мора** (**акіян**) – знаходзяцца ў цесным кантэкстуальным узаемадзеянні. Так, у прыкладах, што падаюцца ніжэй, яны аб'ядноўваюцца адносінамі сэнсавай градацыі і прымаюць удзел у стварэнні ёмістага метафарычнага вобраза, які канцэптуалізуе «Я» героя: *Вось цякуць кроплі, – думаў ён. – І я такая самая кропля. Яны, зліваючыся, утвараюць крыніцу, раку, мора. Ім усё адно, з кім зліцца. Але мне патрэбна толькі тая кропля, адзіная, з якой мы разам нарадзіліся ў зямной глыбіні* [3, с. 182]; *Пан Даніла быў цвёрда перакананы, што свет не стаіць на месцы, што ёсць у ім і стаячая вада і плынь. Першая гніе і робіцца балотам, другая – з крыніцы робіцца ручаінай, ракою, морам, аблакамі* [6, с. 193].

Да выражэння аўтарскай ідэі аб цыклічнасці ўсяго жывога ў прыродзе можа падводзіць пэўны парадак размяшчэння лексічных дамінант ЛСП у кантэксце: *Косці стануць зямлёй, і вырастуць дрэвы, і пацякуць з іх кроплі дажджу. Проста туды, у раку. І ён стане ракою, а рака – ім. І нават самы мудры, нават бог, іх не адрозніць* [6, с. 389].

Лексемы **ручай** / **крыніца** могуць быць прадстаўленыя як намінацыі вобразаў пейзажнай замалёўкі: *Будуць давеку крыніцы на гэтай зямлі* [2, с. 251]; *Хвоі, што растуць над гэтай крыніцай* [2, с. 324]. У метафарычных суадносінах **крыніца** – **песня** – **народ** (*Крыніца песняй завецца, а цячэ яна з гушчы народнай* [2, с. 324]) яны напаўняюцца іншым зместам: *Піце з чыстай крыніцы, з напеваў матчыных* [5, с. 326]; *Паважайце, любіце бацькоўскую спадчыну* [2, с. 326] – такі запавет аўтара нашчадкам.

У ІІІ пісьменніка лексемы **кропля**, **ручай** фігуруюць як асобныя вобразы для абазначэння плачу (*Дожджык скупы, як халодны плач* [2, с. 344]) і карэлююць з лексмай **сляза**: *Як сканаю, душа застаецца ў ззянні кожнай крынічнай слязы* [2, с. 235]; *На магіле Марыі каліна ў кроплях вясёлкавых слёз* [2, с. 306]. Адметнай рысай такога трапеічнага атаясамлівання з'яўляецца антрапамарфізм, які рэалізуецца ў працэсуальных метафарах (*Сцякалі на струнах росы – слёзы душ, багоў, людзей* [2, с. 222]; *Хмара... і заплакала ад каханья, і слязою чыстаю абмыла* [2, с. 273]); субстантыўных увасабленнях **раса** – **сляза** (*Росы слёз на маіх нагах* [2, с. 225]; *Суме хатняя ружа / У чыстых росах-слязах* [2, с. 330]).

Акрамя таго, можна вылучыць наступныя канцэптуальныя збліжэнні:

• **вада – неба:** *І ўдзень і ўначы з яго было відаць два небы. Толькі ўдзень гэтыя «небы» сінелі блакітам, а ўначы – густым кобальтам, які нехта папырсаў фасфарычным срэбрам.* [3, с. 346]; *Кандрат не глядзеў ні на неба, ні на бязмежную, як неба, повень* [6, с. 321];

• **вада – месяц:** *Месяц заснуў на коміне хаты, / кінуў адбіткі на люстра вады* [2, с. 75]; *Ад месяца чырвоная кітайка, / што цягнецца над соннаю вадою* [2, с. 320];

• **вада – сонца:** *У капішчы Пасейдона, між сонцам і золатам хваль* [2, с. 221]; *Сонца сышло. / Трапяткое, гуляе па хвалях сініх* [2, с. 339]; (у такіх кантэкстах **сонца** і **месяц** ўспрымаюцца як аб’екты, здольныя адлюстроўвацца на паверхні **вады**);

• **вада – Радзіма:** *Родная зямля – гэта крыніцы. І тут было адно з незлічоных месцаў іх нараджэння. Выйсце крыніц. Воды. Воды. Струменьчыкі, ручайны, рака, мора* [5, с. 95]. Базавы збіральны вобраз **Радзіма** ў ПП У. Караткевіча намінуецца за кошт кантамінацыі канцэптуальна значных лексем першаснага парадку, сярод якіх выдзяляецца канцэпт **вада**.

Вывады

Істотнае значэнне ў стварэнні канцэптасферы належыць пісьменнікам як лепшым носьбітам моўнага вопыту. У беларускай культуры адной з такіх постацей з’яўляецца Уладзімір Караткевіч. Вызначэнне ключавых слоў, канцэптуальна значных лексем, якія аб’ектывуюць індывідуальна-аўтарскую карціну светаўспрымання пісьменніка, рэпрэзентаваную ў адметнай канцэптасферы, дазваляе не толькі ўявіць аўтарскую семантызацыю лексічнага складу ідыястылю, але і прадставіць асноўныя, найбольш важныя для пісьменніка паняцці.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч. – 2-е выд., дап. – Мінск : Беларусь, 2006. – 599 с.
2. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1987. – Т. 1 : Вершы, паэмы. – 431 с. : 4 л. іл.
3. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1988. – Т. 2 : Аповесці, апавяданні. – 511 с. : 4 л. іл.
4. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1988. – Т. 3 : Раман. Аповесці. – 543 с. : 4 л. іл.
5. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1989. – Т. 4 : Каласы пад сярпом тваім : раман, кн. 1. – 399 с. : 4 л. іл.
6. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1989. – Т. 5 : Каласы пад сярпом тваім : раман, кн. 2 : Зброя : аповесць. – 527 с. : 4 л. іл.
7. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1990. – Т. 6 : Хрыстос прыязмліўся ў Гародні : раман. – 494 с. : 4 л. іл.
8. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1990. – Т. 7 : Дзікае паляванне караля Стаха : аповесць ; Чорны замак Альшанскі : раман. – 574 с. : 4 л. іл.
9. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 262 с.

10. Керлот, Х. Э. Словарь символов / Х. Э. Керлот ; пер.: Н. А. Богун [и др.]. – М. : REFL-book, 1994. – 608 с.
11. Маслова, В. А. Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста : моногр. / В. А. Маслова. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2014. – 104 с.
12. Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. / редкол.: С. А. Токарев (гл. ред.) [и др.]. – М. : Совет. энцикл., 1988. – Т. 2. – 560 с.
13. Огнева, Е. А. Концепты-доминанты как информативные конструкты текстовых миров / Е. А. Огнева. – М. : Эдитус, 2019. – 190 с.
14. Трегубчак, А. В. Семантика сравнения и способы ее выражения : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Трегубчак ; Моск. гос. обл. ун-т. – Рязань, 2008. – 221 л.
15. Шэцка, Л. М. Слоўнік вобразаў паэзіі і прозы Уладзіміра Караткевіча / Л. М. Шэцка ; пад агульн. рэд. С. Б. Кураша. – Мінск : Колорград, 2019. – 201 с.
16. Шэцка, Л. М. Слоўнік вобразаў паэзіі і прозы У. Караткевіча : у 2 ч. / Л. М. Шэцка ; пад агул. рэд. С. Б. Кураша. – Гомель : Гомел. праўда, 2020. – Ч. 2. – 118 с.

СЛОВО, ТЕКСТ, ЛИЧНОСТЬ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ИДЕНТИФИКАТОРЫ

УДК 81'42+392.8:82.1

КУЛИНАРОНИМЫ КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ И СРЕДСТВО ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО

Т. А. Дьякова,

доцент, кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой русского языка и литературы Луганской государственной
академии культуры и искусств им. М. Матусовского,
г. Луганск, Российская Федерация
E-mail: diako122@rambler.ru

В статье изучаются кулинаронимные единицы как репрезентанты этнокультурных традиций различных народов. Проанализированы кулинаронимы трех групп: единицы традиционной восточнославянской кухни, инокультурные кулинаронимные лексемы и кулинаронимы-историзмы. Рассматривается символика традиционных ценностей, связанных с отдельными продуктами славянского рациона. Исследуются функции кулинаронимов в художественных произведениях, среди которых воссоздание исторического, национального, бытового колорита, создание выразительности.

Ключевые слова: *кулинароним, текст, этнокультура, исторический колорит, национальный колорит, локальный колорит, средство выразительности.*

CULINARY NAMES AS ETHNOCULTURAL MARKERS AND MEANS OF EXPRESSION IN LITERARY TEXTS BY MIKHAIL MATUSOVSKY

T. A. Diakova,

associate Professor, Cand. Phil. D.,
Head of the Department of Russian Language and Literature
Lugansk, State Culture and Art Academy named after M. Matusovsky,
Lugansk, Russian Federation
E-mail: diako122@rambler.ru

The article studies culinary units as representatives of the ethno-cultural traditions of various peoples. Culinary names of three groups are analyzed: units of traditional East Slavic cuisine, foreign cultural culinary lexemes and culinary names-historicisms. The symbolism of traditional values associated with individual products of the Slavic diet is considered. The functions of culinary names in fiction are investigated, among which are the reconstruction of historical, national, everyday color, the creation of expressiveness.

Keywords: *culinary name, text, ethnoculture, historical color, national color, local color, means of expression.*

Введение

Среди многочисленных тематических групп лексики русского языка выделяют кулинаронимы – наименования, которые используются для «терминологического обозначения названий блюд, напитков и мучных изделий» [7, с. 4]. В настоящий момент эти лексические единицы широко употребляются в специальной, художественной литературе, периодических изданиях и повседневной речи. Названия блюд в разных культурах уже не один год привлекают внимание ученых. Эти лексические единицы изучаются в аспекте семантическом (Н. Арутюнова, Е. Ковалев, А. Умфицева), лингвокультурологическом (А. Леонова) и этнолингвистическом (А. Фененко, Ф. Шон, Е. Яровая). Исследователи обращаются к лингвистическому анализу онимов семантического поля «французская кухня» (А. Бекташева), роли наименований продуктов питания в создании образа русских (О. Гладкова), лексикографическому дискурсу как репрезентанту лингвокультуры питания (Е. Пожидаева), рассматривают кулинаронимы в художественной литературе (на примере отдельных наименований в произведениях М. Булгакова, Л. Толстого, Т. Устиновой). Однако, как этнокультурные маркеры и средство создания выразительности кулинаронимы, использованные в художественных произведениях, не становились объектами изучения.

Цель и задачи

Цель работы – проанализировать кулинаронимы как часть лексического фонда произведений М. Матусовского. Объект исследования – кулинаронимная лексика, предмет – этнокультурная специфика кулинаронимов, познавательная и художественно-изобразительная роль этих лексических единиц в литературных произведениях. Задачи исследования состоят в следующем: 1) провести выборку кулинаронимной лексики из произведений писателя, систематизировать ее; 2) представить этнокультурную и этимологическую характеристику кулинаронимов; 3) определить их художественные функции.

Методы и материал исследования

В процессе изучения стихотворных текстов, функционирования кулинаронимной лексики в поэзии М. Матусовского использовались методы контекстологического, системного подхода, анализа и синтеза, обобщения, описания, этимологического и этнокультурного комментария.

Материалом исследования стали произведения, включенные в сборники поэтических произведений и прозаический «Семейный альбом». При цитировании в работе сохраняем авторскую орфографию и пунктуацию. Как семантические синонимы используем термины «кулинароним», «кулинаронимная лексема», «кулинаронимная единица».

Результаты и их обсуждение

В поэтических и прозаических произведениях писатель использует наименования продуктов питания и блюд, которые являются атрибутами как хорошо знакомой для него (и большинства читателей) кухни (*хлеб, сало, каша* и др.), так и кулинарных традиций других народов (*лаваш, маца, бастурма, пити, тава-кебаб* и др.), а также названия блюд, ставшие историзмами. Исходя из этого, отобранные лексем-кулинаронимы мы объединяем в три группы и, учитывая регламент статьи, анализируем наиболее показательные с точки зрения этнокультурной маркированности и художественной выразительности единицы.

1. Кулинаронимы восточнославянской кухни. Хлеб в традиционной культуре славян является «высшей жизненной ценностью, “даром Божиим”, главным ресурсом жизни, символом достатка, благоденствия, здоровья и плодородия» [13, с. 413]. Использование лексемы в стихотворении «Я хотел, чтоб вы знали...» иллюстрирует именно такое восприятие поэтом главного символа жизни: *Я хотел, чтоб вы знали, что я любил, что я больше всего любил на свете: <...> Сырость летней дороги, умытой дождем, унавоженный теплый воздух хлеба / И единственный на земле аромат только что испеченного хлеба. / Все тона и полтона, воспоминания и узнавания, / Все те подробности и пустяки, / без которых немислимо существование* [ЗМО, с. 286] – «образ хлеба как главной, даже священной пищи играет огромную роль в воспитании важных человеческих качеств, культуры поведения» [14, с. 23]. Использованный в поэтическом тексте кулинароним-символ значим для формирования духовных основ общества, выступает нравственным маркером мировосприятия лирического героя.

В стихотворении «Моя родословная» хлеб – символ дома, семейного уюта, единения: *Буханка хлеба, как земля, / Необозрима и кругла. / На нас приятно посмотреть, / Когда сидим вокруг стола* [ЗМО, с. 216]. Говоря о хлебе и сравнивая его с землей, поэт использует эпитеты, традиционно применяемые к лексеме земля, что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что «автор пишет о значимой для него категории и она приобретает художественную силу» [3, с. 37]: *необозрима, кругла*. И хлеб символизирует уже не просто наличие пищи, достаток – материальное воплощение привычных ценностей, а становится неотъемлемой составляющей духовного единства, близости семьи лирического героя.

Еще одним значимым для славянской этнокультуры символом выступает кулинаронимная лексема *сало*, которая обладает сложной структурой символического значения. Этот продукт питания в мировоззренческой картине славян олицетворяет что-то заманчивое, привлекательное, полезное, желаемое (ср. фразеологизм *как салом по губам* ‘кому-то приятно, радостно’), служит символом обеспеченной жизни. Описывая жизнь луганчан в «Четырех песнях о славном городе Луганске», М. Матусовский воссоздает бытовой колорит повседневной жизни семьи Гаевых (не вымышленных персонажей, а реальных жителей Луганска): *Обед был весенним. На старом столе перед домом / Поставили черную кашу на сале топленом. / И вышел хозяин и занял почетное место. / Пошел разговор о делах, о весне, о погоде, / О немцах и бандах, о ценах на хлеб и картошку* [ЗМО, с. 50–51].

Каша – один из основных продуктов питания славян, благодаря своим свойствам и качествам стала символом жизненной силы, роста, основанного на магической силе зерна, так как каша варится из зерен различных злаковых культур. *Каша* «как наименование блюда стала образным выражением представления о богатой жизни: есть каша – есть сила, есть благополучие» [8, с. 159]. Об этнокультурном восприятии *каши* как продукта питания свидетельствуют поговорки, зафиксированные словарем В. Даля: *Без каши обед не в обед; Щи да каша – кормильцы наши; Где каша, там и наши; Любо брюху, что глаза кашу видят* и др. [5, с. 100]. Это блюдо – неотъемлемая часть солдатского рациона, что и отражено в «Четырех песнях о славном городе Луганске», посвященных времени Гражданской войны: *...Сергей Черепенин сидит на своей колымаге / И крутит цыгарку, и лошадь торопит к обеду, / В степи на привале походный очаг разжигает, / Толкует с ребятами, кашу солил осторожно / – Вы*

крутите носом и часто ругаетесь, хлопцы: / То борщ несмачный, то перловая каша сухая <...> / Какое меню – щи солдатские, каша сухая? [ЗМО, с. 81–82] – так воссоздается колорит повседневных фронтовых будней бойцов Красной Армии. А в стихотворении «Говорит человек» каша символизирует благополучие всех людей: Иногда, сознаюсь вам, друзья, / Кажется мне полночью бессонной, / Что не бог неведомый, а я / Создал землю собственной персоной <...> / Если воздух в печке остывал, / Если каша нагревалась мало, / Я охотно жару поддавал / Так, что вся вселенная пылала [ЗМО, с. 140], таким образом «культурная коннотация слова “каша” отражает и жизнь людей, и национальные особенности» [16, с. 318].

2. Инокультурные кулинаронимы представляют особый интерес, поскольку способствуют расширению круга знаний о традициях других этносов, требуют дополнительного пояснения и комментария. Методом сплошной выборки собрано более 50 таких кулинаронимных лексем. Для детального рассмотрения мы отобрали те лексические единицы, которые представляют различные национальные кулинарные традиции, являются показательными с точки зрения использования. Такими являются:

лаваши ‘пресный белый хлеб в виде тонкой лепёшки из пшеничной муки’, распространённый преимущественно у народов Кавказа, в Иране, Афганистане и в других регионах Передней Азии [1]. Лексическая единица служит для воссоздания армянского национального кулинарного колорита: *Мы почти уже оглохли от районного оркестра. / Гулкой музыкой до края переполнены меха. / Белоснежной Арарата принаряжена невеста, / И лаваши, как полотенце, на плече у жениха [СП, с. 317]; И ты стоишь, любуясь этим миром, / Где полноправно входит все в пейзаж, / Где даже солнце кажется тониром, / В котором вскоре выпекут лаваши [СП, с. 325]; За этот запах все отдашь, / Вовек он не забудется: / В одном доме пекут лаваши, / А пахнет на три улицы [СП, с. 325]; И слюнки у меня текут, – / Не возвратился ль в детство я?! / Лаваши пекут, лаваши пекут, / Почти священнодействуя [СП, с. 328]; И хлебопек, впадая в раж / И даже встав на цыпочки, / Спешит раскатывать лаваши, / Его готова к выпечке [СП, с. 328];*

маца – по еврейскому религиозному обряду: пресный хлеб из пшеничной муки в виде тонких сухих лепешек, выпекаемый к Пасхе [2, с. 526], кулинароним употреблен как сравнение для придания выразительности портретной характеристике персонажа: *Наследник Паланта удался в отца, / С глазами кретина и лбом мудреца, / С лицом, постаревшим от детских пороков, / Рябым от прыщей и сухим, как маца [Т. 1, с. 44];*

тава-кебаб, азербайджанское *tava* ‘сковорода’, *kabab* ‘жареное мясо’ – азербайджанское (вообще восточное) блюдо из баклажанов с бараниной, приготовленное на сковороде [12], наименование служит для речевой характеристики лирического героя: *Я едва держусь, ну так сжался над / Человеком слабым. / Освежи меня кислотой гранат / И тава-кебабом [Т. 1, с. 346];*

форшмак, немецкое *Vorschmack* ‘закуска’ – блюдо из сельди, запекаемой с картофелем, сметаной, луком и перцем, причисляемое к закускам, которое относят к классической еврейской кухне [15]. Лексема использована для воссоздания кулинарного национального колорита, придания реалистичности воспоминаниям лирического героя: *...вспомнить вкус маминой баклажанной икры или форшмака из селедки, который не был бы таким, если бы в него не входили антоновские яблоки и яйца, сваренные вкрутую [СА, с. 10];*

питу – азербайджанский национальный суп из баранины (грудинки), приготавливаемый в глиняной закрытой посуде на углях [9], наименование употреблено как сравнение для придания выразительности речи лирического героя: *Я, как суп-питу, весь дымком пропах, / Ставь хоть в печь с конфоркой, / И бараний жир на моих губах / Застывает коркой* [Т. 1, с. 346].

3. **Кулинаронимы-историзмы**. Несколько наименований продуктов питания репрезентируют группу устаревшей лексики. Такими являются:

сбитень ‘горячий напиток, приготовленный из воды, меда и пряностей (употреблялся до середины XIX в.)’ [10]: ...*Крестцы оживлялись, наполнялись скрипом колес <...>, конского навоза и горячего сбитня, жареных пирожков с капустой и сметками* [СА, с. 238]. Лексическая единица используется для воссоздания бытового исторического колорита;

тюря ‘примитивное кушанье – крошенный хлеб в квасе или в воде с солью’ [МАС]: *Круг воды, замерзшей в кадке, / Ненадежный свет лампадки. / Пыльный шкалик из-под водки. / Миска тюри на загнетке <...> Плач охрипшего ребенка, / В каждой хате похоронка* [СП, с. 286]. Кулинаронимная единица используется для воссоздания бытового колорита военного времени периода Великой Отечественной войны;

франзоля – наименование ни современными, ни историческими лексикографическими источниками не зафиксировано. Лишь в статье В. Даля «О наречіяхъ рускаго языка» находим следующее: «Слов, принадлежащих собственно Новороссийскому краю, кажется, нет – кроме разве одесского: франзоля, французский или немецкий хлеб...» [4, с. LXXXII]. Косвенное подтверждение происхождения слова находим в «Полутолковом словаре одесского языка» В. Смирнова: франзолетта – длинный тонкий батон, франзоля – сдобная булочка; в кулинарном смысле термины не употребляются более полувека [11]. Кулинаронимная лексема используется для воссоздания локального бытового колорита: ...*человек сугубо земной и к полетам не склонный, свободно парил в воздухе, не выпуская из рук авоськи с продельной крупой и свежими французскими булочками, которые у нас на юге назывались франзолями* [СА, с. 55].

Выводы

Таким образом, кулинаронимы в произведениях Михаила Матусовского, репрезентируя привычную восточнославянскую кухню и кулинарные традиции других народов, выступают в роли этнокультурных маркеров, позволяют писателю реалистично воссоздавать повседневные бытовые реалии разных этносов, связанные с системой питания. Кулинаронимные лексеммы раскрывают символику традиционных ценностей, связанных с продуктами питания. В художественных текстах кулинаронимные единицы используются для воссоздания локального, исторического колорита, употребляются как сравнения для создания выразительности.

Список сокращений

Г – Матусовский, М. Л. Горечь: Книга стихотворений / М. Л. Матусовский. – М. : Совет. писатель, 1992. – 192 с.

ЗМО – Матусовский, М. Земля моих отцов – Донбасс. Стихи и песни о Луганщине и Донбассе / М. Матусовский. – М. : Република, 2011. – 304 с.

СА – Матусовский, М. Семейный альбом / М. Матусовский // Матусовский Михаил. Проза. – Луганск : ООО «Виртуальная реальность», 2011. – С. 7–550.

СП – Матусовский, М. Л. Стихотворения. Песни / М. Л. Матусовский. – М. : Худ. лит., 1986. – 414 с.

Т. 1 – Матусовский, М. Избранные произведения в двух томах / М. Матусовский. – М. : Худ. лит., 1982. – Т. 1 : Стихотворения, поэмы, песни. – 639 с.

Список использованных источников

1. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bigenc.ru/fine_art/text/2347639. – Дата доступа: 17.03.2023.

2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

3. Ганущак, Н. В. Хлеб как ценностная категория в прозе Ю. Н. Шесталова (на материале рассказа «Северный хлеб») / Н. В. Ганущак // Филол. вестн. Сургутского гос. пед. ун-та. – 2022. – № 3 (11). – С. 35–40.

4. Даль, В. И. О наречіяхъ рускаго языка / В. И. Даль // Толковый словарь живаго великорускаго языка : в 4 т. – М. : Рус. яз., 1999. – Т. 1. – С. XLIX–XCIII.

5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1999. – Т. II. – 779 с.

6. Зинковская, Л. С. Репрезентация концепта *хлеб* в народно-разговорной речи XIX – начала XXI вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. С. Зинковская. – Омск, 2006. – 26 с.

7. Леонова, А. И. Лингвокультурологические специфики кулинаронимов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. И. Леонова. – Тверь, 2003. – 204 л.

8. Ляшчынская, В. А. Семантика каши ў культуры і мове беларусаў (на матэрыяле фразеалагізмаў) / В. А. Ляшчынская // Славянская фразеология и паремиология: традиционные и новаторские решения проблем. К 80-летию со дня рождения профессора В. М. Мокиенко. – Гомель, 2020. – С. 158–165.

9. Пити [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Пити>. – Дата доступа: 17.03.2023.

10. Словарь русского языка : в 4 т. [Электронный ресурс] / РАН, Ин-т лингвистич. Исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>. – Дата доступа: 12.03.2023.

11. Смирнов, В. П. Полутолковый словарь одесского языка [Электронный ресурс] / В. П. Смирнов. – Одесса : Друк, 2002. – 276 с. – Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/polutolkovyyj-slovar-odesskogo-yazyka-read-13601-22.htm>. – Дата доступа: 12.03.2023.

12. Тава [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.russianfood.com>. – Дата доступа: 17.03.2023.

13. Толстая, С. М. Хлеб / С. М. Толстая // Славянские древности : этнолингвист. Словарь : в 5 т. / под. ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 2012. – Т. V. – С. 412–421.

14. Устьянцева, Е. В. Интегративное описание слова-образа «хлеб»: лингвокультурологический и лексикографический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Устьянцева. – Абакан, 2019. – 26 с.

15. Форшмак [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Форшмак>. – Дата доступа: 12.03.2023.

16. Чжэн, Ц. Анализ культурной коннотации слова «каша» в китайском и русском языках / Ц. Чжэн, М. Н. Шутова // В мире русского языка и русской культуры : сб. тез. V Междунар. студенческой науч.-практ. конф. / отв. ред. С. Г. Персиянова, В. М. Филиппова. – М. : Гос. ин-т русск. языка им. А. С. Пушкина, 2022. – С. 315–318.

**«ПИСЬМА В. О. КЛЮЧЕВСКОГО В ПЕНЗУ»:
НОМИНАЦИЯ АДРЕСАТОВ И АДРЕСАНТА**

Г. И. Канакина,

профессор, кандидат педагогических наук,
профессор кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка»
Пензенского государственного университета,
г. Пенза, Российская Федерация
E-mail: kanakina-kafedra@mail.ru

В статье анализируются частные письма выдающегося российского историка и педагога Василия Осиповича Ключевского, которые он, будучи студентом Московского университета, отсылал родным и друзьям в Пензу. Письма хранят впечатления провинциального юноши, который впервые проехал по железной дороге и по пути увидел новые города, радость от поступления в университет, описание нелёгкой студенческой жизни. Методом контекстного анализа достигнута цель исследования – выявить способы именования адресатов и самого адресанта в письмах к близким людям, опубликованных в книге «Письма В. О. Ключевского в Пензу». На основе анализа писем к близким людям делается вывод о важности выявления в них именования адресатов и адресанта для раскрытия образа провинциального молодого человека, будущего выдающегося учёного.

Ключевые слова: письмо, номинация, адресат, адресант, обращение, подпись.

**«LETTERS TO V. O. KLYUCHEVSKY TO PENZA»:
NOMINATION OF ADDRESSEES AND ADDRESSER**

G. I. Kanakina,

professor, candidate of pedagogical sciences,
professor of the department «Russian language and methods of teaching
the Russian language» Penza State University,
Penza, Russian Federation
E-mail: kanakina-kafedra@mail.ru

The article analyzes the private letters of the outstanding Russian historian and teacher Vasily Osipovich Klyuchevsky, which he, as a student at Moscow University, sent to relatives and friends in Penza. The letters keep the impressions of a provincial young man who traveled by rail for the first time and saw new cities along the way, the joy of entering the university, and a description of the difficult student life. Using the method of contextual analysis, the goal of the study was achieved - to identify ways of naming the addressees and the addresser himself in letters to loved ones published in the book «Letters to V. O. Klyuchevsky to Penza». Based on the analysis of letters to close people, a conclusion is made about the importance of identifying the names of the addressees and the addresser in them in order to reveal the image of a provincial young man, a future outstanding scientist.

Keywords: letter, nomination, addressee, addresser, appeal, signature.

Введение

Эпистолярное наследие – это уникальный материал как в языковом, так и в культурно-историческом плане. Частные письма как разновидность эпистолярного жанра всегда входили в круг интересов историков, культурологов, лингвистов и др. По мнению Ж. В. Дзедисовой, письма «... не только являются важными историческими документами и неоценимыми источниками изучения эпохи, но и содержат богатый для анализа языковой материал» [1]. Авторский эпистолярный дополняет общественную, научную или творческую деятельность, раскрывая то, что не запечатлелось в других проявлениях личности деятелей науки, культуры, искусства. В письмах раскрываются индивидуальные особенности того, кто пишет, т. е. адресанта.

Имя Василия Осиповича Ключевского, выдающегося российского историка и педагога, профессора Московского университета, почётного академика Петербургской академии наук, известно далеко за пределами России. В ГБУ «Государственный архив Пензенской области» хранятся письма нашего великого земляка родным и друзьям в Пензу. В 2002 году Пензенский государственный объединённый краеведческий музей издал «Письма В. О. Ключевского в Пензу» отдельной книгой [4]. Для издания были отобраны 36 посланий первых девяти лет московской жизни молодого Ключевского. Большинство из писем относится к 1861–1870 годам, в них провинциальный юноша описывает, как ехал в Москву для поступления в университет, рассказывает о событиях студенческих лет, своём отношении к этим событиям, раскрывает замыслы начинающего учёного. Эти письма не предназначались для публикации, поэтому характеризуются неподготовленностью, искренностью и непринуждённостью. И тем не менее, они позволяют увидеть незаурядность личности их автора. Анализируя письма Ключевского к друзьям, И. Лангуева-Репьева замечает: «Перед нами личность не только богато душевная, но и жадно поглощающая знания. В эти годы Ключевский пишет у Сергея Соловьёва работу “Сказание иностранцев о Московском государстве”, за которую его удостоили золотой медали. А товарищам по Пензенской семинарии сообщает все самые интересные подробности услышанных им московских лекций. Его письма читались, переписывались, размножались, заучивались наизусть! Поразительно! Личность русского историка необыкновенно обаятельна...» [3].

Исследованием писем молодого Ключевского на родину занимались П. Е. Щеголев, М. В. Нечкина, Р. А. Киреева и др. Содержание его писем достаточно подробно проанализировано и прокомментировано. Однако специального исследования языковых особенностей посланий в Пензу, в частности анализа именования адресатов и самого адресанта в письмах в родной город, не проводилось. А это, по мнению доктора исторических наук Р. А. Киреевой, важно и для раскрытия личности будущего выдающегося учёного: «Ведь их (писем – Г. К.) адресаты – мало или совсем неизвестные нам лица. Пензенский период жизни их автора, когда он был скромным, постоянно бьющимся с нуждой семинаристом, слабо изучен. Еще менее известен круг лиц, окружавших его тогда: товарищей и преподавателей Пензенской духовной семинарии; учеников подростка Ключевского, дававшего уроки; его родных – Европейцевых, Колпиковых, “бабенок”, “дяденок”, двоюродных и сводных сестер и братьев, имена и шуточные прозвища которых мелькают на страницах» [2].

Во вступительной статье Р. А. Киреевой к «Письмам В. О. Ключевского в Пензу» обозначены основные адресаты этих писем: «Эти письма носят довери-

тельный характер. Все они адресованы близким для него людям: родным (12 писем И. В., Е. Ф. и П. И. Европейцевым) и друзьям по Пензенской духовной семинарии (19 писем П. П. Гвоздеву, 4 – В. В. Холмовскому и 1 – Н. И. Мизеровскому). Из них только 3 письма относятся к более позднему времени: 1892 – П. П. Гвоздеву и два – В. В. Холмовскому (1900 и 1903 гг.)» [4, с. 11–12].

Цель и задачи

Цель нашего исследования – выявить способы именования адресатов и самого адресанта в письмах к близким людям, опубликованных в книге «Письма В. О. Ключевского в Пензу». В задачи исследования входили анализ обращения и подписи как компонентов эпистолярного жанра и роли номинации адресатов и адресанта в письмах юноши Ключевского в раскрытии личности будущего выдающегося историка.

Методы и материал исследования

Для достижения цели и решения задач исследования были использованы следующие общенаучные методы: контекстный анализ, классификация, обобщение. Материалом для исследования послужили 36 писем Ключевского родственникам и друзьям в Пензу, в которых изложены мысли и чувства провинциального юноши, его отношение к адресатам, к происходящим в то время событиям, довольно зрелые философские размышления о жизни и религии.

Результаты и их обсуждение

Самым типичным средством речевого контакта, которым, как правило, начинается текст письма, является обращение. В лингвистике определены основные функции обращения: наименование адресата и установление контакта с ним. Поскольку эпистолярный жанр следует нормам этикета, адресанту приходится выбирать из сравнительно небольшого числа принятых формул обращения. Выбирая ту или иную номинацию адресата, пишущий обычно ориентируется на его социальный статус и степень близости между ними. Однако часто через именование адресатов выражается и своеобразие личности самого адресанта. Для писем В. Ключевского характерно разнообразие форм обращения, которые не только выявляют эмоциональное отношение адресанта к адресатам, но и являются маркерами внутреннего состояния автора, его настроения.

Большая часть писем В. О. Ключевского адресована Ивану Васильевичу и Евдокии Федоровне Европейцевым – его близким родственникам, жившим в Пензе. Они оказывали постоянную материальную помощь семье Ключевских. Благодаря их денежной поддержке В. О. Ключевский смог переехать в Москву [5]. В своих посланиях юноша описывает события московской жизни, учёбу в университете. Он старался отчитываться за каждую копейку из выданных ему близкими родственниками ста рублей для поездки в Москву. Чаще всего в письмах к ним В. Ключевский использует обращения, задающие родственно-эмоциональный тон письма, свидетельствующие о почтительном, глубоко уважительном отношении: *Любезнейшие Иван Васильевич и тётенька!*, *Любезные Иван Васильевич и тётенька!*, *Дорогие Иван Васильевич и тётенька!* [4, с. 20, 28, 78, 118]. Дело в том, что Е. Ф. Европейцева была родной сестрой матери Ключевского – Анны Фёдоровны (т. е. *тётенькой* юноши), а её муж И. В. Европейцев служил священником, поэтому обращение к нему почтительное, по имени отчеству. В письмах, адресованных лично И. В. Европейцеву, номинация адресата отсутствует. Только в ответ на письмо о кончине тётушки от 20 апреля 1866 г. Ключевский обращается к Европейцеву торжественно, в соответствии с его саном священника *Любезный*

Иоанн Васильевич! [4, с. 127]. В немногих посланиях двоюродному брату Павлу (сыну И. В. и Е. Ф. Европейцевых) Ключевский обращается к нему с большой любовью: *Бесподобнейший Пашенька!* [4, с. 25], *Любезный Поль!* [4, с. 121].

В письмах В. Ключевского к друзьям следует отметить употребление большого числа индивидуальных, окказиональных обращений. Доверительная тональность характерна для обращений к самому близкому другу детства Порфирию Гвоздеву, с которым они вместе учились в Пензенском духовном училище, затем в духовной семинарии. Верность ему Ключевский пронёс через всю жизнь. Эти письма содержат изъявление дружеских чувств, уважения, приятного отношения, любви. Кроме довольно частого обращения к другу по имени (*Порфирий!* [4, с. 74, 81, 98]), в них употреблено большое количество оригинальных, нестандартных обращений с самобытными оценочными определениями: *Мой милый и достолюбезный Порфирий!* [4, с. 31], *Бесценнейший мой Порфирий!* [4, с. 82], *Милейший Порфирий!* [4, с. 133]. В роли обращений к другу детства используются и индивидуально-стилистические неологизмы – прозвища с шуточной и шуточно-ласкательной окраской, образованные от имени друга (*Порфириус!* [4, с. 91, 103]) или выражающие к нему особое отношение, возможно, содержащие намек на некие обстоятельства, известные как адресанту, так и адресату (*Любезный сват и кум!* [4, с. 130]). Многие обращения к П. Гвоздеву (в то время студенту Казанского университета) оформлены на латинском или других иностранных языках: *Carissime Porphyri!* (Дружище Порфирий!) [4, с. 44, 49], *Carissime!* [4, с. 60, 113], *Porphyri!* [4, с. 108], *Aestuosissime!* (Беспокойнейший!) [4, с. 142], *Милый Porphyri!* [4, с. 144], *Vita mea!* (Жизнь моя!) [4, с. 135], *Mein lieber, cher, dear, amicissime, ω φίλτατε, kochany, libu* (Мой любимый, дорогой (нем., фр., англ., итал., греч., польск., чешск.)) и *любезнейший Порфириносец!* [4, с. 139].

Как видим, довольно часто обращения в письмах Ключевского к родным и друзьям сопровождаются определениями *милый*, *достолюбезный* и под. Эти лексемы, распространяя обращение, сближают автора с адресатами. Наиболее часто употребляется прилагательное *любезный*. И это не случайно. Такое дополнение к обращению по имени или имени-отчеству в те времена было устоявшейся нормой, своеобразной этикетной формулой. В отдельных письмах в качестве распространяющих единиц обращения употребляются формы превосходной степени прилагательных *любезнейший*, *бесценнейший*, *милейший*, что является авторской эмоциональной характеристикой адресатов.

В некоторых случаях в качестве обращения используется уменьшительно-ласкательная форма имени. Так, в письмах В. В. Холмовскому Ключевский обращается к нему *Васенька!* [4, с. 39, 70], что свидетельствует о нежном отношении к собеседнику, создаёт атмосферу особой дружественности.

Для поддержания контакта, для того, чтобы адресат чувствовал себя участником настоящего, живого разговора, используется повторная номинация адресатов: «Чаще всего большие по объёму или полемически заострённые, эмоциональные послания вынуждают отправителя повторно обратиться к тому лицу, которому предназначено письмо. < ... > Также следует отметить, что повторная номинация чаще всего не выполняет идентифицирующей функции, потому что имя адресата уже введено в дискурс через вводную (первичную) номинацию. Таким образом, посредством данной лингвистической фигуры адресант может вводить новые признаки или черты характера своего собеседника, открывать многогранность и уникальность того, кому посвящается письмо, вносить в выбран-

ную номинацию нужную эмоцию..., а также регулировать общение» [6]. Основная функция повторных обращений заключается в имитации прямой, а не дистантной коммуникации, в установлении более доверительного общения. Они активизируют и поддерживают интерес собеседника к тексту письма и к адресанту. Повторные обращения Ключевский использует в основном в письмах Европейцевым (*Иван Васильевич* [4, с. 30, 117, 127], *тётушка* [4, с. 121]) и Гвоздеву (*мой милый стоик Порфириус* [4, с. 34], *мой стоик* [4, с. 48]). Полагаем, что Ключевский называет своего друга *стоиком*, потому что считает его человеком, которому свойственны твёрдость духа и мужество в жизненных испытаниях. В подробнейшем письме П. Гвоздеву от 27 октября 1861 г. Ключевский использует метафорическую номинацию друга: «...только ты один, как одинокий дуб, стоишь еще на пути среди прочищенного поля и, к досаде неких, стоически шумишь своими многолиственными ветвями! Шуми, шуми, мой широколиственный дуб, и не давай покоя сверчкам запечным!» В этом случае повторное обращение не выполняет функции привлечения внимания собеседника, это развёрнутая характеристика, которая особым образом выделяет адресата и свидетельствует о высокой речевой культуре юноши Ключевского [4, с. 63]. Слово *брат* в обращении к Гвоздеву [4, с. 74] используется не для выражения родственных отношений, а ради создания доверительной, тёплой атмосферы общения. С этой же целью используется обращение *дружище*: *Прощай же, дружище (как филолог, замечу, что «carissime» (обращение в начале письма – Г. К.) оч[ень] идет переводить «дружище»; там и здесь окончание длинное: «issime» – «ище» – сходно, не так ли?)* [4, с. 69].

Самоименование адресанта реализуется в обязательном компоненте письма – подписи отправителя. Она выполняет функции воздействия на адресата и поддержания речевого контакта с ним. Заметим, что в ранних письмах Ключевского за его подписями скрывается достаточно скромный человек, который со всей душевной теплотой делится эмоциями с родными и друзьями. Обычно наряду с обозначением адресанта в подписи используются элементы «присутствия» адресата – местоимения 2-го лица: *Ваш/Твой*. Так, письма к Европейцевым он уважительно подписывает *Ваш В. Ключевский* [4, с. 25, 121] или просто *В. Ключевский* [4, с. 30]. Лишь некоторые письма, адресованные лично И. В. Европейцеву, (чтобы не волновать тётеньку содержанием письма, например, сообщением о студенческих волнениях в университете) оставляет без подписи [4, с. 60]. А письма П. Гвоздеву и В. Холмовскому часто подписаны *Твой Василий Ключевский, Твой Ключевский* [4, с. 48, 56, 71, 77, 134, 136].

Нестандартные подписи юноши Ключевского в дружеских письмах также выражают отношение автора письма к адресату. Часто они имеют шуточный, иронический характер. Так, письмо Порфирию Гвоздеву с подробнейшим описанием профессоров Московского университета, «корифеев не только университетской, но и всей русской науки», где Ключевский сравнивает их с преподавателями пензенской семинарии и отмечает свою недостаточную подготовку «по языкам», он с гордостью подписывает *Весь ваш, студент Московского унив[ерситета] историко-филолог[ического] факульт[ета] В. Ключевский* [4, с. 39]. Одно из писем В. В. Холмовскому Ключевский с особой теплотой подписывает *Твой закадычный Ключевский* [4, с. 43], считая его родственной душой, сердечным приятелем.

В отдельных письмах подпись имеет оттенок самоиронии, которая показывает нежное отношение автора к адресату. Например, коротенькое письмо к близкому другу Порфирию Гвоздеву от 15 сентября 1869 г. он подписывает *Раствой*

В. Ключев[ский] [4, с. 144], используя окказионализм *раствой* вместо обычного для друзей *твой*, тем самым как бы усиливая степень близости их отношений. В некоторых письмах самоирония чувствуется не только в подписи, но и в упоминании о себе в третьем лице в середине письма. Так, рассказывая Гвоздеву о московских профессорах, Ключевский замечает: *Потому тебя трудно удивить какой-нибудь новостью. Но пусть назовешь меня ненаблюдательным, скажешь, что и без Вашего, мол, Студенческого Сиятельства знаем это, а я все-таки скажу, что Сергиевский для меня интересен...* [4, с. 44].

Большая часть писем Ключевского заканчивается просьбой передать приветы многочисленным друзьям и знакомым. В некоторых письмах этот ряд друзей и знакомых кажется бесконечным (например, в письмах Гвоздеву): *Жми руку Парадизову, Холмов[скому], Любимову (А. И. и П. Я.), Разумову, Богоявл[енско]му, Добр[осерд]овым (Д[митрию], В[асилию] и alii {другим (лат.). }), Ара[вийск]ому, Прилуцкому, Василькову, Сатурновым, Алгеброву, Весело[вск]ому и всем, всем друзьям, сколько ни есть* [4, с. 69]; *Прощай. Не забудь просьбы. Да скажи Флоринскому, если скоро будет писать, что я прошу извинить и даже простить меня за то, что я до сих пор не ответил на его письмо. Прилагаемое письмо передай Холмовскому, а он отдаст нашим. Кланяйся всей семинарии и скажи, что я ей желаю лучшего, чего можно пожелать, – свободы мысли* [4, с. 77]. В отдельных письмах, где дописывается то, что было случайно пропущено в тексте письма, Ключевский после подписи использует знак P. S. (постскриптум): *Пашеньку* прошу передать Маршевым две их книги, оставшиеся у дяденьки Николеньки: «Смесь» и «Современник» 1857 года. Мишеньку* обнимаю нещётно раз. Катенька* прыгает ли? Мой адрес: В Москву, на Тверской, в Козицком переулке, в доме Лопыревского, в квартире Неждановой, такому-то имя рек* [4, с. 25]. В особых случаях Ключевский ставит постскриптум перед обращением. Так, в начале пространного письма П. Гвоздеву о студенческих беспорядках в Московском университете он предупреждает друга о неразглашении его содержания: *«P. S. Общее замечание: пожалуйста, осторожно давай или читай это письмо другим, да вообще и вовсе не читай, исключая разве трактата о поэзии. А о совести после. Эта заметка оч[ень] важна, как увидишь. Москва, 27 октября 1861»* [4, с. 60].

Выводы

В ходе нашего исследования были выявлены и охарактеризованы способы номинации адресатов и адресанта в письмах, опубликованных в книге «Письма В. О. Ключевского в Пензу». Анализ языкового материала позволил нам сделать вывод о том, что обращения и подписи в письмах, связывающих юношу Ключевского с родными и близкими ему людьми, являются одним из инструментов общения, который даёт возможность раскрыть истинные отношения коммуникантов, их взаимосвязь на определённом этапе жизни и позволяет раскрыть личность будущего учёного. Предметом нашего дальнейшего исследования может стать рассмотрение индивидуального стиля писем молодого Ключевского на родину, в частности средств выражения его эмоционального состояния.

Список использованных источников

1. Дзедисова, Ж. В. Эпистолярый Л. Стерна: коммуникативно-прагматический и лингвокультурный аспекты [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук / Ж. В. Дзедисова. – Владикавказ, 2013. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/jazykoznanie/jepistoljarij-l-ster-na-kommunikativno-pragmaticheskij-i-lingvokulturnyj-aspekty.html>. – Дата доступа: 13.01.2023.

2. Киреева, Р. А. Загадки истории. За строчками примечаний [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1480688696>. – Дата доступа: 09.01.2023.

3. Лангуева-Репьева, И. «Воскреситель» прошлого [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://moloko.ruspole.info/node/1563>. – Дата доступа: 09.01.2023.

4. Письма В. О. Ключевского в Пензу / [Сост. и авт. вступ. ст. Р. А. Киреева] ; М-во культуры Рос. Федерации, Пенз. гос. объедин. краевед. музей. – Пенза : Пенз. правда. Пенз. гос. объедин. краевед. музей, 2002. – 178 с.

5. Письмо В. О. Ключевского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ar.culture.ru/ru/subject/pismo-vo-klyuchevskogo?id=600a963460101d78a182b6ad>. – Дата доступа: 01.02.2023.

6. Повторная номинация и её соотношение с первичной номинацией адресата в тексте письма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://infopedia.su/29x122a4.html>. – Дата доступа: 01.02.2023.

УДК 811.161.3

**НОМИНАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭРГОНИМОВ
ВОСТОЧНОГО ПОЛЕСЬЯ
(на примере наименований г. Мозыря, г. Гомеля, г. Светлогорска)**

Е. В. Ковалёва,

доцент, кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой иностранных языков и МПЯЯ Мозырского государственного
педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: alena.kavaliova@gmx.de

А. В. Буркова,

кандидат филологических наук, заведующий аспирантурой
Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: sajtmzr@mail.ru

Имена собственные фиксируют традиции материальной и духовной культуры народа. Развитие общества способствует образованию эргонимов, которые взаимодействуют с культурными процессами и влияют на них.

Исследуемые эргонимы Восточного Полесья являются преимущественно отапеллятивными наименованиями. Данные ономастические единицы отражают непосредственную связь эргонима со сферой деятельности объекта. В этой группе названий объектов коммерческой номинации частотны лексемы, указывающие на характеристики объекта, что способствует формированию положительного образа для потребителя. Данные ономастические единицы отражают национально-культурную специфику, содержат такие лексемы и имена собственные, которые типичны для фоновых знаний и жизненного опыта носителей языка.

Ключевые слова: имя собственное, эргоним, номинация, топооснова, апеллятив, антропоним.

NOMINATIVE FEATURES OF EASTERN POLESSJE ERGONYMS (based on Mozyr, Gomel, Svetlogorsk ergonyms)

A. V. Kavaliova,

Docent, PhD, Head of the foreign languages and methods of teaching Department,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: alena.kavaliova@gmx.de

H. V. Burkova,

PhD, Head of postgraduate Department,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: sajtmzr@mail.ru

Proper names contain the traditions of the material and spiritual culture of people. The development of society influences on the formation of ergonyms that interact with cultural processes.

The ergonyms of East Polesse have predominantly appellative origin. These onomastic units reflect the connection of the ergonym with the sphere of activity of the object. In this group of commercial objects there are lexemes, which define the characteristics of the object, they contribute to the formation of a positive image for the customer. These onomastic units reflect the national and cultural features, contain such appellatives and proper names, which are typical for the background knowledge and life experience of native speakers.

Key words: *proper name, ergonym, nomination, toponymic stem, appellative, anthroponym.*

Введение

Имена собственные содержат культурную информацию, которая является частью социальной памяти определенного этноса. Исследование онимов способствует пониманию языка как средства осмысления некоторого коллективного опыта, выраженного в значениях топооснов. Закодированная в именах собственных информация о национальной культуре позволяет рассматривать топонимы как свернутый текст, который «состоит из нескольких логико-информационных модулей» [1, с. 6]. На периферии ономастического пространства находятся новые имена собственные, а именно эргонимы. К ним относятся и названия «делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [2, с. 151]. Наименование любого объекта – важная составляющая его деятельности. Главной целью названия является наиболее эффективное воздействие на потенциального клиента, когда адресат сознательно и без видимого принуждения осуществляет выбор в пользу заведения именно с этим наименованием. Номинация таких объектов может включать имя владельца, указывать на локализацию объекта, на предлагаемые товары, услуги или их характеристики, в номинации объектов используются женские и мужские имена, названия других объектов и т. д.

Эргонимы относятся к искусственно созданным именам, для них характерна семантическая прозрачность, а также наличие мотивационных связей, так как существует связь между апеллятивом, от которого образован эргоним, и объектом. Выбор топоосновы определяется интенциями номинатора с целью привлечения

внимания к объекту, существующими традициями и новыми тенденциями в ономастической номинации определенного этноса, что обусловлено антропоцентрической парадигмой современной лингвистики.

Актуальность исследования заключается в необходимости выявления национально-культурной специфики таких номинаций, семантики их апеллятивов. Данные ономастические единицы исследовались в работах М. В. Горбаневского, Ю. А. Карпенко, И. В. Крюковой, А. М. Мезенко, А. В. Суперанской, В. И. Супруна, Е. В. Тихоненко и др.

Цель и задачи

Цель работы – выявить номинативные особенности названий коммерческих объектов Восточного Полесья, определить топоосновы данных объектов для выявления специфики эргонимной номинации белорусских городов.

Методы и материал исследования

В качестве методов исследования были использованы описательно-классификационный и аналитический методы, предполагающие анализ полученных результатов. Для установления наиболее типичных семантических и словообразовательных типов привлечен статистический метод. Метод компонентного анализа направлен на описание семантики эргонима.

Материалом исследования послужили названия коммерческих объектов г. Мозыря, г. Гомеля, г. Светлогорска.

Результаты и их обсуждение

В основе создания эргонимов четко прослеживаются два пути: отонимный и отаппеллятивный. В процессе анализа наименований объектов коммерческой номинации исследуемых регионов было выявлено, что в данной группе преобладают отаппеллятивные названия. Наименования ресторанов города Гомеля часто мотивированы лексемами, апеллятивы которых указывают на особенности меню: «*Суши Манья*», «*Раз Два Суши*». Частотны также эргонимы, топоосновы которых не связаны с блюдами, указанными в меню: оним «*Lucky Cat*» соотносится с лексемами *lucky* ‘счастливый’, *cat* ‘кот’, название «*Taboo*» происходит от лексемы *taboo* ‘запрет’, эргоним «*The Black Bar*» соотносится с лексемами *black* ‘черный’, *bar* ‘бар’. Наименования кофеен «*Чаюка*», «*One coffee*» содержат указания на сферу деятельности. Так, название «*One coffee*» образовано от английских лексем *one coffee* ‘одна чашка кофе’. Ономастическая единица «*Gurman's*» соотносится с французской лексемой *gourmand* ‘любитель и ценитель изысканных блюд’. Название кофейни «*Хуторок*» происходит от апеллятива *хуторок*, что отражено и в интерьере заведения. Наименование «*Station One*» мотивировано лексемами *station* ‘станция’ и *one* ‘один’. Оним «*Трибуна*» (спортивный бар) происходит от лексем *трибуна* ‘сооружение с рядами мест на стадионе’. Название кафе *Joy* соотносится с английской лексемой *joy* ‘радость’. Эргоним «*Вок*» мотивирован лексемой *вок* ‘ёмкость для приготовления пищи, сковорода’. Наименование «*Аркада*» (кафе) происходит от лексем *аркада* ‘ряд одинаковых по форме и величине арок, опирающихся на столбы или колонны’, что затрудняет, на наш взгляд, идентификацию вида объекта. Оним «*Альянс кафе*» образован от лексем *альянс* (франц. *alliance*) ‘союз, объединение’ и номенклатурного термина *кафе*.

В названиях пиццерий частотны двухкомпонентные названия, как правило, с номенклатурным термином *пицца*. Эргоним «*Pizzeria Arlekino*» соотносится с лексемой *pizzeria* ‘пиццерия’ и именем собственным *Arlekino*. Оним «*Fast Pizza*»

мотивирован апеллятивами *fast* ‘быстро’ и *pizza* ‘пицца’. Название «*Domino's Pizza*» происходит от лексем *pizza* ‘пицца’ и *domino* ‘домино’. Эргоним «*Пеперони*» (кафе-пиццерия) соотносится с английской лексемой *pepperoni* (пеперони) ‘один из самых известных ингредиентов для приготовления пиццы’. В наименованиях объектов общественного питания города выявлены онимы, содержащие белорусскоязычные лексемы: эргоним «*Смачна кава*» состоит из лексем *смачна* ‘вкусный’ и *кава* ‘кофе’.

Частотными в эргонимии исследуемых городов являются ономастические единицы, образованные от лексем, которые непосредственно указывают на характер деятельности: эргоним «*Охота и рыбалка*» мотивирован лексемами *охота* и *рыбалка*, онимы «*Сантехника*» и «*Канцтовары*» образованы от апеллятивов *сантехника* и *канцтовары*. Так, название салона сотовой связи «*Связной*» происходит от лексемы *связной*, а именно свидетельствует об услугах, которые оказывает данный объект. Название торгового объекта «*МастерОК*» (строительный магазин) образовано от лексемы *мастер* и английской лексемы *OK* ‘хорошо’, что свидетельствует о качестве товара. Ономастическая единица «*Остров чистоты*» содержит указания на сферу деятельности, а именно на торговлю средствами бытовой химии и гигиены, так как мотивировано лексемами *остров* и *чистота*. Название магазина ритуальных услуг «*Ангел*» подчеркивает сферу деятельности данного объекта (апеллятив *ангел* соотносится с умиротворением и покоем). Название фотостудии «*Фоточка*» (рус.) происходит от лексемы *фото* с уменьшительно-ласкательным суффиксом. Название «*Цветы в Мозыре*» указывает на локализацию объекта.

Продуктивными являются эргонимы, образованные от апеллятивов, указывающих на качество услуг и их характеристики: оним «*Обувь мастер*» мотивирован лексемами *обувь* и *мастер*, оним «*Мебель по индивидуальным заказам*» образован от апеллятивов, указывающих на характер деятельности объекта (по индивидуальным заказам). Название «*Форсаж*» (магазин автозапчастей) происходит от лексемы *форсаж*. Эргоним «*Искусство камня*» содержит информацию про деятельность объекта – дизайн квартир с элементами камня.

В состав эргонимов, как и в состав собственных имен, могут входить любые части речи, даже предлоги, которые в качестве онима начинают «принимать» грамматические характеристики имени прилагательного: сравн.: оним «*уДачный магазин*» (все для сада и огорода) мотивирован апеллятивами *магазин* и *уДачный*, при этом графическое оформление названия объекта вызывает ассоциацию с лексемой *удачный* ‘который приносит удачу’. Эргоним «*4 сезона*» (магазин одежды) указывает на то, что в магазине представлены коллекции для каждого ‘сезона’, времени года: весна, лето, осень и зима. Наименование магазина одежды «*Лайт стиль*» соотносится с лексемой ‘стиль’, в ассортименте магазина представлены коллекции одежды в легком, непринужденном стиле, который подходит для повседневной носки и создания свободного, комфортного образа. Название магазина одежды «*Элегант*» подчеркивает индивидуальность и хороший вкус покупателя. Наименование «*Fox*» (магазин одежды) соотносится с лексемой *fox* ‘лиса’, в магазине представлена одежда для любителей экстремальных видов спорта, это может быть ассоциировано с молодежной модой и уличным стилем. Оним «*De luxe*» происходит от французской лексемы *de luxe* ‘роскошный, изысканный’. В контексте наименований объектов коммерческой номинации такой

апеллятив обычно используется для обозначения высококачественных и роскошных товаров. Наименование магазина одежды «*Тутти*» соотносится с онимом *Тутти*, может указывать на ассортимент разнообразной одежды для женщин, мужчин и детей, может ассоциироваться с модными и яркими коллекциями, которые подходят для любого возраста и стиля. Название «*Амиго*» (магазин одежды) мотивировано испанской лексемой *амиго* ‘друг’, ассортимент ориентирован на молодежную аудиторию и предлагает модную и стильную одежду. Эргоним «*Модный шкафчик*» может указывать на то, что магазин предлагает широкий выбор одежды для разных стилей и предпочтений, как в шкафу, в котором хранится много разных вещей. Наименование магазина одежды «*Просто одежда*» происходит от номенклатурного термина *одежда*, что свидетельствует о том, что магазин предлагает простые, но качественные и стильные вещи без излишеств и дорогих брендовых логотипов. Эргоним «*Moda lux*» соотносится с апеллятивами *moda* и *lux* ‘роскошь’, что указывает на ассортимент объекта торговли.

Наименование магазина одежды *Женева* указывает на контаминацию антропонимов *Евгения* и *Ева*, в магазине представлена модная и элегантная одежда, соответствующая европейскому стилю и трендам. Эргоним «*Robin Food*» соотносится с лексемой *food* ‘еда’ и именем собственным *Robin*, что вызывает ассоциацию с вымышленным английским персонажем Робинот Гудом. Оним «*Kelly’s*» соотносится с именем собственным *Kelly*. Отантропонимические названия «*Pandora*» и «*Дионис*» могут происходить от мифологических персонажей: *Пандора* в древнегреческой мифологии первая женщина, созданная по велению Зевса; *Дионис* – бог растительности, виноградарства, виноделия.

Белорусскоязычные лексемы в качестве апеллятивов зафиксированы в названиях магазинов «*Старажытны*» (от лексемы *старажытны*), «*Ласунак*» (от лексемы *ласунак*) и указывают на ассортимент, в частности, на широкий выбор товаров белорусского производства.

Выводы

Таким образом, в наименованиях объектов коммерческой номинации исследуемых городов зафиксированы преимущественно отапеллятивные названия, в них содержится непосредственная связь эргонима со сферой деятельности объекта. В номинации данной группы представлены однокомпонентные наименования, указывающие на характеристики объекта, привлекательность для потенциального покупателя, качество услуг. Эргонимическое пространство исследуемых регионов является важной частью культуры этноса, отражает его систему ценностей и мировоззрение.

Список использованных источников

1. Горбаневский, М. В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / М. В. Горбаневский ; Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – М., 1994. – 39 с.
2. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 199 с.
3. ГородГомель.бел [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://городгомель.бел>. – Дата доступа: 15.03.2023.
4. Mlife. Портал города Мозыря [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mlife.by>. – Дата доступа: 02.04.2023.

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПОНЯТИЯ «ЭТНОНИМ»

М. И. Кравчук,

аспирант кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: kravchuk_masha@list.ru

В статье осуществляется обзор разных определений понятия «этноним». Цель данной работы – проследить эволюцию понятия «этноним» в отечественном языкознании. Следует отметить, что в связи с тем, что многие ученые считали этнонимы лишь вспомогательным элементом при изучении истории языка и этногенеза того или иного народа, долгое время лингвисты также не уделяли должного внимания их изучению. Лишь начиная с 70-х годов XX века в отечественном языкознании начинает активно развиваться новый раздел ономастики – этнонимика, объектом изучения которой стали этнонимы. Поэтому проблема определения понятия «этноним», а также его отнесения к имени собственному или нарицательному является одной из актуальных проблем современного языкознания.

Ключевые слова: этноним, этнонимия, понятие, термин, исследование.

EVOLUTION OF THE GLOSSARY ITEM OF «ETHNONYM»

M. I. Kravchuk,

post-graduate student of the Department of Philology of Mozyr State Pedagogical
University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: kravchuk_masha@list.ru

The article reviews different definitions of the concept of «ethnonym». The aim of this work is to trace the evolution of the concept of «ethnonym» in domestic linguistics. It should be noted that due to the fact that many scholars considered ethnonyms only an auxiliary element in the study of the history of language and ethnogenesis of a given people, linguists also paid little attention to their study for a long time. Only since the 70s of the XX century in the domestic linguistics begins to actively develop a new section of onomastics – ethnonymics, the object of which became ethnonyms. Therefore, the problem of defining the concept of «ethnonym», as well as its attribution to proper name or noun, is one of the topical problems of modern linguistics.

Keywords: ethnonym, ethnonymy, concept, term, research.

Введение

Существенный вклад в развитие этнонимии внесли работы В. А. Никонова, А. В. Суперанской, В. И. Супруна, С. С. Иванова, Г. Ф. Ковалева, Р. А. Агеевой, А. С. Герда, Е. В. Богомяковой и др.

Изучение этнонимов всегда было важно для различных наук. Во все времена этнонимы привлекали внимание ученых, рождая поток догадок и домыслов, а с развитием науки становились предметом серьезного исследования. Тысячелетиями среди историков делятся споры о том, какие племена и народы обитали

в прошлом на той или иной территории, кого обозначал тот или иной этноним. Также необходимо проводить этимологические исследования значений этнонимов («что значило слово, из которого образован этноним?»), т. к. в исторических и особенно в этнографических работах встречается множество неточностей относительно происхождения, этимологических значений и реального содержания многих этнонимов. Данные об этнонимах очень часто бывают противоречивы, потому что важные и ценные наблюдения в них перемешаны с вымыслом и наивными фантазиями. Кроме этого, этнонимы – драгоценный материал и для истории языка того или иного народа [6, с. 3].

Цель и задачи

Цель данной работы – проследить эволюцию понятия «этноним».

Результаты и их обсуждение

Считается, что впервые термин «этноним» появился в работах советских историков, этнографов и лингвистов лишь в 20-х годах XX века. В качестве одного из первых примеров использования этого термина Г. Ф. Ковалев приводит работу Д. В. Бубрих «Ямь и корела: Из этнонимиики и топонимиики Северо-Восточной Европы», написанную в 1929 году. Но широко в лингвистических исследованиях понятие «этноним» стало использоваться только с 70-х годов прошлого века [4, с. 5–6].

В своем исследовании Е. В. Богомякова отмечает, что этнонимы достаточно долго рассматривались учеными всего лишь как второстепенный/дополнительный источник для изучения истории, этнографии и историографии, истории языка и этногенеза того или иного народа, несмотря на то, что этнонимы содержат в себе большой объем информации (они косвенно указывают на районы проживания племени, на его социально-экономический облик, уровень этнического самосознания). Таким образом, этнонимы представляют собой богатый материал не только для исторических и этнографических, но и для лингвистических исследований [2, с. 4].

Несмотря на это, долгое время ни в советской, ни в зарубежной науке не было ни одного фундаментального исследования об этнонимии, ни одного сборника работ, посвященного ей. Поэтому накопился огромный материал, который был разбросан по многим этнографическим, историческим и лингвистическим изданиям и требовал пристального критического изучения [8, с. 3].

С этой целью в 1967 году в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР была создана группа ономастики, которая начала свою работу с исследования этнонимов. По результатам ее работы в 1970 году был представлен первый сборник статей под названием «Этнонимы» под общей редакцией В. А. Никонова, в который вошли не только статьи по теоретическим проблемам этнонимиики – учения об этнонимах, но и конкретный материал о происхождении и значении отдельных этнонимов [8, с. 3–4].

В этом сборнике В. А. Никонов дает определение понятия «этноним» как «названия народов, племен, родов и т. п.» [8, с. 3].

А. В. Суперанская в книге «Общая теория имени собственного» относит термин «этноним» в первую очередь к названиям племен, т. к. «из всех этнических общностей наиболее устойчивой и наиболее этнически определенной является племя» [12, с. 206]. Также А. В. Суперанская отмечает, что применение термина «этноним» для обозначения народов, народностей, национальностей зависит от точки зрения исследователя. В качестве примера она приводит работу

Г. Г. Стратановича, который, «беря за основную единицу народ, применяет термин “этноним” к нему». Поэтому для обозначения названий племен, племенных союзов он вынужден ввести термин «субэтноним». Однако А. В. Суперанская считает, что «с лингвистической точки зрения введение этого термина излишне, поскольку названия племен, племенных союзов, народов, народностей – слова коннотирующие, в равной мере соотносимые с термином *этнонимы*» [12, с. 208].

В «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской можно встретить следующее определение понятия «этноним» – «имя нарицательное для обозначения любого этноса (этнической группы, племени, народа, национальности и т. д.)». Также в словаре отмечается, что этноним может иметь форму мужского и женского рода единственного и множественного числа, а также собирательную форму, относящуюся ко всему данному этносу. Если название этноса распространяется на занимаемую им территорию, то в этом случае наряду с понятием «этноним» появляется еще одно понятие «этнотопоним», который является либо омонимичным собирательной форме этнонима, либо отличается от нее (например, этноним «русич» – этнотопоним «Русь»). Среди этнонимов Н. В. Подольская выделяет следующие виды:

- «эндогенные этнонимы, или автоэтнонимы – самоназвание этноса (например, россы, великороссы, русские)»;
- «экзогенные этнонимы – название этноса, данное ему другим этносом, чаще всего данное соседним, но не используемое в качестве самоназвания (например, русские называют жителей Германии немцами)»;
- «антропэтнонимы – этнонимы, образованные от антропонимов (например, кривичи)»;
- «ландшафтные этнонимы – этнонимы, образованные от ландшафтного географического термина (например, дреговичи от дрягва ‘болото’)»;
- «топэтнонимы – этнонимы, образованные от топонимов (например, полочане от р. Полота)» [10, с. 153–154].

В лингвистическом энциклопедическом словаре под этнонимами понимаются «названия различных видов этнических общностей: наций, народов, народностей, племен, племенных союзов, родов и т. п.» [13, с. 598].

В своих исследованиях по этнонимии Г. Ф. Ковалев использует понятие «этноним» для названия трех этнических общностей: племени, народности, нации [4, с. 23]. Г. Ф. Ковалев выделяет среди этнонимов две группы. Однако он предлагает вместо термина «автоэтноним» использовать термин «аутоэтноним», для того чтобы «ликвидировать ассоциацию элемента авто- с весьма распространенным гнездом производных слов, семантически связанных с автомобилем», а термин «эктоэтноним» вместо термина «экзогенный этноним», полагая, что данный термин слишком громоздкий [4, с. 6–7].

В. И. Коваль в статье «Москаль, кацап, хохол и бульбаш: экспрессивные этнонимы в восточнославянских языках» предлагает для определения «оценочных номинаций, которые используются другими народами для названия соседнего этноса», термин «экспрессивный этноним» [5, с. 44].

Во 2-м издании «Русский язык. Энциклопедия», по мнению советского и российского ученого-лингвиста В. П. Нерознака, «этнонимы составляют особый разряд исторической лексики». Понятие «этноним» трактуется следующим образом: этнонимы – это «названия различных видов этнических общностей (наций, народов, народностей, племенных союзов, родов и т. п.)». В. П. Нерознак различает:

- «макроэтнонимы – названия крупных этносов или этнических общностей (например, россияне, китайцы, арабы и т. п.)»;
- «микроэтнонимы – обозначения небольших этнических групп, племенные названия (например, кривичи, вятичи, древляне и т. п.)».

В отличие от Н. В. Подольской, он выделяет только два вида этнонимов: автоэтнонимы и аллоэтнонимы [7, с. 649].

Р. А. Агеева в словаре-справочнике «Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы» дает следующую трактовку понятия «этноним» – название этнической общности (племени, союза племен, народности, нации и т. п.); названия родов, или генонимы, как правило, сюда не включаются) [1, с. 422].

Схожее с В. А. Никоновым мнение высказывает в своей работе «Введение в этнолингвистику» А. С. Герд, также соотнося понятие «этноним» с понятием этноса – племени, народа, нации, субэтнической группы. Так, А. С. Герд считает, что язык, являясь «одним из важнейших признаков этноса», достаточно часто совпадает с самосознанием. А этнонимы, по его мнению, являются одними из важных средств самосознания, свидетельствуя так или иначе об этническом самовыделении той или иной группы населения (этноса, субэтноса, локальных групп этноса) [3, с. 112]; [9, с. 33].

В исследовании Е. В. Богомяковой термин «этноним» получает новую интерпретацию. Исследователь впервые связывает понятие «этноним» с «самоназванием по государственной принадлежности» [9, с. 33] и предлагает рассматривать термин «этноним» в широком понимании, включая в его состав названия жителей городов, регионов, стран и т. п., а также наименования лиц по расовому признаку и исторически сложившиеся прозвищные обозначения групп населения и этнических групп [2, с. 4]. Также в своем исследовании Е. В. Богомякова высказывает мнение о том, что «этнонимы имеют сложный, комплексный характер, поэтому они должны рассматриваться как система языковых единиц, сформированная под влиянием разнообразных лингвистических и экстралингвистических факторов и связанная с топонимической и апеллятивной лексикой» [2, с. 4–5].

Выводы

Таким образом, несмотря на наличие целого ряда исследований, посвященных этнонимии, в настоящее время определение понятия «этноним» нуждается в уточнении. Это связано с развитием этнонимии и познанием новых закономерностей, присущих рассматриваемой системе языка, а также с уточнением методов исследования этнонимии.

Кроме этого, в более детальном рассмотрении, на наш взгляд, нуждается проблема отнесения этнонима к имени собственному или нарицательному, потому что в этом вопросе среди ученых-лингвистов до сих пор нет единого мнения. «Логичнее всего определение этнонимов как промежуточного звена между именами собственными и именами нарицательными» [6, с. 293; 11, с. 53–54].

Список использованных источников

1. Агеева, Р. А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник / Р. А. Агеева. – М. : Academia, 2000. – 424 с.
2. Богомякова, Е. В. Этнонимы современного немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Богомякова ; Санкт-Петербургский гос ун-т. – СПб., 2005. – 222 л.

3. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия / А. С. Герд. – 2-е изд., исправл. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2005. – 457 с.
4. Ковалев, Г. Ф. Этнонимия славянских языков: номинация и словообразование / Г. Ф. Ковалев. – Воронеж : ВГУ, 1991. – 176 с.
5. Коваль, В. И. Москаль, кацап, хохол и бульбаш: экспрессивные этнонимы в восточнославянских языках / В. И. Коваль // Язык и социум : материалы IX Междунар. науч. конф., Минск, 3–4 дек. 2010 г. : в 3 ч. / БГУ ; редкол.: Л. Ф. Гербик (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2011. – С. 44–47.
6. Кураш, С. Б. Этнонимы вне прямой референции в современных речевых практиках: семантика, неоконтексты (по данным интернет-источников на русском, немецком и французском языках) / С. Б. Кураш, В. Н. Сергей // Наукові записки [Ніжинського державного університету ім. Миколи Гоголя]. Сер. : Філологічні науки. – 2013. – № 4. – С. 293–296.
7. Этнонимика // Русский язык. Энциклопедия, издание / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е, перераб. и доп. – М. : Изд. дом «Дрофа», 1997. – С. 649–650.
8. Никонов, В. А. Этнонимия / В. А. Никонов // Этнонимы : сб. ст. / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР ; отв. ред. В. А. Никонов. – М. : Наука, 1970. – С. 2–33.
9. Омельченко, С. Р. Этнонимы в языковой картине мира российских немцев / С. Р. Омельченко, В. А. Морозова // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2013. – № 1 (17). – С. 33–38.
10. Этноним // Словарь русской ономастической терминологии / гл. ред. Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во «Наука», 1988. – С. 153–154.
11. Сироткина, Т. А. Актуальные проблемы современной этнонимии / Т. А. Сироткина // Вестн. Пермского ун-та: российская филология. – 2011. – № 4 (16). – С. 53–59.
12. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Изд-во «Наука», 1973. – 360 с.
13. ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.

УДК 821.161.3-1

СПЕЦЫФІКА ўЖЫВАННЯ КАЛАРАТЫВА ЧОРНЫ ў ЗАМОЎНЫХ ТЭКСТАХ

Л. М. Мазуркевіч,

дацэнт, кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай і рускай
філалогіі Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: sidora-71@tut.by

Лексика цветообозначения в таком фольклорном жанре, как заговор, представлена совокупностью колоративов, которые по характерным признакам

объединяются в определённые цветовые коды. В статье анализируется специфика употребления колоратива чёрный в текстах белорусских заговоров. С применением методов описания и контекстного анализа изучены особенности использования данной цветолексемы в функционально-семантическом аспекте. Обращается внимание на то, что чёрный – отрицательная сторона антитезы «чёрный – белый». Данный колоратив употребляется в исследуемых текстах в прямом и переносном значениях, выполняя номинативную и информативную функции, имея при этом довольно ограниченную словосочетаемость. Рассмотренные особенности непосредственно связаны с национальными культурными традициями белорусов, подчёркивают специфику их мировосприятия.

Ключевые слова: заговор, картина мира, колоратив, символ, чёрный цвет.

PECULIARITIES OF THE COLOUR BLACK USAGE IN THE SPELL TEXTS

L. N. Mazurkevich,

docent, candidate of philological sciences, associate professor of the department of Belarusian and Russian philology Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakina,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: sidora-71@tut.by

The vocabulary of colour terms in such a folklore genre as a spell is represented by a set of colours, which are combined into certain colour codes, according to their features. The author analyzes the peculiarities of the black colour usage in the texts of Belarusian spells. Using the methods of description and contextual analysis, the features of this colour lexeme were revealed in the functional-semantic aspect. The author focuses attention on the fact that black means the negative side of the antithesis «black – white». This colour is used in the analyzed texts in a direct and figurative meaning, performing nominative and informative functions, at the same time having a rather limited word combinability. The analyzed features are closely related to the national cultural traditions of the Belarusians, emphasize the specifics of their worldview.

Keywords: spell, picture of the world, colour, symbol, black colour.

Уводзіны

Сістэма колераабазначэнняў, якая сведчыцца ў замоўных тэкстах, параўнальна невялікая. У межах яе вызначаюцца як асноўныя колеры тыпу белы, чырвоны, сіні, зялёны, жоўты, чорны, так і некаторыя адценні, напрыклад, залаты, сярэбраны, барвовы, вараны і т. д., а таксама змешаныя колеры – рыжы, шызы, буры, шэры і інш. Пазначаныя колералексемы ў вивучаемых тэкстах выступаюць пераважна ў выглядзе бінарных спалучэнняў, што абумоўлена падзелам акаляючай прасторы, жыццёвых рэалій, часу і чалавечай супольнасці ў свядомасці беларусаў на «сваё», значыць, добрае і на «чужое» – благое. Такі падзел замацоўваецца, апрача іншага, і колеравымі характарыстыкамі, якія даюцца суб'ектам (чалавекам) замовы прадметам, з'явам прыроды, разнастайным праявам рэчаіснасці. Усё, што спалучаецца са светлым колерам, валодае станоўчым значэннем. Адпаведна, усё, што

звязана з цёмным колерам, – негатыўным. Такім чынам, чорны колер – адмоўны бок антытэзы «чорны – белы», які выклікае асацыяцыі з «ніжнім» светам.

Мэта і задачы

Асноўная мэта работы – прааналізаваць спецыфіку ўжывання каларатыва *чорны* ў тэкстах беларускіх замоў. Рэалізацыя акрэсленай мэты прадугледжвае пастаноўку і вырашэнне наступных задач: прасачыць семантычныя і словаспалучальныя адметнасці калароніма-прыметніка *чорны*, выявіць асаблівасці функцыянавання яго ў замоўных тэкстах як этнакультурнага фактару адлюстравання самабытнасці беларусаў.

Метады і матэрыял даследавання

Матэрыялам для даследавання паслужылі выбраныя з замоўных тэкстаў канструкцыі, з уключаным у іх склад каларатывам *чорны*, разгледжаныя з выкарыстаннем метадаў кантэкстнага аналізу і апісання.

Вынікі і іх абмеркаванне

З антычнага перыяду найбольш яркім кантрастам былі менавіта белы і чорны колеры, таму кантрастнымі і сімвалічнымі з’яўляюцца іх значэнні. Гэта заўважаецца і ў старажытнарускіх пісьмовых помніках XI–XII стст., у хрысціянскай сімволіцы [1, с. 32]. У сімвалічнай сферы белы колер асацыіруецца з вітальнай сілай, чысцінёй, суадносіцца з вядучымі канцэптамі жыцця, добра. Чорны колер – сімвал небыцця, разбурэння, зла, небяспекі, няправеднасці. Разам з тым гэтыя колеры адначасова суадносяцца і з іншасветам: многія міфалагічныя персанажы, якія абазначаюцца як чорныя, могуць мець прыкмету белага. Лічыцца, што ў белым з’яўляюцца як русалкі, так і «чыстыя» памерлыя. Белы колер ёсць колер істот, якія згубілі цялеснасць. Таму прывіды ўяўляюцца белымі. Такім з’яўляецца і конь, і не выпадкова ён калі-нікалі названы нябачным. Паўсюль, дзе конь адыгрывае культавую ролю, ён заўсёды белы [4, с. 123]. Шэраг міфалагічных персанажаў, напрыклад, дамавік, а таксама начныя здані паказваюцца ў белым. Чорным і белым колерамі маркіруюцца прадметы, якія сімвалізуюць хваробы і смерць. Прыкметы «белы» і «чорны» належаць да катэгорый, што адыгрываюць ролю важных класіфікатараў, усталёўваюць семантычныя суадносіны сімвалаў, якія ўваходзяць у разнастайныя культурныя коды. Праз семантыку белага і чорнага колераў прасочваецца сувязь паміж рознымі фрагментамі міфалагічнай карціны свету. Прадмету ці асобе, адзначаным прыкметамі «белы», «чорны», прыпісваюцца адметныя ўласцівасці, што забяспечваюць поспех магічнага дзеяння: *Скула-матухна, на сінім моры, на лукамор’і, там цябе чорны чарнец дажыдаець, белу пасцель засцілаець...* [2, с. 206]; *Едзя Юрый на кані, за ім бяжыць тры чарты. Адзін белы, другі серы, трэці чорны. Белы бяльмо зганяе, ... чорны звіх вымае...* [2, с. 175].

Чорны – ‘які мае колер сажы, вугалю; больш цёмны’ [3, с. 388]. Каларатыў *чорны* мае выразныя рэчыўныя асацыяцыі. У замовах гэты прыметнік саступае па колькасці словаўжывання толькі лексеме *белы*. Калі ў фальклоры ў цэлым чорны колер мае сімвалічнае значэнне смерці, няшчасця, гора, то ў жанры замоў гэтыя значэнні не рэалізуюцца. У аналізаваных тэкстах засведчана ўжыванне лексемы *чорны* як у прамым, так і ў пераносным значэннях. У прамым значэнні колера-найменне ўжываецца пераважна ў наступных кантэкстах: пры партрэтнай характарыстыцы чалавека (апісанне колеру валасоў, броваў, вачэй): *Конь спатыкаецца, меч угібаецца, трасьціна ламаецца – таму рабу божыю звіх унімаецца з ясных*

воч, з чорных броў, з беллага ліца, з шчырага сэрца, з белых рук, з бодрых ног і ня трыгаецца ні маладзіком, ні сходам і ні кажнага месяца [2, с. 138]; Устану я раненька, умыюся я бяленька. На моры стаіць дуб, пад тым дубам даска, пад тою даскою ўся мая печаль і таска. Ангелы-архангелы, прылятайце, усю маю печаль і таску забірайце, нясіце ў румянае ліцо, у карыя вочы, у русыя косы, чорныя бровы божаму рабу (імя) [2, с. 334]; На сінім моры белы камень, а з-пад беллага каменя выйшлі тры дзявіцы, тры сястрыцы. Яны разносілі ўрокі-парокі: шэры́й глаз, зялёны́й глаз і чорны́й глаз [2, с. 185]; ... на тых гнёздах трыдзеваць сарок, трыдзеваць урок – ад жаночага, ад дзявочага, ад хлапечага, ад мужчынскага – русы волас, чорны волас, рыжы волас [2, с. 183]; ...Угаворваю цябе ў (імя) із буйнае галавы, з гарачае крыві, ... з чорных броў... [2, с. 263]; пры апісанні адзення, прадметаў: Ехаў цыган ... у чорным жупане, чорнай нагайкаю каня паганяе... [2, с. 238]; Ехалі паны, чорныя жупаны, красныя каўняры, чорныя карэты... [2, с. 281]; Ішла пані ў чорным плаці, нясла начнікі – на панянята, на дзекаранята, на жыдзянята [2, с. 338]; пры стварэнні фаўністычных і фларыстычных вобразаў: Саішлець Гасподзь з неба трох ангалаў із жалезнымі капачамі, а чорнага ворана з какцямі. Ангалы капачамі вычышчаюць, а чорны воран какцямі вышкрабае... [2, с. 91]; ...Адстрэлівай у раба Божага (імя) урокі, прыносы, грыжы, нечысці, і аддавай чорнаму зверу мядзведзю на хрыбет, і панясі, чорны звер, у зыбучыя балоты, каб век не бывала, ні ў дзень, ні ў ноч [2, с. 202]; Як табе, чорная змяя, глазамі не зларадзіць, макавае зерне не сабраць, з мора вады не выпіць, як сырую зямлю не праглаціць, так табе, змяя, (імя) не ўкусіць [2, с. 113]; Сем палей, на восьмым полі стаяць сталы пазасціланыя, стаяць кубкі паналіваныя, ляжыць чорнага пеўня галава [2, с. 345]; Малаком чорнай каровы ўмываюся. У імя Атца і Сына і Святога Духа. Амінь [2, с. 456]; Як на моры, на лукамор'і там ляжыць бел камень, пад тым камнем чорны чарвяк, з чорнаю галавою... [2, с. 79]; На чыстым полі яблань, пад той ябланею з чорнага барана руна гняздо; а ў тым гняздзе змяя белавокая... [2, с. 113]; Ішла чорная карова чараз роў, ішла да стала, і кроў ісці перастала [2, с. 158]; Ёсць на свеце тры цары: первы цар – ясён месяці не небі, другі цар – чорны рак у моры... [2, с. 81]; На моры-акіяне стаіць дуб, на тым дубе дваццаць гнёзд, у адным гняздзе сядзіць чорны воран... [2, с. 171]; За сінім морам, за шчырым борам стаіць зялезны тын, пад тым тынам рассыпан чорны мак [2, с. 172]; пры характарыстыцы рэчываў і вадкасцей: Умаўляю, угавараю з касці, з машчы, салодкага мозгу, ... з чорнай крыві... [2, с. 305]; пры ўказанні на прыродныя з'явы: ...Божжа, цёплыя ветры, прагані чорную хмару... [2, с. 355]; У чорную ноч я пайду на коп'я, сабяру ягады-дурніцы, пайду на Папову Гару, сабяру Багрым-траву, завару вар [2, с. 284]; пры апісанні невядомых з'яў, паняццяў: Вятры буйныя, віхры чуйныя, ад чорнай нямоты, ад радзімца, ад чорнага, чаромнага, ад рабёнка малага, ад буланага і санцінага... [2, с. 353].

Сувязь каларатыва чорны са значэннем 'небяспечны', 'далёкі', 'які адносіцца да чужога свету' прасочваецца пры абазначэнні іншых аб'ектаў, напрыклад, апошняе з названых значэнняў праяўляецца ў групе замоў «Ад укусу змей» у спалучэннях чорная змяя (гадзіна), чорнае руно (руна), чорная воўна, чорна гразь, чорны дуб і інш.: Ёсць на моры, на лукамор'і куст, на том кусці чорнае руно, а на том руні чорная гадзіна Адарэнадзія. Вот я прашу цябе, Адарэнадзія, вынь ты свой зуб; а не вынеш свайго зуба – я цябе саломай абнясу і спалю, і папялок

разадму [2, с. 21]; У полі, у полі стаіць грушка, у той ігрушчы – кубельца, у тым кубельцы ляжала тры гадзюкі: адна чорна... [2, с. 140]; Ішоў чорны дзед чорнаю дарогаю, чорныя насталы, чорныя волакi, чорныя нучы, чорныя штаны, чорна рубашка, чорна свiта, чорна папруга, чорна шапка. Нёс на плячэ сякеру. Стаў чорнага дуба рубаці, сталі асколкі лятаці [2, с. 388–389]; ...Як гразь чорна, так штоб і ён счарнеў, і схлях, і счах [2, с. 91].

З ліку разгледжаных вылучаецца словазлучэнне *чорнае мора* (*мара*), дзе каларатыў з назоўнікам выступаюць як непадзельнае лексіка-семантычнае цэлае: *Я вас пасылаю, порчу, ад етыва раба за мхі, за балоты, за ржаўцы-папоны, на чорныя мора. На бірагу чорнага мора там стаіць ізбушка, у той ізбушкі сядзяць дзве Анны-паньны....* [2, с. 54]; *Госпыдзі Божа, пымагі. Устану я рана, умыюся бела, выйду я к белому морю і к сініму морю, і к чорному морю* [2, с. 92]; *Ляціце, урокі, як у лес сарокі, на цёмныя ляса, на чорныя мара* [2, с. 183].

У адзінкавых выпадках сведчыцца ўжыванне ў замоўных тэкстах калароніма *чорны* для абазначэння колеру адзення манахаў, свяшчэннаслужыцеляў, якое мае засцерагальнае значэнне: *Дарогай ішоў Сус Хрыстос, Пётра-Паўла, святы Ля, сустракаюць Прачыстую маці. Яны ў яе пытаюць...будзем жа мы прыкрываць чорнаю рызаю...* [2, с. 316].

Чорны колер з'яўляецца таксама асаблівасцю некаторых паняццяў, якія выкарыстоўваюцца пры замаўленні ад разнастайных хвароб і недамаганняў (ад крывацёку, рожы, звiху і інш.): *...На полі стаяў дуб, на ім сядзелі тры дзявіцы – ні ткачыхі, ні прахі, толькі вышывахі. Чорным шоўкам вышывалі, кроў гаручую ўместа злівалі...* [2, с. 154]; *Замаўляю, загаварываю рожу сурочную, прыгаворную... сінюю, красную, жоўтую, чорную* [2, с. 292]; *Едзя Юрый на кані, за ім бяжыць тры чарты. Адзін белы, другі серы, трэці чорны. Белы бяльмо зганяе, ... чорны звiх вымае...* [2, с. 175].

Вывады

Моўны матэрыял дазваляе сведчыць, што чорны колер з'яўляецца адным з самых значымых колераў у культурным колеракодзе беларускага народа. У замоўных тэкстах ён звязваецца, як правіла, з членамі супрацьпастаўлення «добры – блягі», што абумоўлена нацыянальнымі традыцыямі і ўнутранай супярэчлівасцю свету, або выступае як дастаткова нейтральны, што не толькі садзейнічае захаванню пэўнай сімволікі, але і надае спалучэнням, у якія ўваходзіць дадзены каларонім-прыметнік, дадатковую інфармацыю, звязаную са значэннем колеру.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Абрагімовіч, М. Чорны: з гісторыі слоў / М. Абрагімовіч // Роднае слова. – 2013. – № 3. – С. 32–33.
2. Шамякіна, Т. І. Міфалогія Беларусі: Нарысы : вучэб. дапам. для студэнтаў філал. спецыяльнасцей ВДУ / Т. І. Шамякіна. – Мінск : Выд-ва рэсп. унітар. прадпрыемства «Маст. літ.», 2000. – 398 с.
3. Замовы / уклад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. Г. А. Барташэвіч ; рэдкал.: А. С. Фядосік (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 597 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад. рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – 3-е выд. – Мінск : БелЭн, 2002. – 784 с.

**ДРУГАСНЫЯ МЕНТАЛЬНЫЯ НАМІНАЦЫІ, ЯКІЯ АДНОСЯЦЦА
ДА АТМАСФЕРНЫХ З'ЯЎ, ВОГНЕННАЙ СТЫХІІ
(НА МАТЭРЫЯЛЕ АД'ЕКТЫВАЎ БЕЛАРУСКАЙ І АНГЛІЙСКАЙ МОЎ)**

В. А. Мусіенка,

кандидат філалагічных наук, прапедаватэль
Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта ім. Максіма Танка,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь
E-mail: voodoo-conan@hotmail.com

В статье рассматриваются вторичные ментальные лексико-семантические варианты, образованные от прилагательных, которые относятся к атмосферным явлениям, огненной стихии. Устанавливаются основные модели семантической деривации и лексико-тематическая принадлежность вторичных значений, сравнивается количество установленных лексико-семантических вариантов в белорусском и английском языках, фиксируется наличие совпадений и безэквивалентности.

***Ключевые слова:** метафора, вторичные ментальные номинации, прилагательное, лексико-семантический вариант, белорусский язык, английский язык.*

**SECONDARY MENTAL NOMINATIONS RELATING TO ATMOSPHERIC
PHENOMENA, FIRE ELEMENT (ON THE MATERIAL OF ADJECTIVES
IN THE BELARUSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)**

V. A. Musienko,

candidate of Philological Sciences,
lecturer of the Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: voodoo-conan@hotmail.com

The article deals with secondary mental lexico-semantic variants formed from adjectives that refer to atmospheric phenomena, the fire element. The main models of semantic derivation and the lexical-thematic affiliation of secondary meanings are established, the number of established lexico-semantic variants in the Belarusian and English languages is compared, the presence of coincidences and non-equivalence is fixed.

***Keywords:** metaphor, secondary mental nominations, adjective, lexico-semantic variant, Belarusian, English.*

Уводзіны

У працэсе семантычнай дэрывацыі ўключаюцца першасныя ЛСВ намінацый фізічных якасцей і характарыстык прадметаў, рэчываў, з'яў прыроды, фізічных уласцівасцей і станаў чалавека і жывёл, намінацый, якія адносяцца да металаў, горных парод, дрэваў, атмасферных з'яў, вогненнай стыхіі і інш. Другасныя ЛСВ такіх найменняў адлюстроўваюць ментальныя прыметы, з'явы, уласцівасці, характарыстыкі.

Мэта і задачы

Мэтай артыкула з'яўляецца ўстанаўленне спецыфікі семантычнай рэпрэзентацыі другасных ментальных намінацый у беларускай і англійскай мовах. Працэс семантычнай дэрывацыі ажыццяўляецца па пэўных мадэлях, якія з'яўляюцца адлюстраваннем схемы, што складваецца ў свядомасці носьбітаў мовы паміж рознымі паняццёвымі сферамі [5, с. 64].

Вынікі і іх абмеркаванне

Лексіка атмасферных з'яў, вогненнай стыхіі, якія ўспрымаюцца органамі пачуццяў (зрокамі і інш.), выкарыстоўваецца для апісання абстрагаваных элементаў інтэлекту, мыслення і свядомасці чалавека. Як слухна заўважае Н. Д. Аруцюнава, мы «асацыюем абстрактныя паняцці з канкрэтнымі прадметамі, паколькі гэта адзіны спосаб, які ёсць у нас у распараджэнні для таго, каб уніфікаваць свет ідэй і свет рэчаў» [2, с. 94]. Практычная і інтэлектуальная дзейнасць чалавека, такім чынам, адлюстроўваецца ў свядомасці і замацоўваецца ў мове, пераўтвараючыся ва ўнутраную адлюстраваную мадэль свету [1, с. 34] і фарміруючы іерархічна арганізаваную сістэму, дзе больш простыя метафарычныя і метанімічныя канцэпты служаць асновай для ўтварэння больш складаных канцэптуальных структур. Атрымліваецца, што сама мова дэманструе гнуткасць і здольнасць да пашырэння сэнсавага аб'ёму лексічных адзінак і можа служыць узорам, які адлюстроўвае працэс пераходу са сферы фізічных і матэрыяльных сутнасцей у сферу абстрактных і неканкрэтных уяўленняў.

Нацыянальныя асаблівасці ментальных намінацый, як сведчаць многія навукоўцы, выяўляюцца перш за ўсё ў колькасці слоў і іх сэнсавай напоўненасці, што абумоўлена спецыфікай мыслення прадстаўнікоў розных народаў і культур, асаблівасцямі сістэмнай арганізацыі вынікаў фіксацыі жыццёвага вопыту носьбітамі розных моў [3, с. 41; 4, с. 121].

У якасці кагнітыўных крыніц метафарызацыі могуць выступаць ад'ектывы, якія змяшчаюць у зыходным значэнні сему 'атмасферныя з'явы', 'агонь' (*хмурны* – *cloudy*, *хмарны* – *clouded*, *туманны* – *foggy / misty*, *імглісты* – *hazy*, *агністы* – *fiery*, *палымяны* – *flaming*, *іскрысты* – *sparkling*).

У беларускіх ад'ектывах *хмарны* 'пакрыты хмарамі', *хмурны* 'пахмурны, воблачны' актуалізаваліся наступныя другасныя ментальныя ЛСВ 'пануры, сумны, невясёлы', 'які выражае суровасць, панурасць, заклапочанасць': *Ад віна хутка стала цёпла і лёгка, хмарныя думкі зніклі: не было ўжо ні шкадавання аб дарагім, што назаўсёды траціла, ні трывогі пра тое, як будзе далей* (І. Мележ); *Хмарныя думкі пакідалі галоўку Зосі, аддаючы месца ружовым летуценням...* (Я. Нёманскі); *Раптам акрэслілася гэта ў яго думках, і твар яго стаў хмурным*. (К. Чорны); *Люба, думкі пакінуўшы хмурныя...* (Я. Купала); *Каб разagnaць гэтыя хмурныя думкі, зірнуў угору* (М. Ваданосаў).

У англійскіх адпаведніках *cloudy* 'хмурны', *clouded* 'хмарны' ўтварыліся другасныя ментальныя ЛСВ 'uncertain; unclear; obscure in meaning' – 'няпэўны; не зусім зразумелы; незразумелы па сэнсе', 'a vague meaning; incomprehensible' – 'які мае няясны сэнс; незразумелы': *The issue becomes more cloudy* – *Пытанне становіцца ўсё больш хмурным [=незразумелым]*; *The legal position on this issue is very cloudy* – *Прававая пазіцыя па гэтым пытанні вельмі хмурная [=незразумелая]* (OALD); *A clear mind makes clear decisions; a clouded mind makes clouded decisions* – *Ясны розум прымае ясныя рашэнні; хмарны [=затуманены] розум прымае хмарныя*

[=няясныя, туманныя] *рашэнні* (BNC); *Soon, she knew she would be thinking in terms of shock, stress, guilt reaction, grief, anxiety, a clouded mind* – Хутка яна ўжо ведала, што будзе думаць з пункту гледжання шоку, стрэсу, рэакцыі віны, смутку, трывогі, хмарнага [=затуманенага] розуму (K. Newman).

У беларускім полісеманце *туманны* ўтварыліся другасныя ментальныя ЛСВ ‘няпэўны, невыразны (пра ўяўленні, пачуцці і пад.)’, ‘які мае няясны сэнс; незразумелы (пра выказванні, словы і пад.)’, ‘пазбаўлены акрэсленага выразу, думкі; задуменны (пра вочы, погляд)’: *Каб канчаткова пераканаць сябе, Карызна кідае мыслёвы погляд назад, у мінулае, – і яно выглядае з далечы туманнае, няяснае, чужое* (М. Зарэцкі); *Паняцце гэта вельмі неакрэсленае, я нават сказаў бы – туманнае* (Я. Васілёнак); *Ленавата варушацца няясныя туманныя думкі* (М. Лынькоў); *Туманныя, блытаныя фармулёўкі тояць у сабе супярэчнасці і алагізмы. Філасофам-ідэалістам трэба захавець святога духа ў сістэме светабудовы, вось яны і намагаюцца апраўдаць гэты дух туманнай мішурай слоў* (П. Пестрак); *Раскосыя вочы, позірк быў нейкі няўцяямны, туманны, як праз ваду* (Я. Хвалеі); *Гэта было рудое, даўно няголенае мурло, з нейкімі туманнымі, патухлымі вачыма* (І. Сяркоў).

У англійскай мове ў адпаведніках *foggy, misty* ‘туманны’ актуалізаваліся другасныя ментальныя ЛСВ ‘unable to think clearly; confused’ – ‘няздольны думаць выразна; са збытанай свядомасцю’, ‘indistinctly expressed or remembered; obscure’ – ‘які невыразна выяўляецца або ўспамінаецца; няясны’, ‘not clear or bright’ – ‘няясны або няяркі’: *She was foggy with sleep* – Яна была туманная ад сну [=розум не надпарадкоўваўся ёй]; *My memories of the event are foggy* – У мяне туманныя ўспаміны пра тую падзею; *He had only a foggy memory of what happened* – У яго быў толькі туманны ўспамін аб тым, што адбылося; *He hasn't the foggiest idea how to get home* – Ён не мае ні найменшага [дасл. ні хаця б туманнага] уяўлення, як дабрацца дадому; *Misty memories* – Туманныя ўспаміны (OALD).

Монасемічнай лексічнай адзінцы бел. *імглісты* ў англійскай мове адпавядае прыметнік *hazy* ‘імглісты’, у сэнсавай структуры якога фіксуецца другасныя ментальныя ЛСВ ‘not clear because of a lack of memory, understanding or detail’ – ‘незразумелы з-за недахопу памяці, разумення і дэталей’, ‘uncertain or confused about sth’ – ‘няўпэўнены або разгублены ў чымсьці’: *Hazy memory / idea* – Імглісты ўспамін, імглістая ідэя; *I'm a little hazy about what to do next* – Я крыху імглісты ў тым [=не разумею], што мне рабіць далей (OALD). У беларускім адпаведніку *імглісты* другасны ментальны ЛСВ не актуалізаваўся.

У прыметнікаў *агністы* – *fiery, палымяны* – *flaming* асацыятыўныя сувязі абумоўлены сінкрэтычным спалучэннем прымет гарэння агню (яго высокай тэмпературы) і вялікай ступенню напалу.

У беларускім і англійскім ад’ектывах *агністы* – *fiery* ўтварыліся ЛСВ з характарам інтэнсіфікацыі ментальнага працэсу ‘натхняльны, страсны’, ‘tempestuous’ – ‘бурны’: *А думкі палымнеюць, як гэтыя агністыя словы* (М. Лынькоў); *For all her nostalgia, she rarely forgets her fiery aristocratic assumptions* – *Fiery criticism of the British press then followed from Bernard, with Laura contributing nothing to the debate* – Затым выйшла ўслед агністая крытыка брытанскай прэсы з боку Бернара, пры гэтым Лаура нічога не ўнесла ў дэбаты (A. Sebba); *You will encounter fiery reminders* – Вы сутыкнецеся з агністымі напамінамі (P. Gilliat); *For all her nostalgia, she rarely forgets her fiery aristocratic*

assumptions – Пры ўсёй сваёй настальгіі яна рэдка забывае свае агністыя арыстакратычныя здагадкі (BNC); *He had been impressed and amused by her fiery conversation and her obvious intelligence* – Яго ўразіла і пазабавіла яе агністая размова і відавочны розум (P. Marshall).

У сэнсавай структуры бел. *палымяны* выяўлены другасны ментальны ЛСВ ‘палкі, страсны; прасякнуты страснасцю, запалам; які выражае палкасць, страснасць’: *З палымянай зацікаўленасцю імкнуўся зразумець, чым жыве, чым хоча жыць селянін* (І. Навуменка); *Рамантыка ў жыцці – гэта і мара, і парыванне, і самаахвярнасць, і палымяны роздум аб жыцці* (І. Навуменка); *Ні ў кога другога не знойдзем мы такой шчырай, палымянай і, я б сказаў, асабістай зацікаўленасці ходам гістарычных падзей, такога арганічнага зліцця пачуцця і думкі* (І. Навуменка). У англійскай мове ў адпаведніку *flaming* ‘палымяны’ зафіксаваны другасны ментальны ЛСВ ‘full of anger’ – ‘поўны гневу’, ‘used to emphasize that you are annoyed’ – ‘нягодны’: *A flaming argument* – *Палымяны аргумент [=давод для доказу]*; *You flaming idiot!* – *Пракляты [дасл. палымяны] ідыёт!* (OALD).

Даволі своеасаблівыя другасны ментальны ЛСВ развіліся ў суадноснай пары *іскрысты* – *sparkling*. Аднолькавымі па семантычнай напоўненасці з’яўляюцца другасны ментальны ЛСВ ‘цікавы і пацешны’, ‘яркі, выразны (пра думку)’, ‘interesting and amusing’ – ‘цікавы і забаўны’, ‘bright, clear’ – ‘яркі, выразны’: «*Ах, каб тут была са мною Зося*», – *пранеслася іскрыстая думка* (Я. Нёманскі); *I wanted to look pale and interesting and bowl him over with my sparkling wit!* – *Я хацела выглядаць бледнай і цікавай і ўразіць яго сваім іскрыстым [=светлым] розумам!* (BNC); *The crew were sparkling wits by comparison* – *Экіпаж адрозніваўся іскрыстай кемлівасцю* (R. Dudley Edwards).

Вывады

Такім чынам, намінацыі, якія адносяцца да атмасферных з’яў, маюць зыходныя семы ‘слаба асветлены; цёмны’, ‘непагодлівы, змрочны, хмарны’, ‘пахмурны, воблачны (пра неба, надвор’е, пару года, частку сутак)’, ‘пакрыты хмарами’, ‘які мае адносіны да туману’. У другасных значэннях у працэсе дэрывацыі гэтыя семы набылі пэяратыўны характар, якія ўказваюць на пануры, заклапочаны, бязрадасны, сумны, невясёлы стан чалавека, неакрэсленасць (*хмурныя думкі, хмарныя думкі, туманныя думкі, cloudy prospects* – *хмурныя перспектывы, foggy / misty memories* – *туманныя ўспаміны*).

Намінацыі, якія адносяцца да вогненнай стыхіі, маюць зыходныя семы ‘які мае дачыненне да агню’, ‘які свеціцца, як агонь’, ‘які мае ярка-чырвоны колер, колер полымя’, другасны ментальны ЛСВ якіх характарызуюць парывісты, палкі, узрушаны настрой (*агністыя словы, палымяная зацікаўленасць, палымяны роздум, іскрыстая думка, sparkling wit* – *іскрысты розум, sparkling ideas* – *іскрыстыя ідэі, fiery conversation / discussion* – *агністая размова, агністая дыскусія*).

З 7 разгледжаных беларускіх лексічных адзінак другасны ментальны ЛСВ утварыліся ў 6 з іх. З 8 лексічных адзінак англійскай мовы другасны ментальны ЛСВ утварыліся ў 7 з іх. Выпадкі тоеснасці паміж другаснымі ментальнымі ЛСВ дзвюх моў засведчаны ў дзвюх ад’ектыўных парах (*агністы* – *fiery, іскрысты* – *sparkling*). У прыметніках *hazy* – *імглісты* засведчана сэнсавая безэквівалентнасць. Не выяўлена другасных ментальных ЛСВ у беларускім прыметніку *імглісты*, а другасны ментальны ЛСВ зафіксаваны толькі ў англійскай мове.

Артыкул падрыхтаваны пры фінансавай падтрымцы Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь (№ ДР 20211211).

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Academia, 2002. – 280 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 175 с.
3. Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Воронеж : Истоки, 2007. – 61 с.
4. Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование / В. М. Солнцев. – М. : Наука, 1971. – 292 с.
5. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 254 с.

УДК 811.161.1'373, 821.161.1–1

СМЫСЛОВОЕ НАПОЛНЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ ЧАС В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ (ПО ДАННЫМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

Е. С. Николаенко,

аспирант кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: parhomenko.k123@gmail.com

В статье рассматриваются отдельные аспекты репрезентации времени на материале поэтических текстов. Анализируется семантическое наполнение лексемы час в образных контекстах разных типов. Определяются репрезентация анализируемой лексемы и сфера её функционирования в языке русской поэзии на материале текстов второй половины XX – начала XXI века, представленных в Национальном корпусе русского языка.

Ключевые слова: *хронотоп, метафора, художественное время, лексема час, синестезия.*

MEANINGFUL FULFILLMENT OF THE LEXEMA HOUR IN THE LANGUAGE OF RUSSIAN POETRY (ACCORDING TO THE NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

E. S. Nikolaenko,

postgraduate student of the Department of Belarusian and Russian philology
of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: parhomenko.k123@gmail.com

The article considers some aspects of the representation of time on the material of poetic texts. The semantic filling of the lexeme hour in figurative contexts of different

types of analyzed. The representation of the analyzed lexeme and the sphere of its functioning in the language of Russian poetry is determined on the material of texts of the second half of the 20th and the beginning of the 21st centuries, presented in the National Corpus of the Russian Language.

Keywords: *chronotope, metaphor, artistic time, lexeme hour, synesthesia.*

Введение

Время и пространство – ключевые концепты языковой картины мира. Они относятся к основным философским категориям. Особую роль в изучении данных категорий и их взаимосвязи сыграли работы М. М. Бахтина, который ввел термин *хронотоп* в литературоведение и разработал теорию хронотопа. Учёный определяет категорию времени как одну из центральных характеристик художественного произведения, отмечая, что в литературе ведущим началом в хронотопе является время [3, с. 235].

Результаты и их обсуждение

По мнению Аврелия Августина, время обращено к человеку духовному – время можно представить проходящим через душу человека [1, с. 297]. Исходя из этой концепции, можно утверждать, что время имеет антропоцентрический характер. Представление о времени несут многочисленные метафоры – *время укрепило, тратит время, время лечит, время не терпит, время работает на нас, время поджигает, время работает против нас, время не подгоняет, убить время, время нас рассудит, время всё расставит, съест время, время всё рассудит, исчерпать время, время лечит, время – лучший лекарь, нет времени, время укрепило, время расшатывает, экономить время, злое время, время заставило, умён для своего времени, время не ждет, резиновое время* и т. д.

Рассмотрим стихотворение А. А. Вознесенского «Живите не в пространстве, а во времени...». Текст стихотворения строится на антитезе пространства и времени, заданной в первых строках, т. е. в «сильной позиции» текста: *Живите не в пространстве, а во времени, / минутные деревья вам доверены... / Умирают – в пространстве. / Живут – во времени* (А. А. Вознесенский). Тем самым акцентируется мысль о том, что время необратимо. Пространство же в понимании поэта не так ценно. Автор вкладывает в эти строки идею о том, что «пространственные атрибуты» существуют постоянно, к ним всегда можно вернуться, их можно воссоздать. А секунды, минуты, часы и т. д. в этом смысле противоположны, за ними не угнаться.

По утверждению М. М. Бахтина, мир, созданный писателем в литературном произведении, – это «совершенно новое бытийное образование, не естественного, и не психологического, конечно, и не лингвистического порядка: это своеобразное эстетическое бытие, вырастающее на границах произведения путем преодоления его материально-вещной, внеэстетической определенности» [4, с. 305].

Художественный текст основан на определенных закономерностях, содержит свой внутренний мир и смысл, которые определяют неповторимость и уникальность произведения. Художественные тексты в своём большинстве реализуют различные варианты временных моделей. Художественное время имеет необычайно сложную структуру многослойного характера, что создаёт трудности для его описания [2, с. 116–117].

Собранный нами материал позволяет говорить о том, что в поэтических текстах второй половины XX – начала XXI века, представленных в Национальном

корпусе русского языка (НКРЯ) [<http://ruscorpora.ru>], особым смысловым наполнением обладает лексема *час*. В русской поэзии эта лексема, по данным НКРЯ, достаточно частотна: в поэтическом подкорпусе НКРЯ содержится 9425 документов, в которых отмечается эта лексема (13645 вхождений). Первая её фиксация в русской поэзии относится к 1709 году. Среди поэтических текстов, содержащих упоминание данного слова, отмечены стихотворения, которые принадлежат Б. А. Ахмадулиной, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественскому, А. Т. Твардовскому, Н. А. Заболоцкому, М. И. Цветаевой, Р. Ч. Мандельштаму, К. М. Симонову, А. А. Вознесенскому, Вс. А. Рождественскому, А. А. Ахматовой, З. Н. Гиппиус, И. В. Бахтереву, А. А. Тарковскому, Б. Л. Пастернаку, Н. М. Рубцову, И. А. Бродскому, А. А. Галич, И. А. Бунину, А. А. Блоку, В. Я. Брюсову, К. Д. Бальмонт, Н. С. Гумилеву, Н. А. Некрасову, А. А. Фету и др. Лексема *час* в составе анализируемых текстов употребляется не как безликий отрезок числовой оси той или иной длительности, а как нечто семантизированное – время проходит под знаком событий, его заполняющих [10, с. 57].

По данным этимологических исследований, славянское слово *час* [образованное от корня *kes-//*kos-, обозначало *касаться* (вероятно, с дополнительным признаком *резко, ударом*)] означало *зарубка* (на притолоке двери, на дереве, на палке), а затем *время между двумя зарубками*. На солнечных часах, распространенных в Западной Европе в период раннего Средневековья, *часом* (латин. *hora*) называли нечто подобное славянской *зарубке*, а именно – тень, отбрасываемую на кадрен солнечных часов вертикальным столбиком. Таким образом, *час* здесь – не длительность, а *штрих, момент*. И лишь долгое время спустя *час* превращается в *длительность*. На каменных солнечных часах в Англии, относящихся к VII в., в графстве Хемпшир число делений неодинаково: на одних – 12 с объединением в пять или в четыре, на других – четыре, на третьих – восемь. Объединения делений показывают, что *часами* здесь надо считать не радиусы, т. е. не штрихи тени, а расстояния между ними – длительности [8, с. 242].

По данным толковых словарей русского языка, лексема *час* имеет 7 значений: 1) мера времени в 60 минут, исчисляемая от полудня или от полуночи, а также от полуночи в течение суток; 2) единица измерения времени, равная такому промежутку; 3) промежуток времени, отводимый на урок, лекцию; 4) время, пора; 5) пребывание на карауле; 6) вид службы у православных [5, с. 1466]; 7) время, предназначенное для чего-нибудь [9, с. 1083].

Из перечисленных значений, зафиксированных в словарях, в выявленном нами корпусе фиксируются 5 значений данной лексемы.

1. Обозначение 1/24 суток. Мера времени в 60 минут, исчисляемая от полудня или от полуночи, а также от полуночи в течение суток [5, с. 1466]: *Час простояли ботиночки на плите. / А тем временем пурга мела в темноте...* (Н. Байтов).

2. Точное/конкретное время, определяемое по часам, передаётся при помощи количественных и порядковых числительных [5, с. 1466]: *Стук в окно в шесть часов, / в пять часов, / и в четыре, / да, в четыре часа. / И проходишь в носках в коммунальной квартире / в город, в мир выходя / и в четыре часа...* (Б. А. Слуцкий).

Собственно-часовое время, на которое указывает сочетание «который час» [5, с. 1466]: *Который час? / (Какая, кстати, страсть / разрыв пространства исчислять часами, / как будто можно, как часы, украсть / часть света, что простерта между нами...) / Который час? (Междугородный звон / меня, как*

трубку с рычага, срывает, / в который мир проплыть? / в который миг нас память оставляет?) / Который час? (Кровит кирпичный Спас, / и чье же на моей крови спасенье? / и соль из глаз в селедочный баркас, / и соль земли – прости, который час? (Н. Е. Горбаневская).

Вышеуказанные значения, характерные для лексемы *час*, обладают количественной семантикой и не несут эмоционально-оценочных компонентов лексического значения. Качественная спецификация времени-вместилища событий (понимаемая как синоним жизни) позволяет носителю языка с помощью рассматриваемых слов соотносить описываемое с разными сферами бытия [10, с. 57].

3. Время, пора [5, с. 1466]. В данном значении лексема *час* в текстах русской поэзии функционирует как название времени суток – путь который солнце проходит с востока по небосклону и заходит на западе (*ранний час, восходный час, час восхода, поздний час*), или свечение неба перед восходом (*предзакатный час, час зари, час рассвета, час заката*) и после заката солнца (*час вечерней зари*): *Ходит кот ночью в сад, / И не так уж давно / Подглядели в окно: / В ранний час, поутру, / По сыру, по мокрому, / По дорожке с песком – / Ходит кот босиком (Б. А. Нарцисов) или Дом на пустынной улице, стелящейся покато, / в чьих одинаковых стеклах солнце в часы заката / отражается, точно в окне экспресса, / уходящего в вечность, где не нужны колеса (И. А. Бродский).*

Анализируемая лексема также номинирует именно период суток в качестве типологизированного времени. В данном случае лексема *час* определяется именами прилагательными, характерными для конкретного времени суток (*восходный, предрассветный, рассветный, утренний, предутренний, дневной, полуденный, сумеречный, тёмный, предвечерья, вечерний, поздний, полночный, ночной, полночный час*). Такого рода сочетания выступают в качестве фона действия: *Я расскажу, как у нас / Дружным звеном из ворот / С радостью в утренний час / В поле выходит народ. / В сочетания (Н. М. Рубцов).*

4. Время, предназначенное для осуществления чего-либо (*час гнева, час расставания, час перемирья, час расплаты, час бессонницы*), отведенное для каких-либо целей либо обусловленное определенными действиями человека [9, с. 1083] (*к обеденному часу, час приезда, час досуга, час покоя, час панихиды, час спорта, час торжества, час ходьбы, библейский час*): *А в час спорта / во двор мчится – / в галоп, с гиком – / клубок тел (Д. Л. Андреев).*

5. Анализ собранного материала обнаруживает, что лексема *час* нередко наполняется психологическими и эмоциональными коннотациями в том случае, когда сочетается со следующими именами прилагательными и именами существительными: *трудный, страшный, нисхожденья, неверья, безвестный, упоительный, прозрачный, задумчивый, предельный, безмерный, сумрачный, грозный, должный, чрезвычайный, условленный, неурочный, лихой, праздничный*. Например: *От меня, как от той графини, / Шел по лесенке винтовой, / Чтоб увидеть рассветный, синий / Страшный час над страшной Невой (А. А. Ахматова).*

6. Время является одним из составляющих физического бытия и используется в основе «видения» окружающего мира. В поэтических текстах лексема *час* нередко отражает восприятие посредством различных органов чувств. Процесс «перевода» ощущений в слова в лингвистике определяется как явление синестезии [7, с. 138]. Иначе говоря, феномен восприятия состоит из физического восприятия, чувственного восприятия (вкусового, тактильного, обонятельного, слухового),

социального, ирреального, интеллектуального восприятия. Данные виды восприятия дают человеку понять окружающий мир в полной мере. Определения (*морозный, снежный, ледяной, час метели, тихий, синий, хрустальный, сиянья*) устанавливают новые возможности поэтического слова и служат показателем эстетического своеобразия автора: *Какой-то день, какой-то тихий час, / ручей меж листьев и меж листьев небо, / лежи в траве и ничего не требуй, / к иной душе, к покою причастясь* (Л. Л. Аронзон).

7. В сочетании с именами прилагательными *недобрый, добрый* лексема *час* выражает положительное/благоприятное либо отрицательное/неблагоприятное время, либо употребляется в поэтическом тексте для пожелания удачи: *Не в добрый час, а в мутный день похмелья / Тропинка на кладбищенском холме / Под голоса пасхального веселья / Привычный путь указывала мне* (А. А. Сопровский).

8. В поэтических текстах лексема *час* может маркировать момент наступления, осуществления чего-либо, выступает знаком переломного рубежа, которого ждут (связь с концептом *судьба*): *Видел ли я сам того солдата / В час, когда явилась смерть к нему?* (К. М. Симонов).

9. Лексема *час* в сочетании с именами прилагательными и именами существительными (*часы полочки, час бедности, час достатка, бедный час*) имеет интегральную сему «степень достатка». Такие определения имеют аксиологическую прагматику: *Так я хотел бы в этот бедный час / приехать на окраину в трамвае, / войти в твой дом, / и если через сотни лет / придет отряд раскапывать наш город, / то я хотел бы, чтоб меня нашли / оставшимся навек в твоих объятьях, / засыпанного новой золой* (И. А. Бродский).

Необходимо обратить внимание и на отражение категории времени через употребление в поэтических текстах свободных и фразеологических сочетаний, которые описывают время с разных сторон. Устойчивое сочетание «битый час» употребляется в двух значениях: 1) очень длительное время; 2) время, потраченное впустую: *Прежде, чем тронуться в путь монастырской дорогой, / Еле заметной в оправе некошенных трав, / Мы битый час провели на поляне пологой, / Долго сидели, колени руками обняв* (С. М. Гандлевский). В поэтических текстах встречается фразеологизм, созвучный фразеологизму «битый час», – это «убить время», который имеет схожее значение и употребление: *Убитый час мы помещаем в гроб / и, прежде чем закрыть, целуем в лоб* (Л. Л. Аронзон).

Ещё один примечательный пример – стихотворение Р. И. Рождественского «Часы»: – *Идут часы... / – Подумаешь, / открытье! / Исправны, значит. / Приобрёл – / носи... / – Я не о том! / На улицу смотрите: / по утренней земле / идут часы! / Неслышные, торопятся минуты, / идут часы, / стучат ко мне в окно. / Идут часы, / и с ними разминуться, / не встретить их / живущим не дано...* В первых строфах речь идёт о часах в качестве прибора для измерения времени. Затем обыденная беседа превращается в философское размышление о мимолётности времени, о его значимости. В анализируемом тексте соотношение неметафоричных и метафоричных сегментов текста сигнализирует о переходе к концептуально контрастному содержанию [6, с. 47–48]. Ср. также метафоры *идут часы, стучат часы*. Семантика глагола движения *идти* обуславливает денотата слова *час* как живого существа, уподобленного человеку, глагол звучания *стучать* с семантикой «создавать звуки, подобные стуку, выражая просьбу впустить». В следующем случае *час* и *человек* сближены по признаку образования звуков.

Выводы

Таким образом, в русском поэтическом дискурсе лексема *час* наполняется не только семантикой величины и длительности, как номинация отрезка числовой оси некой длительности, но и концептуализируется его событийная содержательность этого самого отрезка. *Час* – это время с качественной спецификой (активное, живое, мимолётное, природное и т. п.), которое фигурирует в качестве вместилища разного рода событий.

Список использованных источников

1. Августин Аврелий. Исповедь. – М., 1991.
2. Артюнова, Н. Д. От редактора [Текст] / Н. Д. Артюнова // Логический анализ языка. Язык и время. – М. : Индрик, 1997.
3. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 502 с.
4. Бахтин, М. М. Собрание сочинений : в 7 т. / М. М. Бахтин. – М. : Русские словари, 2003. – Т. 1. – 1960 с.
5. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
6. Кураш, С. Б. Метафорика русской и белорусской поэзии: тексто-дискурсивный аспект / С. Б. Кураш. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2020. – 322 с.
7. Ревуцкий, О. И. Филологический анализ художественного текста : учеб. пособие / О. И. Ревуцкий. – Минск : РИВШ, 2006. – 320 с.
8. Степанов, Ю. С. Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Академический Проект, 2001. – 990 с.
9. Толковый словарь русского языка с включение сведений о происхождении слов / РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Изд. центр «Азбуковник», 2011. – 1175 с.
10. Яковлева, Е. С. Час в русской языковой картине мира / Е. С. Яковлева // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 54–76.

УДК 811.161.1.0 (176)

ОНОМАСТИКОН ТРАВЕСТИЙНОГО ТЕКСТА КАК ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР

В. В. Кузьмич,

кандидат филологических наук, доцент, преподаватель факультета
повышения квалификации и переподготовки кадров Мозырского государственного
педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: wowency@ yandex.ru

В статье рассматриваются дискурсивные аспекты травестийных текстов. В центре внимания находится роль ономастикона в пародии. В исследовании применялась совокупность методов и исследовательских приёмов описательного характера. Ведущим среди них является метод семантического и фоносемантического анализа личных имен, который опирается на методы дефиниционного, компонентного, контекстологического анализа, а также на функционально-

семантический метод, заключающийся в определении особенностей семантики и фоносемантики личного имени с учетом выполняемой им роли в авторском тексте. Методом исследования репрезентации ономастикона травестий является дискурсивный анализ пародийных текстов, в ходе которого выявляются аллюзии и реминисценции, составляющие коммуникативную номинацию травестийного текста. Выявлена и описана травестийная репрезентация личных имен на примере пародий на нескольких авторов. Делается вывод о том, что травестирование ономастикона способно служить одной из форм литературной критики, позволяет лучше понять многие аспекты творчества писателей.

Ключевые слова: дескрипторы языковой личности, травестия, коммуникативная номинация, личное имя, ономастикон.

ONOMASTICON OF A TRAVESTY TEXT AS A TEXT-FORMING FACTOR

V. V. Kuzmich,

Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Lecturer of the Faculty of PC and PC of the I. P. Shamyakin Mozyr State Pedagogical University, Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: wowenciy@ yandex.ru

The article discusses the discursive aspects of travesty texts. The focus is on the role of the onomasticon in the parody. The study used a set of methods and research techniques of a descriptive nature. The leading among them is the method of semantic and phonosemantic analysis of personal names, which is based on the methods of definitional, component, contextual analysis, as well as the functional-semantic method, which consists in determining the features of the semantics and phonosemantics of a personal name, taking into account its role in the author's text. The method of studying the representation of the onomasticon of travesties is a discursive analysis of parody texts, during which allusions and reminiscences that make up the communicative nomination of the travesty text are revealed. The travesty representation of personal names is revealed and described by the example of parodies of several authors. The conclusion is made that onomasticon travestification can serve as one of the forms of literary criticism, allows for a better understanding of many aspects of writers' creativity.

Keywords: descriptors of linguistic personality, travesty, communicative nomination, personal name, onomasticon.

Введение

Имена собственные в обычных текстах выполняют помимо прямой номинации еще и дополнительные функции. Поскольку любое имя представляет собой звуковой комплекс, то оно обладает и определенным фоносемантическим ореолом, который часто не совпадает с семантикой имени. Так, имя Акакий имеет семантическое значение «борец с несправедливостью». Приставка А обозначает не, корень имени Какос с греческого переводится как плохой. Для русскоязычного же реципиента имя как звукокомплекс воспринимается как нечто слабое, хилое, пассивное и т. д. Все фоносемантические характеристики этого имени совпадают с характером персонажа повести Н. В. Гоголя «Шинель». Для усиления эффекта писатель дает Башмачкину еще и отчество: Акакиевич. На усиление фоносемантического ореола работает и фамилия с уменьшительно-ласкательным суффиксом -ачк- вместо Башмаков.

В текстах пародийных, где трансформации в ходе травестирования подвергаются все аспекты текста, роль личных имен чрезвычайно важна.

В некоторых травестийных текстах личные имена используются только как звуковые комплексы: *Я плавал по Нилу, / Я видел Ирбит. / Верзилу Вавилу бревном придавило, / Вавила у виллы лежит.*

В этой пародии Александра Измайлова на К. Бальмонта коммуникативной подноминацией (КПН) является травестирование идиостиля К. Бальмонта с его чрезмерным увлечением звукописью в ущерб смыслу. Из этой же пародии: *Слуга мой Прокотий / Про копи, про опий, / Про кофий любил говорить.*

Другим способом использования личных имен в ходе травестирования можно считать прямую номинацию личного имени, но с приписыванием персонажу каких-то негативных коннотаций.

В пародии на стихотворение эгофутуриста И. Северянина «Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!» автор пародии Аркадий Бухов опускает «Ломоносова» в малагу и мадеру: *Ломоносов в малаге, Ломоносов в мадере, с ананасом в желудке? Вот это остро.*

Автор пародии заменяет слово «ананасы» словом «Ломоносов», чтобы подчеркнуть футуристические лозунги против классического наследия. В пародии полностью сохранена рифма (чередование мужской и женской) и размер (анapest) прецедентного текста. Есть прямая цитата, подтверждающая отрицательное отношение эгофутуристов к классике, которую можно считать коммуникативной номинацией данного травестийного текста: *Я к поэзии прошлой отношусь, как к химере. / Что писал Ломоносов – ужасно старо.*

Третьим способом использования личных имен в травестированных текстах можно считать их последовательное переименование с использованием ассоциативного механизма восприятия пародии. Обычно это ассоциации парадигматические. Так, в пародии на А. П. Чехова, которая принадлежит пародисту Фритцхену, в квази-тексте «Свадьба» имена персонажей заменяются по тематическому принципу: *Я не Сократ какой-нибудь, чтобы бегать его разыскивать.* В чеховском первоисточнике: *Я не Спиноза какая-нибудь, чтобы ногами кренделя выделывать.* Пародист использовал фамилии двух философов: Сократа и Бенедикта Спинозы. Возможно, что пародист и сам не знал, что Чехов имел в виду не философа Спинозу, а его однофамильца – знаменитого танцовщика Спинозу. В данной пародии такие ассоциативные связи прослеживаются постоянно. Так, телеграфист Ять в оригинальном тексте назван в пародии телеграфистом Ижицей и т. д.

Результаты и их обсуждение

В качестве сравнительного материала для анализа использования ономастического в травестийных текстах возьмем две пародии на одну тему. С. Смирнов и З. Паперный практически одновременно обратились к роману В. А. Кочетова «Чего же ты хочешь?» Роман в 70-е годы XX века был настолько одиозен, что его решились напечатать только в Минске по специальному распоряжению П. М. Машерова. Даже в самый пик застоя, в начале 70-х годов XX века, идеи Кочетова казались уже совершенно мракобесными. Если рассматривать симультанный концепт текста романа «Чего же ты хочешь?», то он сводится к известной формуле, которую выразила через полтора десятка лет Нина Андреева: «Не могу поступаться принципами». Характерно, что больше этот роман ни разу не переиздавался.

Как известно, пародии на конкретного автора являются либо комплиментарными, где пародист как бы любит чертами идиостиля травестируемого автора, либо эпиграмматическими. В них высмеиваются какие-либо негативные, на взгляд пародиста, особенности творческой манеры автора. В данных пародиях острое пародии направлено на политические пристрастия В. А. Кочетова, а также на его эстетические взгляды. Обе пародии как раз и принадлежат ко второму типу. Как С. Смирнов, так и З. Паперный принадлежали к либеральному крылу советской интеллигенции, и взгляды Кочетова вызывали у них крайне негативное отношение.

Рассмотрим, как по-разному используют ономастикон оба пародиста. Естественно, чтобы исходный текст был узнан реципиентом текста, необходимо в тексте пародии указать как можно больше прецедентных языковых единиц. Ономастика в этом смысле играет одну из важнейших ролей.

З. Паперный все личные имена приводит без изменений: Порция Браун, Сабуров, писатель Булатов, который является альтер-эго самого В. А. Кочетова, и т. д. Только один раз пародист использовал личное имя для языковой игры: *Писатель Булатов не любил Булатов. Тех, которые про последний троллейбус поют.* Тут содержится прямое указание на очень популярного среди интеллигенции писателя и барда Б. Ш. Окуджаву. Можно также указать на обыгрывание фамилии самого пародируемого автора. Пародия называется «Чего же он Кочет?»

В других же случаях З. Паперный строит свой пародийный текст «Чего же он Кочет?», используя иные коммуникативные подноминации, не связанные с ономастикой текста.

В пародии всегда на первый план выходят различные аллюзии, намеки автора пародии на какие-то факторы исходного текста. Так, З. Паперный с помощью использования личных имен исходного текста формирует у реципиента вполне определенное отношение к событиям романа и личностным особенностям самого автора: *«Зовите меня просто Сева, – удивительно просто и демократично сказал Василий Петрович Булатов Лере Васильевой. И далее: Он похож на горного кочета, расправляющего свои орлиные крылья», – подумалось Лере.*

Особенностью пародии З. Паперного является то, что сами личные имена приводятся без изменений, но каждое такое имя работает в пародии как способ создания КПН. Так, главный положительный герой, по мысли В. А. Кочетова, Феликс Самарин в пародии дает себе такую характеристику: *Я назван Феликсом в честь железного Феликса!*

Лаврентий Виссарионович, – сказала она. – Если бы вы знали, какого я о вас мнения! Здесь пародист контаминирует два имени: Иосиф Виссарионович Сталин и Лаврентий Павлович Берия. Оба этих имени для интеллигенции 70-х годов XX века были совершенно одиозными.

В тексте пародии З. Паперный постоянно использует негативные коннотации при характеристике героев прецедентного текста: *Советская девушка Лера Васильева вышла замуж за итальянца Спада, тезку Муссолини. Вначале он назвался просто Бенном, и она, ни о чем не подозревая, поехала с ним в Италию к Бениной матери.* Помимо прямой номинации, здесь еще содержится и аллюзия на хорошо известное обценное выражение, которое дает возможность пародисту выразить свое отношение к ситуации и автору прецедентного текста.

Если для З. Паперного личные имена являются вспомогательным средством создания комизма в пародии, то С. Смирнов, наоборот, выводит на первый план

именно ономастикон исходного текста романа. Пародия называется «Чего же ты хохочешь?». Уже в самом названии пародии обыгрывается заглавие прецедентного текста В. А. Кочетова «Чего же он хочет?» В качестве основного способа создания КПН используется метод ассоциаций: Булатов – Железов, Свешников – Стеаринов и т. д. Кроме того, обыгрывается и внутренняя форма личных имен. Так, нейтральное английское женское имя Порция в пародии используется в значении «доза напитка»: Порция Уиски (Виски). Комический эффект в пародии достигается за счет обыгрывания звучания имен и их семантики для русского языка с неизменно пейоративной коннотацией: *Русский граф Вася Подзаборов, скрывая службу в СС, жил под именем сеньора Базилио Паскуди. Вошел бывший унтер-оберфюрер СС Клоп фон Клоб. Вместе с Паскуди и фон Клобом агентство послало специалистку по антисоветской литературе Порцию Уиски, алкоголичку и наркоманку... Четвертым был фотограф-порнограф Билл Морд.* Как видно из приведенных примеров, пародист последовательно пользуется приемом паронимии: Билл – бил, Морд – морда, Паскуди – паскуда, фон Клоп – клоп и т. д. В фамилии Подзаборов используется ассоциация фонетическая: Сабур – забор.

Аналогичный способ номинации персонажей использовал В. Катаев в своей повести «Трава забвения». Там имена персонажей зашифрованы с помощью сложной системы ассоциаций по тематическому принципу. Так, Маяковский назван Командором, Мандельштам – Щелкунчиком, Есенин – Королевичем и т. д.

Внутренняя форма подобных трансформаций вполне прозрачна и легко прочитывается, декодируется образованным реципиентом. Так, хорошо известно крайне негативное отношение В. А. Кочетова к поэтам-шестидесятникам Б. Окуджаве, Б. Ахмадулиной, Е. Евтушенко, Р. Рождественскому и А. Вознесенскому. Пародист С. Смирнов вводит в текст своей пародии имя поэта Онуфрия Христопродаженского. Здесь явно скрывается намек сразу на двух поэтов: Р. Рождественского и А. Вознесенского, у которых внутренняя форма фамилий связана с церковной семантикой.

Выводы

Проанализировав использование личных имен в текстах пародий, можно прийти к следующим выводам.

1. Ономастикон прецедентного текста и ономастикон в пародии находятся в сложном взаимодействии, выполняя определенные функции по созданию коммуникативных подноминаций и выявляя общий смысл травестийного текста.

2. В некоторых пародиях имена собственные используются как звуковые комплексы, лишённые лексической семантики. Пародисты включают такие личные имена, чтобы подчеркнуть смысловую пустоту прецедентного текста, когда автор утрирует звукопись в ущерб смыслу: *Вавила у виллы лежит.*

3. В пародиях имена собственные либо даются без изменений, либо переименовываются: Булатов – Железов.

4. При трансформации личных имен пародисты чаще всего используют психолингвистический механизм создания ассоциаций по тематическому или фонетическому принципам: Билл Морд, поэт Христопродаженский и т. д.

5. Травестирование ономастики текста позволяет автору пародии выполнить роль своеобразного критика, выявить и рельефно показать в гиперболизированном виде черты (дескрипторы) языковой личности пародируемого автора.

Список использованных источников

1. Советская литературная пародия : в 2 т. / сост., вступ. ст. и коммент. Б. М. Сарнова. – М. : Советский писатель, 1988. – 732 с.
2. Новиков, В. И. Книга о пародии / В. И. Новиков. – М. : Советский писатель, 1989. – 538 с.
3. Сахарный, Л. В. Введение в психолингвистику / Л. В. Сахарный. – Л. : ЛГУ, 1989. – 179 с.

УДК 811.161.3'373.2:821.161.3

ІМЁНЫ ПРАДСТАЎНІКОЎ РУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ Ў ПАЭТАНІМІКОНЕ МАКСІМА ТАНКА¹

В. Р. Слівец,

кандыдат філалагічных навук, старшы выкладчык кафедры педагогікі і псіхалогіі
Мазырскага дзяржаўнага педагогічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: olgaslivets@mail.ru

В статье предпринята попытка описания характера включения имён представителей русской литературы в поэтонимикон поэтического дискурса Максима Танка. Выявлен и систематизирован корпус антропонимов из сферы-источника «Русская литература», отобранных путём целевой выборки из поэтических текстов автора, охарактеризованы контексты их употребления и определены способы функционирования таких онимных единиц в поэтонимиконе произведений М. Танка. Установлено, что выделенные прецедентные имена характеризуются преимущественно денотативным употреблением, усложнённой историко-культурной информативностью и образно-символическими ассоциациями, вызванными фоновыми знаниями реципиентов о носителях этих имён.

Ключевые слова: денотативное употребление, коннотация, контекст, поэтонимикон, прецедентное имя.

NAMES OF REPRESENTATIVES OF RUSSIAN LITERATURE IN POETANIMICON BY MAXIM TANK

V. R. Slivets,

cand. Phil. D., senior lecturer of the Department of pedagogy and psychology
of Mazyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin
Mazyr, Republic of Belarus
E-mail: olgaslivets@mail.ru

The article attempts to describe the nature of the inclusion of the names of representatives of Russian literature in the poetonymicon of poetic discourse by Maxim Tank. The corpus of anthroponyms from the source sphere «Russian Literature»,

¹Даследаванне здзейснена ў межах Дагавора з БРФФД аб выкананні НДР «Культуралагічны патэнцыял паэтанімікону беларускай філасофска-інтэлектуальнай лірыкі», № Г22М-038 ад 04.05.2022 г.

selected by targeted sampling from the poetic texts of the author, is identified and systematized, the contexts of their use are characterized, and the ways of functioning of such onymic units in the poetonymicon of M. Tank's works are determined. It has been established that the distinguished precedent names are characterized by predominantly denotative usage, complicated by historical and cultural informativeness, figurative and symbolic associations caused by the background knowledge of the recipients about the bearers of these names.

Keywords: *denotative usage, connotation, context, poetonymicon, precedent name.*

Уводзіны

У гісторыю беларускай літаратуры Максім Танк увайшоў як арыгінальны творца з адметным светабачаннем і ўнікальнай мастацкай парадыгмай. Як заўважае Г. Я. Адамовіч, «творчасць Максіма Танка, якая нараджалася “на скразняках” гісторыі, у “анамальнай зоне” кіпучага творчага натхнення, стала высокакасным сплавам традыцый беларускай літаратуры і літаратур народаў свету, арганічным сімбіёзам жывога слова і палымянай думкі Паэта» [1, с. 11].

Сярод папярэднікаў, якія паўплывалі на станаўленне таленту сённяшняга класіка беларускай літаратуры, даследчыкі называюць найперш Янку Купалу, Якуба Коласа і Максіма Багдановіча – заснавальнікаў нацыянальнай літаратурнай традыцыі. Між тым, М. Танк сам прызнаваўся, што ў свой час надзвычай моцнае ўздзеянне на яго аказалі вершы Аляксандра Пушкіна і Міхаіла Лермантава, Уладзіміра Маякоўскага і Сяргея Ясеніна, а таксама творчасць адных з лепшых прадстаўнікоў польскай літаратуры і культуры – Адама Міцкевіча, Генрыха Сянкевіча, Юзафа Крашэўскага, Элізы Ажэшкі, Юльяша Славацкага і інш. М. Танк нават засведчыў сябе як перакладчык на беларускую мову асобных твораў А. Пушкіна, У. Маякоўскага, А. Міцкевіча. І ці не кожнай з названых асоб ён аддаваў даніну павагі, не толькі плённа працуючы на ніве Паэзіі, нацыянальнага мастацтва слова, але і неаднойчы ўзгадваючы іх імёны ў сваіх паэтычных творах.

Мэта і задачы

Мэта нашага даследавання – апісаць характар уключэння імёнаў прадстаўнікоў рускай літаратуры ў паэтанімікон паэтычнага дыскурсу М. Танка. Дзеля дасягнення пастаўленай мэты неабходна было вырашыць наступныя задачы: а) выявіць і сістэматызаваць корпус адпаведных антрапонімаў са сферы крыніцы «Руская літаратура» ў паэтычных тэкстах М. Танка; б) ахарактарызаваць кантэксты іх ужывання; в) акрэсліць спосабы функцыянавання такіх онімных адзінак у паэтаніміконе твораў аўтара.

Метады і матэрыял даследавання

Пры напісанні артыкула былі выкарыстаны апісальна-інтэрпрэтацыйны і стылістычны метады вывучэння онімных адзінак у мастацкім тэксце, сабраных шляхам мэтавай выбаркі з паэтычных твораў Максіма Танка, іх кантэкстуальны аналіз.

Вынікі і іх абмеркаванне

Сярод імёнаў прадстаўнікоў рускай літаратуры намі былі зафіксаваны наступныя антрапонімы: *М. А. Някрасаў, Ул. Маякоўскі / Wł. Majakowski / Уладзімір Маякоўскі / Маякоўскі, М. Gorki, Горкі, А. С. Пушкін / Пушкін, Еўтушэнка, Сяргей Ясенін*. Да вылучанай групы антрапонімаў лічым таксама неабходным далучыць і імя *Расула Гамзатава* як савецкага паэта і празаіка.

Усе пералічаныя імёны варта аднесці да ліку прэцэдэнтных. Нягледзячы на тое, што паводле генетычнай класіфікацыі сфера-крыніца названых імёнаў намі была акрэслена як «Руская літаратура», ёсць падставы таксама разглядаць іх у якасці нацыянальна-прэцэдэнтных – як часткі кагнітыўнай базы беларускай лінгвакультурнай супольнасці, што, у першую чаргу, абумоўлена блізкасцю гісторыка-культурнага і сацыяльнага шляхоў развіцця рускага і беларускага народаў. Па сутнасці, гэтыя імёны знаходзяцца на перасячэнні культурных палёў, што «адлюстроўвае ўплыў узаемадзеяння культур на свядомасць моўнай асобы» [2, с. 217]. Між тым, асобныя з названых антрапонімаў (*М. А. Някрасаў, Пушкін*) можна кваліфікаваць як універсальна-прэцэдэнтныя. Аднак трэба адзначыць, што наяўнасць універсальна-прэцэдэнтнага ўзроўню, як лічыць В. У. Красных, на сённяшні дзень носіць дастаткова гіпатэтычны характар, паколькі, каб сцвяржаць ці адмаўляць існаванне нейкай універсальнай кагнітыўнай базы, неабходны шырокія і глыбокія даследаванні нацыянальных кагнітыўных баз [3, с. 174].

Пералічаныя імёны М. Танкам у мастацкую тканіну сваіх паэтычных тэкстаў уводзяцца пераважна з дэнататыўным (неметафарычным) значэннем. Так, дэнататыўныя ўжыванні назіраюцца пры выкарыстанні вылучаных імёнаў у эпіграфіках да ўласных паэтычных твораў М. Танка як указанне на аўтарства прыведзеных цытат: *М. А. Някрасаў* – у эпіграфіках да верша «Ад шуму і заклікаў розных купцоў...» (1938); *Ул. Маякоўскі* – «Плывуць стругі» (1938); *Вл. Маякоўскі* – «Снежны шлях» (1935); *М. Горкі* – «Успаміны» (1935); *Сяргею Ясеніну* – у эпіграфіках-прысвячэнні да верша «Асуджаюць, што ты выбраў смерць...» (1972) і інш.

З неметафарычным значэннем вылучаныя прэцэдэнтныя імёны ўжыты і ў складзе загаловаў: «*У доме А. С. Пушкіна*» (1949), «*Пушкіну*» (1949), «*Над Маякоўскім*» (1969), «*Сяргей Ясенін*» (1970). Адносна падобных адантрапанімічных заглаваў В. А. Кухарэнка заўважае, што яны ўказваюць на вядучую тэму твора, а таму засяроджваюць увагу чытача на названым персанажы, ставячы яго ў цэнтр мастацкай рэчаіснасці твора, а гэта ў сваю чаргу садзейнічае ўспрыняццю яго ў якасці выразніка змястоўна-канцэптуальнай інфармацыі [4, с. 109]. Заўважым, што змешчаныя ў заглаваў імёны з'яўляюцца прэцэдэнтнымі, дзякуючы чаму бібліяграфічны разам з інфарматыўнай функцыяй набываюць функцыі праспекцыі і атракцыі, апелюючы да асабістага вопыту, інтэртэкстуальнай кампетэнцыі і фонавых ведаў рэцыпіента (у дадзеных выпадках – да ведання творчасці і фактаў з біяграфій паэтаў).

З дэнататыўным значэннем імёны прадстаўнікоў рускай літаратуры таксама ўводзяцца непасрэдна ў мастацкія тэксты М. Танка, што дадаткова абумоўлена іх ліра-эпічным характарам: *Ці помніш ты наша апошняе лета, / Прадмесце глухое, наш цесны пакой, / Падручнікі школьныя, сшыткі, газеты, / Як разам да ранку з табой / Сядзелі над даўняй гісторыяй Рыма, / Як Горкага «Маці» чыталі ўдваіх, / Як плакала шчыра над «Хігінсам Джымам» / І помсціць клялася за іх?* [5, с. 91]; *Перш я думаў не пісаць пра лес Булонскі. // Недарма хіба ўладзімір Маякоўскі / Калі быў тут, у Парыжы, ані слова / Не сказаў пра гэты лес ці пра дуброву* [6, с. 75]; *І я вас прашу наказаць, / Дзе тут Горкага віла?* [6, с. 85]. Відавочна, што падобныя мастацкія тэксты разлічаны на дасведчанага чытача, ва ўспрыманні якога прыведзеныя імёны валодаюць дадатковай гісторыка-культурнай інфарматыўнасцю.

У асобных выпадках дэнататыўныя ўжыванні вылучаных антрапонімаў у мастацкім кантэксце ўскладняюцца шэрагам вобразна-сімвалічных асацыяцый,

якія могуць быць выкліканы фонавымі ведамі чытача аб носьбітах гэтых імёнаў і абумоўлены іх прэцэдэнтнасцю. Так, у вершы «Мне здаецца» (1964) аўтар выказвае меркаванне, што тым, хто пазбавіўся сваёй культуры і мовы, варта «*давучыцца / Ё Пушкіна, Міцкевіча, / Шаўчэнкі і Багушэвіча, / У многіх іншых, / У тым ліку / <...> Расула Гамзатава, / Каб зналі, якімі ўсе мы / Скарбамі багатыя / І што нельга пра іх / Забываць*» [7, с. 18]. У дадзеным прыкладзе прыведзеныя імёны могуць разглядацца ў якасці эталоннай сукупнасці пэўных якасцей – вернасці сваім народным вытокамі, шчырай павагі да родных культурных набыткаў, імкнення іх захоўваць і памнажаць.

Сустракаюцца таксама метанімічныя выкарыстанні вылучаных прэцэдэнтных імёнаў (імя аўтара → творы гэтага аўтара): *І калі пытаюць часам, / Дзе і з кім стаптаў падноскі, / Я кажу: на Манпарнасе / З верным другам – Маякоўскім* [6, с. 286]; *О выйдзі за браму, Эльвіра, / Паслухай душы маёй енкі. // Прашу цябе горача, шчыра: / Пакінь ты чытаць Еўтушэнку, / Не ні кальвадосу з Рэмаркам, / Не едзь ад мяне ў Эльдарада...* [7, с. 128]. Аднак такое функцыянаванне прэцэдэнтнага імя таксама неабходна разглядаць як дэнататыўнае.

Паэтонім *Маякоўскі* ўжываецца М. Танкам і з канатацыйным значэннем, у складзе параўнання: *Тут дамшчы такія высяцца – / На паверхаў паўсотні, паўтысячы, / Як бясконцыя паралелі, / Пад зямлёю пралеглі тунелі, / Вядукі, масты такоўскія, / Як гіпербалы Маякоўскага* [6, с. 271]. У якасці аб'екта для параўнання ў прыведзеным прыкладзе выступае атрыбут прэцэдэнтнага імя.

Вывады

Такім чынам, вылучаныя прэцэдэнтныя імёны прадстаўнікоў рускай літаратуры ў паэтычным дыскурсе М. Танка характарызуюцца пераважна дэнататыўным ужываннем. Між тым, заўважаецца, што функцыянаванне гэтых паэтонімаў у мастацкім кантэксце ўскладняецца за кошт іх гісторыка-культурнай інфарматыўнасці і шэрагу вобразна-сімвалічных асацыяцый, якія, як правіла, выкліканы фонавымі ведамі рэцыпіентаў аб носьбітах гэтых імёнаў і абумоўлены іх прэцэдэнтнасцю.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Адамовіч, Г. Я. Знешнія і ўнутраныя ўплывы ў паэтычнай спадчыне Максіма Танка / Г. Я. Адамовіч // Сёмыя Танкаўскія чытанні: да 95-годдзя Беларус. дзярж. пед. ун-та імя Максіма Танка : зб. навук. арт. / Беларус. дзярж. пед. ун-т ; [рэдкал.: Ф. С. Шумчык (адк. рэд.) і інш.]. – Мінск : БДПУ, 2010. – С. 7–11.

2. Вильтовская, Я. И. Прецедентные имена белорусской культуры как единицы лингвострановедческого словаря / Я. И. Вильтовская // Язык и социум : матэрыялы IV Междунар. науч. конф., 1–2 дек. 2000 г., Минск, БГУ. – Минск : БГУ, 2001. – Ч. 1. – С. 216–218.

3. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

4. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста : учеб пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / В. А. Кухаренко. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.

5. Танк, М. Збор твораў : у 13 т. / Максім Танк / НАН Беларусі, Ін-т літаратуры імя Я. Купалы ; рэд. тома А. Л. Верабей ; падрыхт. тэкстаў і камент. С. У. Калядка, Т. У. Мархель ; прадм. В. В. Зуёнка. – Мінск : Бел. навука, 2006. – Т. 1 : Вершы (1930–1939). – 374 с.

6. Танк, М. Збор твораў : у 13 т. / Максім Танк / НАН Беларусі, Ін-т літаратуры імя Я. Купал ; рэд. тома В. П. Рагойша ; падрыхт. тэкстаў і камент. С. У. Калядка, В. У. Карачун. – Мінск : Беларус. навука, 2007. – Т. 3 : Вершы (1954–1964). – 447 с.

7. Танк, М. Збор твораў : у 13 т. / Максім Танк / НАН Беларусі, Ін-т літаратуры імя Я. Купалы; рэд. тома В. П. Рагойша ; падрыхт. тэкстаў і камент. В. У. Карачун. – Мінск : Беларус. навука, 2007. – Т. 4 : Вершы (1964–1972). – 384 с.

УДК 811.161.3'373

ПРЯМЫЕ И ОБРАТИМЫЕ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

В. Д. Стариченок,

профессор, доктор филологических наук,
декан филологического факультета Белорусского государственного
педагогического университета им. Максима Танка,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: starichenok@mail.ru

В статье на материале русского языка рассматриваются прямые и обратимые структурно-семантические модели, в процесс конструирования которых включаются три структурные компонента: исходная (донорская), результативная (реципиентная) сферы, а также семантические компоненты, на основании которых осуществляется взаимосвязь первичных и вторичных лексико-семантических вариантов. В прямых моделях от первичных значений исходной понятийной сферы образуются вторичные (как правило, метафорические) значения результативной сферы. В обратимых моделях меняются местами исходная и результативная сферы: сфера-источник в прямой модели заменяется сферой-реципиентом, а сфера-реципиент в обратной модели, наоборот, выступает в качестве сферы-источника. В статье характеризуются зооморфические, антропоморфические, соматические, звуковые, световые, цветовые, вкусовые и другие модели.

Ключевые слова: семантика, модель, метафора, лексико-семантический вариант, прямая модель, обратимая модель.

DIRECT AND REVERSIBLE STRUCTURAL-SEMANTIC MODELS

V. D. Starichenok,

Professor, Doctor of Philology, Dean of the Faculty of Philology of the Belarusian
State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: starichenok@mail.ru

The article considers direct and reversible structural-semantic models based on the material of the Russian language, the construction process of which includes three structural components: the initial (donor), resultant (recipient) spheres, as well as

semantic components, on the basis of which the relationship between primary and secondary lexical semantic options is carried out. In direct models, secondary (as a rule, metaphorical) meanings of the resulting sphere are formed from the primary meanings of the initial conceptual sphere. In reversible models, the source and result spheres are interchanged: the source sphere in the direct model is replaced by the recipient sphere, and the recipient sphere in the reversible model, on the contrary, acts as a source sphere. The article characterizes zoomorphic, anthropomorphic, somatic, acoustic, luminal, colorative, gustatory and other models.

Keywords: *semantics, model, metaphor, lexico-semantic variant, direct model, reversible model.*

Введение

В современных лингвистических исследованиях большое внимание уделяется освещению вопросов семантического моделирования. Моделирование как метод познания и структурной характеристики объекта в конце XX в. оформилось в самостоятельное научное направление – теорию моделирования действительности. Исследование структурно-семантических моделей, в рамках которых осуществляется семантическое преобразование в двух направлениях (от прямых и от вторичных лексико-семантических вариантов), пока ещё носит спорадический характер и требует активизации научной деятельности в этом направлении. Предлагаемая статья в определённой степени восполняет имеющийся пробел.

Цель и задачи

Целью исследования является установление прямых и обратимых структурно-семантических моделей, выявляемых в процессе семантической деривации. К задачам исследования относятся выявление и описание тематических групп, включённых в те или иные семантические модели, установление их регулярности и продуктивности, включённости или невключённости в узуальное языковое пространство.

Методы и материал исследования

Для обозначения модели исследователи используют разные термины в зависимости от конкретных лингвистических, общеполитических, психологических или когнитивных аспектов исследования. Например, Д. М. Шмелев (1964, 1973), Ю. Д. Апресян (1974, 1995) используют термин «модель регулярной многозначности», Г. М. Складарская (1993) – термин «метафорическое поле». По мнению Н. А. Илюхиной (2010), модель связана с когнитивной категорией образа, которая в проекции на лексический уровень языка представлена ассоциативно-семантическим полем как набором различных парадигм. В книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона (2004) термин «структурная метафора» считается аналогом семантической модели. Любая модель, искусственно созданная лингвистами на основе гипотезы о возможном строении оригинала, строится по универсальным семантическим законам и предполагает использование абстрагирования и идеализации; это «не только материально-физическое, но и абстрактное (наглядно-воображаемое) представление о некоторых свойствах и фрагментах моделируемого прототипа» [2, с. 19].

Модель – это когнитивный аналог реальных связей сущностей объективного мира, их взаимодействий и зависимостей, это «схема формирования метафори-

ческого значения, которая характеризуется единством тематической соотнесенности номинативных и переносных метафорических значений» [6, с. 37]. По словам А. П. Чудинова, модель является отражением существующей схемы или схемы, которая складывается в сознании носителей языка между различными понятийными сферами [9, с. 64], модель многозначности представляет собой «существующее в сознании носителей языка типовое соотношение семантики находящихся в отношениях мотивации первичных и вторичных значений, являющееся образцом для возникновения новых вторичных значений» [8, с. 20–22]. Автор выделяет метафорические и метонимические модели, подчеркивая высокую степень регулярности метафорических переносов.

В семантической модели как некоторой концептуальной сущности все элементы и структурные части связаны между собой различными отношениями, регулярно и последовательно воспроизводятся. Такая область выступает в роли максимально абстрагированной, обобщенной схемы (образца) для семантического структурирования и осмысления другой понятийной области.

Прямое номинативное и метафорическое значения выступают в модели как своеобразные призмы, которые фокусируют смыслы в целостных соотносимых единицах и репрезентированных ими когнитивных структурах [7, с. 39]. Схема связей между понятийными сферами, как правило, строится по формуле «X – это Y» («X похож на Y»).

В основу семантических моделей чаще всего кладутся бинарные оппозиции (интегральные семы первичных и вторичных ЛСВ), которые связываются между собой на уровне различного рода ассоциаций, сходств, сравнений, отождествлений и стереотипных представлений. Использование модели позволяет строить предположения на основе некоторых известных общих признаков, а образованные по этим моделям вторичные номинации способствуют развитию научной мысли, в наибольшей степени продуцируют знания и являются инструментами познания [4, с. 68].

В процессе конструирования семантической модели учитывают следующие структурные элементы.

1. Исходная понятийная сфера (в других терминах – область-источник, когнитивный источник, сфера-источник, источник мотивации, поле-источник, сфера-донор, фрейм-источник). К этой сфере относятся первичные производные ЛСВ. Во многих случаях может актуализироваться не только исходная понятийная область, но и ее отдельные участки, которые послужили источником метафорической экспансии. Смысловая наполненность первичных значений, их тематическая направленность во многом определяют семантические пути и сценарии развития семантической деривации, дают возможность прогнозировать эволюцию значения слова. Поэтому в ряде случаев семантически похожие исходные ЛСВ образуют примерно одинаковые по семантике вторичные ЛСВ.

2. Результативная (итоговая, новая) понятийная сфера (в других терминах – область-цель, новая концептуальная область, сфера-реципиент, сфера-магнит, сфера-мишень). К этой сфере относятся вторичные ЛСВ, отражающие практически всю объективную реальность через зеркало метафор. При метафорической проекции в сфере-магните хранятся не только смысловые компоненты исходной сферы, но и ее коннотативный потенциал, который создает большие возможности для образования эмоционально-оценочных ЛСВ.

3. Семантические компоненты (интегральные семы), соединяющие первичные и вторичные ЛСВ. Они указывают на основания, благодаря которым исходная понятийная сфера используется для обозначения элементов результирующей сферы. Например, в зооморфической метафорической модели основанием для образования вторичных ЛСВ является то, что у людей и животных обнаруживаются общие семантические признаки. Общность аналогий семантических переосмыслений наблюдается в параметрических, временных, звуковых, температурных и многих других номинациях.

В процессе моделирования того или иного семантического континуума реализуются прямые и обратимые (инверсионные) модели. В обратимых структурно-семантических моделях происходит замена донорской и реципиентной сфер: сфера-источник в прямой модели заменяется сферой-реципиентом, а сфера-реципиент в обратимой модели, наоборот, выступает в качестве сферы-источника. Конкретные обратимые метафорические модели рассматривались в работах Е. А. Потураевой, Дай Инли, З. И. Резановой, А. А. Абрамовой [1; 3; 5; 7].

Обратным соотношением сфер-источников и сфер-мишеней характеризуются многие метафорические модели, включённые во всеобъемлющую формулу «мир – это человек», «человек – это мир». В рамках такой довольно обобщённой модели выделяются конкретные разновидности, что зависит от аспектов актуализации тех или иных признаков сферы-источника и сферы-реципиента. Так, по прямой семантической модели (анимистической) от названий животных образуются зооморфические метафоры со значением человека, которые образно, экспрессивно и оценочно характеризуют человека на основании сходства животных и людей: *баран* – глупый, *осел* – упрямый, *лиса* – хитрая, *заяц* – трусливый, *сорока* – болтливая, *петух* – задиристый и др. Такой модели присущи регулярная воспроизводимость и устойчивость ассоциативных связей. В обратимой семантической модели (антропоморфической) от названий человека образуются номинации птиц, животных, деревьев, растений, орудий труда и др.: *певец* ‘тот, кто хорошо поёт’ → ‘певчая птица’; *красавец* ‘красивый мужчина’ → ‘красавец-конь’; *царь* ‘титул монарха, а также лицо, носившее этот титул’ → ‘царь ночи – уссурийский филин’. Обратимая антропоморфическая модель включает небольшое количество субстантивных единиц и в соотношении с прямой анимистической моделью характеризуется асимметрией семантики и функционирования.

Соотносительную пару прямых и обратимых моделей составляют соматизмы. При прямой модели предусматривается перенос наименований частей тела человека (животного) на названия разнообразных предметов, конструкций, деталей, механизмов и др.: *нос* ‘передняя часть судна, лодки, самолета и под.; выступающая передняя часть какого-либо предмета’, *палец* ‘закрепленная деталь в виде округлого стержня в машинах, механизмах и под.’, *нога* ‘опора, нижняя часть мебели, постройки, механизмов’, *хребет* ‘верхний край чего-либо; гребень; горная цепь’, *ухо* ‘устройство в различных предметах для более удобного пользования (подъема, вешания, переноски и др.)’, *горло* ‘верхняя суженная часть сосуда, оружия и др.’. Вторичные ЛСВ, образованные по прямой модели, характеризуются регулярностью и высокой продуктивностью, что объясняется прежде всего онтогенетическими функциональными свойствами частей тела человека.

Обратимые семантические модели, когда вторичные соматические ЛСВ образуются от первичных ЛСВ названий бытовых предметов, музыкальных

инструментов, зданий, плодов, корнеплодов, практически не представлены в литературном языке. Такие ЛСВ носят индивидуально-авторский характер: *Дать в тыкву, в бубен. Какое разнообразие для слова башка* (Н. Климонтович); *Игорю хорошенько дали в тыкву, стали шарить в карманах* (А. Сальников); *Пришлось и мне выскочить да дать ему в бубен!* (Д. Корецкий); *Да и к тому же я считаю, что если у человека котелок варит, то и деньги заработать он сможет* (В. Шапко); *У меня-то шансов никаких. С моей рязанской будкой не пропустят...* (С. Довлатов).

Прямая и обратимая молели ярко демонстрируются в субстантивных и глагольных звуковых номинациях. Развитие вторичных субстантивных номинаций осуществляется по двум направлениям: а) «звуки, образуемые человеком» → «звуки, образуемые животными, птицами, деревьями, растениями, водными течениями, ветром и др.»; б) «звуки, образуемые животными и птицами» → «звуки, образуемые людьми и артефактами». Первая модель носит антропоморфический характер, и переосмысления в ней осуществляются в направлении от звуков человека на подобные в чем-то звуки животных и птиц, шум деревьев (и их листья) и ветра, гул грома, журчание воды, всплеск волн и др. (*голос ветра, голос моторов, голос моря, говор птиц, плач вьюжной метели, стон чаек, стон ветра, стон телеграфных проводов, вопль бури*). Менее распространенной считается вторая зоонимическая модель, в которой звуки животных и птиц отождествляются со звуками человека: *ржание* ‘крик лошади’ → ‘громкий несдержанный хохот’, *рёв* ‘протяжный громкий крик некоторых животных’ → ‘громкий неистовый крик человека, людей; громкий плач’.

Среди глагольных номинаций наиболее распространённой является группа, вторичные значения в которой развиваются по модели «звуки животных» → «звуки человека»: *мурлыкать* ‘тихо, не совсем понятно говорить, напевать’, *шипеть* ‘говорить шёпотом или сдавленным голосом; ворчать, выражать недовольство’, *ржать* ‘громко, безудержно смеяться, хохотать’, *гоготать* ‘ржать’ громко, безудержно смеяться’, *тявкать* ‘говорить с неудовольствием, ворчать’, *щебетать* ‘быстро, без умолку говорить (обычно о женщинах, детях)’, *брехать* ‘врать, говорить вздор, пустословить’.

По обратимой семантической модели образуются вторичные ЛСВ, в содержании которых содержится маркер ‘звуки человека’. Первичные ЛСВ в таких моделях отражают способы действия тех или иных предметов, механизмов, приспособлений (пилы, наждака, сверла, гребня, клейма, компостера и др.), физическое воздействие, процессы приготовления и употребления пищи и др.: *молоть* ‘раздроблять зерно, превращая в муку, порошок’ → ‘трезвонить, болтать, говорить что попало’, *молотить* выколачивать, выбивать зерно из колосьев, стручков и др.’ → ‘быстро говорить, лепетать’, *чистить* ‘делать чистым, очищать кого-, что-нибудь, снимая грязь, пыль и под.’ → ‘ругать, бранить кого-либо’, *резать* ‘чем-нибудь острым разделять на части, разрезать’ → ‘говорить просто, открыто, без обиняков’, *долбить* ‘пробивать отверстие’ → ‘зубрить, учить наизусть, механически повторяя что-либо’, *взорваться* ‘разрушиться от взрыва, разорваться’ → ‘громко выражать злость, возмущение’, *крутить* ‘приводить в круговое движение, вертеть’ → ‘уклоняться от прямого ответа, хитрить’.

Распространёнными являются модели «свет – цвет» (*тёмная ночь – тёмный костюм, яркий свет – яркие цветы*), «цвет – свет» (*чёрная краска –*

чёрная мгла, бледное лицо – бледные звёзды, белый цвет – белые ночи), «запах – вкус» (медовый запах – медовый пряник, сладкий запах яблока – сладкий кисель), «вкус – запах» (кислые яблоки – кислый запах, терпкое вино – терпкий аромат).

Выводы

Таким образом, структурно-семантические модели составляют одну из основных частей национальной языковой картины, национальной ментальности, в соответствии с которой человек действует, думает, находит аналогии и универсальные связи между предметами и явлениями реальности, определенным образом классифицирует окружающую действительность. Поэтому образование вторичных номинаций часто укладывается в рамки типологических и универсальных моделей «животное» → «человек», «человек» → «человек», «часть тела животного и человеческого организма» → «разнообразные предметы, конструкции, детали и механизмы», «часть» → «целое», «род» → «вид» и др. По прямым и обратимым семантическим моделям чаще всего образуются анимистические, антропоморфические, зоонимические, соматические, деструктивные, звуковые, цветовые, световые и другие номинации. Между прямыми и обратимыми моделями наблюдается семантическая асимметрия, проявляющаяся в непропорциональном соотношении численности образованных лексико-семантических вариантов, их регулярности и продуктивности (вторичные ЛСВ реже образуются по обратимым моделям, характеризуются непродуктивностью, наличием индивидуально-авторского маркера).

Список использованных источников

1. Абрамова, А. А. Обратимость метафорических моделей «человек – это механизм» и «механизм – это человек» в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / А. А. Абрамова. – Томск, 2017. – 23 с.
2. Баранов, А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1994. – 282 с.
3. Дай, Инли. Метафорическая интерпретация концепта «Язык»: на материале метафорических номинаций речевой деятельности в русском и китайском языках : дис. ... канд. филол. наук / Дай Инли. – Томск, 2011. – 178 с.
4. Опарина, Е. О. Концептуальная метафора / Е. О. Опарина // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 65–77.
5. Потураева, Е. А. Метафорические обозначения концепта *дом* в русской языковой картине мира / Е. А. Потураева // Язык и культура. – 2010. – № 1 (9). – С. 58–73.
6. Резанова, З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения / З. И. Резанова // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. – 2010. – № 1 (9). – С. 26–43.
7. Резанова, З. И. Обратимые метафорические модели: семантико-функциональная асимметрия / З. И. Резанова // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. – 2012. – № 2. – С. 30–43.
8. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2001. – 238 с.
9. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – 248 с.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

О. Г. Яблонская,

доцент, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков и МПИЯ Мозырского государственного
педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: olga_yablonskaya@rambler.ru

В статье рассматриваются фразеологические единицы русского языка, которые характеризуются национально-культурным своеобразием. На материале романа Б. Акунина «Провинциальный детектив» выявляются языковые и неязыковые способы кодирования и сохранения культурной информации. Отмечено, что контекстные фразеологизмы способны приобретать национальную маркированность за счет расширения их компонентного состава.

***Ключевые слова:** фразеологические единицы, семантика, компонент значения, национально-культурный маркер.*

NATIONAL AND CULTURAL MARKING OF PHRASEOLOGICAL UNITS

O. G. Yablonskaya,

Associate Professor, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages and MFL of Mozyr State
Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: olga_yablonskaya@rambler.ru

The article examines phraseological units of the Russian language, which are characterized by national and cultural identity. Based on the material of B. Akunin's novel «Provincial Detective», linguistic and non-linguistic ways of encoding and preserving cultural information are revealed. It is noted that contextual phraseological units are able to acquire national marking due to the expansion of their component composition.

***Keywords:** phraseological units, semantics, component of meaning, national and cultural marker.*

Введение

В настоящее время фразеологические единицы (ФЕ) исследуются в различных направлениях: коммуникативно-прагматическом, функциональном, когнитивном, дискурсивном. Много работ посвящено анализу контекстных трансформаций и окказиональному употреблению фразеологизмов. Актуальным также является изучение устойчивых выражений в художественном тексте, т. к. в таком тексте у авторов есть возможность проявить свои творческие способности и создать на основе данных единиц необходимый образ героев произведения, места и времени.

Художественный текст позволяет раскрыть культурно-идейную значимость определенных понятий в мировосприятии определенного народа. «Истинными хранителями культуры являются тексты. Не язык, а текст отображает духовный мир человека» [5, с. 87]. Использование ФЕ в тексте расширяет их семантический потенциал и способствует национальной идентификации народа.

Цели и задачи

Цель данного исследования заключается в определении механизмов актуализации национально-культурной информации в художественном тексте на основе фразеологических единиц.

Задачи исследования: 1) выявить ФЕ в тексте трилогии Б. Акунина «Провинциальный детектив»; 2) определить способы реализации национально-культурной составляющей семантики ФЕ; 3) определить способы создания культурно-маркированных контекстных фразеологизмов.

Методы и материал исследования

В процессе исследования применялись метод сплошной выборки, метод описания, метод компонентного анализа, анализ контекстных употреблений и словарных толкований, интерпретация полученных данных.

Материалом исследования являются фразеологические единицы, выбранные из трилогии Б. Акунина «Провинциальный детектив» [1]. Действия романа разворачиваются в XIX веке, для создания обстановки и духа того времени автор неоднократно обращается к фразеологизмам. «Фразеологическая составляющая детективов Б. Акунина масштабна и представлена разными типами устойчивых единиц, как в словарной форме, так и в преобразованном виде. Способы трансформации фразеологизмов различны: затрагивают как семантику, так и форму единиц; в результате трансформаций нередко возникают окказиональные обороты» [11, с. 137].

Всего в произведении было выявлено более 300 фразеологизмов, однако, к национально-маркированным можно отнести только 10 %. Тем не менее, данные выражения играют значительную роль в создании национально-культурного духа произведения.

Результаты и их обсуждение

Проведенный анализ лексических единиц в составе фразеологизмов, грамматических конструкций, акцентологических особенностей позволил определить способы реализации национальной составляющей семантики фразеологизмов в художественном тексте. «С позиций уникально-специфической формы фиксации мира языковыми знаками в качестве лингвокультурной координаты языка выступает идиоматичность языкового знака. В этом смысле внутренняя форма слова является наиболее ярким показателем этнокультурного своеобразия соответствующего коммуникативного коллектива» [2, с. 117].

В результате анализа были выявлены лексические единицы в составе фразеологизмов, которые характеризуются как лингвокультурные маркеры, например: «*Инспектор шепнул: «Так ведь вся жизнь меж пальцев протечет. Грех»*» [1]. Автор использует устаревшую форму предлога в выражении со значением ‘ускользнуть, быстро и незаметно убежать, исчезнуть’ [7, с. 477]. Сам же предлог восходит к древнерусскому «межи» со значением ‘у границы’ [6]. Такой вариант выражения, употребленный в речи героя, способствует созданию атмосферы того времени, в котором разворачиваются события. Инспектор за счет

фразеологизма комментирует образ жизни жены губернатора, подчеркивает упускаемые ею возможности получать от жизни удовольствие.

В следующем фрагменте сразу два фразеологизма, которые являются маркерами русской культуры. «*А не поклонился, понадеялся на справную охрану или русский авось – пеняй на себя*» [1]. Первое выражение отсылает к пословице *Русский человек любит авось, небось, да как-нибудь*, которая указывает на склонность человека выполнять что-либо без особых усилий и стараний, надеясь на то, что все сложится наилучшим образом. Лексема *авось* имеет древнерусское происхождение, слово *русский* уже само по себе указывает на национальность. Второе выражение имеет разговорный характер и является предупреждением, предостережением: ‘если не сделаешь так, как говорят тебе, как полагается в таком случае, будешь наказан, заплатишься’ [10]. Глагол *пенять* образован от древнерусского существительного *пеня* со значением ‘упрек’ [9]. Сочетание двух фразеологизмов в контексте отражает закономерность, умозаключение, к которому пришел русский народ на основе жизненного опыта.

Следующий пример характеризуется приобретенной национальной маркированностью: «*Побился барон с местными нравами, пободался, рога себе о сию каменную стену пообломал и стал от отчаяния впадать в административную суровость, отчего, как известно, все беды только усугубляются*» [1]. В основе контекстного фразеологизма находится просторечное экспрессивное выражение *обломать рога*, т. е. ‘смирять, подчинять себе кого-либо строгостью, притеснением’ [7, с. 564]. Автор расширяет компонентный состав словарного выражения, вводит слово *сию*, которое является формой, образованной от древнерусского местоимения [12]. Таким образом фразеологизм органично вплетается в повествование, сохраняя обстановку того времени и манеру общения действующих лиц.

Роль национального маркера может выполнять и прилагательное: «*В такое время в Заволжске не спят только влюбленные и постовые стражники (последние, впрочем, тоже спят, хоть и в будке), поэтому по дороге инокине не встретилось ни единой живой души*» [1]. В словарях приводятся следующие синонимичные выражения данному фразеологизму: *ни души, ни одной души, никого и др.* Однако в тексте романа автор использует слово, которое является заимствованием из церковнославянского языка (*единый*) [4]. В контексте всего романа, где одними из главных действующих лиц являются архиерей и монахиня, фразеологизм с такой лексемой в составе воспринимается органично и естественно.

В следующем примере значимыми для выявления национальной характеристики являются оба компонента выражения *души не чаять*: «*У меня один соученик был, некто Булкин. Добродетельнейший супруг, души в жене не чаял*» [1]. В приведенном примере одним из компонентов фразеологизма является глагол *чаять*, который выражает ‘стереотипное представление о безграничной, беззаветной любви кого-либо к кому-либо’. Кроме устаревшей формы глагола в составе фразеологизма стоит отметить компонент *душа*, который говорит о религиозности народа, «о невозможности познать душу другого человека, проникнуть в нее» [4] и отражает этот факт в языке.

В ходе анализа произведения была отмечена еще одна языковая особенность ФЕ, а именно, фиксированное ударение в отдельных словах только

в составе рассматриваемых выражений, отличающееся от словарного ударения свободных слов. Данная особенность также относится к проявлению этнокультурной характеристики фразеологизмов. «Пока же получалось, что в этот раз Пелагия **брала грех на душу** почти что и напрасно» [1]. Устойчивое выражение *брать/взять грех на душу* имеет два словарных значения: 1. 'нести моральную ответственность за предосудительные поступки, совершаемые по принуждению или по своей воле. 2. 'совершать какой-либо предосудительный поступок' [7, с. 162]. Данное выражение произносится с ударением на приставке, что объясняется устоявшейся языковой традицией.

Другой механизм актуализации национально-культурной информации выявлен в следующем примере: «*Нынче ночью пойду. **Не поминайте лихом, отче. А если что, то пусть в ваших молитвах хоть изредка будет поминаться любивший и уважавший вас Алеша Ленточкин***» [1]. В основе фразеологизма находится образ из славянской мифологии, злое существо, которое живет за счет страданий и негативных эмоций людей и животных. *Не поминай лихом* значит 'вспоминая, не думай плохо о ком-либо' [8]. Герой произведения хотел выяснить, что происходит на самом деле, несмотря на опасность и угрозу для своей жизни. Такое поведение может рассматриваться как безрассудство либо как смелый поступок. В контексте фразеологизма намерения и поступок героя воспринимаются как решительные действия, а сам молодой человек видится отважным и неустрашимым.

В следующем примере также важен образ, который лежит в основе фразеологизма: «*И ведь что примечательно – как кто-нибудь **напортачит, наломает дров**, так сразу: давайте, Яков Михайлович, выручайте*» [1].

Дрова являлись самым распространенным топливом в XIX веке, именно в то время и возникло данное выражение, основанное на бытовой деятельности человека. Со временем фразеологизм *наломать дров*, т. е. 'наделать глупостей, больших ошибок' [7, с. 201], приобрел разговорный и неодобрительный характер. Однако данный вид деятельности и сейчас соотносится с представлениями о русском народе.

Выводы

Проведенный анализ показал, что актуализация национально-культурного компонента семантики фразеологических единиц осуществляется за счет языковых средств, например, слов, входящих в состав фразеологизмов или фиксированных ударений, а также на основе знакомых народу образов, мифов, представлений о трудовой деятельности, примеров из обычной жизни. Отдельные фразеологизмы могут стать национально-маркированными за счет введения в их состав лексических единиц, которые ассоциируются с русским народом. Таким образом, сохраняя в себе самобытность народа, фразеологические единицы являются элементами лингвокультуры.

Список использованных источников

1. Акунин, Б. Провинциальный детектив, или Приключения сестры Пелагии [Электронный ресурс] / Б. Акунин // LoveRead.me. – Режим доступа: <http://loveread.me/series-books.php?id=22>. – Дата доступа: 04.10.2022.

2. Богатикова, Л. И. Лингвокультурный аспект фразеологических единиц / Л. И. Богатикова // Весн. МДПУ імя І. П. Шамякіна. – 2015. – № 2 (46). – С. 115–118.

3. Души не чаять [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. – Режим доступа: https://phrase_dictionary.academic.ru/681/%D0%94%D0%A3%D0%A8%D0%98_%D0%9D%D0%95_%D0%A7%D0%90%D0%AF%D0%A2%D0%AC. – Дата доступа: 23.04.2023.

4. Единый [Электронный ресурс] // Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. – Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D0%B5%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D1%8B%D0%B9>. – Дата доступа: 23.04.2023.

5. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.

6. Межа [Электронный ресурс] // Школьный этимологический онлайн-словарь Успенского «Почему не иначе?». – Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/%D0%BC/%D0%BC%D0%B5%D0%B6>. – Дата доступа: 23.04.2023.

7. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок: более 40000 образ. выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 783 с.

8. Не поминай лихом [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/29238/%D0%9D%D0%B5>. – Дата доступа: 23.04.2023.

9. Пеня [Электронный ресурс] // Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. – Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/%D0%BF/%D0%BF%D0%B5%D0%BD%D1%8F>. – Дата доступа: 23.04.2023.

10. Пенять на себя [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. – Режим доступа: https://phraseology.academic.ru/8342/%D0%9F%D0%B5%D0%BD%D1%8F%D1%82%D1%8C_%D0%BD%D0%B0_%D1%81%D0%B5%D0%B1%D1%8F. – Дата доступа: 23.04.2023.

11. Сафонова, Т. В. Функционирование фразеологических единиц в детективной прозе Б. Акунина / Т. В. Сафонова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 130–139.

12. Сей [Электронный ресурс] // Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. – Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D1%81/%D1%81%D0%B5%D0%B9>. – Дата доступа: 23.04.2023.

НЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ЭКОЛОГИИ

УДК 81'42

«ЧЕТВЁРТАЯ ВЛАСТЬ» ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКИ: ДИСКУРС НА ГРАНИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОСТИ

А. М. Амагов,

профессор, доктор филологических наук,
профессор кафедры английского языка и методики преподавания Белгородского
государственного национального исследовательского университета,
г. Белгород, Российская Федерация
E-mail: amatov@bsu.edu.ru

Г. В. Свищёв,

доцент, кандидат филологических наук,
доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
г. Белгород, Российская Федерация
E-mail: svishchev@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются проблемы институционального дискурса, связанные с нарушением статусности и смещением ролей участников. Подобные нарушения не только подрывают сам принцип институциональности, но и служат определённого рода инструментом манипуляции как реакцией оппонента, так и общественным мнением. Рассмотрен недавний пример медийно-политического дискурса Франции, высвечивающий проблемы институциональной отнесенности дискурса и ставящий под сомнение некоторые устоявшиеся постулаты классического дискурс-анализа.

Ключевые слова: *политический дискурс, медиадискурс, институциональность, статус коммуникантов, манипуляция.*

THE FOURTH POWER OF THE FIFTH REPUBLIC: DISCOURSE ON THE VERGE OF INSTITUTIONAL STATUS

A. M. Amatov,

Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department of English
and teaching methods, Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russian Federation
E-mail: amatov@bsu.edu.ru

G. V. Svishchev,

Associate Professor, PhD in Philology, Associate Professor of the Department
of Romano-Germanic Philology and Intercultural Communication,
Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russian Federation
E-mail: svishchev@bsu.edu.ru

The article deals with the problems of institutional discourse related to the violation of status and the shift in the roles of participants. Such violations not only

disrupt the very principle of institutionalism, but also serve as a certain kind of tool for manipulating both the reaction of the opponent and public opinion. A recent example of French media-political discourse is considered, highlighting the problems of the institutional relevance of discourse and questioning some well-established postulates of classical discourse analysis.

***Keywords:** political discourse, media discourse, institutionalism, communicators' status, manipulation.*

Введение

Институциональный дискурс с социолингвистической точки зрения существенно отличается от персонального: как бытийного, так и бытового. Здесь на первый план выходит социальный институт, регламентирующий не только сам характер дискурса, но и предъявляющий определенные требования к его участникам: их компетенции, манере поведения (в том числе речевого), целям и задачам коммуникации. Институциональный дискурс подразумевает либо общение между представителями того или иного социального института (врачи на консилиуме, педагоги на педагогическом совете или заседании кафедры и т. п.), либо коммуникацию, участниками которой выступают с одной стороны представители института (агенты), с другой стороны – обращающиеся в данный институт сторонние люди (клиенты). Примерами такого общения могут служить разговор врача и пациента, учителя и ученика (учеников) и т. д. В таком общении, в отличие от персонального дискурса, информация осмысливается адресатом опосредованно, через призму его отнесенности к тому или иному социальному институту.

В. И. Карасик выделяет следующие типы современного институционального дискурса: политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и медийный, т. е. дискурс СМИ [1, с. 24]. Разумеется, данный перечень нельзя считать исчерпывающим и тем более окончательным, что отмечает и сам автор. Социальным институтам свойственна изменчивость с течением времени, что, в свою очередь, накладывает отпечаток на соответствующие типы дискурса.

Еще важнее, на наш взгляд, другое обстоятельство: даже будучи взятыми на определенном синхроническом срезе, социальные институты редко представляют собой закрытые сообщества. Они активно взаимодействуют друг с другом и с неинституциональной частью общества. В связи с этим различные типы дискурса по данной классификации, как институциональные, так и персональные, могут накладываться друг на друга и образовывать самые разнообразные сочетания. Так, например, если выступление политика в парламенте или на заседании правительства следует отнести к собственно политическому дискурсу, то общение того же политика с избирателями может носить характер одновременно политического и бытийного, а иногда и бытового дискурса, а его беседа с журналистами (например, на пресс-конференции) будет совмещать черты политического и медийного дискурса.

Критики В. И. Карасика также не обошли вниманием некоторую некорректность деления дискурса на персональный и институциональный.

«Действительно, – отмечает Ю. Е. Прохоров, – с одной стороны, ряд из них (видов дискурса. – А. Ааматов) может быть сопоставлен в родо-видовом отношении: научный дискурс может быть и юридическим, и медицинским, и педагогическим. Педагогический может быть и научным, и личностно ориентированным – бытийным (как процесс обучения) и даже бытовым – как процесс воспитания, например, в семье. С другой стороны, даже обиходно-бытовое общение (бытовой дискурс) на практике редко не является статусно ориентированным, как, впрочем, и дискурс бытийный. И оба они редко не содержат некоторые составляющие научного или, например, массово-информационного дискурса» [4, с. 196–197].

И тем не менее даже критика такого подхода говорит о том, что в нём «что-то есть». Если приходится искать примеры того, где принцип институциональности нарушен, это говорит лишь о том, что в основной массе случаев он всё-таки соблюдается.

Институциональность влияет как на говорящего, накладывая свои ограничения на выбор языковых средств и способов их актуализации, так и на адресата, который вынужден воспринимать информацию опосредованно, в заданных тем или иным социальным институтом рамках. Сам В. И. Карасик, деля дискурс на институциональный и персональный по социолингвистическим критериям, определяет основные признаки институционального дискурса следующим образом: «Институциональный дискурс выделяется на основании двух системообразующих признаков: цели и участники общения. Цель политического дискурса – завоевание и удержание власти, педагогического дискурса – социализация нового члена общества, медицинского дискурса – оказание квалифицированной помощи больному и т. д. Основными участниками институционального дискурса являются представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты). Например, это учитель и ученик, врач и пациент, политик и избиратель, священник и прихожанин» [1, с. 11].

Таким образом, мы отмечаем здесь важнейший системообразующий признак институционального дискурса: как минимум один из его участников, причем основной, является официальным представителем того или иного социального института.

В дальнейшем мы рассмотрим пример намеренного нарушения принципа институциональности в дискурсе, который изначально предполагался как «суперинституциональный»: медийный с одной стороны и политический – с другой стороны.

Цель и задачи

Цель работы – показать, что институциональность, хотя и является неотъемлемой чертой некоторых видов дискурса, тем не менее не только подвержена изменениям (в том числе произвольным), но и сама по себе может служить инструментом политической манипуляции. Выявление коммуникативных тактик, имеющих подобные цели, является основной задачей данной работы.

Методы и материал исследования

В работе применяется метод критического анализа политического дискурса, имеющего своей целью утверждение и оправдание существующего неравенства (социального, национального, гендерного и т. д.) и воспроизводство

власти. В качестве фактического материала будет рассмотрен только один, но очень показательный пример медийно-политического дискурса, в котором прослеживаются сразу несколько манипулятивных тактик, позволяющих повернуть институциональность против оппонента.

Результаты и их обсуждение

21 апреля текущего года французский телеканал LCI показал интервью с послом Китайской Народной Республики Лу Шае во Франции (L'interview) и разместил ряд цитат из него на своей странице в Twitter. Интервью вызвало бурную реакцию в западном (и не только) обществе – точнее, в той его части, которую принято называть английским словом «истеблишмент». Уже через два дня (отметим скорость реакции) сразу 80 депутатов Европарламента направили письмо министру иностранных дел Франции Катрин Колонна с просьбой объявить посла Китая в Париже персоной нон грата. Авторы письма считают поведение посла «неприемлемым», а его высказывания «оскорблением истории, культуры и целостности государств» [6]. Кроме того, министерства иностранных дел нескольких бывших советских республик вызвали послов КНР «для объяснений» [7].

Какое же поведение посла (разумеется, речевое) сочли «неприемлемым» парламентарии и даже некоторые правительства? Попробуем разобраться в этом шаг за шагом.

Прежде всего, метод критического дискурс-анализа требует учёта контекста того или иного высказывания. В данном случае дискурс относится к политическому с одной стороны (посол представляет правительство своей страны) и медийному – с другой стороны (это было интервью на телевидении). Следовательно, необходимо учитывать институциональность двух видов: речь политика с одной стороны и речь журналиста – с другой. Говоря о политическом контексте, надо отметить, что интервью с послом прозвучало вскоре после визита президента Франции Мануэля Макрона в Китай. По результатам визита Макрон сделал ряд заявлений, также встретивших неоднозначный приём на Западе. И именно с этих заявлений французского президента начинается рассматриваемое нами интервью.

После коротких приветствий журналист задаёт вопрос о том, как посол Китая расценивает заявления Макрона. Посол отвечает, что сказанное президентом «полностью отвечает интересам Франции и Европы» и что это выражение «последовательной политики Франции».

И уже на следующем шаге характер дискурса смещается: журналист переходит в «наступление». Позволим себе привести следующий вопрос в оригинале с переводом, выделив особо значимые моменты шрифтом:

On voit à quel point cette déclaration a provoqué la colère de beaucoup en Occident qui considèrent qu'on a trop concédé à une dictature qu'est la Chine. Le petit clip que présente la république lui aussi est conçu de retour de Chine a beaucoup marqué en ce sens-là. Est-ce que vous entendez cette inquiétude des Occidentaux qui se disent on a fait là trop de concessions?

Мы видим, что вышеуказанное заявление вызвало общественный гнев на Западе, где считают, что это чрезмерная уступка той диктатуре, которую представляет собой Китай. Микровидео, выпущенное после возвращения

президента Макрона, также в значительной степени доказывает это. Вы слышали опасения жителей Запада по поводу чрезмерных уступок?

Во-первых, журналист сходу сгущает краски, утверждая, что заявление президента Макрона «вызвало общественный гнев» (а provoqué la colère de beaucoup). Те социальные потрясения, которые действительно переживает Франция, можно назвать общественным гневом без всяких натяжек. Но этот гнев связан вовсе не с визитом Макрона в Китай и сделанными по итогам визита заявлениями, а с пенсионной реформой. К тому же демонстрации, забастовки и прочие акции протеста начались ещё в январе, задолго до визита Макрона в КНР. Но журналист упорно, раз за разом, навязывает мысль о том, что гнев или как минимум опасения выражают чуть ли не все жители Запада – мнения которых, разумеется, никто не спросил. Здесь налицо попытка, образно говоря, наложить одну картину на фон другой. И подоплёка очевидна: «общественность против», довольно избитый демагогический приём.

Во-вторых, журналист явно «забывает», кто гость на его программе. Дело в том, что посол представляет правительство своей страны, и любой дискурс, в котором он участвует как посол, по определению политический, конкретнее – дипломатический. Оскорбление посла автоматически превращается в оскорбление правительства, но журналист заходит с другой стороны, утверждая (а это именно утверждение), что Китай «представляет собой диктатуру» (une dictature qu'est la Chine). Здесь проступает явная асимметричность участников дискурса: то, что может себе позволить журналист, не может себе позволить дипломат. Лу Шае на данном этапе реагирует достаточно спокойно, подчеркнув в своём ответе: «Прежде всего, Китай не является диктатурой».

Далее дипломат пытается вернуть разговор в прежнее русло и обсуждать текущие политические вопросы, но журналист продолжает бить в ту же точку. Приведём ещё одну оригинальную цитату из интервью:

La citation du général de Gaulle: Quand il parle de l'excellence du fait que vous ayez, quand il alerte tellement au datif à votre égard pour l'année 1964. Mao Zedong est-il toujours là? C'est un des plus grands criminels de l'histoire. Mao Zedong a fait déporter, torturer, assassiner tant de gens, des millions de gens. Est-ce que vous comprenez que les sentiments de beaucoup d'Occidentaux, que, à l'époque de général de Gaulle se trompaient. Et à l'époque, qu'aujourd'hui ceux qui veulent traiter avec la Chine peuvent se tromper.

Когда генерал де Голль поддержал «экстремальное» обладание Китаем ядерным оружием и похвалил вас, это было в 1964 году, когда Мао Цзэдун был еще жив. Он один из крупнейших преступников в истории. Он изгнал, пытал и убил миллионы людей. Вы понимаете чувства многих жителей Запада? Они думали, что генерал де Голль был неправ в то время, и они обеспокоены тем, что Запад может ошибаться насчет Китая сегодня?

Здесь дело даже не в том, что журналист, обеспокоенный «чувствами многих жителей Запада» (кстати, при чём здесь жители Запада?) нарушает один из принципов западного же права. Признать человека преступником может только суд, а никакого суда над Мао Цзэдуном не было. Но нам в данной связи

интереснее то, на что он провоцирует посла. Мао Цзэдун до сих пор считается в Китае великим руководителем, а его идеи обозначены в Конституции КНР как руководящие. Сомнительно, чтобы журналист, приглашая посла КНР на передачу, не знал об этом. В данном случае мы видим уже совершенно открытую провокацию, основанную на грубом нарушении институциональности. Называть страну, которую представляет посол, диктатурой, а одного из её наиболее уважаемых руководителей преступником – это провоцировать посла на ответную и явно недипломатическую реакцию. И если цель провокации была именно в этом, то она удалась.

Посол сделал ещё несколько попыток вернуться к текущим вопросам, назвав обвинения Мао Цзэдуна в преступлениях «пустой болтовнёй» (racontards), после чего перешёл с дипломатического языка на прямой. Видимо, под давлением усиливающейся провокации посол решил принести дипломатичность в жертву логичности и последовательности. Однако истинная цель провокации, на наш взгляд, была не в том, чтобы выбить посла из колеи и заставить отступить от принципов дипломатии.

Выводы

Провокационные интервью, где журналисты нарушают не только принципы профессиональной этики, но и институциональные основы дискурса, довольно распространены и появились не вчера. Мы лишь привели наиболее резонансное из сравнительно недавних. В чём причина и цель подобных провокаций? В случае с интервью, рассмотренным выше, всё дело в тех «уступках Китаю», с которых журналист начал интервью и которые суть такая же выдумка, как «китайская диктатура» и «крупнейший преступник Мао Цзэдун». Достаточно послушать или прочитать заявления Мануэля Макрона (мы их не приводим, но найти в сети их несложно), чтобы понять: речь в них не идёт ни о каких «уступках Китаю». Относительно Китая Макрон сказал лишь то, что раздувание конфликта между Китаем и Тайванем не соответствует интересам Франции и Европы в целом. Зато при этом он допустил ещё целый ряд «крамольных» высказываний, касающихся вовсе не Китая, а другой крупной и неевропейской страны.

Прессу и СМИ в целом иногда называют «четвёртой властью», подчёркивая тем самым их большое влияние в обществе. Но не будем забывать, что это лишь эпитет: сами по себе СМИ реальной властью не обладают. Зато они являются важным инструментом в руках тех, кто действительно обладает властью. Эти бенефициары не всегда видны, поскольку любой скандал легко можно списать на «частное мнение» журналиста: в отличие от того же посла, он волен высказывать какие угодно мнения. Тем интереснее случаи ошибок, оговорок и, в особенности, целенаправленных «коммуникативных сдвигов», позволяющие посмотреть на проблему под новым углом и высветить тех, «кому выгодно». Рассмотренное нами здесь интервью и в особенности последовавшая реакция на него хорошо показывают, кому в действительности принадлежит «четвёртая власть» в Пятой Французской республике.

Список использованных источников

1. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.

2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

3. Карасик, В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса / В. И. Карасик // Этнокультурная специфика речевой деятельности. – М., 2000. – С. 19–31.

4. Прохоров, Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс / Ю. Е. Прохоров. – М. : Флинта: Наука, 2016. – 224 с.

5. L'interview polémique de Lu Shaye, ambassadeur de Chine en France [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=8XYDYf1gmtA>. – Date of access: 23.04.2023.

6. ТАСС. Евродепутаты призвали Францию объявить посла КНР персоной нон грата за высказывания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17589301>. – Дата доступа: 23.04.2023.

7. Коммерсантъ. Латвия, Литва и Эстония вызвали послов Китая из-за слов дипломата о «сомнительном суверенитете» постсоветских стран [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5952260>. – Дата доступа: 23.04.2023.

УДК 82-92

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ МЕДИАФРЕЙМИНГА В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

И. Н. Гуцко,

старший преподаватель кафедры иностранных языков и МПИЯ
Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: gutsko@tut.by

В. Н. Потороча,

студент филологического факультета Мозырского государственного
педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: vika2002zet@yandex.ru

В статье рассматривается понятие «медиафрейминг» как технология и обозначаются особые условия использования медиафрейминга в средствах массовой информации. С применением материалов отечественных и зарубежных исследователей были рассмотрены и раскрыты характерные особенности представленной технологии и этапы построения медиафреймов. В результате делается вывод о том, что основной парадигмой, в которой работают с медиафреймами, является когнитивная парадигма.

Ключевые слова: *фрейм, медиафрейминг, технология медиафрейминга, парадигма, СМИ.*

THE USE OF MEDIA FRAMING TECHNOLOGY IN MASS MEDIA

I. N. Gutsko,

senior Lecturer of the Department of Foreign Languages and Methods of Teaching
Foreign Languages of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus

E-mail: gutsko@tut.by

V. N. Potorocha,

student of the Philological Faculty,
of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus

E-mail: vika2002zet@yandex.ru

The article discusses the concept of «media framing» as a technology and identifies special conditions for the use of media framing. The characteristic features of the presented technology and the stages of building media frames were considered and disclosed using the materials of local and foreign researchers. As a result it can be concluded that the main paradigm in which media frames is worked with is the cognitive paradigm.

Keywords: *frame, media framing, media framing technology, paradigm, mass media.*

Введение

В настоящее время СМИ являются наиболее удобным и приемлемым каналом общения для искусственно созданных конструктов, облегчающих процесс передачи информации, к которым, например, относятся фреймы. Английское слово *framing* означает «рамка, обрамление». В современном смысле это понятие означает когнитивное искажение, при котором восприятие текста влияет на его усвоение человеком или аудиторией. Например, одно и то же утверждение в зависимости от формулировки и смысловых акцентов может быть представлено как негативное либо позитивное. Для средств массовой информации фреймы являются необходимыми как для органов власти разного уровня, так и для общества. При этом речь идет не столько об информировании граждан о тех или иных событиях в различных сферах жизни, сколько о формировании интереса к произошедшему. СМИ выступают инструментом власти для выстраивания необходимого представления об объектах и субъектах мира новостей. Для этого публикуемый материал должен содержать определенным образом визуально и содержательно структурированную и обработанную информацию, что успешно реализуется в рамках медиафрейминга.

Цель и задачи

Анализ медиафреймов представляет определенный научный интерес для современной лингвистики, поскольку в новейших публикациях по указанной теме рассматриваются способы воздействия средств массовой информации на широкую общественную аудиторию. Таким образом, в качестве **основной цели** нашей статьи мы обозначим определение специфики теории фреймов в медиадискурсе.

Исходя из упомянутой цели мы определили следующие **задачи нашей статьи:**

1) раскрыть значение конструирования смыслов как основного принципа создания медиафреймов;

2) проанализировать способы воздействия медиафреймов на массового читателя и зрителя;

3) охарактеризовать процессы фреймирования, осуществляемые в современных СМИ.

Характерные особенности технологии медиафрейминга

Медиафрейминг как основная разновидность технологии фрейминга, применяемой СМИ, признается многими современными авторами необходимым для процесса коммуникации. Для современных читателей и зрителей характерно явление «ограниченного сознания», суть которого заключается в пренебрежении граждан важнейшей доступной информацией. Выбор осуществляется в пользу столь же доступной, но менее полезной для определенной ситуации. Акцент смещается с максимально полного и непредвзятого описания фактов на описание узконаправленной, специально отобранной информации. Не менее важное значение имеет «разумная достаточность» и «рациональное невежество», являющиеся обоснованием использования медиафрейминга. В настоящее время то количество информации, которое выплескивается на человека, безотносительно тематики и канала трансляции, колоссально и, бесспорно, избыточно. Поэтому индивидом устанавливается барьер, определяющий необходимое для него количество информации. Отобранный набор фактов, в свою очередь, может быть бесполезным для заданной ситуации, либо неполным, либо ложным. Именно исходя из представленного материала, индивид и будет делать умозаключения, которые могут расходиться с реальным положением дел. Использование медиафрейминга создает «рациональность при недостатке информации»: индивид обладает жизненным опытом, паттернами для решения проблем и формирования суждений и умозаключений. Поэтому, если предоставляемая СМИ информация неполная, человек способен ее обработать и сделать ряд выводов по поводу той или иной ситуации.

Таким образом, сущность медиафрейминга, в первую очередь, заключается в том, что названный феномен представляет собой конструирование определенной «рамки значений» медиасообщения, внутри которой происходит его интерпретация [4, с. 139]. Следовательно, такие характеристики информации, как объективность, всесторонность, полнота, а также часто и точность, отходят на второй план, уступая место обозначенной рамке, которая может не только «окружать» и собирать факты, но и трансформировать их.

Продолжая рассуждения о медиафрейминге и результатах данного процесса, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом о факторах, оказывающих влияние на указанный феномен. А. Н. Казаков по этому поводу отмечает, что такими факторами являются: во-первых, социальные нормы и ценности, в рамках которых происходит новостная и иная коммуникация в конкретном обществе; во-вторых, организационная среда, а также ее ограничения, что в большей степени влияет на работу, протекающую внутри СМИ; в-третьих, давление властей и групп интересов, для которых необходимо представление в выгодном ключе тех или иных событий и объектов различных сфер жизни общества; в-четвертых, идеологические предпочтения журналиста как человека, чье медиасообщение фреймируется и помещается в уже созданную систему фреймов [1, с. 88].

Отсюда можно сделать вывод об ограниченной роли властных структур, способных оказывать влияние на СМИ, для публикации необходимого материала, поскольку «заказ сверху» может быть не воспринят аудиторией в рамках тех или иных социальных норм или ограничений.

Продукт медиафрейминга обладает рядом характеристик. В первую очередь, это иерархичность – градация информационных элементов выше-названного феномена от наиболее важных к наименее значимым. Вторым свойством является динамичность, позволяющая медиафрейму трансформироваться вслед за существенными изменениями в определенной жизненной ситуации. В-третьих, это структурированность, обеспечивающая возможность изучить элементы рассматриваемых нами явлений, а также взаимосвязь между ними. Безусловно, исследователями предпринимаются попытки классифицировать медиафреймы, однако единый критерий, который мог бы лечь в основу универсальной типологии, не определен.

Этапы построения медиафреймов

Технология фрейминга в медийном пространстве разделяется на следующие этапы: построение фрейма, установка фрейма, эффекты фрейминга на уровне индивида и связь между индивидуальными фреймами и медиафреймами. Рассмотрим данные этапы более подробно.

1. Построение фрейма. На этапе построения фрейма основным является вопрос о том, какие организационные или структурные факторы медиасистемы или индивидуальные характеристики журналистов могут повлиять на формирование информационного содержания. Выделяется несколько потенциальных источников влияния. Во-первых, это влияние, сосредоточенное на журналистах, которые активно создают фреймы, чтобы структурировать и осмыслить поступающую информацию. Формирование названных конструктов регулируется такими составляющими, как идеологические воззрения журналистов и их отношение к профессиональным нормам. Это в конечном итоге отражается на том, как журналисты освещают ту или иную тему. Во-вторых, источник влияния – это выбор фреймов, которые зависят от таких факторов, как тип или ориентация СМИ. В-третьих, это внешние субъекты давления, к которым относятся, например, общественные деятели, группы интересов, то есть фреймы, предлагаемые последними, принимаются журналистами и включаются в их освещение проблемы или события.

2. Установка фрейма. Этап установки фрейма используется для его регулировки. Во многих случаях доступность и значимость фреймов отходят на второй план, хотя их значимость для аудитории представляется ключевой: фреймы влияют на мнения, подчеркивая конкретные ценности, факты и другие соображения, придавая им более очевидное отношение к проблеме. Важность фреймов в данном смысле означает их доступность или легкость, с которой можно вспомнить примеры, представить что-то по ассоциации.

3. Эффекты фрейминга на индивидуальном уровне. При этом подразумевается влияние медиафреймов аудитории на поведенческие, установочные и когнитивные переменные личности. Предполагается, что эффекты фрейминга устанавливают прямую связь между медиафреймами и результатами их влияния на индивидуальном уровне. Проблема состоит в том, принимает ли аудитория

медиафреймы полностью или использует фреймы, аналогичные медиафреймам, при собственной обработке информации. Следовательно, остается открытым вопрос о посреднике в виде фреймов аудитории.

4. Связь между индивидуальными фреймами и медиафреймами. При взаимосвязи между индивидуальными фреймами и медиафреймами журналисты рассматриваются как потенциальная аудитория созданных конструктов. Репортеры и их аудитория в равной степени восприимчивы к фреймам, используемым для описания событий и проблем. Процесс конструирования обычно концептуализируется как иерархический, исходящий от элит или средств массовой информации. При этом присутствует и взаимозависимость, которая не вписывается в принцип «сверху вниз». В данном случае ключевой является проблема зависимости журналистов от «групп давления» и интерпретации первыми того или иного события в рамках уже созданных фреймов [5, с. 114, 117].

Структура любого фрейма организована по вероятностному принципу. Еще М. Минский, анализируя фреймы для представления знаний, утверждал, что «фрейм можно представить себе в виде сети, состоящей из узлов и связей между ними. «Верхние уровни» фрейма четко определены, поскольку образованы такими понятиями, которые всегда справедливы по отношению к предполагаемой ситуации. На более низких уровнях имеется много особых вершин-терминалов, или «ячеек», которые должны быть заполнены характерными примерами или данными» [2]. Иными словами, фрейм можно представить в виде двухуровневой структуры, вершину которой составляют единицы, наиболее характерные для данного случая. Другой уровень заполнен вероятностными единицами, которые могут варьироваться в структуре фрейма в зависимости от ситуации. В семантике такие уровни носят название «ядро» и «периферия». Степень вариативности структуры фрейма растет по мере удаления от ядра, т. е. чем дальше от ядра, тем больше вариативность.

Таким образом, рассмотренные характеристики семантического фрейма позволяют сделать вывод, что семантический фрейм в ментальном лексиконе человека – это способная к динамике категория, упорядочивающая лексическую базу по иерархическому принципу в зависимости от контекстуальных условий, в которых происходит формирование и развитие лексикона. При этом контекст может носить как вербальный, так и невербальный характер и обязательно должен учитываться при исследовании.

Выводы

1. Новостные фреймы в когнитивной парадигме используются для создания семантических ассоциаций в пределах схемы индивидуального сознания. Текстовое представление утверждений, которые кодируют фрейм, проникает в сознание и образует базу для обновления и модификации схем индивидуального сознания.

2. Ученые, работающие в критической парадигме, считают фрейм результатом рутинного отбора новостей, с помощью которого журналисты передают информацию о проблемах и событиях исходя из ценностей, поддерживаемых политическими и экономическими элитами. Такие фреймы обычно доминируют при освещении новостей.

3. Сторонники когнитивной парадигмы отмечают, что журналисты регулярно создают конструктивно разные фреймы о проблеме или событии

в рамках одной новости. Конструктивисты считают, что определенный фрейм может преобладать в новостях довольно большое количество времени и что он содержит широкий спектр точек зрения, которые потенциально пригодны для понимания новостей.

4. Таким образом, можно сделать вывод о том, что главная цель использования медиафрейминга в СМИ – вовлечение граждан в государственно-правовой процесс, что требует осмысления технологий, с помощью которых происходит формирование, поддержание или изменение общественного мнения. Используя различные медиа-эффекты, авторы информационных сообщений влияют на формирование определенного отношения к тому или иному событию, имеющему отражение в СМИ.

Список использованных источников

1. Казаков, А. А. Фрейминг медиа-текстов как инструмент воздействия на аудиторию: обзор распространенных трактовок / А. А. Казаков // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Социология. Политология. – 2014. – № 4. – С. 85–90.

2. Minsky, Marvin. A framework for representing knowledge / Marvin Minsky. – Cambridge, 1974.

3. Пономарев, Н. Ф. Медиафрейминг как ключевая дискурсивная стратегия / Н. В. Пономарев // Власть. – 2013. – Т. 21. – № 9. – С. 93–97.

4. Сдельников, В. А. Отображение современных отношений «Запад-Россия» посредством медиафрейма «учитель – ученик» // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2016. – № 404. – С. 138–142.

5. Scheufele, D. A. Framing As a Theory of Media Effects / D. A. Scheufele // Journal of Communication. – 1999. – № 49 (1). – P. 103–122.

УДК 81`33

ЛИНГВОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ДЕЛИНКВЕНТНОЙ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЭКСТРЕМИСТА)

А. Л. Дединкин,

доцент, кандидат исторических наук,
профессор кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин
Витебского филиала Международного университета «МИТСО»,
г. Витебск, Республика Беларусь
E-mail: alexanderdedinkin@yandex.by

В рамках судебных лингвистических исследований автором был подготовлен целый ряд заключений, на основании которых сделана попытка моделирования лингвопсихологического портрета (типажа) экстремиста. Для данного проявления делинквентной личности характерно менторство (использование в своей речи призывов), а также использование инвектив. Кроме лингвистических характеристик экстремиста важно учитывать его ценностные ориентации и психотип, особенности сознания и коммуникативного поведения.

Ключевые слова: юрислингвистика, делинквентная личность, экстремизм, лингвистическая экспертиза, лингвопсихологический портрет.

LINGUO-PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF A DELINQUENT PERSON (ON THE EXAMPLE OF AN EXTREMIST)

A. L. Dziadzinkin,

Associate Professor, PhD in History,
Professor of the Department of Law and Social and Humanitarian Disciplines,
Vitebsk Branch of the International University «MITSO»,
Vitebsk, Republic of Belarus
E-mail: alexanderdedinkin@yandex.by

As part of forensic linguistic research, the author prepared a number of conclusions, on the basis of which an attempt was made to model a linguo-psychological portrait (type) of an extremist. This manifestation of a delinquent personality is characterized by mentoring (the use of appeals in one's speech), as well as the use of invectives. In addition to the linguistic characteristics of an extremist, it is important to take into account his value orientations and psychotype, features of consciousness and communicative behavior.

Keywords: *jurislinguistics, delinquent personality, extremism, linguistic expertise, linguo-psychological portrait.*

Введение

В борьбе с делинквентными проявлениями личности достойное место занимает юрислингвистика. Она основывается, с одной стороны, на юриспруденции, а с другой – на ряде лингвистических дисциплин: коммуникативной лингвистике, стилистике, теории речевых жанров, неориторике и других областях, предметом исследования которых является текст в его многогранных проявлениях. Трудно переоценить даже сам факт взаимодействия правоохранительных органов с лингвистами-экспертами, которые проводят исследования, готовят заключения в рамках судебных лингвистических экспертиз, консультируют юристов по вопросам принадлежности тех или иных высказываний к экстремистским.

Цель и задачи

Цель данной статьи – показать, что экстремизм активно распространяется в мире, поэтому бороться с ним должны не только правоохранители-юристы, но и лингвисты, которые помогут создать модель портрета экстремиста на основе его речевых высказываний и текстов.

Методы и материал исследования

В работе использованы как философские и общенаучные, так и специальные методы. Из философских методов применялись методы диалектического и синергетического анализа; из общенаучных – обобщение, анализ, синтез и моделирование; из специальных – частные лингвистические методы (к примеру, контент-анализ). Материалом для данного исследования стали шестнадцать спорных текстов, которые были исследованы автором в 2020–2022 гг. в соответствии с постановлениями правоохранительных органов.

Результаты и их обсуждение

Для проведения лингвистических экспертиз по делам об экстремизме разрабатываются объективные процедуры идентификации признаков преступлений. В этом направлении наибольший вклад внесли такие исследователи, как А. Н. Баранов [1] и Е. И. Галяшина [2].

Важнейшей задачей нашего исследования является разработка лингво-психологического портрета экстремиста. В современной лингвистике фигурирует несколько терминов, которые одними авторами дифференцируются, а другими используются как синонимичные. Это «языковая личность» (В. В. Виноградов; Ю. Н. Караулов), «речевой портрет» (И. Т. Вепрева; Н. А. Купина), «идиостиль» (В. П. Григорьев), «речевой имидж» (Е. В. Осетрова), «типаж» (В. И. Карасик). Не вдаваясь в подробный анализ указанных категорий, мы предлагаем их дифференцировать. Когда говорим об обычном, рядовом, «обобщенном» человеке (к примеру, студенте), мы используем термин «языковая личность», когда описываем индивидуальную личность (к примеру, конкретного политика), то применяем категорию «языковой (речевой) портрет». Когда же речь идёт о делинквентной личности – на наш взгляд, целесообразно использовать понятие «лингвопсихологический портрет» (типаж).

«Лингвопсихологический портрет» (типаж) как образ представителя определённой группы определяется не только по специфическим характеристикам вербального поведения, но и по ценностным ориентациям и определенным психологическим чертам.

В рамках судебных лингвистических исследований нами был подготовлен целый ряд заключений, на основании которых была сделана попытка моделирования лингвопсихологического портрета (типажа) экстремиста.

Важная роль в случае построения психологического элемента в портрете (типаже) экстремиста, безусловно, принадлежит его личности. Психологические аспекты личности представляют собой относительно стабильный комплекс качеств, которыми определяются типичные формы поведения.

К психологическим особенностям личности экстремиста следует отнести:

- низкую социальную адаптацию;
- незрелые нравственно-культурные ценности;
- проблемы в сфере коммуникации;
- общую неудовлетворенность положением в обществе.

Психологи выделяют следующие психотипы, склонные к совершению преступлений: гипертимный, психастенический, шизоидный, эпилептоидный, циклоидный, эмоционально-лабильный, сензитивный, астеноневротический, неустойчивый, паранойяльный, истероидный, конформный.

Особый интерес для нас представляют коммуникативные черты, которые тесно связаны с психологическими аспектами личности. Лицам, склонным к экстремистской деятельности, свойственны особые формы коммуникативного поведения, не позволяющие им осуществить благополучную интеграцию в сферу социальных взаимодействий. Это в первую очередь менторство, заключающееся в попытке подчинить себе окружающих, что выражается в текстах, содержащих различного рода асоциальные призывы:

- *«Русский, иди с нами!»*;
- *«Партизаны Беларуси, совершайте диверсии!»*.

В данных примерах проявляется эпилептоидный тип личности, когда человек ведет себя как диктатор. У такого типа личности характерными особенностями являются жестокость, властность, себялюбие.

К лингвистическим особенностям личности экстремиста также следует отнести использование языковых средств, выражающих негативные, унижительные характеристики в адрес какой-либо социальной группы или ее представителей.

К подобным языковым средствам относятся инвективы, т. е. слова и выражения, заключающие в своей семантике и экспрессивной окраске интенцию автора оскорбить или унижить врага, добиться изменения поведения адресата.

Инвектива, являясь проявлением прагматики, реализуется, прежде всего, на лексическом уровне. В словарях обычно употребляются следующие инвективные пометы: бранное, неодобрительное, презрительное, пренебрежительное, укоризненное слова.

Целесообразно выделять три компонента инвективной стратегии: отрицательную оценочность, стремление понизить социальный статус адресата, обязательное наличие объекта оскорбления.

В экстремистских текстах используются следующие категории инвектив:

1) инвективные номинации с негативным оценочным компонентом, явно относящиеся к характеристике групп по национальному, расовому, религиозному и иным социальным признакам. Такой, к примеру, является номинация «хачи». В текстах экстремистского содержания прослеживается негативная оценка «хачей» как уроженцев Кавказа или Средней Азии.

В качестве примера использования номинации «хачи» может служить следующий креолизованный текст, подвергшийся экспертизе на предмет наличия в нём признаков экстремизма:

изобразительный компонент – двое избивают третьего;

вербальный компонент (пояснительная надпись) – «Встречать хачей нужно примерно так!»;

2) жаргонные номинации эвфемистического характера с негативной оценкой группы по национальному, расовому, религиозному и иным признакам. Такой, к примеру, является номинация «акабы». В текстах экстремистского содержания прослеживается негативная оценка «акабов» как сотрудников правоохранительных органов (чаще – милиции). Номинация происходит от аббревиатуры «А.С.А.В.», которая, в свою очередь, восходит к английскому «all cop are bastards» («все полицейские – ублюдки»). Данная номинация употребляется в двух орфоэпических вариантах: «акаб» и «эй си эй би».

В качестве примера использования номинации «акабы» может служить следующий креолизованный текст, подвергшийся экспертизе на предмет наличия в нём признаков экстремизма:

изобразительный компонент – череп с костями;

вербальный компонент (пояснительная надпись) – «Смерть акабам!»;

3) семантически имплицитные номинации. Они ни напрямую, ни посредством эвфемистических средств не связаны с оценкой групп по национальному, расовому, религиозному и иным социальным признакам, но устойчиво употребляются с негативной интенцией в текстах экстремистского содержания.

Во-первых, такими являются номинации, где члены рецессивной группы сравниваются с животными, растениями или неодушевленными предметами. Тем самым демонстрируется их неполноценность по сравнению с членами доминантной группы. Все подобные сравнения имеют отрицательную коннотацию: «шавки», «твари» (в значении «ничтожные люди»), «бараны» (в значении «глупые люди»), «чурки» (в значении «бесчувственные люди»), «обезьяны» (в значении «некрасивые люди»), «сорняки» (в значении «вредные люди»), «тряпки» (в значении «слабовольные люди»).

Во-вторых, это номинации бранной, в том числе обценной лексики (грубейшие вульгарные выражения, табуизированные слова, связанные с телесным низом и физиологическими отправлениями): «п...доры» (в значении «люди с нетрадиционными сексуальными взглядами»), «у...бки» (в значении «умственно ущербные люди»).

Выводы

По утверждению В. фон Гумбольдта, изучение языка не является конечной целью лингвистических исследований, а «вместе со всеми прочими областями служит высшей и общей цели совместных устремлений человеческого духа, цели познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [3, с. 383]. Поэтому лингвистические данные мы рассматриваем в неразрывной связи с поведением человека, его психикой, социумом, с которым происходит взаимодействие.

Юрислингвистика как относительно новое направление в лингвистике должна создать алгоритм систематизации речевого материала, позволяющий установить лингвопсихологический облик личности. А это и есть «лингвопсихологический портрет (типаж)». Кроме чисто языковых характеристик экстремиста важно учитывать его ценностные ориентации и психотип, особенности языкового сознания и коммуникативного поведения.

Таким образом, теория лингвопсихологических портретов (типажей) становится активно развивающимся направлением языкознания на стыке психолингвистики, юрислингвистики, лингвокультурологии и лингвоперсонологии, что вызвано необходимостью их практического применения в судебной экспертизе.

Список использованных источников

1. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основы и практика : учеб. пособие / А. Н. Баранов. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2013. – 592 с.
2. Галяшина, Е. И. Лингвистика vs экстремизма: в помощь судьям, следователям, экспертам / Е. И. Галяшина. – М. : Юридический Мир, 2006. – 96 с.
3. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 448 с.

УДК 81'271.1:82-2

СОВРЕМЕННАЯ ДРАМАТУРГИЯ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ СВОЕОБРАЗИЯ СОВРЕМЕННОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

И. П. Зайцева,

профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой мировых языков
Витебского государственного университета им. П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь

В статье обосновывается исследовательская значимость текстов современных драматургических произведений как материала для разноаспектного изучения современной устной речи. Это обусловлено авторской стилизацией речи действующих в пьесе лиц под речь разговорную, которая имеет место в большинстве произведений, принадлежащих к этому литературному роду.

Дискурсивный подход к исследованию словесной ткани современных пьес позволяет более глубоко и системно выявить и проанализировать характерные особенности современной устной речи практически на всех уровнях: лексико-семантическом, морфологическом, синтаксическом и т. п., – включая уровень структурно-композиционный.

Ключевые слова: устная речь, разговорная сфера общения, драматургический дискурс, диалоговая форма, речь персонажей, экстралингвистический контекст, стилизация.

MODERN DRAMATURGY AS A RESEARCH FIELD OF THE UNIQUENESS OF MODERN SPOKEN SPEECH

I. P. Zaitseva,

Professor, Doctor of Philology, Head of World Languages of
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
Vitebsk, Republic of Belarus

The article substantiates the research significance of the texts of modern dramatic works as material for the multifaceted study of modern spoken speech. This is due to the author's stylization of the speech of the persons acting in the play into colloquial speech, which takes place in most works belonging to this literary genre. The discursive approach to the study of the verbal fabric of modern plays allows us to more deeply and systematically identify and analyze the characteristic features of modern spoken speech at almost all levels: lexical-semantic, morphological, syntactic, etc., including the structural-compositional level.

Keywords: spoken speech, colloquial sphere of communication, dramatic discourse, dialogue form, speech of characters, extralinguistic context, stylization.

Введение

Устная речь – речь, произносимая, порождаемая в процессе говорения, – как известно, является первичной формой существования языка. Однако несмотря на её первичность как в фило-, так и в онтогенезе, в течение длительного времени основным объектом внимания традиционной лингвистики был лишь литературный язык преимущественно в *письменной* форме (как правило, противопоставляемой форме *устной*). По этому поводу Шарль Балли однажды заметил: «Историческое языкознание, вынужденное самым предметом своим основываться на текстах, досадным образом приучило нас пренебрегать живыми формами, которые нам удаётся находить во всей их свежести и непосредственности в современных языках. Учитывая, что язык создан прежде всего для устного употребления, было бы ошибкой не принимать последнее за норму» [1, с. 34].

В форме устной речи на современном этапе существования русского языка могут реализовываться практически все его функционально-стилистические разновидности (официально-деловой, публицистический и т. д. стили), хотя реализация в рамках каждой из последних имеет характерные особенности, в том числе **существенно** отличающие её от специфики воплощения в других коммуникативно-речевых сферах. Констатируя, что «практически только в устной форме существует разговорная речь, Е. Н. Ширяев отмечает (понимая под функциональными стилями стили книжные: научный, официально-деловой и

публицистический), что «все устные реализации функциональных стилей часто называют устной публичной речью, которая как одно целое противопоставляется разговорной речи. Основанием для противопоставления является то, что разговорная речь относится к некодифицированной сфере языка и строится по своим собственным правилам, в то время как устная публичная речь является кодифицированной, то есть строится по тем же правилам, что и письменная речь» [9, с. 730].

Цель и задачи

В настоящее время разноаспектное исследование устной речи, в том числе и с безусловным учётом новейших достижений не только лингвистического, но и междисциплинарного знания, вне всякого сомнения, представляет одно из наиболее актуальных, перспективных и динамично развивающихся проблемных полей современного языкознания.

Представляется, что весьма «выгодным» исследовательским материалом для изучения разнообразных особенностей устной речи, прежде всего – реализуемой в сфере разговорного общения в его различных вариациях (*разговорно-литературной, разговорно-просторечной* и т. п.), являются современные драматургические произведения, причём в обеих присущих им ипостасях: литературной (текстовой) и сценической (постановка спектакля). Это обусловливается несколькими факторами. Во-первых – спецификой драматургии как литературного рода, поскольку на всём протяжении его формирования для автора, создающего драматургические произведения (во всяком случае – для драматургии русской), одним из ключевых принципов был принцип *жизнеподобия*. И поскольку ещё одним родолитературным параметром для драматургии является преобладание *диалоговой формы*, то принцип *жизнеподобия* находит выражение в первую очередь в том, что действующие в пьесе лица говорят «как в жизни». Во-вторых, на современном этапе развития языка, в том числе и языка словесно-художественных произведений (художественной речи), где он используется в эстетически осложнённом виде, очевидно активизировалась тенденция к демократизации языка, что отмечается во многих исследованиях [см., например, работы: 2; 3; 5]. Учитывая характерные для произведений, относящихся к драматургическому литературному роду, признаки, с нашей точки зрения, есть все основания утверждать, что означенная тенденция в художественной речи наиболее полно и многообразно проявляется именно в этих словесно-художественных дискурсах.

Результаты и их обсуждение

В качестве иллюстрации к высказанным положениям проанализируем ряд фрагментов из драматургического диптиха «Два плюс два» (2010) [4] популярного современного драматурга **Николая Коляды**, по пьесам которого уже несколько десятилетий успешно ставятся спектакли как столичными, так и другими театрами. Этот диптих, состоящий из двух небольших (в одном действии) пьес – «Клин-обоз» и «Икар», – жанрово квалифицирован автором как «*Две грустные комедии для двух актёров и двух актрис*».

В обеих пьесах драматургического диптиха закономерно преобладает *диалоговая форма*, занимающая более 90 % всего текстового пространства, но при этом драматургический диалог в каждом случае обрамляется типичными для индивидуально-авторского почерка Н. Коляды очень развёрнутыми начальными ремарками и менее объёмными, но всё же весьма значимыми в информативно-оценочном плане ремарками заключительными.

Так, в пьесе «Клин-обоз» именно содержащаяся в начальной ремарке информация свидетельствует о возможном конфликте между участниками разворачивающегося далее диалога, поскольку характеристика их автором (явно *ироничная*, что, безусловно, несколько нарушает принципы традиционной ремарки) отчётливо даёт понять, что находятся эти персонажи на разных ступенях социальной лестницы и это, вероятно, найдёт отражение и в их речевых проявлениях (примечательно, что при представлении действующих лиц автор указывает лишь возраст Ирины и Натальи). Фрагмент начальной ремарки пьесы, содержащий характеристику коммуникантов перед их вступлением в диалог, приводится далее:

«Наталья (она в халате, в вязаных носках) сидит за столом, слушает Ирину – молодящуюся городскую бабёнку лет 50-ти. Наталье столько же лет. Наталья букву “ё” в словах не произносит.

Ирина в валенках расшитых, в цветном платке, вся такая под русскую работает. Полушубок у неё расшит узорами. Она русская писательница, очень за русский народ переживает и это во всём видно» [4].

Учёт содержащейся в ремарке информации позволяет реализовать при анализе речевых проявлений обоих коммуникантов, которые и являются объектом нашего исследования, *дискурсивный* подход, ориентированный на рассмотрение любого текста в совокупности с его связями с экстралингвистической реальностью. Это предполагает рассмотрение высказываний (в данном случае – принадлежащих «говорящим» персонажам) прежде всего в условиях конкретной коммуникативно-речевой ситуации со всеми её составляющими, а также в широком контексте их функционирования, охватывающем, помимо собственно лингвистических, социальные, культурные, психологические, нередко – территориальные и иного рода факторы, так или иначе влияющие как на формирование, так и на функционирование высказываний.

Разворачивающийся далее диалог, начатый как разговор на исключительно бытовую тему (Ирина по-соседски пришла просить Наталью приглядывать в её отсутствие за только что приобретённым домом), закономерно стилизован автором под разговорную речь, которая, однако, – что обусловлено различием в типе языковых личностей персонажей – реализуется коммуникантами в разных её разновидностях: *разговорно-литературной* (Ирина) и *разговорно-просторечной* (Наталья).

«ИРИНА. О, Наташа, не надо смотреть телевизор! Ну, зачем вы?! Это зомбо-ящик! Он превращает русский народ в быдло! Выкиньте, вынесите немедленно на мороз, на улицу, на снег! Хотите, я помогу вам, прямо сейчас?

НАТАЛЬЯ. Чего? Телевизор на улицу? Я не поняла?

ИРИНА. Ладно, не всё сразу.

НАТАЛЬЯ. Нет, я не поняла, чего надо? Вы смеётесь надо мной?

ИРИНА. Не важно. Потом как-нибудь. А вы, Наташа, никогда не произносите букву “ё” в словах? Это тут у вас такой русский говор, да? Как интересно! Никогда не слышала, следует записать! (Садится, не раздеваясь, к столу, достаёт из сумки записную книжку, пишет). «Есть селения, где буква “ё” не произносится в словах». Простите, я писатель – так не люблю слово писательница! – мне надо всегда фиксировать всё в записной книжке. Но я не смогу вам платить.

НАТАЛЬЯ. А?

ИРИНА. За то, что вы будете следить за домом, я не смогу вам платить.

НАТАЛЬЯ. За что?

ИРИНА. Ну, за этот вот, выражаясь по-вашему, за пригляд. (Смеётся).
Хоть бы чаем угостили.

НАТАЛЬЯ. Дак вы меня в сторожа нанимаете, что ли?

ИРИНА. То-то и оно, что не нанимаю.

НАТАЛЬЯ. А чего тогда вам от меня надо?

ИРИНА. Ну, какая вы, Наташа, простая. Простецкая, я бы даже сказала. Жарко у вас, натоплено. Фу! (Встала, стоит, записной книжкой обмахивается). Хотя понятно – зомбо-ящик. Воспитание такое.

НАТАЛЬЯ. Дак чего надо-то?

ИРИНА. Ох, тяжело в деревне без нагана. (Смеётся). Вы очень, очень гостеприимны. Я на грани срыва, едва жива с этой покупкой дома, с этим убеганием от города, от всей жизни. А вы так вот, запросто, Наташа. Ну, что сказать. Сказать нечего.

НАТАЛЬЯ. Женищина, дак вы чего хотите от меня?

ИРИНА. Ясно. Она поняла, что торг уместен.

НАТАЛЬЯ. Чего?

ИРИНА. Я не смогу вам платить!

НАТАЛЬЯ. За что?

ИРИНА. За пригляд! Пригляд! Пригляд!

НАТАЛЬЯ. Я не поняла. Вы чего пришли, женищина? Вам, может, картошки нужно продать? Дак у меня есть в погребе. Слезить с ведром?

ИРИНА. Да не нужно мне картошки продать. Ничего уже от вас не нужно. Ну что за люди, а? Им за всё платить надо. Ещё и «ё» не говорит, а туда же. Как вы живёте, кошмар какой-то. Тоска. Удаться можно. До свидания. До лета.

НАТАЛЬЯ. Ну, до свидания, раз так ...» [4].

Приведённый диалогический фрагмент формально построен по всем правилам коммуникативно-речевого взаимодействия двух коммуникантов: реплики-стимулы чередуются с репликами-реакциями; для связи части их используются типичные для диалогических единств средства (вопросно-ответная форма; лексические повторы и т. п.), однако в смысловом плане в данном случае присутствует явная «разбалансированность». Наталья, будучи, судя по всему, значительно менее образованной, чем Ирина, многие образные выражения собеседницы воспринимает буквально, не включаясь в предлагаемую Ириной игриво-метафорическую тональность общения: *О, Наташа, не надо смотреть телевизор! ... Это зомбо-ящик! Он превращает русский народ в быдло! Выкиньте, вынесите немедленно на мороз, на улицу, на снег! – Чего? Телевизор на улицу? Я не поняла?; Я не смогу вам платить! ... – Я не поняла. Вы чего пришли, женищина? Вам, может, картошки нужно продать?* и т. п. К чести Ирины следует отметить, что она довольно быстро осознаёт, с какого уровня собеседницей имеет дело и что её красноречие в беседе тратится почти впустую (*Ну, какая вы, Наташа, простая. Простецкая, я бы даже сказала; Ясно. Она поняла, что торг уместен* и т. п.). Это, впрочем, практически не сказывается на её стиле общения, её реплики по-прежнему весьма развёрнуты, отличаются образностью и оценочностью, однако становятся по большей части автокоммуникативными, превращаясь в размышления Ирины по поводу происходящего, вследствие чего их адресованность существенно снижается: *Ничего уже от вас не нужно. Ну что за люди, а? Им за всё платить надо. Ещё и «ё» не говорит, а туда же. Как вы живёте, кошмар какой-то. Тоска. Удаться можно.*

Речь Ирины характеризуется множеством признаков, свойственных устной речи в её *литературно-разговорном* варианте. Во-первых, это очевидно творческий подход к использованию средств языка в речи, придающий ей явную экспрессивность и образность; эта особенность проявляется как в выборе употребляемых языковых средств, так и в их организации. Явно сниженная лексика: *быдло, пригляд, простецкая* и под. – используется Ириной нечасто и каждый раз вполне оправданно, о чём свидетельствует и её рефлексирование по поводу выбираемых слов и выражений – ср.: *выражаясь по-вашему, за пригляд; Ну, какая вы, Наташа, простая. Простецкая, я бы даже сказала* и т. п. Проявлением творческого отношения к пользованию языком, безусловно, является и включение в речь новообразований, которые практически всегда обладают повышенной экспрессивностью, – типа *зомбо-ящик* (о телевизоре). Приведённые примеры подтверждают выводы исследователей о том, что устная разговорная речь на лексическом уровне характеризуется «обилием эмоционально-оценочных элементов, словесной импровизацией» [8, с. 709].

Помимо этого, речь Ирины отличает ряд характерных для сферы разговорного общения грамматических качеств. Это прежде всего обилие синтаксических конструкций, наиболее активно используемых именно в устном разговорном общении – *односоставные, неполные, эллиптические* и т. п. предложения, смысл которых понятен лишь с учётом контекста и/или конкретной коммуникативной ситуации: *Ну, зачем вы?!; Ладно, не всё сразу; То-то и оно, что не нанимаю; Сказать нечего* и многие другие. В этих конструкциях, как можно убедиться, функционирует немало морфологических элементов, которые характерны, в основном, для устной разговорной речи. Это различные частицы: *ну (Ну, зачем вы?!; Ну что за люди ...; Ну вот, гляньте ...* и т. п.); *да (Да не нужно мне картошки продать* и т. п.); *как (Как интересно!* и т. п.); *а (А вы так вот, запросто ...* и т. п.); междометия (*Ох, тяжело в деревне без нагана* и т. п.) и нек. другие.

Анализ речевых проявлений Натальи – как в приведённом фрагменте, так и в драматургическом диалоге в целом – позволяет прийти к выводу, что её речь, безусловно, принадлежит к иной разновидности разговорной речи (в данном случае стилизованной, несомненно, под речь устную) – *разговорно-просторечной*. Реплики Натальи значительно менее развёрнуты, чем реплики её собеседницы, они представляют, в основном нераспространённые предложения, практически не включают образных и образно-оценочных элементов и т. д., что свидетельствует и о весьма небогатом лексиконе, и об очень слабо развитых языковой, речевой и коммуникативной компетенциях. В то же время вербальные средства, которые функционируют в высказываниях Натальи, достаточно явно демонстрируют отнесённость её речи именно к разговорно-просторечному регистру устной речи.

На одну из характерных особенностей, свойственных означенному регистру – особенность фонетико-орфоэпического характера, автор-драматург указывает в уже частично приводимой начальной ремарке: *Наталья букву «ё» в словах не произносит*. Помимо этого, речь этого персонажа содержит множество сниженных – разговорных, просторечных, диалектных и т. п. – лексических элементов, среди которых местоимение *чего* в значении ‘что’; *Чего?; ... я не поняла, чего надо?; А чего тогда вам от меня надо?* и под. (ср.: «**ЧЕГО** ... **3. вопрос, и союзн. сл., нескл.** То же, что что (в 1 знач.) (прост.). *Чего случилось-*

то? Чего ты сказал?» [7, с. 1085]); слово *дак*, которое при употреблении в речи Натальи совмещает в себе и значение просторечной частицы, и наречия *так* в его просторечном произношении: *Дак вы меня в сторожа нанимаете, что ли? Дак чего надо-то?* (ср. комментариев в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова: «**ДАК** ... (простореч.). Частица в знач. вот, ведь (в письменной речи не употр. и заменяется равнозначным словом *т а к*). *Дак я же говорил!*» [6, стб. 648]; просторечная форма употребляемого в повелительном наклонении глагола *хотеть*: *Женщина, дак вы чего **хочете** от меня?* – и т. п.

Синтаксически речь Натальи оформлена исключительно разговорно-просторечными конструкциями, среди которых преобладают неполные предложения, смысл которых можно уяснить лишь при обращении к контексту. В последней реплике, которая принадлежит Наталье в приводимом фрагменте присутствуют не только все перечисленные, но и ряд других особенностей, характерных для разговорно-просторечной сферы общения; «**НАТАЛЬЯ**. *Я не поняла. Вы чего пришли, женщина? Вам, может, картошки нужно продать? Дак у меня есть в погребке. Слазить с ведром?*»

Проанализированный фрагмент драматургического диалога пьесы популярного российского автора Николая Коляды, как представляется, подтверждает мнение о том, что «устная речь во многом зависит от психофизиологических, интеллектуальных, возрастных, гендерных, социальных, общекультурных черт “человека говорящего”» [8, с. 709].

Выводы

При этом проведённые наблюдения, как представляется, достаточно убедительно демонстрируют исследовательскую значимость произведений современной драматургии как материала для более глубокого и детального изучения явлений и процессов современной устной речи, в первую очередь – реализуемой в сфере разговорного общения, причём как в разговорно-литературной, так и в разговорно-просторечной ипостаси.

Список использованных источников

1. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностранной лит., 1955. – 416 с.
2. Баско, Н. В. Развитие русского языка в условиях глобализации / Н. В. Баско // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. – М., 2014. – С. 252–256.
3. Бельчиков, Ю. А. О роли СМИ в процессе демократизации русского литературного языка / Ю. А. Бельчиков // Вестн. электронных и печатных СМИ. – 2010. – № 13. – С. 3–7.
4. Коляда, Н. Два плюс два: Две грустные комедии для двух актёров и двух актрис [Электронный ресурс] / Н. Коляда // Современная драматургия. – Режим доступа: <https://theatre-library.ru/authors/k/kolyada>. – Дата доступа: 21.04.2023.
5. Лабащук, М. Критерии демократизации языка / М. Лабащук // Acta Neophilologica. – 2006. – VIII. – P. 139–146.
6. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Советская Энцикл., 1935. – Т. 1 : А–Кюрины. – 1566 стб.
7. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Изд. центр «Азбуковник», 2007. – 1175 с.

8. Фельде, О. В. Устная речь [Электронный ресурс] / О. В. Фельде // (Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова ; редкол.: Г. А. Копнина [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 709–710.

9. Ширяев, Е. Н. Устная речь / Е. Н. Ширяев // Культура русской речи : энцикл. словарь-справ. / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – М. : Флинта ; Наука, 2003. – С. 729–730.

УДК 811.161.1'42'371'373.6:398.92:004.77:366.46

НЕОФРАЗЕМА ЦИФРОВАЯ АМНЕЗИЯ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СЕМАНТИКА, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

В. И. Коваль,

профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь
E-mail: vlad-kov@mail.ru

В статье анализируется явление детерминологизации в сфере современной медицинской терминологии (шизофрения, маразм, склероз, депрессия и др.). Основное внимание уделено возникновению, семантике и функционированию фразеологизма цифровая амнезия, отражающего явление интернет-зависимости и указывающего на отсутствие способности людей запоминать большие объемы информации. Приводятся различные мнения, связанные с выражением отношения к способам поиска, фиксации и обработки необходимой информации.

Ключевые слова: детерминологизация, цифровая амнезия, Гугл-эффект, компьютерная зависимость, интернет-медиа.

NEOPHRASEMA DIGITAL AMNESIA: ORIGIN, SEMANTICS, FUNCTIONING

V. I. Koval,

Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics of the Gomel State University named after Francis Skorina, Gomel, Republic of Belarus
E-mail: vlad-kov@mail.ru

The article analyzes the phenomenon of determinologization in the field of modern medical terminology (schizophrenia, insanity, sclerosis, depression, etc.). The main attention is paid to the emergence, semantics and functioning of the phraseology digital amnesia, reflecting the phenomenon of Internet addiction and indicating the lack of people's ability to memorize large amounts of information. Various opinions related to the expression of attitudes to the methods of searching, fixing and processing the necessary information are given.

Keywords: determinologization, digital amnesia, Google effect, computer addiction, internet media.

Введение

Одним из активных процессов, сопровождающих лексико-семантический способ словообразования, является детерминологизация, при которой слова или словосочетания, относящиеся к специальной лексике, переходят в разряд общеупотребительных номинаций, приобретая при этом новое (как правило, оценочное) значение. Наблюдения показывают, что значительную активность при этом проявляют многие медицинские термины, что объясняется вполне объективными причинами: «Медицина является одной из древнейшей наук, столь же древних, как и само человечество, и её актуальность в жизни людей не вызывает сомнений. В наши дни в связи с новыми достижениями медицинской науки, которые широко внедряются в быт человека, медицинские термины, покидая специальные тексты, функционируют в новых контекстах, предназначенных уже не только для специалистов, но и для всех носителей языка» [6, с. 157].

Цель и задачи

Цель данной статьи заключается в характеристике неологизма *цифровая амнезия*, именной компонент которой отражает явление детерминологизации, с точки зрения особенностей ее возникновения, семантики и функционирования в текстах.

Результаты и их обсуждение

Ресурсы Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) позволяют наглядно проиллюстрировать переход ряда медицинских терминов в сферу общеупотребительной лексики: **шизофрения** ‘тяжелое психическое заболевание, характеризующееся нарушением психических процессов’ → ‘о чем-то странном, нелогичном, абсурдном’: *«А сейчас, – сказал Михаил, вполне довольный завтраком, – у меня идея: идём в лес искать грибы-ягоды»*. *Майя ужаснулась: «Шизофрения какая-то! После завтрака нужно отдохнуть! Какой лес?!»* (А. Мацанов. Коротким летом на Лене // «Ковчег», 2014); **склероз** ‘заболевание, выражающееся в патологическом уплотнении различных органов’ → ‘ухудшение памяти, забывчивость’: *Забыли дарить радость – себе и близкому человеку. Всеобщий склероз на добро, на понимание* (А. Кириллин. С собой не возьму // «Сибирские огни», 2012); **маразм** ‘состояние полного упадка психической и физической деятельности человека вследствие старости или длительной хронической болезни’ → ‘состояние нравственного упадка, разложения чего-либо’: *Шестидесятые – сумасшедшие годы: маразм крепчал, мир открывался восторженно, вера в идеалы казалась отчаянно свежей* (И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский); *Мне никто не может ответить на вопрос, кто придумал все это? Складывается впечатление, что везде царит полный чиновничий маразм* (В. В. Шелохаев. Дневник); **геморрой** ‘заболевание прямой кишки’ → ‘проблема, затруднение’: *Жалуясь на «головную боль с запчастями» и на «геморрой с автосервисом», мы даже не подозреваем, что и тот и другой недуги подстерегают водителя не как метафора, а как вполне реальные диагнозы* (Х. Ганиев. Автодиагностика // «Автопилот», 15.01.2002); **дистрофия** ‘патологическое расстройство питания’ → ‘ослабление, истощение’: *Экономике с ее изношенной инфраструктурой и инвестиционной дистрофией хватит прочности для того, чтобы до момента начала реформ не выйти из строя окончательно* (А. Колесников. Год сурка, или 2003-й как клон 2002-го (2003) // «ПОЛИТКОМ. РУ», 10.01.2003); **депрессия** ‘угнетенное, подавленное психическое состояние, сопровождаемое физическим и духовным бессилием’ →

‘упадок, застой в хозяйственной или культурной жизни страны’: *Однако «двойные орлы» 1933 года так и не вошли в обращение – по приказу президента Рузвельта, боровшегося тогда с американской Великой депрессией, все золотые монеты были переплавлены* (Н. Молок. Нумизматическая «Мона Лиза» (2002) // «Известия», 21.04.2002); **шоковая терапия** ‘метод психиатрического и неврологического лечения с помощью электрического тока’ → ‘программа, направленная на переход от плановой экономики к экономике свободного рынка посредством внезапной и драматической неолиберальной реформы’: *Первой фазой «шоковой терапии» стало сокращение денежной массы и правительственных расходов, что позволило полностью взять под контроль инфляцию* (О. Поляковский. Неподсуден (2003) // «Вокруг света», 15.09.2003).

Явление десемантизации претерпел и достаточно известный медицинский термин **амнезия** (от греч. *α* – отрицательная частица и *μνήμη* ‘память’), использующийся для обозначения заболевания, основным симптомом которого является частичная или общая потеря памяти. «Узнаваемости» данного термина способствует не только распространенность самого заболевания, но и обращение к явлению амнезии как своеобразному сюжетообразующему приему в художественных произведениях и «мыльных» сериалах. Очевидное свойство «потенциальной образности» данного термина стало причиной возникновения на основе его сугубо медицинской семантики (‘нарушение памяти вследствие заболевания головного мозга, проявляющееся в отсутствии воспоминаний о своем прошлом’) указанного выше переносного оценочного значения.

В современных публицистических и научных текстах десемантизированный термин **амнезия** встречается также в составе устойчивого словосочетания *культурная амнезия* ‘о забвении культурных и нравственных ценностей прошлого’ [1, с. 37], а также в близких по значению выражениях *политическая амнезия* и *общественная амнезия*: *Спассти общество от культурной и политической амнезии необходимо именно сейчас, когда состояние российского общества весьма далеко от идеальной либеральной модели* (М. Фетисов. Наталия Козлова: оптимизм памяти // «Отечественные записки», 2003); *Состояние общественной амнезии – продукт не только целенаправленных манипуляций сознанием, но и вполне естественных особенностей эпохи гиперреальности* (Д. Горин. По ту сторону «принципа истории»: об одной особенности исторического самосознания // «Неприкосновенный запас», 2009).

В последнее время в связи с бурным развитием компьютерных технологий, а также с повсеместным и активным использованием различных гаджетов значительное распространение приобрел устойчивый словесный комплекс (по сути своей – потенциальный фразеологизм) *цифровая амнезия*, употребляющийся в значении ‘отсутствие необходимости запоминать большие объёмы информации’ [8].

Наряду с термином *цифровая амнезия* в качестве синонимичного употребляют также выражение *эффект Google* или *Гугл-эффект*, указывающее на возможность нахождения нужной информации при помощи поисковой системы Google. Приведенные термины – *эффект Google* и *цифровая амнезия* – фактически обозначают «побочное явление интернет-зависимости человека: осознавая, что любую информацию можно найти онлайн, головной мозг отказывается запоминать и структурировать поступающие данные» [7].

Американский писатель и журналист Николас Карр в своей статье с красноречивым заглавием «Делает ли Google нас глупее?» отмечает прежде

всего несомненные достоинства Всемирной сети как источника разнообразной информации: «Сеть – это находка для меня как писателя. Исследование, для которого раньше требовались дни в книгохранилищах или залах периодики библиотек, сейчас осуществляется за минуты. Несколько Google-запросов, кликов на гиперссылки – и готов факт или содержательная цитата. <...> Для меня, как и многих других, Сеть становится универсальным медиумом, каналом для большей части информации, которая поступает благодаря зрению и слуху в мозг. Преимуществ мгновенного доступа к такому невероятно богатому арсеналу информации много, и они уже широко описаны и оценены должным образом». Интернет характеризуется Николасом Карром как «машина, предназначенная для эффективного и автоматизированного сбора, передачи информации и работы с ней». С другой стороны, названный автор указывает на то, что «Интернет воздействует на нашу способность познавать» и в доказательство приводит результаты исследования привычек интернет-пользователей, проведенного учеными Лондонского университетского колледжа: «Люди, использовавшие сайты как источники информации, проявляли одну из форм “мечущейся активности”, прыгая с одного ресурса на другой и редко возвращались на какой-либо из сайтов, который уже посещали. Они обычно прочитывают не больше одной-двух страниц, прежде чем перепрыгивают на другой сайт». Николас Карр разделяет также мнение о том, что «стиль чтения, который предлагает Интернет, стиль, который опирается, прежде всего, на оперативность и немедленность, может ослабить нашу способность к вдумчивому чтению». Отмечается также, что под влиянием Интернета «человеческий мозг постепенно настраивается на лоскутное одеяло интернет-медиа».

В целом, однако, автор статьи выступает как активный сторонник использования интернет-ресурсов: «Интернет, всемогущая компьютерная система, объединяет большинство других интеллектуальных технологий. Он становится нашей картой и нашими часами, прессой и печатной машинкой, нашим калькулятором и телефоном, радио и телевидением». В этом отношении современный смартфон с его разнообразными информационными возможностями понимается как современное «продолжение» когнитивных способностей человека: «Человеческий мозг – просто устаревший компьютер, которому необходим более быстрый процессор и более объёмный жёсткий диск» [3].

Высказывая сходную мысль («Интернет стал сегодня своеобразной трансактивной памятью»), В. Ф. и У. В. Олешко приводят статистические данные, согласно которым «более 90 процентов россиян и около 80 процентов респондентов европейских стран считают Интернет дополнением к своей памяти» [5].

Ева М. Кроков определяет понятие «эффект Google» как «адаптивный механизм, который не дает мозгу загромождаться ненужной информацией» и задает в связи с этим риторический вопрос: «В конце концов, зачем нам хранить в памяти сложные факты, числа или дни рождения, если вместо этого можно положиться на надежный телефон или компьютер?» [4].

Несомненные «плюсы», связанные с «поисковым потенциалом» современных гаджетов, оборачиваются и очевидными «минусами»: «Нарастающий поток новых сведений порождает своего рода “слепоту” и выборочность в их восприятии, усталость от объема разнообразных, практически ежесекундно обновляющихся материалов» [2, с. 123].

Участникам интернет-форума, посвященного рассмотрению явления цифровой амнезии, в качестве «отправной точки» была предложена следующая информация: «На вопрос о роли интернета в жизни человека более 90 % американцев ответили, что считают таковой чем-то вроде продолжения мозга. При этом весьма любопытным и в то же время печальным остается тот факт, что примерно треть из них забывают информацию, которую недавно искали в интернете, вскоре после её применения. Однако цифровая амнезия – это только симптом, верхушка айсберга. Замещение естественных способностей к запоминанию цифровыми устройствами в будущем может привести к невозполнимой деградации отделов мозга, отвечающих за хранение и передачу информации в более глубокие слои памяти» [9].

В связи с этим неизбежно возникает вопрос: имеется ли у современного общества «лекарство», позволяющее «излечиться» от этой болезни века – цифровой амнезии (Гугл-эффекта)?

Автор цитированного выше материала – Ева М. Кроков – приводит следующие рекомендации, дающие возможность если не полностью, то хотя бы частично избавиться от цифровой амнезии и, соответственно, от «привязанности» людей к гаджетам: производить «внегугловский» поиск нужной информации на «бумажных» носителях, играющий значительную роль для улучшения памяти; не распечатывать готовую информацию из Интернета, а писать «от руки», то есть делать «старомодные рукописные заметки» [4]. Более радикальным средством борьбы с цифровой амнезией является полный отказ от помощи гаджетов: «Если вы учите иностранный язык – не используйте переводчик, если считаете сумму покупок – откажитесь от калькулятора или приложения, не доверяйте навигатору, а спрашивайте у людей, где находится нужный объект» [7].

Выводы

Очевидно, таким образом, что явление цифровой амнезии представляет собой закономерную «расплату» современного общества за пользование таким благом, как оперативное получение нужной информации из интернет-источников. Вместе с тем, несомненно важным в этом случае является соблюдение некоего «баланса», заключающегося в популяризации традиционных источников информации и способов ее хранения и обработки.

Список использованных источников

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Коломийцева, Е. Ю. Актуальные тренды развития новых медиа / Е. Ю. Коломийцева // Вестн. Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. – 2019. – Т. 1, № 4. – С. 121–128.
3. Карр, Николас. Делает ли Google нас глупее? [Электронный ресурс] / Николас Карр. – Режим доступа: <http://media-ecology.blogspot.com/2011/03/google.html>. – Дата доступа: 07.03.2023.
4. Кроков, Ева М. Эффект Google: как справиться с цифровой амнезией [Электронный ресурс] / Ева М. Кроков. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/articles/587650/>. – Дата доступа: 07.03.2023.
5. Олешко, В. Ф. «Google эффект» в контексте цифровых межпоколенческих противоречий [Электронный ресурс] / В. Ф. Олешко, Е. В. Олешко. – Режим доступа: https://dzen.ru/a/YTef_6H1OlltOFu4. – Дата доступа: 07.03.2023.

6. Риднева, Л. Ю. Детерминологизация медицинской лексики в публицистической и художественной речи / Л. Ю. Риднева // Система і структура східнослов'янських мов. – 2012. – Вип. 6. – С. 156–161.

7. Цифровая амнезия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.b17.ru/article/417330/>. – Дата доступа: 07.03.2023.

8. Цифровая амнезия. Как использование гаджетов влияет на память? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cism-ms.ru/poleznye-materialy/tsifrovaya-amneziya-kak-ispolzovanie-gadzhetov-vliyaet-na-pamyat/>. – Дата доступа: 07.03.2023.

9. Цифровая амнезия – Talks-Форум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.linux.org.ru/forum/talks/12006604>. – Дата доступа: 07.03.2023.

УДК 811.116.1

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ СТИЛЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКИ)

Л. П. Колоколова,

доцент, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и литературы Стерлитамакского филиала
Уфимского университета науки и технологий,
г. Стерлитамак, Российская Федерация, Республика Башкортостан
E-mail: kollidia@rambler.ru

Статья посвящена исследованию лексико-семантической системы. В ней проблемы системности лексики анализируются с точки зрения лексических, этимологических и функциональных особенностей. В качестве основного объекта рассматриваются названия стилей современной музыки в русском языке. Систематизация музыкальной лексики представляется в виде терминологического словаря, где музыкальные термины анализируются с разных точек зрения. Перспективы терминографии как самостоятельного направления современной науки о языке сосредоточены в её дальнейшем взаимодействии с когнитивной лингвистикой, лингвокультурологией и другими актуальными ответвлениями современного языкознания.

Ключевые слова: заимствования, стили музыки, современный русский язык, лексикология, этимология, термин, терминологическое поле.

NAMES OF MODERN MUSIC STYLES IN THE RUSSIAN LANGUAGE

L. P. Kolokolova,

Associate Professor, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature
Sterlitamak branch of the Ufa University of Science and Technology,
Sterlitamak, Russian Federation, Republic of Bashkortostan
E-mail: kollidia@rambler.ru

The article is devoted to the study of the lexico-semantic system. She has problems of systematic vocabulary are analyzed from the point of view of lexica,

etymological and functional features. The names of the styles of modern music in Russian are considered as the main object. The systematization of musical vocabulary is presented in the form of a terminological dictionary, where musical terms are analyzed from different points of view. The perspective of terminography as an independent direction of the modern science of language focused its further interaction with cognitive linguistics, psycholinguistics, cultural linguistics and other relevant branches of modern linguistics.

Keywords: borrowings, music styles, modern Russian language, lexicology, etymology, term, terminological field.

Введение

Постоянно развиваясь и совершенствуясь, современный мир влияет на самый богатый уровень языка – лексико-семантический. Лексическое пространство живо реагирует на изменения общества и приобретает свои специфичные черты и особенности. Словарный запас русского языка – это наше достояние, так как в нем отражена вся самобытная культура народа [1, с. 5].

Цель и задачи

Целью данной статьи является лингвопрагматическое осмысление названий стилей современной музыки в семантическом пространстве музыкальной лексикологии.

С учетом поставленной цели решаются следующие задачи:

- 1) определить с традиционной точки зрения значения музыкальных терминов;
- 2) указать характерные признаки терминологического поля;
- 3) охарактеризовать термин как знаковую сущность;
- 4) составить разноаспектный словарь музыкальных терминов с описанием его семантики, этимологии и функционирования.

Методы и материал исследования

В рамках статьи использовались такие методы исследования, как метод объяснительного аналитического описания, обобщения, систематизации и типологизации на материале работ представителей современной русистики, которые позволили рассмотреть традиции и новации в лингвопрагматическом осмыслении лексико-семантической системы. Материалом исследования являются аналитический анализ научных работ, посвященных семантике текста, с использованием функциональной предназначенности музыкальных терминов.

Результаты и их обсуждение

Глубокому пониманию значения слова способствует этимологический анализ, который раскрывает его истоки. Лексическая система очень познавательна и интересна для изучения, ведь она открыта и подвижна: появляются новые слова и значения, происходит изменение значений слов, отдельные слова выходят из употребления и заменяются другими. С появлением новой заимствованной лексики, в частности английских неологизмов, предыдущие исследования в данной области теряют свою новизну и требуют дальнейшего изучения.

Перейдя от индустриальной формы к информационной, общество претерпевает значительные изменения, которые нельзя не заметить. В различных сферах деятельности мы тоже наблюдаем прогресс, так как появляются новые термины, получившие свое распространение благодаря научно-технической

революции. Не оказалась в стороне и музыкальная культура, усложнившаяся и породившая внутри себя самостоятельные стили.

Музыкальная (профессиональная) лексикология изучает вербальные лексические единицы, отражающие специфику понятий (терминов) музыкального искусства. Это область, где встречаются интересы музыковедов и филологов [2, с. 584].

В качестве рабочего определения в данном исследовании была принята формулировка В. П. Даниленко, согласно которой *термин* – это «слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции» [7, с. 15].

Терминологическое поле – это «естественная среда обитания» термина. В пределах этой среды, защищенной от посторонних проникновений, термин обладает всеми характеризующими его признаками, а принадлежность к определенному полю – это основной признак термина как понятия. «Поле для термина-понятия – это та система понятий, к которой он принадлежит, а для термина-слова – та совокупность других терминов-слов, с которыми он сочетается в рамках данной науки, на базе которой он формируется сам и на которые оказывает влияние своей языковой формой» [7, с. 111].

На основе изученной терминологии современной музыки (названия стилей таких жанров, как рок, электронная музыка и хип-хоп) мы разработали терминологический словарь по тематическим группам.

1. Тематическая группа названий стилей рок-музыки:

- термин *скримо*:

- с точки зрения этимологии: *скримо* (происходит от англ. Scream – визг, вопль и emo – эмоциональный);

- с точки зрения семантики: *скримо* – название музыкального стиля, вышедшего из эмо-рока и хардкор-панка, возникшее в США в 1990 году. Это направление сочетает в себе страдальческий вокал, личные переживания и динамичные, гармонизированные гитары. Для большинства песен характерны образность и метафоричность. Современные группы и исполнители, которые сочиняют музыку в данном направлении: Envy, From First to Last, Planos Become the Teeth, Raein, Suis La Lune, Touché Amoré;

- с функциональной точки зрения термин входит в тематическую группу «Названия стилей рок-музыки»: *Да, со всеми яркими атрибутами стиля: скоростные гитары, хрипящий скримо, барабанный ритм, как сердце тучного человека, догоняющего уезжающий автобус.*

- термин *глэм-рок*:

- с точки зрения этимологии: *глэм-рок* (происходит от англ. glamorous – «эффектный» и rock – рок);

- с точки зрения семантики: *глэм-рок* – стиль рока, выделяющийся яркими образами, театральностью, андрогинией (проявление и женских, и мужских качеств), экзотическими костюмами, эффектным макияжем, возникший в Великобритании в 1980 году. Современные группы и исполнители, которые сочиняют музыку в данном направлении: Stryper, Negative, The Darkness, The Rubettes, Poison;

- с функциональной точки зрения термин входит в тематическую группу «Названия стилей рок-музыки»: *Я специально интересовался английским языком,*

чтобы узнать побольше о том, что такое гламур, чтобы понимать поп-музыку, глэм-рок семидесятых;

- термин *постгранж*:

– с точки зрения этимологии: *постгранж* (происходит от англ. post – после и grunge – грязь);

– с точки зрения семантики: *постгранж* – стиль рока, вышедший из гранжа и достигший своего расцвета и популярности после 1994 года во Флориде. Его отличие от дерзкого и грубого гранжа в более мягком звучании, рассчитанном под удобное радиовещание. Общим же являются простые гитарные риффы и электрогитары с сильным «перегрузом». Современные группы и исполнители, которые сочиняют музыку в данном направлении: 3 Doors Down, 10 Years, Cold, Lifehouse, My Darkest Days;

– с функциональной точки зрения термин входит в тематическую группу «Названия стилей рок-музыки»: *Мы играли постгранж, потому что гранж уже давно умер*;

- термин *симфоник-метал*:

– с точки зрения этимологии: *симфоник-метал* (происходит от англ. symphonic – симфонический и metal – металл);

– с точки зрения семантики: *симфоник-метал* – стиль, соединяющий в себе металл и оркестровую музыку. Данному направлению присущи оперный вокал, симфонический оркестр, яркие театральные шоу и сценические костюмы на концертах, мистическая и готическая эстетика «тёмных веков». Тематика песен тесно связана с историей, мифологией, религией и фэнтези, природой и личными переживаниями. Современные группы и исполнители, которые сочиняют музыку в данном направлении: Apocalyptica, Nightwish, Within Temptation;

– с функциональной точки зрения термин входит в тематическую группу «Названия стилей рок-музыки»: *Симфоник-метал* является продолжением тенденции к оркестровым пассажам в раннем прогрессивном роке.

2. Тематическая группа названий стилей электронной музыки:

- термин *вйтч-хаус*:

– с точки зрения этимологии: *вйтч-хаус* (происходит от англ. witch – ведьма и house – дом);

– с точки зрения семантики: *вйтч-хаус* – один из стилей современной электронной музыки, возникший в 2009 году. Название было придумано в шуточной форме. Песни этого направления отличаются звуками из фильмов ужасов, эффектами изменения высоты тона и скорости, минималистичными ритмами. Еще одной особенностью является то, что названия групп и музыкантов, пишущих данную музыку, довольно необычны и имеют треугольники, кресты и другие знаки. Современные группы и исполнители, которые сочиняют музыку в данном направлении: pyramid†blast, dissociation, ΔScoΔ, †BL▲CK CAT †;

– с функциональной точки зрения термин входит в тематическую группу «Названия стилей электронной музыки»: *Вйтч-хаус не высказывает каких-то серьезных претензий к окружающему миру и его культуре*;

- термин *чилаут*:

– с точки зрения этимологии: *чилаут* (происходит от англ. chill out – расслабься);

– с точки зрения семантики: *чиллаут* – стиль электронной «музыки отдыха», зародившейся в 1990 году на Ибице и отличающейся медленным и релаксирующим звучанием, способным снять психическое напряжение. Эта эйфорическая музыка напоминает душевную атмосферу острова Ибица. Это достигается благодаря струнным инструментам, «шепчущему» вокалу и звукам волн. Современные группы и исполнители, которые сочиняют музыку в данном направлении: Massive Attack, Air, Enigma, Moby;

– с функциональной точки зрения термин входит в тематическую группу «Названия стилей электронной музыки»: *Мы с ребятами часто отдыхаем под чиллаут;*

- термин *милитари-поп*:

– с точки зрения этимологии: *милитари-поп* (происходит от англ. military – военная и pop – эстрада);

– с точки зрения семантики: *милитари-поп* – стиль поп-музыки, который возник в 1990 году в Югославии, отличающийся военной тематикой (военные конфликты, тоталитаризм) и мелодиями военных лет, звуками военного оборудования, выстрелов и взрывов. Современные группы и исполнители, которые сочиняют музыку в данном направлении: A.Y.F., Der Blutharsch & Derniere Volonte, Djebel Amilah;

– с функциональной точки зрения термин входит в тематическую группу «Названия стилей электронной музыки»: *Милитари-поп можно относить к около-военной музыке на рок-основе;*

- термин *даунтемпо*:

– с точки зрения этимологии: *даунтемпо* (происходит от англ. down – пониженный и tempo – темп);

– с точки зрения семантики: *даунтемпо* – стиль электронной музыки, появившийся в 1990 году в Великобритании и отличающийся медленным и ломанным ритмом, обладающим «гипнотическим» эффектом. Современные группы и исполнители, которые сочиняют музыку в данном направлении: Ingleton Falls, Khotin, The Herbaliser, Mårble;

– с функциональной точки зрения термин входит в тематическую группу «Названия стилей электронной музыки»: *Она могла неделями слушать электронику или даунтемпо, а затем перейти на инструментальный рок и психоделию.*

3. Тематическая группа названий стилей хип-хопа:

- термин *хорроркёр*:

– с точки зрения этимологии: *хорроркёр* (от англ. horror – ужас и core – ядро, сущность);

– с точки зрения семантики: *хорроркёр* – современный стиль хип-хоп музыки, появившийся в 1991 году в США и отличающийся ужасными и пугающими образами, описанием самых низменных пороков человека: садизма, насилия, убийств, девиантного сексуального поведения. Современные группы и исполнители, которые сочиняют музыку в данном направлении: Insane Clown Posse, Necro, Gravediggaz, Twiztid;

– с функциональной точки зрения термин входит в тематическую группу «Названия стилей хип-хоп музыки»: *В городе есть эклектичная музыкальная*

сцена, которая включает хип-хоп, блюз, рок-н-ролл, панк, дэткор, хорроркор и инди-группы;

- термин *гангста-рэп*:

– с точки зрения этимологии: *гангста-рэп* (происходит от англ. gangster rap – гангстерский рэп);

– с точки зрения семантики: *гангста-рэп* – один из современных стилей хип-хопа, возникший в 1990 году в США. Тематика песен: тяжелая жизнь и криминальный мир афроамериканских гетто, хулиганство, грабеж и наркомания. В текстах изобилует нецензурная лексика и афроамериканский жаргон. Вызывающие тексты – это попытка снять розовые очки и открыть людям глаза на жестокий мир. Современные группы и исполнители, которые сочиняют музыку в данном направлении: Snoop Dogg, Dr. Dre, Kool G Rap;

– с функциональной точки зрения термин входит в тематическую группу «Названия стилей хип-хоп музыки»: *Если где-то и читали по-настоящему чёрный гангста-рэп, то именно здесь;*

- термин *клауд-рэп*:

– с точки зрения этимологии: *клауд-рэп* (происходит от англ. cloud rap – облачный рэп);

– с точки зрения семантики: *клауд-рэп* – стиль современного хип-хопа, характеризующийся «туманным» звучанием, различными искажениями и шумом. Современные группы и исполнители, которые сочиняют музыку в данном направлении: Bones, Yung Lean, A\$AP Rocky, Pharaoh, Lil Peep;

– с функциональной точки зрения термин входит в тематическую группу «Названия стилей хип-хоп музыки»: *Дефектами речи он не страдал, тембр голоса был приятный, неожиданно интеллигентный для персоны его происхождения: к примеру, записать альбом в стиле **клауд-рэп**, было бы совершенно никудышной идеей;*

- термин *нердкор*:

– с точки зрения этимологии: *нердкор* (от англ. nerd – зануда, ботаник и core – ядро, сущность);

– с точки зрения семантики: *нердкор* – стиль в хип-хоп музыке, отражающий сущность нердов (людей, чрезмерно погруженных в интеллектуальную деятельность). Тематика и содержание песен в этом направлении довольно разнообразна: от политики до научной фантастики. Современные группы и исполнители, которые сочиняют музыку в данном направлении: Anacandaz, Мой Бумажный Пакет, Alpinekat, Optimus Rhyme;

– с функциональной точки зрения термин входит в тематическую группу «Названия стилей хип-хоп музыки»: *Ситуация кардинально изменилась: на этот раз все обидчики начали приходить на выступления нашей нердкор группы, а я узнала, что такое известность.*

Следует отметить, что все названия стилей современной музыки пришли к нам из английского языка, то есть были заимствованы – на это указывают следующие признаки:

- морфологический признак – полная или частичная несклоняемость слов по падежам, отсутствие форм единственного и множественного числа (*скримо, даунтемпо, глэм-рок, симфоник-метал, витч-хаус, милитари-поп, гангста-рэп, клауд-рэп*);

- все слова относятся к прямым заимствованиям, потому что имеют тот же облик и значение, что и в языке-оригинале;
- большинство слов – это так называемые композиты – слова, состоящие из двух английских слов (например, *глем-рок*, *симфоник-метал*, *витч-хаус*, *милитари-поп*, *гангста-рэп*, *клауд-рэп*).

Выводы

Анализ значительного материала показал, что музыкальные термины – явление гораздо более сложное и разнообразное по своему составу, чем их принято представлять, поскольку, помимо разнообразных стилистических функций, они могут выполнять и номинативную функцию.

Таким образом, при анализе названий стилей современной музыки было отмечено, что моделями номинации для моноксемных терминов в музыкальной области являются заимствования из английского языка, при этом основные дефиниционные параметры либо сохраняются, либо специфицируются и проходят фонетико-морфологическую адаптацию. Примечательно и то, что значения этих слов на русском языке полностью соответствуют дословному переводу с английского языка.

Терминологические словари представляют собой особый тип словарей, для которых характерны отличительные признаки: они описывают терминосистему или терминосистемы; они профессионально ориентированны; основная задача терминологического словаря – это отражение системных связей между включенными в него единицами.

Совершенно очевидно, что идеографическое описание лексики связано с представлением словаря в виде смысловых пространств, каждое из которых имеет специфическое строение и включает семантически близкие классы лексем. В основе идеографических словарей лежит классификация лексики с точки зрения смысловой, семантической, функциональной.

Работа с разноаспектным словарем помогает развитию самостоятельности обучающихся в приобретении знаний.

Список использованных источников

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М., 1966. – 301 с.
2. Егорова, Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка / Т. В. Егорова. – М. : Аделант, 2014. – 800 с.
3. Ермакова, О. К. Краткий музыкальный словарь / О. К. Ермакова. – Ростов н/Д, 2013.
4. Николенко, Л. В. Лексикология и фразеология современного русского языка : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. пед. учеб. заведений / Л. В. Николенко. – М., 2005. – С. 32–50.
5. Основные стили электронной музыки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fierymusic.ru/raznoe/stili-elektronnoy-muzyiki>. – Дата доступа: 03.03.2023.
6. Понятия хип-хоп музыки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.qton.ru/265.html>. – Дата доступа: 03.03.2023.
7. Суперанская, А. В. Общая терминология. Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М., 1989. – 246 с.

СОВРЕМЕННАЯ ДЕСТРУКТИВНАЯ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ: ЛИНГВОПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД

А. А. Лавицкий,

доцент, кандидат филологических наук, докторант Белорусского государственного университета им. М. Танка, г. Минск, Республика Беларусь;
профессор кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин
Витебского филиала Международного университета «МИТСО»,
г. Витебск, Республика Беларусь
E-mail: anton_lavitski@mail.ru

В статье с позиции современной юрислингвистики представлено понятие деструктивной интернет-коммуникации, особенность которой состоит в наличии особого субъекта речевой активности – делинквентной языковой личности и специфических характеристик текстового материала, являющего собой противоправный лингвистический инструментарий. Описаны динамические процессы деструктивной коммуникации в цифровой среде: мультипликативность и креолизация жанровых форм, навязчивость, публичность и др. Уточнены социолингвистические характеристики делинквентного коммуниканта: ювенилизация речевого поведения и снижение уровня формальной грамотности.

Ключевые слова: юрислингвистика, деструктивная интернет-коммуникация, делинквентная языковая личность, конфликтогенный текст, судебная лингвистическая экспертиза.

MODERN DESTRUCTIVE INTERNET COMMUNICATION: A LINGUO-LEGAL VIEW

A. A. Lavitski,

associate Professor, PhD (Philology) Postdoctoral Student of Belarussian State Pedagogical M. Tank University, Minsk, Republic of Belarus;
Professor of the Department of law and the humanities of Vitebsk Branch of the International University «MITSO»,
Vitebsk, Republic of Belarus
E-mail: anton_lavitski@mail.ru

The article presents the concept of destructive Internet communication from the position of modern legal linguistics, the peculiarity of which is the presence of a special subject of speech activity – a delinquent linguistic personality and specific characteristics of textual material, which is an illegal linguistic instrumentum. The dynamic processes of destructive communication in the digital environment are described: multiplicity and creolization of genres, obsession, publicity, etc. The sociolinguistic characteristics of a delinquent communicant are clarified: juvenilisation of speech behavior and a decrease in the level of formal literacy.

Keywords: legal linguistics, destructive Internet communication, delinquent linguistic personality, conflict-generating text, linguistic expert studies.

Введение

Тенденция цифровизации современной коммуникации является аксиомой и не вызывает дискуссий. Более того, специфика опосредованной коммуникации достаточно хорошо изучена на теоретическом уровне, проанализирован богатый фактический материал (от SMS-сообщений до интернет-мемов). Широкое распространение получили категории речевой экономии, компрессии текста, альтернативного общения и др. В научный обиход даже вошли понятия примитивизации языкового мышления и системного снижения речевых регистров [3, с. 57; 4, с. 121]. Парадоксально, но при этом текстовые структуры усложнились. Речь уже не идет о линейном речевом взаимодействии, так как зачастую языковой материал имеет разветвленные интертекстуальные связи, становится все более многослойным (поликодовым), реализуется как элемент эмотикона, то есть мотивационно-потребностной сферы.

Однако реальное положение дел свидетельствует о наличии еще одной проблемы: активный рост digital- и smart-коммуникации самым непосредственным образом повлиял на увеличение деструктивных проявлений в речевой активности языковой личности. Изменения проявились как на количественном, так и на качественном уровнях. В первом случае наблюдается лавинообразный рост правонарушений, совершаемых вербальным способом (в первую очередь, экстремистской деятельности, оскорблений, клеветы, угроз и т. д.). Качественные трансформации деструктивной коммуникации проявились в структурных, содержательных и социолингвистических изменениях текста. Все это заставляет обратить особое внимание на современную интернет-коммуникацию с позиции лингвоправового контроля.

Цель и задачи

Описанная выше проблематика предопределила цель настоящей работы – выявить особенности современной деструктивной интернет-коммуникации с позиции правовой лингвистики. Реализация поставленной цели требует решения следующих задач: представить понятие деструктивной коммуникации и уточнить динамику ее количественно-качественных изменений.

Методы и материал

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы наблюдения, анализа, систематизации, а также метод статистической обработки данных. Кроме того, использованы специальные методы, распространенные в практике проведения судебной экспертизы текста: параметризация, лексико-семантический, генристический (жанровый), лексико-центрический анализ и др. Фактическим материалом послужили тексты, представленные автору, а также его коллегам органами следствия и дознания в качестве объектов проведения судебных лингвистических исследований.

Результаты и их обсуждение

В современном понимании интернет-коммуникация рассматривается достаточно широко как процесс речевого взаимодействия посредством технологий сетевой передачи данных, лингвистические и экстралингвистические характеристики которого невозможно повторить в иных форматах и формах общения. Интернет-коммуникация может быть конфиденциальной, то есть реализовываться по формально закрытым каналам связи и включать ограниченное число участников. Открытый формат подразумевает свободное обращение практически любого пользователя к размещаемым материалам и наличие возможности

участия в общении. В обоих случаях присутствует юридическая регламентация речевого взаимодействия. В самом общем понимании такой правовой контроль подразумевает наличие определенных законодательных ограничений по содержанию публикуемого материала (тематическому, семантическому).

Интернет-тексты (точнее, их содержание), имеющие признаки противоправной деятельности, являются объектом процессуально-следственных действий или судебного разбирательства. Если преступным может быть текст (о преступных проявлениях языка еще в 1980-х писала Н.Д. Арутюнова [1, с. 3]), следовательно, такой характеристикой может обладать и сам процесс коммуникации. В современной юрислингвистике, правда, большее распространение получило понятие деструктивной коммуникации. Связано это с тем, что, во-первых, не каждый текст, являющийся объектом правового разбирательства, при экспертной оценке идентифицируется как преступный. Во-вторых, деструктивный характер коммуникации проявляется и на уровне соответствующего влияния на поведение адресата: современная коммуникация, к сожалению, все чаще не чурается «возможности смещать, заменять одни смыслы на другие, устанавливать новые смыслы, способствующие изменению картины мира адресата и управлению его сознанием» [8, с. 122]. Иными словами, текст может служить своеобразным триггером, организующим деструктивное поведение адресата в реальной жизни.

Специфичными для деструктивной коммуникации являются ее субъект – делинквентная языковая личность, и сам текст, рассматривающийся как противоправный лингвистический инструментарий. Делинквентность в данном случае рассматривается как отклонение от юридических норм речевого поведения, а противоправные характеристики текста формируют его конфликтно-генный потенциал.

Собранный нами фактический материал позволяет проследить динамику изменений деструктивной интернет-коммуникации. Некоторые из зафиксированных изменений уже сегодня можно отнести к тенденциям, которые, скорее всего, будут усиливаться и расширяться в сферах своего влияния. Так, например, на уровне генристической организации текстовых структур очевидно прослеживается тяготение деструктивной коммуникации к мультипликативности жанровых форм. Проводимые нами в настоящее время экспертные исследования чаще всего касаются языкового материала, объем которого не превышает 3–5 фраз для вербальных текстов и 1–2 иконических элементов, сопровождаемых 1–2 высказываниями, для поликодовых текстов. Такое положение дел, с нашей точки зрения, свидетельствует о вытеснении аналитической составляющей коммуникативного взаимодействия и усилении принципа информационного насыщения адресата – желание охватить максимально возможное количество текстовых данных за определенный промежуток времени. Это поддерживается и технической спецификой большинства популярных мессенджеров, имеющих соответствующие ограничения по объему визуализируемого материала.

Обозначенный принцип коррелирует и с тенденцией к креолизации деструктивных текстов. Представление части языкового материала в иллюстративной форме требует меньше времени для его восприятия, актуализируется воздействующий потенциал деструктивной коммуникации: «наибольшая часть социально значимых, богатых и существенных для общества знаковых систем ориентирована на восприятие посредством зрения и слуха» [7, с. 323].

И мультипликативность, и креолизация деструктивной интернет-коммуникации усиливает суггестивное влияние на адресата. Современный массовый читатель/зритель достаточно хорошо ориентируется в виртуальном пространстве и выбирает интересующий его контент, «настраиваясь» таким образом на мягкое воздействие по отношению к своим когнитивным представлениям.

Еще одной тенденцией делинквентного речевого общения в интернет-пространстве является его навязчивость. Данную категорию следует рассматривать как еще один способ влияния на массового адресата. Однако речь в данном случае идет об агрессивных способах включения адресанта в информационный обмен. Современные информационно-аналитические технологии, в частности таргетинг, поисковая оптимизация (Search Engine Optimization) данных, позволяют продвигать конфликтогенные тексты и соответствующие интернет-площадки. Деструктивная коммуникация становится элементом пиар-деятельности, рекламным продуктом.

Особый интерес вызывают также социолингвистические характеристики современной деструктивной интернет-коммуникации. За любым противоправным деянием стоит личность, со своими установками и принципами. Ее портретирование имеет не только прикладное профилактическое значение, но и позволяет получить информацию для глубоких социально-философских исследований, оценить системные изменения в общественном сознании и уточнить их динамику. Так, наши наблюдения показывают, что для деструктивной интернет-коммуникации свойственна ювенилизация. Современный речевой делинквент – это в подавляющем большинстве представитель молодого (до 31 года) или среднего (до 50 лет) поколения. При этом, чем младше участник деструктивного общения, тем более низким является уровень его формальной грамотности, то есть тексты на грамматическом, синтаксическом, словообразовательном уровнях чаще всего не отвечают нормам современного литературного языка. Все это соответствует общей тенденции цифровой коммуникации – всеобщее продвижение ювенильного стиля поведения [2, с. 19]. С позиции юрислингвистической оценки деструктивной коммуникации, в конечном итоге, это стирает социальные границы, минимизирует субкультурные и институциональные маркеры и позволяет воспринимать всех участников общения как «своих».

Ориентация деструктивной интернет-коммуникации на широкие массы эксплицируется через ее публичность. В правовом понимании уход от приватности в общении (по формальным критериям это наличие только двух коммуникантов) переводит любую речевую активность в сферу правовой регламентации, где «каждое сказанное <...> слово многократно цитируется и оценивается» [6, с. 9]. Если раньше деструктивный дискурс тяготел к имплицитной публичности, то есть стремился максимально соответствовать признакам приватности, чтобы минимизировать возможность наступления правовой ответственности (например, тайное распространение запрещенной литературы в СССР), то в современных реалиях делинквентное речевое поведение, наоборот, стремится охватить все большее число адресатов и таким образом реализовать свой воздействующий потенциал [5, с. 51].

Социолингвистический портрет современной делинквентной языковой личности как субъекта деструктивной коммуникации имеет только формальные признаки конфиденциальности. Если ранее для участника речевого общения, имеющего признаки противоправной деятельности, очевидно важным было

сохранять положение инкогнито, то тенденция последних двух лет говорит уже об обратном. Ужесточившиеся требования по верификации личности в цифровом пространстве, а также технические возможности, позволяющие установить IP-адрес и личность автора конфликтогенного текста, сами по себе предполагают неэффективность использования никнейма или фишинговое заполнение профиля пользователя для искажения своих персональных данных. Именно поэтому в течение последних двух-трех лет наблюдается тенденция ухода деструктивной коммуникации от деавторизации. Первоначально эта возможность позволяла коммуниканту не задумываться о правовых рисках в речевой активности, «конструировать» свой социальный портрет по своему усмотрению.

Сегодня участник деструктивного интернет-общения все меньше задумывается о сохранении своей конфиденциальности. Однако наши наблюдения показывают, что среди них можно выделить два типа коммуникантов. Первый – представитель массовой аудитории. Чаще всего, он только комментирует различные информационные сообщения, не стремясь нивелировать в содержании своих текстов юридические риски. Второй – специалист в области копирайтинга, профессионально занимающийся созданием текстов деструктивного характера. Его речевая деятельность отличается стремлением нивелировать потенциальные правовые угрозы. Его тексты включают вариативные тактики уклонения от юридической ответственности, например, субъективизации, автореабилитации, замены лексических единиц и др.

Выводы

Современная деструктивная интернет-коммуникация представляет собой особый феномен речевого взаимодействия, отличительными особенностями которого являются субъект – делинквентная языковая личность – и конфликтогенный текст, содержание которого имеет признаки противоправной деятельности.

Деструктивная коммуникация находится в фокусе особого внимания как правоохранительной и судебной систем, так и специалистов, занимающихся вопросами лингвоправовой оценки языкового материала. Юрислингвистический аспект изучения деструктивного общения включает в себя не только судебную экспертную оценку текста, но и исследование специфики (лингвистических и экстралингвистических особенностей) данного типа дискурсивной практики. Последнее позволяет уточнить динамику делинквентной речевой активности в интернет-пространстве, выявить изменения в организации внутреннего и внешнего форматов конфликтогенных текстов.

Среди наиболее очевидных тенденций современной деструктивной коммуникации следует отметить жанровые изменения, проявившиеся в доминировании малых форм информационного обмена, креолизации текстов. Воздействие на адресата реализуется в двух формах: суггестивной и навязчивой. В обоих случаях используется технический и технологический потенциал digital- и smart-коммуникации. Деструктивное цифровое общение уходит от принципов конфиденциальности и приобретает все более выраженный публичный характер. Социоллингвистический портрет делинквентного коммуниканта отличается ювенилизацией, а также снижением регистров формальной грамотности.

Публикация подготовлена в рамках гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований Г22–074 «Языковая экспликация правонарушения (экстремизм, угроза, оскорбление, клевета) в аспекте судебной лингвистической экспертизы текста».

Список использованных источников

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт : моногр. / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1998. – 341 с.
2. Карасик, В. И. Тенденции развития современного дискурса / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Тематический выпуск: Многомерность дискурса. – 2021. – № 1. – С. 14–31.
3. Колесов, В. В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра / В. В. Колесов. – СПб. : Юна, 1998. – 248 с.
4. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – М. : Педагогика-Пресс, 1994. – 248 с.
5. Лавицкий, А. А. Динамика современного деструктивного дискурса / А. А. Лавицкий, А. Л. Дединкин // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2021. – № 5 (114). – С. 48–55.
6. Осадчий, М. А. Правовой самоконтроль оратора / М. А. Осадчий. – М. : ООО «Альпина Бизнес Букс», 2007. – 360 с.
7. Якобсон, Р. О. Язык в отношении к другим системам коммуникации / Р. О. Якобсон. – М. : Наука, 1985. – 460 с.
8. Якова, И. А. Власть дискурса медийного пространства в борьбе за номинацию / И. А. Якова // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2015. – № 3. – С. 122–134.

УДК: 811.161.1

МОЎНЫ ХАРАКТАР БРЭНДУ

К. М. Матусевіч,

магістр дзяржаўнага кіравання сацыяльнай сферы,

г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

E-mail: Katarina.kovalchuk@gmail.com

У артыкуле разглядаецца неабходнасць выкарыстання слоў беларускай мовы дзеля набывання прывабнага брэнду краіны. Таксама параўноўваюцца адносіны да свайго брэнду і нацыянальнага брэнду Турэцкай Рэспублікі. Увага надаецца і нацыянальна-культурнаму каларыту, без якога нельга ўявіць брэнд

Ключавыя словы: *брэнд, лінгвістычныя аспекты, патрыятызм, знакаваць, імідж, інфармацыйная прастора, семантыка.*

A LANGUAGE PERSONALITY OF THE BRAND

E. N. Matusevich,

a master of government management of the social sphere,

Minsk, Republic of Belarus

E-mail: katarina.kovalchuk@gmail.com

The article examines the importance to use Belarussian words during working with the brand of the country. The attitude of the Republic of Turkey to its brand is compared as well. A country culture-national specific is underlined also as an important part of the brand naming.

Keywords: a language personality, society, bilingualism, kitap, language, personality, communication.

Уводзіны

Гістарычныя карані менавіта беларускай мовы дапамагаюць не толькі мець шырокае кола сэнсу розных слоў, але і даюць магчымасць ганарыцца тым, што на старабеларускай мове быў напісаны Статут Вялікага Княства Літоўскага – першая Канстытуцыя Еўропы.

У двухмоўных супольнасцях індывіды могуць выкарыстоўваць словы, якія больш за ўсё перадаюць сэнс.

Мэта і задачы

Мэтай артыкула з’яўляецца аналіз розных слоў беларускай мовы, якія неабходна выкарыстоўваць у турыстычных праспектах, каб прывабіць наведвальніка краіны ў той ці іншы рэгіён, а таксама абазначыць факты рэчаіснасці, якія больш за ўсё могуць стаць базісам для складання корпусу моўнай турыстычнай тэрміналогіі.

Вынікі і іх абмеркаванне

Як існуюць дыялектныя атласы рускай, беларускай і ўкраінскай моў, ініцыятарам складання якіх з’яўляецца Р. І. Аванесаў, так карысным з’яўляецца складанне слоўніка розных рэгіёнаў, якія характарызуюць менавіта гэты рэгіён і дапамогуць скласці яго моўны партрэт. Так, калі словы *пушча, крэпасць, ліхтарык, сыры, мытня* складаюць моўны партрэт Брэстчыны, а словы *фэстываль, валошка, малюнкi, песні, амфітэатр* – Віцебшчыны, варта зрабіць такі партрэт са слоў, якія непасрэдна звязаны з палескім рэгіёнам. Напрыклад, словы *багна, палешукі, гумар* вельмі цудоўна ўпісваюцца ў гэты працэс, каб скласці моўны партрэт Палесся.

Фалькларыстыка – гэта не толькі моўны сродак складання брэнду, але і сродак візуалізацыі турыстычнага брэнду рэгіёну ў малюнках. Сярод навукоўцаў, якія працавалі над гэтым, ёсць імя Аксамітава Анатоля Сцяпанавіча, які шмат увагі аддаваў пытанням лінгвафалькларыстыкі. Ён выявіў шырокую варыянтнасць у фальклоры моўных адзінак пры надзвычайнай устойлівасці мастацка-сэнсавых і стылёвых канстант, акумулятыўнасць семантыкі фальклорнага слова (здольнасць назапашваць і гарманічна ўраўнаважваць элементы розных часавых пластоў), яго дыфузнасць (размытасць значэння), а таксама своеасаблівасць устойлівых фальклорных канструкцый (формул, клішэ, фразеалагізмаў).

Крыніцай складання сталі слоўнікі па архітэктуры, археалогіі, міфалогіі, фальклоры, энцыклапедыі па кожнай вобласці нашай краіны, а таксама мастацкія творы класікаў беларускай літаратуры, якія лепш за ўсё перадалі прыгажосць прыроды, радзімы, складанасць умоў жыцця, трагізм некаторых падзей. Пісьменнік вельмі любіць параўноўваць, супастаўляць, заўважаючы нейкае падабенства там, дзе другі яго проста не прыкмеціў бы.

Дасягнуўшы вуха слухача, у пэўнай паслядоўнасці сегменты ўспрымаюцца і аналізуюцца слыхавой і вышэйшай нервовай сістэмай і, калі чалавек валодае мовай, арганізуюцца ў членараздзельныя гукі, што і дае людзям магчымасць дасягнуць узаемнага разумення. Вывучэнне акустыкі гукаў мовы дало магчымасць стварыць прыстасаванні, якія пераўтвараюць вусную мову ў зрокавыя сігналы, што дазваляе больш паспяхова вучыць глуханнямых, навучаць замежнай мове, ставіць літаратурнае вымаўленне.

Адразу неабходна падкрэсліць, што паняцце «брэнд» пачало выкарыстоўвацца напрыканцы мінулага стагоддзя. Такім чынам, і зараз актуальным застаецца пошук менавіта такога слова, якое зачэпіць, каб людзі вырашалі наведць “сінявокую краіну”.

Вяселле (вяселіцца)	свадьба
Водар	аромат
Могілкі (магіла)	кладбище
магіла	захоронение
Усход (усходзіць)	восток
Вырай (рай)	юг
Матуля (туліць)	мать
Пекла (печ)	Ад
Розныя краіны маюць розны сэнс слоў – усё залежыць ад абставін і асяроддзя.	

Вельмі прыгожа гучаць словы *рамонак, валошкі, вясёлка, калыханка, хваля, гаспадыня*. Але асноўнае ў гэтым аналізе і падыходзе – тое, што беларускія словы самі па сабе перадаюць сэнс іх ужывання.

Peşimden koşmak	Бегчы следам, каб да памагчы – у Турцыі ўжываецца ў сэнсе, калі нехта хоча зрабіць дрэнна
Lüks	Вельмі добрыя ўмовы – Сярэдні клас у Турцыі жыве горш, чым у нас, і тое, што для іх люкс, для нас – звычайныя ўмовы
Yakın	Побач – Краіна іх вялікая, таму 500 км – гэта побач
Aklına geldi	Зразумела, што неабходна рабіць – У Турцыі не разважаюць над тым, як людзям быць карыснымі, толькі сабе
Yardım etmek	Дапамагчы – Усё мае фінансавы бок, нават дапамога. У той час, калі ў нас людзі з асалядай шукаюць магчымасць дапамагчы

У пошуках поўнага апісання моўных сродкаў разумеем, што зараз існуюць не толькі пісьмовая і вусная мова, але і інтэрнэт-камунікацыя.

Мова – адмысловы інструмент ментальнага ўпарадкавання свету, сродак замацавання этнічнага светабачання, што складаецца са светаўяўлення асоб, якія належаць да пэўнага этнасу, носьбітаў нацыянальнай культуры, з аднаго боку, а з другога – спосаб маніфестацыі пэўных каштоўнасцей чалавецтва. У кожнай мове назапашваецца і захоўваецца культурная інфармацыя аб словах жыцця народа – носьбіта мовы, што складае яе так званую «кумулятыўную» функцыю. Беларуская мова, як і кожная іншая, вылучаецца сваёй нацыянальна-культурнай семантыкай – сукупнасцю значэнняў моўных адзінак, у якіх адлюстравана адмысловасць грамадска-эканамічнага ладу Беларусі, яе гісторыі, літаратуры, мастацтва, фальклору, адметнасцяў прыроды, побыту і звычайў, маральных нормаў і каштоўнасцей народа.

Нацыянальна-культурная інфармацыя выяўляецца пераважна ў наміна-тыўных адзінках мовы, семантыка якіх адлюстроўвае прадметы, з’явы, якасці,

працэсы рэчаіснасці. Такімі адзінкамі, якія маюць цікавасць не толькі як сродак стасункаў, але і як крыніца шматлікіх істотных ведаў пра нацыянальную гісторыю і культуру, з’яўляцца адзінкі безэквівалентнай лексікі, праз якую адлюстроўваецца ўнікальнасць нацыянальна-культурнай семантыкі, захоўваецца і перадаецца ад пакалення пакалення «моўная карціна свету» народа. У намінатыўных адзінках з нацыянальна-культурным кампанентам увасоблены непаўторны мікракосмас тых рэалій і паняццяў, што вызначаюць адмысловасць пэўнага этнасу.

Няма сумнення, што сучаснасць дыктуе свае ўмовы, і яны складаныя. Калі, напрыклад, для такіх краін, як Турцыя, асабліва не трэба працаваць над турыстычным брэндам, то беларусам заўсёды неабходна над гэтым разважаць і шмат чаго рабіць. Прыродай дадзеныя ўмовы для турызму (мора, горы, сонца) не спыняюць грамадзян Турцыі, якія працягваюць працаваць і далей над брэндам, таму што разумеюць, што турызм – гэта грошы. Але і нацыянальная самасвядомасць вылучаецца на першае месца, што пацвярджае патрыятызм улады і жыхароў. Напрыклад, раней у Турцыі было прынята рашэнне змяніць брэнд, нават не сам брэнд, а спосаб напісання – назва краіны цяпер пішацца *Türkiye* на турэцкі лад, раней пісалася на англійскай мове (*Turkey*).

Аналіз некалькіх тамоў Беларускай энцыклапедыі па гарадам і вёсках (2007) паказаў, што нават простыя словы, якія апісваюць тую ці іншую мясцовасць, маюць каларыт, які можа стаць сродкам турыстычнага брэнду ў якасці напаўнення звесткамі электронных старонак ці праспектаў.

Кляштар, крама, млын, волаць, мяжа, фальварак, жыхар, будынак, вёскі, насельніцтва, навет, вучань, захопнік, ахвяры, выхаванцы, актывіст, юнак, драўляная царква, наводле перапісу, ветраны млын, маёнтак, сядзіба, скрыжаванне дарог, загінулі, карчма, мэбля, мануфактура, вяскоўцы, двор, урочышчы, пункт прыпынку, наводле інвентара, гандлёвыя рады, капліца, гурток, цагляны флігель, пісьмовыя крыніцы, збожжа, сяляне, гаспадарка, вядомы, вызваленне, цагельны завод, хваля, вучань, вуліца, шпіталь, возера, скарб, зорка, вышыня, вышыванка, каталіцкая вера, былы Спаскі манастыр, заказнік, жывёлагадоўля, вядома, абеліск, сучасны, агульны, авалодаць, дзяўчынка, суніцы, уладанне, сацыяльная паслуга, мясцовы, Перамога, хлопчык, часовы, пабудаваны, артыкул, шкада, востраў, выпадак, вядома, грошкі, шлях, габрэі, промыслы, агульная плошча, налічваць, агароджа, помнік, продкі, цацкі, Палац, вырабы, брамы, дуб-волат, насельніцтва, малюнак, аграгарадок, плённы, шэраг, цукеркавая фабрыка, злучаныя, мясіны, сувязь, напоі, падзея, учынены, капліца, смалярня, шкловы пясок, забруджаны, кола, царква, кватэра, партызаны, уздоўж, кватэра, працягласць, суседняя вёска, возера, селішча, якасць.

Падчас распрацоўкі назвы брэнду выкарыстоўваюцца многія асаблівасці, якія ўлічваюць фанетычныя, псіхалагічныя, семантычныя адметнасці абранай назвы. Лінгвістычная сутнасць назвы брэнду з’яўляецца найбольш значным і тэрміновым элементам паміж брэндам і спажывцом. У адным слове ці адным выразе неабходна абазначыць яго сутнасць, усе дадзеныя і каштоўныя арыенціры брэнду.

Такім чынам, лінгвістычны брэнд – гэта набор рэальных і віртуальных меркаванняў, якія выражаюцца ў пэўным прадукце, а імя брэнду нясе ў сабе сэнс і такім чынам прываблівае пакупнікоў ці кліентаў. Імя з’яўляецца вельмі значным камунікатарам брэнду, які інтэгруе ўсе галоўныя мэты, адлюстроўвае яго сутнасць, перадае экспрэсіўнасць, неабходны сэнс. У доўгатэрміновым перыядзе ён фарміруе стратэгічны патэнцыял брэнду, а яго лінгвістычныя аспекты

дазваляюць надаць новае семантычнае адценне. Паведамленне брэндру ўспрымаецца спажывцом не толькі праз слова, але і ў культурным сэнсе. Пэўныя словы, сімвалы і вобразы маюць культурнае значэнне. Семіётыка грунтуецца на тым, што словы і вобразы, якія выкарыстоўваюцца людзьмі, маюць культурны сэнс толькі ў пэўным культурным сэнсе. Знак – гэта рэальнасць, вобразы, прадметы, словы і гукі, рухі і смакі. Лінгвістычны выраз брэндру ці яго імя – гэта асацыяцыя, асноўны сэнс якой звязаны з вобразам.

Вывады

Дадзенае даследаванне, звязанае з пошукамі прывабнага турыстычнага брэндру краіны, з'яўляецца неабходным. Важным складнікам культурнага, эканамічнага, палітычнага жыцця грамадства, адмысловым сродкам маркетынгавай камунікацыі з'яўляецца рэклама, якая спалучае розныя метады псіхалагічнага, эканамічнага кшталту, мае сваёй сутнасцю не толькі стварэнне пэўнай інфармацыйнай прасторы ў сучасным свеце, але і павінна быць часткай нацыянальнай культуры, асабліва калі размова ідзе пра іншаземных турыстаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Кожанова, В. Ю. Критерии образования имен брендов в русском и английском языках / В. Ю. Кожанов // Р11-технологии в информационном обществе : материалы Всероссийск. науч.-практ. конф. – СПб., 2003. – С. 23–27.

2. Кожанова, В. Ю. Бренд-менеджмент как спецкурс при подготовке специалистов по связям с общественностью / В. Ю. Кожанов // Интеграция методической работы и системы повышения квалификации кадров : материалы V Всероссийск. очно-заочной науч.-практ. конф. – Челябинск, 2004. – С. 11–13.

3. Альтернативы профессионального развития специалиста в сфере PR (на примере специального курса «Бренд-менеджмент») // Личностное и профессиональное развитие будущего специалиста : материалы Всероссийск. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). – Тамбов, 2004. – С. 264–265.

4. Семантика названий брендов в русском и английском языках: лингвопрагматический, текстообразующий аспекты // Науч.-практ. междунар. журн. «Гуманизация образования». – 2006. – С. 11–14.

5. Беларусь. Факты [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://belarusfacts.by/ru/belarus/politics/domestic_policy/. – Дата доступа: 07.09.2018.

УДК 81'42

РАЗОБЩЕННОСТЬ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА И СМЫСЛА КАК ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Т. Н. Савчук,

профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики Белорусского государственного университета,

г. Минск, Республика Беларусь

E-mail: savtchouktn@bsu.by

На основе анализа русскоязычных научных текстов гуманитарного профиля дается характеристика эколлингвистической проблемы, определяемой как разобщенность вербального знака и смысла. Суть проблемы состоит

в нарушении связи между мыслительными и вербальными формами и, как следствие, «засорении» канала коммуникации. Систематизируются типовые проявления знаково-смысловой рассогласованности в научно-гуманитарном дискурсе – неадекватные речевые действия, затрудняющие интерпретацию и реконструкцию смысловых структур, препятствующие пониманию сообщения. Делается вывод, что решение проблемы может быть обеспечено совокупным влиянием определенных факторов языковой среды: институциональных условий речевой практики и персональных свойств языковой личности.

Ключевые слова: *эколингвистика, разобщенность языкового знака и смысла, семантика, прагматика, гуманитарный дискурс, научная коммуникация.*

DISUNITY OF VERBAL SIGN AND MEANING AS AN ECOLINGUISTIC PROBLEM

T. N. Savtchouk,

Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department
of Applied Linguistics of Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: savtchouktn@bsu.by

On the basis of the analysis of Russian-language scientific texts of the humanities profile, the characteristics of the ecolinguistic problem, defined as the disunity of the verbal sign and meaning, are given. The essence of the problem lies in the disruption of the connection between mental and verbal forms and, as a result, the «clogging» of the communication channel. Typical manifestations of sign-semantic inconsistency in the scientific and humanitarian discourse are systematized, that are inadequate speech actions that make it difficult to interpret and reconstruct semantic structures, preventing the understanding of the message. It is concluded that the solution of the problem can be provided by the combined influence of certain factors of the linguistic environment: the institutional conditions of speech practice and the personal properties of the language personality.

Keywords: *ecolinguistics, disunity of linguistic sign and meaning, semantics, pragmatics, humanitarian discourse, scientific communication.*

Введение

Развитие лингвистики последних пяти десятилетий связано с выходом за узкие границы «собственно языковой» проблематики и образованием разного рода «союзов» на стыке наук. Один из таких «союзов» объединяет лингвистику и экологию, что отражается в вариантных номинациях соответствующей научной дисциплины – «экологическая лингвистика», «эколингвистика», «экология языка», «лингвистическая экология».

Проблемы становления данного интеллектуального направления в русистике анализирует А. П. Сковородников в статье 1996 г. [5]. Ученый определяет круг вопросов, формирующих предметное поле лингвистической экологии, ссылаясь на работы Л. И. Скворцова, В. В. Колесова, Ю. Н. Караулова, В. Г. Костомарова и других исследователей, которые акцентируют такие «явления общественно-речевой жизни», как бюрократизация языка и речи, наплыв заимствований, жаргонизация и вульгаризация речевого общения» [5, с. 5]. При этом отмечается, что «спектр болевых точек речевой культуры значительно шире» и включает,

например, «семантические искажения и спекуляции в сфере так называемой ментальной лексики и фразеологии» [5, с. 5]. Такая трактовка экологических проблем языка основывается на понимании связи языковой и внеязыковой реальности, речевых и мыслительных процессов (восходит к идее Эйнара Хаугена об экологии языка как о взаимоотношении вербальной знаковой системы и среды [7]). Это позволяет сформулировать задачу лингвоэкологических исследований, цитируя А. К. Михальскую, как «обнаружение факторов, загрязняющих каналы общения, препятствующих пониманию между людьми, устранение помех, затрудняющих общение» [5, с. 6].

Исходя из данного утверждения можно предположить, что преградой для общения и понимания в естественно-языковой среде является нарушение связи между знаком и смыслом (в традиционной терминологической подаче – между «означающим» и «означаемым») и, соответственно, включить эту проблему в область лингвистической экологии. Указанная проблема, вероятно, специфически проявляется в различных типах языковой практики, что актуализирует ее рассмотрение в разных форматах дискурса.

Цель и задачи

Цель нашего исследования – дать характеристику явления разобщенности вербального знака и смысла как эколингвистической проблемы, основываясь на анализе дискурса гуманитарных наук. Для этого необходимо: 1) выявить и описать симптомы данной проблемы (ее когнитивный механизм), 2) систематизировать типовые проявления знаково-смысловой рассогласованности в научно-гуманитарной коммуникации, 3) раскрыть причины и определить способы профилактики дисфункциональных ситуаций, связанных с разобщенностью языкового знака и смысла.

Методы и материал исследования

Исследование имеет когнитивно-дискурсивные методологические основания и реализует установку на совмещение дескриптивного и нормативного подходов к языковым фактам. Это предопределяет применение соответствующих методов анализа: описательного (в совокупности составляющих его наблюдения, обобщения, интерпретации, классификации), метода синонимических (семантических) трансформаций, анализа словарных дефиниций, логической реконструкции, контекстуального анализа.

В качестве источника эмпирических данных используются русскоязычные статьи гуманитарного профиля, опубликованные в рецензируемых научных журналах за 2001–2022 гг.

Результаты и их обсуждение

Исходная исследовательская предпосылка об отнесенности проблемы взаимоотношения вербальных знаков и обозначаемых ими смысловых структур к предмету эколингвистики требует уточняющего комментария с использованием словарной информации. В «Словаре русского языка» терминологическое выражение «экологическая система» определяется как «совокупность организмов, населяющих общую территорию и способных к длительному сосуществованию» [2, с. 903]. Перенос данной дефиниции на лингвистическую область позволяет рассматривать экологическую систему языка (в одном из значений) как совокупность языковых личностей, способность которых к длительному сосуществованию в определенной среде (ментальных, коммуникативных, социокультурных условиях) обеспечивается благодаря смыслообмену (взаимодействию сознаний), опосредованному вербаль-

ными знаками. Отсюда следует, что необходимым условием гармоничного (сбалансированного) функционирования лингвистической экосистемы выступает адекватная взаимосвязь между знаками языка и соответствующими мыслительными формами. Важность выполнения этого условия отражает естественное стремление коммуникантов к взаимопониманию.

Достижению такого коммуникативного эффекта способствует согласование языковых действий с принципом интерпретируемости. Данный принцип был сформулирован нами применительно к научному гуманитарному дискурсу (см. [3, с. 201]), однако представляется возможным рассматривать его как универсальный и выразить следующим образом: вербальная репрезентация смыслов должна быть такой, чтобы реципиент мог адекватно их интерпретировать и реконструировать. Игнорирование этого принципа чревато девиантными (неадекватными) речевыми действиями, препятствующими пониманию – желательному позитивному результату коммуникации. В научно-гуманитарном дискурсивной практике такого рода девиации имеют следующие проявления (см. подробнее [3; 4]).

Семантическая деформация – искажение сигнификата имени вследствие употребления вербальной единицы в несвойственном ей значении. Деформируется смысл частотных для научного обихода понятий, таких как *парадигма, коммуникация, таксономия, классификация, концепт, категория, дискурс* и др.: (1) *В процессе исполнения произведения идет коммуникация произведения слушателю; Важную роль в коммуникации инструментального искусства Запада выполняют выше названные коллективы* (НИК2, с. 14); (2) *Русская народная песня... стройная, целостная, самодостаточная и художественная парадигма нравственно-ценностных категорий... составляет базис духовной жизни русского человека, превращаясь в этнокультурный концепт* (НИК1, с. 21).

Регулярно наблюдается смешение семантических значений ментальных единиц *дефиниция, термин, понятие* (см. (7), а также примеры в [4, с. 137–138]). Слова с широким предметным значением типа *контекст, пространство, перспектива, феномен* и др. практически десемантизируются и употребляются в качестве «разбавителей» (а возможно и «растворителей») смысловых структур: (3) *...народная песня всегда обретает конкретный социально-культурный контекст, ареал, панораму и формы бытования, определенную «валентность», специфические закономерности и механизмы развития и функционирования* (НИК1, с. 20).

Категориальный сдвиг – объединение, сопоставление понятий, относящихся к разнопорядковым категориям: (5) *В науке есть четкое разграничение этих понятий, в телевизионном тексте это сделать сложнее...* (НПЖ1, с. 63); (6) *...гуманитарный научный дискурс несколько ближе к художественному и публицистическому стилям речи... чем естественно-научный* (ВТГУ2, с. 72).

Семантический сбой – алогизм, возникающий в результате подмены понятий и, как следствие, неоправданного смещения предмета рассуждения в сторону смежной категории: (7) *В значении самостоятельного понятия «культура» стала употребляться в трудах немецкого юриста С. Пуфендорфа... Он употреблял его для обозначения результатов деятельности общественного человека* (НИК3, с. 29); (8) *Несмотря на то, что факт рассказывания притчи о потерянной драхме состоит из двух частей – описание плюс оценка, притчу можно отнести к иллюстрации* (ВБрУ, с. 87).

Двузначность – использование выражений, допускающих неоднозначную трактовку: (9) *Производство и самореализация творческих людей определяют новые подходы к потреблению...* (СА2, с. 255); (10) *Социологи, например, заимствуют понятия у естественников. Только беда в том, что естественники придерживаются строгой однозначности понятий...* (СА3, с. 91).

Референциальная неопределенность – частный случай двузначности – возникает, как правило, в результате неадекватного употребления дейктических средств (примеры см. в [4, с. с. 139–140]), а также вследствие небрежности: (11) *Обоснованность существования данного подхода заложена самой сложной и противоречивой сутью толерантности, вбирающего в себя ценности, интересы, установки и стереотипы* (СА4, с. 245) – не определен носитель признака, обозначаемого выражением «вбирающего в себя...».

Искажение реальных логических связей вследствие неадекватного грамматического и пунктуационного оформления рассуждения: (12) *Вопрос «Каков смысл высказывания?» получает ответ через инференцию, когнитивную операцию установления связей между тем, что и как выражено средствами языка, и фоновым знанием коммуникантов о ситуации и о мире* (ВТГУ1, с. 87). В (12) дается определение понятия «инференция», что предполагает эквивалентные отношения между терминами (определяемым и определяющим). Адекватным пунктуационным способом фиксации таких отношений является тире. Использование запятой – знака сочинительной связи – нарушает логику высказывания. Смысл следующей фразы также проясняется только в результате корректирования ее синтаксиса и пунктуации: (13) *В глобальной иерархии «потребители», производители, поставщики сырья и аутсайдеры мы не аутсайдеры, но поставщики сырья* (НИК5, с. 102).

Употребление фиктивных вербализаторов – языковых индикаторов тех или иных логических связей при фактическом отсутствии этих связей в дискурсе. Особенно часто такая ошибка возникает при употреблении дискурсивных клише, предназначенных для маркировки отношений следования (*таким образом; следовательно; из этого следует/вытекает; мы убедились в том, что; можно утверждать/сделать вывод, что*); каузальности (*поскольку, так как, ввиду этого*); противопоставления (*но, однако, с одной стороны, с другой стороны*) и др. (примеры см. в [3, с. 205–206]). (14) *Аксиологическая активность субъекта обусловлена законами и – шире – диалектикой преемственности и новаторства в творческой деятельности. Соответственно, объективное знание предстает как суждения о фактах в сочетании с оценочными суждениями* (ЖР, с. 59) – манифестируемое в (14) отношение «соответствия» (=следования) отсутствует: вторая мысль не следует из первой.

Семантико-прагматический диссонанс – употребление в каузальных рассуждениях языковых единиц, наделенных «позитивной семантикой» (*способствовать, благоприятствовать, содействовать* и т. п.) для репрезентации негативных следствий: *Это способствует усилению социальной дифференциации; Здесь открывается перспектива маргинализации научного знания; Это создает благоприятную почву для всевозможного манипулирования людьми; Структурная деформация семьи вносит значительный вклад в развитие социальных девиаций личности* и т. п.

Отмечен диссонанс противоположного характера, когда слова с «негативной семантикой» вербализуют положительные следствия (такие примеры единичны):

(15) *Необходимость следовать вкусам аудитории, подстраиваться под интересы читателей спровоцировали подлинный расцвет эссеистики* (ВМУ, с. 94).

Злоупотребление парааргументацией – немотивированное использование риторических приемов с целью эмоциональной поддержки обоснования:

(16) *...негативные гетеростереотипы вербализуются в этнофолизмах... которые превращаются в мощное оружие, уничтожающее человека. Наиболее остро это проявилось в конце 1950-х гг. в США, в плавильном котле разных рас, наций и народов, где негативные гетеростереотипы, выраженные в этнофолизмах, не позволяли иммигрантам влиться в американское общество* (НПЖ2, с. 94).

Неинтерпретируемые рассуждения и тексты – крайнее проявление семантико-прагматической девиантности как следствие полного нарушения корреляции между словами и смыслом: (17) *Когда та или иная практика перестает по разным причинам быть актуальной, текст становится герметичным и трудноинтерпретируемым, что и происходит с современным адресатом* (ВТГУ1, с. 88); (18) *...использование логистических методов, технологий актуализирует оптимизацию совершенствования деятельности государства как субъекта социального управления* (СА1, с. 52); (19) *...недостаточная изученность и востребованность гуманитарного, гуманистического потенциала музыкального фольклора в его креативной полифункциональности комплиментирует философско-культурологическое его осмысление в контексте генезиса, эволюции, форм бытования и трансляции в современное социокультурное пространство* (НИК4, с. 11); (20) *...значительное увеличение фреквентативных показателей последнего критерия максимально наполняет прагматическим смыслом антропонимные единицы в обозначенных социально-индикационных направлениях и локализует действующих лиц в зоне героев второго плана автора-повествователя* (ВБДУ, с.72).

Высказывания, подобные (17)–(20), не поддаются пониманию и реконструкции. В их оценке сошлемся на мнение специалистов-ортологов (в иной терминологии – экологов языка), которые усматривают в таких ситуациях «стремление к наукообразию в ущерб научности» [1, с. 84], проявление «рассогласованности прагматических установок: самопрезентации ученого и презентации новых научных идей», что приводит к «дисфункции научного дискурса» [6, с. 5].

Выводы

Разобщенность вербального знака и смысла представляет собой эколингвистическую проблему, суть которой – в нарушении (частичном или полном) связи между мыслительными формами и репрезентирующими их языковыми знаками и, как следствие, «засорении» канала коммуникации.

В гуманитарном научном дискурсе данная проблема обнаруживается в разного рода неадекватных речевых действиях, затрудняющих интерпретацию и реконструкцию смысловых структур: восприятие сообщения требует от реципиента дополнительных интеллектуальных, эмоциональных и временных затрат, что не способствует пониманию.

Проблема словесно-смысловой рассогласованности является одним из симптомов эколингвистического кризиса, который в гуманитаристике имеет очевидную тенденцию к углублению.

Улучшение ситуации может быть обеспечено совокупным действием факторов языковой среды, включая 1) институциональные условия речевой практики (в первую очередь – квалифицированная экспертиза научной продукции)

и 2) персональные характеристики языковой личности (логико-лингвистическая компетенция, критическое мышление, способность к саморефлексии и адекватной самооценке, ответственное отношение к созданию письменного (=подготовленного, продуманного) высказывания/текста (стоит заметить, что большая часть ошибок в приведенных выше иллюстрациях устранима обращением к толковому словарю)).

Наличие прямой корреляции между ясностью мысли и точностью ее выражения рассматривается как стратегический ориентир экологичного языкового поведения ученого-гуманитария.

Список сокращений

ВБДУ – Шеверина, О. В. Номинационные ряды мужских персонажей в антропонимиконе В. П. Астафьева: социопрагматический аспект / О. В. Шеверина // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2015. – № 2. – С. 69–73.

ВБрУ – Писарук, Г. В. Риторический анализ эмпирической аргументации в евангельском тексте / Г. В. Писарук // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. філалагічных навук. – 2008. – № 1 (9). – С. 84–89.

ВМУ-Ж – Магай, И. П. Эссеистика против публицистики: новая тенденция российской прессы / И. П. Магай // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 2013. – № 6. – С. 90–107.

ВТГУ1 – Резанова, З. И. Функционирование дискурсивных маркеров в научном тексте : этнокультурные и дискурсивные детерминации / З. И. Резанова, С. В. Когут // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2016. – № 1 (39). – С. 62–79.

ВТГУ2 – Нефёдов, С. Ф. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива / С. Ф. Нефёдов, В. Е. Чернявская // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2020. – № 63. – С. 83–97.

ЖР – Чернявская, В. Е. Научно-исследовательская статья как вербализация нового научного результата (на материале лингвистики) / В. Е. Чернявская // Жанры речи. – 2016. – № 1 (13). – С. 56–64.

НИК1 – Алексеева, О. И. Песенный фольклор как социокультурное явление народной художественной культуры / О. И. Алексеева // Наука. Искусство. Культура. – 2012. – Вып. 1. – С. 18–25.

НИК2 – Мищенко, Л. А. Коммуникативные функции народного музыкального инструментального искусства: прошлое и настоящее / Л. А. Мищенко // Наука. Искусство. Культура. – 2013. – Вып. 2. – С. 13–27.

НИК3 – Реш, О. В. Феномен культуры: история происхождения и современные тенденции развития / О. В. Реш // Наука. Искусство. Культура. – 2013. – Вып. 2. – С. 28–31.

НИК4 – Сараева, Л. П. Музыкальный фольклор в аспекте его социально-регулятивного содержания / Л. П. Сараева // Наука. Искусство. Культура. – 2012. – Вып. 1. – С. 8–17.

НИК5 – Устрижицкая, Д. О. Российское общество: сущность и проявления / Д. О. Устрижицкая // Наука. Искусство. Культура. – 2014. – Вып. 4. – С. 101–107.

НПЖ1 – Малыгина, Л. Е. Телевизионный анонс: информирование или манипулирование / Л. Е. Малыгина // Нац. психолог. журнал. – 2010. – № 2 (4). – С. 60–63.

НПЖ2 – Миньяр-Белоручева, А. П. Этнические стереотипы в современном языковом пространстве / А. П. Миньяр-Белоручева, М. Е. Покровская // Нац. психолог. журнал. – 2012. – № 2 (8). – С. 90–94;

СА1 – Андриющенко, А. И. Социальная логистика: инновационный механизм управления процессом консолидации общества / А. И. Андриющенко // Социол. альм. – 2012. – Вып. 3. – С. 48–54.

СА2 – Баханов, А. Г. Двойственная природа престижного потребления: социологический анализ / А. Г. Баханов // Социол. альм. – 2013. – Вып. 4. – С. 251–257.

СА3 – Саенко, Ю. И. Рациональность социальных понятий / Ю. И. Саенко // Социол. альм. – 2014. – Вып. 5. – С. 88–102.

СА4 – Сосновская, Н. А. Толерантность и ее проявление в общественном сознании населения Беларуси / Н. А. Сосновская // Социол. альм. – 2015. – Вып. 6. – С. 244–252.

Список использованных источников

1. Кириллова, И. А. Сфера науки / И. А. Кириллова // Хорошая речь / О. Б. Сиротинина [и др.] ; под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. – Изд. стер. – М., 2015. – С. 69–84.

2. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : 70 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1990. – 921 с.

3. Савчук, Т. Н. Аргументация в русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе / Т. Н. Савчук. – Минск : Изд. центр Белорус. гос. ун-та, 2018. – 279 с.

4. Савчук, Т. Семантико-прагматические ошибки в научной аргументации (на материале русских и белорусских гуманитарных текстов) / Т. Савчук // Rusistica Latviensis / Latvijas Univ., Rusisticas centrs. – Riga, 2019. – Т. 8 : Глобальные и локальные процессы в славянских языках, литературах, культурах 2. – Лр. 135–147.

5. Сковородников, А. П. Лингвистическая экология: проблемы становления / А. П. Сковородников // Филол. науки. – 1996. – Вып. 6. – С. 5–9.

6. Хазагеров, Г. Г. Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс / Г. Г. Хазагеров // Социол. журн. – 2010. – № 2. – С. 5–21.

7. Haugen, E. The Ecology of language / E. Haugen. – Standford : Standford University Press, 1972. – 224 с.

УДК 81'42

ФИГУРЫ РЕЧИ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ДИСКУРС СОВРЕМЕННЫХ СМИ

А. П. Седых,

доктор филологических наук, профессор Московского международного университета, Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова,
г. Белгород, Российская Федерация

E-mail: sedykh@bsu.edu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6604-3722>

В статье описываются образные средства дискурса современных средств массовой коммуникации в их способности обеспечивать реализацию межкуль-

турной коммуникации. Представлены элементы лексики и фразеологии, показывающие современное состояние дискурса данного типа. Рассматривается лексика, отражающая медийную сферу функционирования русскоязычной и франкоязычной лингвокультур. Раскрывается значимость фигур речи для адекватного понимания текстов СМИ и ассимиляции информации в рамках межкультурных пространств.

Ключевые слова: журналистский дискурс, лексика, синтаксис, информация и межкультурная коммуникация, лингвокультура, французский и русский языки.

FIGURES OF SPEECH AND INTERCULTURAL COMMUNICATION: DISCOURSE OF MODERN MEDIA

A. П. Sedykh,

Doctor of philological sciences, professor Belgorod State National Research University,
Moscow International University, Belgorod State Technological University
named after V. G. Shukhov,
Belgorod, Russian Federation

E-mail: sedykh@bsu.edu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6604-3722>

The article describes the figurative means of discourse of modern mass media in their ability to ensure the implementation of intercultural communication. The elements of vocabulary and phraseology are presented, showing the current state of this type of discourse. The vocabulary that reflects the media sphere of the functioning of the Russian-speaking and French-speaking linguocultures is considered. The significance of figures of speech for an adequate understanding of media texts and the assimilation of information within the framework of intercultural spaces is revealed.

Keywords: *journalistic discourse, vocabulary, syntax, information and intercultural communication, linguistic culture, French and Russian.*

Введение

Межкультурная коммуникация или межкультурность направлена на уважение различий, существующих между народами и культурами. Для этого следует принимать во внимание как инаковость культур, так и установки или реакции, вызванные несоответствием культурных кодов. Тем не менее поиск подобия, универсалий, общих для Человека, необходим при учете инаковости. Применительно к анализу дискурса межкультурный подход заключается «в подчеркивании культурной относительности наблюдаемого коммуникативного поведения» [4, с. 322]. Наше общение генерируется этими индикаторами дискурсного поведения культурного разнообразия в прессе и пытается учитывать следующие параметры: время, пространство и общество [3].

Выяснение соучастия «реального» мира зависит от наших культурных ориентиров. Последние управляют нашим восприятием и реакцией на себя, других и отношения с другими. В эту эпоху глобализации, которая приводит, среди прочего, к идеологическому и культурному смешению, общение является одной из самых важных современных проблем. Это вопрос открытия другому, чтобы понять его, сделать так, чтобы его поняли, а также понять самого себя.

Это тройное измерение регулируется нашими культурными представлениями, но также подчиняется общим этическим стандартам, позволяющим нам

справляться с угрозами миру и безопасности. В этой перспективе средства массовой информации представляют собой один из инструментов, гарантирующих международный диалог и уважение разнообразия, необходимых для продвижения и защиты прав человека. Возникает де-факто вопрос: как примирить все эти ограничения с так отстаиваемым правом на свободу выражения мнений?

Помимо войны цифр и образов, воюют и слова. Тирания риторики нацелена на читателей и пытается склонить их к тому или иному мнению или ориентации. Этот проект культурного посредничества между двумя мирами с пересекающимися судьбами требует осторожности и эффективности в обращении с языком. Отсюда обращение, среди прочего, к риторическим процедурам, обычно называемым «фигурами дискурса (речи)», основная функция которых состоит в «преодолении дистанции между людьми в рамках той или иной проблематики» [1].

Цель и задачи

Работая на современные СМИ, любой журналист – сознательно или нет – тонко манипулирует универсальной читательской аудиторией с помощью метафор, эвфемизмов, вопросов, оксюморонов и прочих фигур речи и метафор. Тем не менее, столкнувшись с распространением источников информации и интерпретаций, читатель и/или соавтор «активируют» своего рода часы, чтобы определить объем этих «дискурсных маркеров» [2]. На «входе» присутствуют две конфигурации: фигура воспринимается и принимается, устанавливается межкультурная коммуникация или, во втором варианте, она подвергается сомнению, следовательно, журналист терпит неудачу в культурном посредничестве и, следовательно, пытается «сократить эту дистанцию» посредством других фигуративных механизмов и инструментов [4].

Результаты и их обсуждение

Метафорические формулы и управление межкультурным пространством

Как известно, фигуральность (образность) речи предполагает «определенное количество предварительно сконструированных компонентов, общих для говорящих» [4]. Эти параметры способствуют актуализации образных средств в дискурсе. В этом плане, производство и рецепция фигур дискурса регулируются следующими навыками:

- коммуникативная компетентность: владение законами речи и вежливости;
- логическая компетенция: умение рассуждать, построение аналогий, различных ассоциаций;
- лингвистическая компетенция: правила правильного построения высказываний;
- риторическая компетенция: операции, обеспечивающие согласование высказываний: добавления, опущения, перестановки, замены и т. п.;
- энциклопедическая компетентность: знание природы, культуры, верований и систем ценностей [1; 5].

Культурологический компонент, как часть энциклопедической компетенции, составляет важную предпосылку формирования фигур речи, их восприятия и интерпретации. Избранная автором текста, в частности журналиста, тематика порождает выражения или метафорические формулы, которые, в свою очередь, развиваются, эволюционируют для того, чтобы создавать новые фигуры дискурса или нарратива [6].

Остановимся на понятии метафорической формулы (фигуре речи), когда «случается, что в публичной сфере запускается термин, выражение, и вместо того, чтобы мягко оседать на бесчисленных отложениях предыдущих дискурсов, метафора нормализуется, подхватывается в полете средствами массовой информации и привлекает внимание разнообразной аудитории, которая сталкивается с ней» [7]. Метафорическая фигура типографически идентифицируется часто по использованию кавычек, а дискурсно по аксиологическому динамизму: постоянно подвергаемая сомнению, она предлагает возможности для дебатов, для опросов, она вызывает полемику в медийном пространстве. Это относится к медийной метафоре («арабская весна») и метонимии («жёлтые жилеты»).

Кратко напомним об этих событиях.

«Арабская весна» – это совокупность народных протестов самого разного масштаба и интенсивности, которые произошли во многих странах арабского мира с декабря 2010 года. Выражение «арабская весна» относится к «Народной весне» 1848 года в Европе, с которой его сравнивают, как Пражскую весну 1968 года. Эти национальные революционные движения также называют арабскими революциями, арабскими восстаниями или «арабским пробуждением». В декабре 2010 года молодой продавец фруктов Мохаммед Буазизи совершил акт саможжения в Тунисе, после чего волна протестов охватила страну, а 14 января 2011 года президент Зин эль-Абидин Бен Али бежал в Саудовскую Аравию. Позже акции протеста начались в Египте, Йемене и Бахрейне. В Ливии иностранное вмешательство привело к свержению полковника Муаммара Каддафи, а в Сирии гражданская война продолжается и по сей день [9].

Движение «Желтые жилеты», названное в честь ярких желтых жилетов, которые носят демонстранты, – это неструктурированное протестное движение, возникшее во Франции в октябре 2018 года. Это стихийное общественное движение возникло в результате распространения – в основном в социальных сетях – призывов к демонстрациям против роста в цене автомобильного топлива в результате увеличения налога на внутреннее потребление энергоносителей. Мероприятия проходят в основном по субботам [10].

Нас интересуют ответы на следующие вопросы: как культурная инаковость влияет на процесс метафорического обозначения того или иного медийного события? Как метафора создает пространство для межкультурной коммуникации и достижения консенсуса?

Для поиска ответов на поставленные вопросы были проанализированы статьи русскоязычных (*Комсомольская правда, Коммерсант, Русская семёрка*) и франкоязычных (*Novelle Observateur, Le Monde Diplomatique, L'Express*) сетевых и печатных изданий, посвящённых серии антиправительственных протестов под названиями: **«арабская весна»** и **«жёлтые жилеты»**. Несмотря на разные часто диаметрально противоположные позиции журналистов, анализ рассмотренных медийных сегментов привёл к выявлению нижеследующих общезыковых и общедискурсных признаков:

Были выделены некоторые тенденции номинативных процессов.

1. **Нейтральное или даже эвфемизирующее обозначение.**

Как правило, не приводится информация о положительном или отрицательном влиянии этих событий: «ветер», «дыхание», «ветерок», «пассивная революция», «дует ветер восстания», «дуновение арабской весны», «напор», «натиск». Слово «ветер» вызывает ассоциации с воздухом, элементом, наделенным

символическим зарядом, отражающим тайну: воздух невидим, не поддается никакому описанию, необходим для жизни, но может, в зависимости от условий, превратиться в жидкую или, скорее, в твердую природную субстанцию, и этот элемент способен проникать повсюду. Таким образом, эти метафоры подчеркивают возможность распространения волн протестов, которые, возможно, не удастся сдержать, но их результаты, тем не менее, остаются непредсказуемыми, но они были бы, как воздух, необходимы для «эволюции нации» [7].

2. Обозначения уничижительной метафорой.

«Лихорадка», «судороги», «дрожь», «землетрясение», «настороженность», «тремор»... Метафоры болезни внушают страдание, беспокойство, риск заражения и, следовательно, недоверие к событиям, происходящим в другом месте. Термин «конвульсия» подчеркивает идею риска. Что касается риторики стихийных бедствий, то она внушает сострадание, отчаяние и страх. Как и любое стихийное бедствие, событие сработает без предупреждения и будет иметь неизмеримые последствия. Эта метафора низводит читателя до статуса зрителя, который был бы счастлив, чтобы «природа» избавила его от этой участи [8].

3. Неприятие, сомнение в точности формулировок.

Журналисты дистанцируются от этого обозначения, которое ставят под сомнение: «так называемая “арабская весна”, “ложная весна” указывают на ее неадекватность политическому контексту» то, что другие называют «арабской весной». Некоторые подчеркивают культурный разрыв между Западом и остальным миром в их восприятии и деноминации одной и той же реальности. Журналисты, кажется, убеждают нас, если мир множественен, он столь же единичен в смысле странности. Этот избыток инаковости или сострадания восходит к «арабской весне» и «жёлтым жилетам», которые никогда не перестают жить в головах одних, в то время как для других они давят тяжелым бременем. Эти примеры, составляющие метадискурсные высказывания, определяющие дискурс другого, подчеркивают полемический характер фигур речи.

4. Мелиоративные метафорические наименования.

Для обозначения событий используются метафоры: «ароматы жасминовой революции», «интифада», «арабская весна», «непредсказуемая, изобретательная, сбивающая с толку: эта новая весна народов», «дыхание тунисского жасмина», «облака над морем», «арабская весна», «французская весна», «весна маленького человека». Метафора весны передает эйфорию, обновление, надежду. «Весна народов» – это выражение, которое впервые было использовано для описания ряда народных восстаний, вспыхнувших в Европе: сначала в Париже, против короля Луи-Филиппа, который отрекся от престола, и это было бы пришествием Второй республики, затем волна протеста продолжилась в Варшаве, Праге, Вене, Берлине и Будапеште. Это восстание против Австро-Венгерской и Российской империй лежит в основе создания национальных государств [8].

Использование терминов «духи», «жасмин» или «кальян» проясняет стремление журналиста адаптировать концепцию весны к ее культурному контексту появления: жасмин является символическим цветком, подчеркиваемым в продвижении туристических продуктов. Некоторые авторы проводят аналогию между демонстрациями в Ливии и Палестине, общими чертами которых являются молодость, разоружение, спонтанность и храбрость.

5. Разграничение или уточнение «гео/культурного» охвата метафоры.

«Эти жасминовые или кальянные революции», «Сирийская весна». В этих случаях метафора «весна» служит фоном, но лишена эпитета «араб», заменяемого более конкретными характеристиками: сириец, наргиле (Сирия), жасмин (Тунис), свидетельствующими об усилиях, приложенных журналистами для обеспечения культурной инициации своих читателей в восточную вселенную. Тем не менее, эта инициация остается ограниченной элементами туристического буклета. Журналист как бы использует культурную ссылку читателей для формирования метафорического пространства.

6. Эволюционно-корректирующее обозначение.

Со временем журналисты поставили под сомнение большинство деноминаций, узаконивая использование формулы «арабской весны», чтобы вызвать первые зачатки этих движений до подъема исламистов: «очень горький сок из плодов арабской весны», «после весны пришла арабская осень», «почему “арабская весна” привела к исламистской осени?», «за “арабской весной” неизбежно последует исламистская зима».

Подъем исламистов, мало оцененный французскими и российскими СМИ, заменил термин «весна» на «осень» или «зима». Обратите внимание, что эта эволюция, основанная на парадигме времени, не отклоняется от исходной метафоры. Лексическое поле времен года развернуто для создания новых метафор, которые перекликаются с изначальными фигурами речи.

7. Уничижительные номинанты.

«Землетрясение», «На углях “арабской весны”». Здесь находим тему стихийного бедствия: землетрясения и пожара. Стихия огня, одновременно преобразующая и разрушающая, остается неуловимой и тревожной. Следует отметить низкую частотность данной тенденции во французской прессе и достаточно высокую степень негативной семантики в русскоязычных СМИ. Тем не менее, мы находим уничижительную метафору у восточных коллег, которые разделяют ту же культурную вселенную и более глубокое знание проблем, затронутых этим событием.

В контексте французской прессы метафоро-метонимический контекст, в котором эволюционирует термин «жёлтые жилеты», является инструментом межкультурного менеджмента, фигуры аналогии обеспечивают фатическую функцию, вводя читателя в совершенно чуждую ему реальность через элементы собственной туристской культуры [11; 12].

Выводы

В качестве заключения хотелось бы отметить следующее.

1. Восприятие одной и той же реальности порождает разные образы и когнитивно-коммуникативные конфигурации. Метафоры выдвигают на первый план различные социально-дискурсивные образы, чтобы в полной мере сыграть свою роль зеркала идентичности, эти нестабильные и эссенциализированные фрагментированные образы стремятся к вербализации образного материала в лингвокультурах-реципиентах.

2. В изученном французском корпусе доминируют оценочные обозначения, что можно объяснить опытом, прожитым в Европе в условиях народных восстаний. Однако после подъема исламистов мелиоративное обозначение уступило

место терминам, выражающим нежелание и умаление, «осень» и «зима» заменили «весну». По мнению некоторых журналистов во Франции, исламские партии несовместимы с установлением демократии, отсюда и использование других плеонастических формул, таких как «умеренный ислам», «марокканское исключение», оксюморонов, таких как «демократический захват власти», или «неологизмы демократии».

3. Что касается русскоязычной прессы, то отсутствие компенсирующей метафоры имело бы различные интерпретации: политическая ясность, глубокое знание области или болезненные переживания в области индивидуального или коллективного протеста. Русскоязычная пресса реагирует на обозначения «арабская весна» и «жёлтые жилеты», предлагая метадискурсные рассуждения в формате метафоро-метонимического контекста. Данное явление представляет собой узлы *межкультурной коммуникации*. Так, метафора воспринимается, принимается и используется или отвергается, или заменяется другим обозначением.

Таким образом, фигуры дискурса (метафоры, фигуры речи) представляет собой полифоническое пространство, в котором взаимодействуют несколько культур и идеологий. Образные средства становятся «разводными мостами», обеспечивающими входение в разные культурно-идеологические универсумы, то открывающимися, то закрывающимися, обеспечивающими или не обеспечивающими переход через пропасть непонимания или цивилизационного шока.

Список использованных источников

1. Седых, А. П. Контекст. Знак. Образ / А. П. Седых. – Белгород : БГУ, 1998. – 160 с.
2. Седых, А. П., Багана, Ж. Лингвистические основы идиоэтнической интерпретации языковой личности / А. П. Седых, Ж. Багана // Вопросы филологии. – 2008. – № 3 (30). – С. 31–37.
3. Седых, А. П. Язык, культура, коммуникация: французский мир (монография) / А. П. Седых. – Белгород : Эпицентр, 2022. – 152 с.
4. Charaudeau, P. Dictionnaire d'analyse du discours / P. Charaudeau, D. Maingueneau. – P. : Edition du Seuil, 2002.

Источники фактического материала и словари

5. ABBYY Lingvo x6, 2014. ABBYY Language Services, ABBYY Press.
6. Bastin, G. Petit lexique du journalisme / G. Bastin. – Grenoble : Presses universitaires de Grenoble, 2018. – 22 p.
7. Коммерсантъ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/>. – Дата доступа: 12.04.2023.
8. Комсомольская правда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/>. – Дата доступа: 12.04.2023.
9. Русская семёрка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian7.ru/>. – Дата доступа: 12.04.2023.
10. Le Monde Diplomatique [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.monde-diplomatique.fr/>. – Date of access: 12.04.2023.
11. L'Express [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.lexpress.fr/>. – Date of access: 12.04.2023.
12. Nouvelle Observateur [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.nouvelobs.com/>. – Date of access: 12.04.2023.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК НЕОФРАЗЕОЛОГИИ

А. Н. Столярова,

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры
иностранных языков и МПИЯ Мозырского государственного
педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: stolyarova_an@mail.ru

В статье рассматривается такой способ пополнения фразеологического фонда, как фразеологическая деривация, в ходе которой новые фраземы образуются на основе уже существующих в языке. Проводится анализ неопразем, отобранных автором из публикаций в современных СМИ Беларуси. Выделяются два основных способа фразеологической деривации: семантический и структурно-семантический.

Ключевые слова: *неопразема, фразеологическая деривация, фразеологическая семантика, производящая фразема, производная неопразема.*

PHRASEOLOGICAL DERIVATION AS A SOURCE OF NEOPHRASEOLOGY

A. N. Stolyarova,

Cand. Phil. D., teacher of the Department of Foreign Languages and MFTL,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: stolyarova_an@mail.ru

The article considers such a way of replenishing the phraseological fund as phraseological derivation, during which new phrasemes are formed on the basis of those already existing in the language. The analysis of neophrasemes selected by the author from publications in the modern mass media of Belarus is carried out. Two main ways of phraseological derivation are singled out: semantic and structural-semantic.

Keywords: *neophraseme, phraseological derivation, phraseological semantics, generating phraseme, derivative neophraseme.*

Введение

Пополнение фразеологического фонда – это постоянный и непрерывный процесс, свидетельствующий о жизнеспособности языка, его актуальности и востребованности. Новые фразеологические единицы отражают как современные реалии, так и особенности когнитивных процессов, характерных для носителей языка. Потому представляется важным изучение путей возникновения ФЕ: реалий, вызывающих их, и способов переосмысления, логических операций, в результате которых возникают фразеологизмы как единицы косвенной номинации.

Наиболее распространенный способ образования ФЕ – переосмысление свободного сочетания слов, так называемая первичная транспозиция. Гораздо

более редким явлением считается образование ФЕ на основе уже существующих в языке фразеологизмов. Одним из первых, кто обратил на него внимание, стал А. В. Кунин, который дал определение фразеологической деривации и описал пути ее возникновения [3, с. 20–21]. Данное явление характеризуется терминологической неоднозначностью: в концепциях ученых используются такие термины, как фразеологическая деривация (А. В. Кунин), вторичное фразеолообразование (В. И. Коваль), вторичная транспозиция (Ю. А. Гвоздарев), вторичная фразеологизация (Л. И. Ройзензон), вторичный фраземосемиозис (Н. Ф. Алефиренко); причем суть остается неизменной: «Под вторичным фраземосемиозисом мы понимаем речемыслительные операции, производимые автором текста по образованию или преобразованию идиоматических выражений с целью их когнитивно-прагматической адаптации к смысловому содержанию того дискурса, продуктом которого является данный текст» [1, с. 5]. В. И. Коваль отмечает, что «вторичное фразеолообразование значительно менее продуктивно и, как правило, охватывает нерегулярные, но довольно своеобразные во фразеолообразовательном отношении явления» [2, с. 12].

Цель и задачи

Наша цель – выявить и проанализировать новые фразеологизмы, неофраземы русского и белорусского языков, основанные путем фразеологической деривации. Для анализа был использован корпус неофразем, отобранный нами из публикаций в СМИ Республики Беларусь.

Результаты и их обсуждение

Под неофраземой нами понимается «раздельнооформленное сочетание слов, характеризующееся целостностью значения, семантическими преобразованиями, новизной формы и/или содержания» [5, с. 1]. В соответствии с данным определением, результатом фразеологической деривации могут быть ФЕ, (1) отличающиеся от исходного фразеологизма структурными, формальными характеристиками, либо (2) совпадающие по структуре, в плане выражения, но имеющие семантические различия.

Варьирование компонентного состава, характерное для неофразем первой группы, является результатом реализации автором текста своих коммуникативных задач. На выбор необходимых и адекватных компонентов, заменяющих исходный набор лексем во фраземе, влияет огромное количество факторов, среди которых такие, например, как состав целевой читательской аудитории, общий эмоциональный фон текста, стиль статьи и предполагаемый результат ее воздействия, тип издания, в котором публикуется статья и др. Т. е. выбор автором исходной неофраземы и ее видоизменение – это совокупность ряда когнитивных операций, направленных на выбор наиболее адекватного коммуникативной ситуации варианта. Н. Ф. Алефиренко выделяет в речемыслительной деятельности фраземопорождающего субъекта 6 этапов:

1) «формируется обобщённо-образное представление о дискурсивной ситуации;

2) дискурсивное сознание останавливается на коммуникативно релевантной фразео-семантической группе;

3) отбирается та фразема, которая соответствует общей интенциональности порождаемого высказывания;

4) адаптация фразеологического значения актуализируемого фраземознака к когнитивно-прагматическому содержанию всего высказывания;

5) происходит структурно-семантическая модификация;

б) путём смыслового согласования семантики фразеологической конфигурации и смыслового содержания порождаемого высказывания создаётся фразеологический контекст, в рамках которого определяются параметры смыслового варьирования» [1, с. 7].

Структурно-семантическая модификация происходит, как показывает анализ нашего материала, преимущественно по аналогии:

➤ *Бог в помощь* → *Гугл в помощь* / *Гугл у дапамогу*;

➤ *бить в колокола* → *бить в рельс*;

➤ *окольными путями* → *акульими путями*;

➤ *торговый союз* → *тайговы саюз*;

➤ *изобретать велосипед* → *патэнтаваць ровар*.

Обратим внимание, что для неофразеологии в целом характерна вариативность – неофраземы, возникнув для потребностей определенной ситуации, видоизменяются, адаптируются, «оттачиваются» для более широкого употребления и узнаваемости. Поэтому замена компонентов, их форм – типичное явление для новых единиц. Так, например, компонент *Гугл* встречается и с прописной, и со строчной буквы, и в своем иноязычном варианте:

С виду это обычный свиной окорок, зачем ему столько чести? Гугл в помощь: это не абы что, а испанский деликатес... (СБ, 26.10.2018).

*Когда дети задают неудобный вопрос, пытаюсь выкрутиться с юмором. Как говорится, **Google в помощь*** (СБ, 03.10.2019).

Дзве жанчыны, якія паважліва ходзяць вакол крыжы, пачынаюць нас распытваць пра яго... Што ж, гугл нам у дапамогу, нешта распавядаем... (Звязда, 19.03.2023).

Примером образования по аналогии можно назвать и синтаксическую неофразему ... *головного мозга*, где изменяемость первого компонента – необходимое условие ее существования. Отметим, что вне зависимости от того, какой компонент употребляется в данной структуре в указанном месте, общее значение неофраземы (выражение критического, неодобрительного отношения к чему-л.) остается неизменным:

А когда люди растут, но не взрослеют, получают такие вот одарённые с анархией головного мозга (СБ, 01.12.2020).

Острый шпионаж головного мозга (СБ, 21.03.2014).

Жара головного мозга (СБ, 01.07.2019).

Запад головного мозга (СБ, 19.02.2022).

Отмечаются случаи, когда источником фразеологической деривации являются крылатые выражения. Так, путем обособления конечного компонента выражения *Кто не рискует, тот не пьет шампанское* возникла фраза *пить шампанское* ‘пожинать плоды успеха’:

Как это часто бывает, в Штаты парень ехал без большой суммы денег и знания английского. Зато с женой и маленьким ребенком. Скажете, рискованно? Возможно. Зато сейчас Виталий заслуженно «пьёт шампанское» (Онлайнер, 11.06.2020).

Приведенный контекст употребления неофраземы подтверждает, что усеченный компонент крылатого выражения (*кто не рискует*) сохранился в неофраземе как один из компонентов семантической структуры: успеху предшествует доля риска.

Как было показано выше, фразеологическая деривация возможна и без изменения структуры производящего фразеологизма. Формальная сторона остается прежней, а изменения касаются лишь значения производной единицы. Рассмотрим выявленные примеры подобного рода неофразем.

Выражение *вписаться в поворот* ‘управляя автомобилем, совершать поворот в соответствии с изгибом дороги’ [4, с. 507] существует в русском языке в жаргоне автомобилистов. Нами была зафиксирована неофразема *вписаться в поворот* в значении ‘преодолеть новый этап, перейти на новый уровень’:

По паспорту вписаться в поворот (СБ, 19.03.2019).

Главное тут, выражаясь терминологией автомобилистов, вписаться в поворот. Без потерь для себя заметить переход, где заканчивается одно и начинается другое (Там же).

Если производящая фраза имеет достаточно узкую сферу употребления, то образованная на ее основе производная неофразема обладает обобщенным значением и может быть применима относительно любой сферы действительности. В данном случае фразеологическая деривация основана на расширении значения исходной единицы.

Фразема *злавиць паравоз* также происходит из автомобильной сферы – ‘об аварии, в которой одна за одной столкнулись несколько машин’. В неофраземе *злавиць паравоз* ‘вызывать длительные несмолкаемые аплодисменты, которые лишь усиливаются вместо того, чтобы прекратиться’ исходное значение переносится на другую сферу действительности, т. е. происходит вторичная транспозиция метафорического типа.

Команда факультета прикладної математикі і інфарматикі БДУ «Дзеці Цьорынга» не толькі здолела прабіцца ў Вышэйшую лігу Клуба вясёлых і знаходлівых, але і літаральна «парвала залу» ў сваёй першай гульні, здзейсніўшы мару многіх КВЗэшнікаў, – «злавіла паравоз» – доўгія авацыі, якія не спыняюцца, а толькі нарошчваюць тэмп (Звезда, 11.03.2020).

Образ паровоза является интегральным в цепочке **свободное словосочетание** → **фразаема** → **неофразаема**. Паровоз в прямом значении тянет за собой поезд, сцепленные вагоны, а в метафорическом образе паровоза акцентируется его движущая сила, вызывающая дальнейшие действия и события, которые как вагончики следуют за локомотивом.

Подобного рода примеры обнаруживаются и в других сферах. Так, многие устойчивые выражения из сферы компьютерных технологий в результате фразеологической деривации описывают человека и его поведение:

1. *Перезагрузить систему* – освежать восприятие, избавляться от накопленных проблем, негативных эмоций: *Мне нравилось то, как массаж меняет человека. Мне очень нравятся счастливые люди. Массаж – способ «перезагрузить систему», кайфануть* (Онлайнер, 03.04.2021).

2. *Фиксить баги* – исправлять недостатки: *Оказывается, можно десятилетиями надеяться, что исправится муж или «пофиксит свои баги» жена, и в итоге с удивлением прийти к тому, что ничего за это время не изменилось* (Онлайнер, 10.06.2019).

Итак, фразеологическая деривация, понимаемая как появление новых фразем на основе уже существующих в языке, является важным источником новой фразеологии. Основными видами фразеологической деривации считаются семантическая (при ней структура исходной и производной фраземы совпадают) и структурно-семантическая (изменения происходят как в формальной, так и в семантической структуре). Появление новой фраземы на базе ранее переосмысленного сочетания представляет собой сложный мыслительный процесс, в ходе которого происходит попытка приспособления имеющегося в языке инвентаря к нуждам ситуации общения, причем сама неофразама в той форме, которую воспринимает читатель или слушатель, – лишь верхушка айсберга, видимая часть фразеопорождающего мыслетворчества. Неофразама как результат фразеологической деривации всегда актуализирует дополнительные смыслы, присущие производящим основам, и потому представляет собой сложный, но весьма эффективный способ реализации коммуникативно-прагматических интенций субъекта фразеотворчества в условиях конкретной речевой ситуации.

Исследование выполнено в рамках НИР «Ключавыя ідэнтыфікатары беларускай лінгвакультуры і ініакультурныя моўныя феномены ва ўмовах выклікаў глабалізацыі і інфармацыйна-лічбавай эпохі», входящей в задание «Беларуская мова: этналінгвістычны, сацыялінгвістычны і лінгвакультуралагічны аспекты даследавання» падпраграмы «Беларуская мова і літаратура» Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг.

Список использованных источников

1. Алефиренко, Н. Ф. Фраземосемиозис в свете когнитивно-прагматической теории текста / Н. Ф. Алефиренко, Е. И. Перехватова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 18 (113). – С. 5–15.
2. Коваль, В. И. Образование фразеологических единиц и фразеомообразовательный анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В. И. Коваль. – М., 1982. – 18 с.
3. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка: опыт систематизированного описания / А. В. Кунин. – М. : Междунар. отношения, 1972. – 287 с.
4. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : Олма Медиа Групп, 2008. – 784 с.
5. Столярова, А. Н. Неофраземы в современных русском и белорусском языках: источники, структура, семантика, прагматика : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02, 10.02.01 / А. Н. Столярова. – Минск, 2022. – 26 с.

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКА КАК РОДНОГО И ИНОСТРАННОГО В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

УДК 372.881.161.1

О КОММУНИКАТИВНОМ ПРИНЦИПЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Я. К. Алхасов,

доктор философии по педагогике, доцент,
Бакинский славянский университет, г. Баку
E-mail: a-yashar@rambler.ru

В статье рассматривается коммуникативный принцип обучения русскому языку как иностранному. Известно, что в методике выделяются три ведущие цели обучения: языковые, речевые и коммуникативные. Коммуникативная цель, хотя и является глобальной целью обучения, недостаточно реализуется в учебном процессе, так как не обеспечивается необходимыми средствами обучения.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, коммуникативный принцип, учебники, ситуация, общение.*

ABOUT THE COMMUNICATIVE PRINCIPLE TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Ya. K. Alkhasov,

Doctor of Philosophy in Pedagogy, Associate Professor,
Baku Slavic University, Baku
E-mail: a-yashar@rambler.ru

The article discusses the communicative principle of teaching Russian as a foreign language. It is known that the methodology identifies three leading learning goals: language, speech and communication. Although the communicative goal is a global learning goal, it is not sufficiently implemented in the educational process. Since, it is not provided with the necessary training tools.

Keywords: *Russian as a foreign language, communicative principle, textbooks, situation, communication.*

Введение

Современная ситуация обучения русскому языку как иностранному (РКИ) характеризуется явным противоречием между постулируемым принципом коммуникативности и предкоммуникативной направленностью основных средств обучения, используемых в учебном процессе.

В истории развития методики можно выделить три ведущие цели обучения, которые попеременно сменяли друг друга – языковую, речевую и коммуникативную. Приоритет какой-либо одной из названных целей на разных этапах развития отражает эволюцию методики как науки.

Цель и задачи

Языковая, лингвистическая цель обучения предполагала умение учащихся построить и понять грамматически правильные предложения. Определение целей обучения через языковую компетенцию долго было единственным в программах и учебниках иностранных языков. Следы этого представления до сих пор проявляются в среде преподавателей, когда они обсуждают объем активного словаря учащихся, богатство синонимии, владение определенным набором синтаксических конструкций, слово- и формообразовательных моделей. Недостатком представления целей обучения через языковую является то, что между единицами языка и коммуникацией нет взаимооднозначных соответствий.

Речевая цель обучения дала возможность контролировать уже не отдельные факты языка, а владение видами речевой деятельности. Достоинством этого подхода можно считать измеримость параметров разных видов речевой деятельности. Определение уровня владения языком через речевую компетенцию также распространено среди преподавателей, когда они при обсуждении успеваемости студентов используют в качестве аргумента темп речи, быстроту реагирования на вопрос и т. п.

Основным недостатком определения целей обучения через речевую компетенцию является то, что контролю подлежит не основная цель обучения – уровень коммуникативных умений, а косвенное условие коммуникации. Действительно, коммуникация невозможна без умения строить и понимать предложения, но не сводится к этому умению.

Практика обучения, преследующего языковые или речевые цели, показала, что учащийся может владеть значительным набором слов и конструкций (языковая цель), уметь строить и понимать предложения разной степени сложности (речевая цель), но не владеть языком, не уметь быстро и правильно решать задачи взаимопонимания и взаимодействия (коммуникативная цель). Коммуникативная или практическая цель обучения состоит в обеспечении взаимопонимания и взаимодействия между членами социального коллектива, в умении учащихся владеть тактиками решения типовых задач в актуальных для них сферах общения.

Представление целей обучения в виде моделей целевой коммуникации оптимально соответствует задаче практического овладения языком и поддается объективному контролю. Через вопросы, анкеты и т. п. можно сформулировать тот или иной коммуникативный минимум в виде каталога сфер, тем, ситуаций общения. Этот путь определения целей обучения и контроля за ними довольно труден, но осуществим и реализован в некоторых программах и учебниках.

Итак, в современной методике основная цель обучения определяется как практическое владение изучаемым языком в актуальных для учащихся и общества сферах общения.

Результаты и их обсуждение

Владеть РКИ значит уметь решать вербальными средствами невербальные задачи общения. Учащийся владеет изучаемым языком, если умеет быстро и правильно решать важные для него и общества задачи взаимопонимания и взаимодействия. Учащийся не владеет языком, если при решении определенной задачи он сталкивается со значительными или непреодолимыми трудностями, хотя при этом может владеть огромным словарем и набором конструкций (языковая компетенция) и уметь строить и понимать предложения высокой степени сложности (речевая компетенция).

Коммуникативная цель – глобальная цель обучения – базируется на важных, но промежуточных целях – языковой и речевой. Однако коммуникативная цель до сих пор недостаточно реализуется в учебном процессе, так как не обеспечивается имеющимися средствами обучения.

В методике преподавания русского языка как иностранного и иностранных языков существуют три основных типа учебников: языковые учебники, речевые учебники и коммуникативные учебники. Эти учебники различаются своим содержанием и структурой в зависимости от того, какую цель они преследуют.

1. Языковые учебники – продукт системного обучения. Их цель состоит в овладении языковой компетенцией и характеризуется лингвистической, филологической направленностью. Схема языкового учебника, как правило, представляет собой следующую последовательность учебных действий: условный текст или отдельное предложение – грамматический разбор текста – установление основных понятий системы изучаемого языка – контроль за усвоением системы путем самостоятельного построения предложений.

Формируя языковую компетенцию, методисты обращают главное внимание на правильность языка (количество ошибок по отношению к системе языка).

2. Речевые учебники – продукт функционального обучения. Их цель состоит в овладении речевой компетенцией. Схема речевого учебника обычно имеет вид: образец или модель-имитация – коррекция, тренировка – замены и подстановки по аналогии – трансфер коммуникативных умений (перенос сформированных навыков и умений в сходные, но не аналогичные ситуации общения).

Формируя речевую компетенцию, методисты обращают внимание на нормативность речи (не на число ошибок по отношению к системе языка, а по отношению к нормам и традициям словоупотребления).

3. Коммуникативные учебники – продукт коммуникативного обучения. Их цель состоит в овладении коммуникативной компетенцией. Коммуникативные учебники реализуют схему: установка на решение коммуникативной задачи – введение и тренировка языкового и речевого материала, необходимого для решения коммуникативной задачи, – коммуникативные задания – контроль – трансфер.

Формируя коммуникативную компетенцию, методисты обращают внимание на соответствие речевых действий учащихся коммуникативным целям.

Коммуникативное обучение представляет собой учебный вариант универсальной модели человеческой деятельности, а достижение коммуникативной цели идет по схеме: установка (цели) – ориентировка (план, программа) – исполнение (действия) – контроль (результат).

Коммуникативная цель дробится на ряд промежуточных коммуникативных задач, каждая из которых требует определенной речевой и языковой реализации. Это соответствует реальному общению: сначала формулируется задача, а затем ищутся вербальные средства для ее решения. Пока процесс обучения РКИ идет от усвоенных языковых и речевых умений к приспособленным к ним задачам общения.

Основное противоречие современного обучения состоит в том, что в качестве цели обучения выдвигается умение решать задачи общения, а основное содержание обучения, реализуемое в действующих учебниках, сводится к овладению предкоммуникативными умениями. Действительно, анализируя современные учебники РКИ, убеждаешься в том, что в настоящее время соотношение между

три группы учебников (языковых, речевых, коммуникативных) не в пользу коммуникативных учебников. Наиболее полно представлены учебники речевого типа, то есть коммуникативное обучение все еще недостаточно оснащено учебниками и учебными материалами.

Итак, на сегодняшний день в преподавании РКИ наиболее распространены учебники речевого типа, в которых знание языка отождествляется с умением строить и понимать тексты, а модель учебника включает в себя тренировку в имитации и разучивании текстов, выработку речевых образцов и стереотипов, вербальное реагирование в новых ситуациях общения.

Коммуникативный же учебник отличается от речевого тем, что в нем коммуникативная задача подвергается операционализации, проводится большая работа по усвоению предкоммуникативных (языковых, речевых) умений, большое внимание уделяется коммуникативной практике, решению задач, аналогичных проанализированным на уроке.

Дефицит коммуникативных учебников заставляет преподавателей работать по речевым учебникам. А это значит, что преподавателю постоянно приходится перерабатывать предкоммуникативный урок учебника в коммуникативное занятие.

До тех пор, пока все контингенты учащихся, изучающих русский язык, не будут обеспечены коммуникативными учебными материалами, соответствующими глобальной цели обучения, преподаватель будет вынужден трансформировать речевой урок учебника в коммуникативное занятие. Это сложная и трудоемкая работа, которая состоит из трех больших этапов: 1) соотнесение урока учебника и аудиторного занятия; 2) определение структуры аудиторного занятия; 3) обеспечение реализации структуры аудиторного занятия.

1. Соотнесение урока учебника и аудиторного занятия.

В практической методике существует несколько типов соотнесения урока учебника и аудиторного занятия:

а) урок учебника равен аудиторному занятию и решает одну коммуникативную задачу.

По этой схеме строятся современные учебники для школ и начального обучения взрослых, когда уровень сложности коммуникативной задачи и обеспечивающего ее лингвистического материала невысок;

б) урок учебника равен серии аудиторных занятий и содержит несколько коммуникативных задач, каждая из которых последовательно решается аудиторным занятием. Обычно такой урок учебника делится на серию микроуроков, составляющих содержание одного аудиторного занятия.

Это соотношение характерно для учебников, предназначенных взрослым учащимся среднего и продвинутого этапа, когда решение одной, достаточно сложной коммуникативной задачи распадается на последовательность подзадач, решаемых на значительном языковом и речевом материале;

в) урок учебника равен серии аудиторных занятий, но решает одну коммуникативную задачу.

Это соотношение характерно также для учебников, предназначенных взрослым учащимся среднего и продвинутого этапа обучения, когда выполнение одной коммуникативной задачи не распадается на подзадачи, но требует овладения значительным лингвистическим материалом.

Принятое решение делить урок учебника «по швам» не является оптимальным: оно разрывает естественную связь между установкой и ее реализацией, вынуждает выносить в последующие аудиторские занятия повторение предшествующих, увеличивает объем домашних заданий, снижает естественную мотивацию и т. д.

Итак, первым этапом в подготовке коммуникативного занятия является соотнесение урока учебника с аудиторским занятием или серией аудиторских занятий и соблюдение последовательности протекания учебной деятельности: от целей к результату через планирование и исполнение.

2. Определение структуры аудиторского занятия. После определения числа аудиторских занятий, соответствующих одному уроку учебника, преподаватель приступает к структурированию своего занятия, используя имеющиеся и добавляя недостающие компоненты. Анализ учебников, методической литературы и опытного обучения позволяет назвать урок учебника и соответствующее ему аудиторское занятие коммуникативным, если они содержат компоненты установочной, ориентировочной, исполнительской и контрольной стадий деятельности, а именно: а) целеобразование и установку – формулировку и обоснование коммуникативной цели, представление этой цели в виде учебной задачи, показ и демонстрация основных шагов, ведущих к ее решению; б) презентацию и семантизацию – предъявление (восприятие, объяснение), понимание учебного материала, иллюстрирующего и мотивирующего коммуникативную задачу и содержащего учебные единицы, необходимые для решения этой задачи; в) предкоммуникативную тренировку – выполнение языковых и речевых упражнений на материале презентации, служащих формированию лингвистической компетенции. Предкоммуникативные упражнения выступают в роли опор, ориентиров для последующей коммуникативной практики; г) коммуникативную практику – выполнение заданий, представляющих собой учебные, условные, адаптированные к учебному процессу и уровню подготовки учащихся задачи общения; д) перенос коммуникативного умения – решение задач общения в рамках коммуникативной цели урока (занятий в условиях, приближенных к реальным по внешним обстоятельствам, социальным и личностным ролям участников на основе интериоризации и свертывания внешних опор и ориентиров).

На этапах предкоммуникативной тренировки (в), коммуникативной практики (г) и трансфера (д) реализуется следующая последовательность упражнений и заданий: на этапе (в) – языковые и речевые упражнения, на этапе (г) – условно-коммуникативные задания, на этапе (д) – реально-коммуникативные задания.

Упражнения преследует лингвистические цели и акцентируют внимание на языковой форме, тренировке какого-либо факта языка или речи, учат конструированию и анализу грамматически правильных предложений (языковые упражнения), трансформации, подстановкам, перестановкам и перефразированию смысла высказывания (речевые упражнения).

Задания учат умению формулировать свои речевые намерения, понимать речевые намерения собеседника, владеть языком продуктивно, но в ограниченных, условных ситуациях общения (условно-коммуникативные задания), решать задачи общения, с которых сняты ограничения, опоры, подсказки (реально-коммуникативные задания).

Итак, вторым этапом в подготовке коммуникативного аудиторного занятия является структурирование занятия, включение в него компонентов, необходимых и достаточных для достижения коммуникативной цели.

3. Обеспечение реализации структуры аудиторного занятия.

Среди перечисленных выше компонентов коммуникативного занятия можно выделить такие, которые представлены в речевых учебниках регулярно и поэтому могут быть перенесены в учебный процесс без особых изменений. Это – введение, объяснение нового учебного материала, предкоммуникативная тренировка.

Преподаватель продумывает наиболее эффективные приемы и способы презентации и семантизации материала и обеспечивает мотивированность языковых и речевых упражнений.

Однако в речевых учебниках нерегулярно представлены такие важные для коммуникативного аудиторного занятия компоненты, как целеобразование (установка, коммуникативная практика, перенос коммуникативного умения). Это этапы, на которых преподаватель вынужден подключать собственные материалы, дополняя тем самым пробелы в учебниках. Так, на этапе целеобразования / установки преподаватель должен сформулировать цель занятия как задачу общения, продемонстрировать способы решения этой задачи, иметь варианты структуры занятия в зависимости от контингента учащихся, условий обучения и других вариативных факторов.

На этапе коммуникативной практики и заданий на перенос преподаватель должен иметь, составить или дополнить набор коммуникативных заданий, уметь объяснить их соответствие целям, активно использовать на занятии, обращая внимание учащихся на способы выполнения и возможные трудности, так как коммуникативная компетенция не только глобальная цель учебного курса, но и конечная цель каждого занятия.

Итак, третий этап – обеспечение реализации коммуникативной структуры аудиторного занятия.

Как видно, всю подготовительную работу по превращению предкоммуникативного урока в коммуникативное аудиторное занятие проводит преподаватель: он обеспечивает слабо представленные, но необходимые с позиции теории деятельности этапы установки и осознания целей – выполнение программ по сокращенной схеме (коммуникативная практика) – перенос приобретенных навыков и умений на новые сферы деятельности.

Коммуникативное аудиторное занятие непосредственным образом зависит от умения преподавателя распределить материал урока учебника по аудиторным занятиям, определить структуру урока, снабдить обязательные, но нерегулярно представленные компоненты дополнительными материалами, соблюдая при этом последовательность этапов учебной деятельности: от установки и ориентировки к исполнению и контролю.

Выводы

Настоящее положение дел, при котором основная работа по подготовке коммуникативного аудиторного занятия ложится на плечи преподавателя, не может считаться удовлетворительным. Необходимо восполнить существующий пробел в обучении РКИ, ликвидировать несоответствие предкоммуникативных средств обучения коммуникативному принципу методики, обеспечить учебный процесс коммуникативными учебниками для разных контингентов учащихся, этапов и профилей обучения.

Список использованных источников

1. Алхасов, Я. К. Программа и учебники по русскому языку в азербайджанской школе / Я. К. Алхасов // Актуальные проблемы филологии и методики его преподавания : межвуз. сб., посвящ. 70-летию Ростовского госпедуниверситета. – Ростов н/Д, 2001. – С. 108–111.
2. Арутюнов, А. Р. Современный учебник русского языка для иностранцев и внедрение его в учебный процесс / А. Р. Арутюнов, Л. Б. Трушина // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному. – М., 1986. – С. 13–20.
3. Костомаров, В. Г. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам / В. Г. Костомаров, О. Д. Митрофанова. – М. : Русский язык, 1976. – 137 с.
4. Чеснокова, М. П. Методика преподавания русского языка как иностранного / М. П. Чеснокова. – 2 изд., перераб. – М. : МАДИ, 2015. – 132 с.

УДК 372.881.161.1

ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ ЗАНЯТИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Г. Н. Власенко,

учитель русского языка и литературы
высшей квалификационной категории ГУО «Гимназия г. Калинковичи»,
г. Калинковичи, Республика Беларусь
E-mail: gimn2005@kalinkovichi.gov.by

П. Е. Ахраменко,

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры специальной педагогики
и методик дошкольного и начального образования Мозырского государственного
педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: piter2105@yandex.ru

С. Б. Кураш,

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской
филологии Мозырского государственного педагогического университета
им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: text2005@mail.ru

В статье рассматриваются факультативные занятия как средство формирования знаний по русскому языку. Обозначаются задания с использованием творческих форм работы и приёмы работы по анализу состава слова и способа словообразования. Факультативные занятия по русскому языку играют важную роль при подготовке к централизованному экзамену и подготовке к олимпиадам различного уровня.

Ключевые слова: факультативные занятия, централизованный экзамен, состав слова, способ словообразования.

ELECTIVE CLASSES IN THE RUSSIAN LANGUAGE

G. N. Vlasenko,

teacher of Russian language and literature of the highest qualification category State Educational Institution «Gymnasium of Kalinkovichi»,
Kalinkovichi, Republic of Belarus

E-mail: gimn2005@kalinkovichi.gov.by

P. E. Akhramenko,

Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the chair of special pedagogy and methods of preschool and elementary education
Mozyr State Pedagogical University after I. P. Shamyakin,

Mozyr, Republic of Belarus

E-mail: piter2105@yandex.ru

S. B. Kurash,

Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,

Mozyr, Republic of Belarus

E-mail: text2005@mail.ru

The article considers extracurricular activities as a means of forming knowledge of the Russian language. Tasks are indicated using creative forms of work and methods of work on the analysis of the composition of the word and the method of word formation. Optional classes in the Russian language play an important role in preparing for the centralized exam and preparing for olympiads at various levels.

Keywords: *extracurricular activities, centralized examination, word composition, word formation method.*

Введение

В 2022/2023 учебном году в школах Республики Беларусь введен единый централизованный экзамен (далее ЦЭ) по русскому языку. Учащиеся на нём должны показать достойные знания. Только ли на уроках можно добиваться качественной подготовки учащихся? Отметим, что прекрасной формой подготовки являются факультативные занятия. На факультативных занятиях появляется возможность уточнять полученные на занятиях знания, изучать материал более углубленно.

Для организации работы разрабатываются рабочие программы факультативных занятий с учетом учебных программ [3], рекомендованных Министерством образования.

Цель и задачи

Цель: обозначить факультативные занятия как форму обучения.

Задача: выявить основные формы работы на факультативном курсе по русскому языку в ГУО «Гимназия г. Калинковичи».

Методы и материал исследования

В статье использованы следующие методы исследования: описание, анализ, синтез, наблюдение, сравнение.

Результаты и их обсуждение

Факультативные занятия в ГУО «Гимназия г. Калинковичи» проводятся на всех ступенях образования. При этом учитываются возрастные особенности обучаемых. Так, при переходе учащихся с начального звена в пятый класс наблюдается усложнение программы, рассчитанное на применение логического мышления и творческих способностей учащихся, порой трудность материала снижает интерес к обучению. Как педагогу совместить серьёзные педагогические цели с интересами и стремлениями учащихся? Для преодоления указанных трудностей проводятся факультативные занятия, в ходе которых учащиеся совершают переход от игровой деятельности к учебной. Форма факультативных занятий помогает ученикам среднего звена эффективно использовать интеллектуальный потенциал – внимание, память, эрудицию; помогает обрести уверенность в своих силах, а изучаемый материал запоминается лучше, чем на обычных уроках.

В среднем звене на разных этапах проведения занятия используются грамматические игры-упражнения, игры-путешествия, палиндромы, метаграммы, анаграммы, игры-соревнования.

Например, на факультативном занятии по теме «Правописание *и, ы* после *ц*» проводится игра «Кроссвордный диктант». Учитель читает развёрнутое определение, а учащиеся должны заменить его словом-синонимом и записать его, например: «Основной закон государства (конституция), точная выдержка из какого-нибудь текста (цитата), прикрикнуть на кого-нибудь с угрозой (цыкнуть), инструмент для вычерчивания окружности и измерения длины на чертежах (циркуль), систематическое собирание каких-либо предметов (коллекция), плодовые растения, к которым принадлежат лимоны, апельсины, мандарины (цитрусовые), бурное движение атмосферы, сопровождающееся обильными осадками, сильной облачностью (циклон)». Победительницей считается команда, написавшая правильно наибольшее количество слов.

Для закрепления нового теоретического материала по теме «Правописание *О, Ё, Е* после *шипящих и ц*» используется игра «Готовим обед». Класс делится на 3 команды. Учащимся следует перечислить блюда, которые они приготовят на обед (ужин), используя слова с *о, е, ё* после *шипящих и ц* в разных морфемах. Первая команда «готовит» первое блюдо, вторая команда – второе, третья команда – сладкое.

Очень важно развивать культуру речевого общения, образную метафорическую речь учащихся. Так, при изучении темы «Наречие» в 7 классе можно провести языковой эксперимент: вставьте в стихотворение пропущенные наречия и сравните с авторским текстом:

(*Осторожно*) ветер из калитки вышел,
Поиграл (*немножко*) с ветками черёмух,
Пожурил за что-то воробьёв знакомых
И, расправив (*бодро*) молодые крылья,
Полетел куда-то (*вперегонку*) с пылью.

Используется на факультативном занятии и *отгадывание загадок*. Это не только развлечение, но и проверка сообразительности. Загадка развивает ум, вырабатывает умение сравнивать предметы.

Так, при изучении темы «Одушевленные и неодушевленные имена существительные» предлагается следующее задание: вставить в данный текст вместо точек существительные-палиндромы и определить, являются они одушевленными или неодушевленными:

«Сторожем на колхозном огороде был старый ..., бывший донской От дождя он сделал соломенный ..., возле которого на грядках рос Сторож пригласил нас к себе на баштан и угостил арбузами.

– Раньше на этом бугре, – рассказывал он, – зерновые сеяли, а новый председатель по-другому дело повёл, решил арбузы и дыни тут садить, и теперь от них немалый ... колхоз имеет.

Послышался ... копыт. Это ехал председатель верхом на лошади.

– Эй, старина, – окликнул он сторожа. – К утру отбери-ка сотни две арбузов получше, шефам своим на завод свезём. Они ведь наш ... на запчасти для машин быстро выполнили, вот мы и отблагодарим.

Слова для вставок: дед, казак, шалаш, боб, доход, топот, заказ».

Большой интерес у учащихся вызывают игры-соревнования «Кто быстрее?», «Кто больше?», особенно на этапе практического закрепления изученного материала. Например, изучая тему «Единственное и множественное число имен существительных», учащимся предлагается записать в два столбика существительные, употребляющиеся:

1) только в единственном числе; 2) только во множественном числе. (Железо, дрожжи, сахар, румяна, гордость, хлопоты, дрожь, шашки, чернила, листва, белила, мошкара, зверье).

Игру «Кто больше?» можно использовать, например, при изучении темы «Соединительная морфема». Учащимся предлагается задание: подобрать как можно больше сложных слов, в которых вторая часть была бы такая же, как в данных:

1-я команда: снегопад (водопад, камнепад, звездопад).

2-я команда: сталевар (кашевар, самовар, пивовар).

3-я команда: экскурсовод (животновод, овощевод, газопровод).

Выигрывает та команда, которая быстрее всех справилась с заданием и допустила меньше всех ошибок.

В старших классах теоретический материал рассматривается в виде блоков, подготовленных проектными группами учащихся.

Так, в 11 классе на факультативных занятиях «Русский язык в алгоритмах» материал структурирован по темам [4]. Целью данных занятий является обобщение и систематизация курса и подготовка учащихся к итоговой аттестации.

Одними из сложных заданий для учащихся на централизованном тестировании, как показывает практика, считаются задания, связанные с анализом состава слова и способами словообразования.

При обучении на факультативных занятиях вместе с учащимися составляем и записываем в конспектах алгоритм разбора слова по составу и порядок словообразовательного разбора.

Порядок разбора слова по составу выглядит следующим образом.

1. К данному слову поставьте вопрос и определите часть речи.

2. Выделите окончание, изменив форму слова.

3. Укажите основу слова.

4. Определите мотивирующее слово и выделите аффиксы.

5. Выделите корень, подобрав 2–3 однокоренных слова.

Словообразовательный разбор производим по такому алгоритму.

1. К данному слову подбираем ближайшее подходящее по смыслу родственное слово, чтобы создать словообразовательную пару.

2. Выделяем основу у производящего слова в паре и её же в производной основе.

3. Выделяем словообразовательные морфемы, с помощью которых образовалось производное слово.

4. Определяем способ словообразования и записываем его в скобках рядом со словообразовательной парой.

Затем разбираем несколько примеров, чтобы сформировать понимание того, как производится словообразовательный разбор. Вначале можно построить всю словообразовательную цепочку, а потом из нее выбираем словообразовательные пары:

застарел-ость-() ← застарел-л-(ый) ← за-стареть ← стар-е-ть ← стар-(ый);
доигрыва-ниж-(е) ← доигр-ыва-ть ← до-играть ← игр-а-ть.

На факультативных занятиях анализируем мы и такие примеры, где встречаются схожие по звучанию морфемы. Например, сравниваем слова *старушка* и *избушка*:

старуш-к-а ← *стар-ух-а* ← *стар(ая)*;

изб-ушк-(а) ← *изб(а)* (потому что нет слова «избуха»).

Отмечаем, что, несмотря на сходство звучания «ушк» в обоих словах, в слове «старушка» два суффикса: *-уш-* (потому что есть слово «старуха») и *-к-*, а в слове «избушка» только суффикс *-ушк-* (потому что нет слова «избуха»).

Далее для усвоения чередований в слове проводим анализ таких слов, как «*старушеч-к-а*» и «*избушеч-к-(а)*»:

старушеч-к-(а) ← *старуш-к-а* ← *стар-ух-а* ← *стар(ая)*;

избушеч-к-(а) ← *изб-ушк-(а)* ← *изб(а)* (потому что нет слова «избуха»).

Для отработки навыка данных разборов используются, например, такие упражнения (которые взяты из сборника олимпиадных заданий по русскому языку [1]), как: *определение материально выраженных, нулевых окончаний и слов без окончаний (листья, молоко, белчий, пальто, взялся, вчера, трудится, трудиться, высоко, зодчий, вёз, пол, жизнь, глубокий, голубиный)*; *определение границ морфем, например, в какую часть слов входит звук [й]: а) в корень, б) в суффикс, в) в окончание (мышление, лисья, станция, колыбелей, статей, молодые, яма, предплечье, поём)* и другие.

Отметим также, что в рамках сотрудничества «Гимназия – Университет» на базе ГУО «Гимназия г. Калинковичи» членами филиала кафедры белорусской и русской филологии доцентами С. Б. Курашем и П. Е. Ахраменко проводятся во время шестого школьного дня факультативные занятия по русскому языку.

Организация шестого школьного дня на базе ГУО «Гимназия г. Калинковичи» осуществляется на основании приказа от 19.01.2017 № 21 «О совершенствовании организации шестого школьного дня» [2]. Соблюдается принцип, обозначенный в республиканской программе: *стимулирующие* занятия – для хорошо успевающих детей и *поддерживающие* – для слабоуспевающих.

Каждый из старшеклассников сам для себя определяет, на каком уровне он сможет работать.

Факультативные занятия преподаватели проводят по двум направлениям: доцент С. Б. Кураш занимается подготовкой учащихся к олимпиадам различного уровня. Разработан необходимый дидактический материал, который представлен на бумажных и электронных носителях. Поэтому в случае отсутствия учащихся на занятиях по уважительным причинам они смогут прорабатывать их дома. Так, например, ученикам предлагаются такие вопросы, как: «Почему слова *летел, довод, комок, потоп, доход* читаются справа налево не так, как слева направо?» и подобные. Такие проблемные вопросы возбуждают интерес у учащихся, заставляют самостоятельно искать ответ в дополнительной литературе.

П. Е. Ахраменко на факультативных занятиях по русскому языку организует работу со старшеклассниками по подготовке к ЦЭ. При работе внимание уделяется типичным ошибкам на ЦТ. К этим ошибкам относятся: правописание *Н* и *НН* в различных частях речи, дефисные написания, значение фразеологических оборотов, морфемное строение слов, грамматические и речевые ошибки.

Факультативные занятия проводятся следующим образом: сначала повторяются правила, касающиеся выполнения тестовых заданий, необходимый материал записывается в конспекты. После этого решаются тестовые задания, причем результаты у всех учеников получаются хорошие. Общеизвестно, что если у тебя всё получается, то и желание заниматься на факультативе только усиливается. Используется и дистанционное обучение. Для этого разработан тестовый материал в соответствии с методическими комментариями по выполнению заданий. Работа в этом случае ведется индивидуально с каждым учеником.

Выводы

Таким образом, правильно организованная на факультативных занятиях работа по различным направлениям является эффективной с точки зрения повышения качества знаний учеников; учащиеся подготовятся к сдаче экзамена в форме ЦЭ. При работе на факультативных занятиях необходимо уделять внимание наиболее сложным вопросам.

Список использованных источников

1. Олимпиады по русскому языку и литературе / Е. Е. Долбик [и др.]. – Минск : Бел. ассоц. «Конкурс», 2007. – 304 с.
2. О совершенствовании организации шестого школьного дня [Электронный ресурс] : приказ Министра образования, 19 янв. 2017 г., № 21. – Режим доступа: <https://edu.gov.by> › *normativnye-pravovye-akty*. – Дата доступа: 23.04.2023.
3. Учебные предметы. V–XI КЛАССЫ. 2021/2022 – НИО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2021-2022-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2021-2022/304-uchebnye-predmety-v-xi-klassy-2020-2021>. – Дата доступа: 23.08.2021.
4. Учебная программа факультативного занятия «Русский язык в алгоритмах» для XI класса учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adu.by/images/2020/07/fz-rus-yaz-v-algoritmah-11kl.pdf>. – Дата доступа: 21.04.2023.

ИЗ ОПЫТА ПОДГОТОВКИ УЧАЩИХСЯ К ПРЕДМЕТНЫМ ОЛИМПИАДАМ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ

О. С. Гуркова,

магистр филологических наук,
учитель русского языка и литературы ГУО «Гимназия г. Ветка»,
г. Ветка, Республика Беларусь

С. Б. Кураш,

доцент, кандидат филологических наук,
доцент кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета
им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: text2005@mail.ru

FROM THE EXPERIENCE OF PREPARING STUDENTS FOR SUBJECT OLYMPIADS IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE

O. S. Gurkova,

Master of Philology, teacher of the Russian language and literature,
State Educational Institution «Gymnasiums in Vetka»,
Vetka, Republic of Belarus

S. B. Kurash,

associate professor, candidate of philological sciences,
Associate Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakina
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: text2005@mail.ru

Введение

Одним из приоритетных направлений работы учителя-филолога является работа с одаренными учащимися, включающая выявление, развитие творческого потенциала юных талантов и организацию их сопровождения.

Цель исследования

Цель работы – определить условия, этапы и содержание работы по подготовке учащихся к предметной олимпиаде по русскому языку и литературе, исходя из собственного опыта авторов в осуществлении данной деятельности.

Результаты исследования и их обсуждение

Основная цель любой предметной олимпиады – выявление талантливых, одарённых учеников, развитие их интереса к научно-исследовательской деятельности. Олимпиады (школьные, районные, городские, областные, республиканские и международные) проводятся в несколько туров.

Для учащихся 9–11 классов – это написание сочинения-отзыва о художественном (как правило, поэтическом) тексте и комплексная работа, которая включает в себя подборку заданий по русскому языку и литературе, а для учащихся 5–8 классов – выполнение только комплексной работы.

Поскольку одним из главных условий успешности учителя-словесника является раннее выявление талантливых учащихся, поиск таковых следует начинать

уже с 4 класса, поскольку у ребенка по окончании начальной школы уже есть зачатки интереса к тем или иным предметам.

Подготовка учащихся средних и старших классов к участию в олимпиадах по русскому языку и литературе осуществляется как в ходе урочной деятельности, так и на специальных факультативах. Занятия факультативов нацелены на подготовку учащихся к олимпиадам различного уровня. Работая с относительно небольшим числом заинтересованных учеников, учитель в большей мере, чем на уроке, может осуществлять дифференцированный подход, подбирать задания в зависимости от склонностей и способностей учеников, обращать внимание на те или иные типичные для них ошибки. На факультативе шире, чем на уроках, применяется исследовательский метод.

Для работы с одаренными учащимися учитель также должен быть настроен на творческую работу. Например, знакомить учащихся с познавательной и интересной лингвистической литературой, давать нестандартные задания на логику по предмету (метаграммы, логогрифы, палиндромы, различные лингвистические задачи).

Е. Е. Долбик обращает особое внимание на эффективность интегрированного подхода при подготовке учащихся к конкурсным заданиям олимпиад. Так, для написания отзыва и выполнения лингвистических заданий учащимся может быть предложен один и тот же текст. С одной стороны, внимание к конкретным языковым фактам, их анализ позволяют глубже проникнуть в замысел писателя, увидеть не замеченные ранее смыслы, возможность неоднозначной трактовки тех или иных позиций, точнее сформулировать тему, идею произведения, осуществить целостное поуровневое описание изобразительно-выразительных средств, используемых автором. С другой стороны, можно будет увидеть функционирование языковых явлений в речи, когда они не вырываются из контекста, а вписываются в него, предстают не изолированно, «атомарно», а как элементы единого целого [1].

Работу по подготовке к олимпиаде можно представить в виде нескольких этапов:

- 1) выявление предметной одаренности у учащихся;
- 2) разработка плана по подготовке к предметной олимпиаде;
- 3) подготовка по плану к олимпиаде;
- 4) отслеживание результативности участия ребёнка на различных уровнях олимпиады.

Остановимся несколько подробнее на особенностях подготовки учащихся к написанию сочинения-отзыва о художественном (поэтическом) тексте.

Сложность олимпиадного задания данного типа заключается в том, что учащийся должен создать собственный текст в жанре отзыва о другом тексте – стихотворении, которое является произведением словесного искусства. Перед пишущим стоит первостепенная задача – понять этот текст, а потом составить о нём отзыв.

В качестве основных критериев оценивания отзыва приняты такие, как 1) полнота и глубина интерпретации содержания произведения (с выявлением его темы, идеи, пафоса, ключевых образных цепочек и мотивов, а также с привлечением фоновых знаний различного рода – исторического, биографического, культурного контекста); 2) целостность анализа изобразительно-выразительных средств, определения их роли в раскрытии идейного содержания текста и реализации авторской позиции; 3) соответствие сочинения жанру отзыва; 4) грамотность [2].

Опыт работы позволяет указать на некоторые типичные недочёты в написании сочинения-отзыва:

✓ слабое вступление, либо сводящееся к сухому штампу, либо наполненное излишней чувствительностью (зачастую чувствуется явная «домашняя заготовка»);

✓ отсутствие единства анализа содержания и формы: анализ содержания и формы по отдельности;

✓ недостаточное абзацирование текста отзыва, что затрудняет его восприятие и снижает общее впечатление, а следовательно, и оценку;

✓ отсутствие логической связи композиционных частей отзыва, отдельных суждений;

✓ средства выразительности не проецируются на элементы содержания (тему, идею, проблему и т. п.);

✓ обратный случай – средства образности искусственно привязываются к элементам содержания текста (в особенности – фонетические и грамматические, когда пишущий стремится увидеть какие-либо аллитерации, ассонансы, повторы и т. п. там, где их нет; далеко не всякий повтор какого-либо звука, либо части речи, либо синтаксической конструкции является задуманным автором изобразительным приёмом);

✓ несоответствие жанру отзыва (нередко сочинение превращается в сухой перечень найденных в тексте изобразительных средств, либо наоборот – в излишнем стремлении к оригинальности дети превращают свой отзыв в нечто иное, например, в жанр письма);

✓ нарушения в логике построения отзыва;

✓ ошибки разного характера.

Учащимся можно предложить памятку «Пишем отзыв!»

1. Введение.

Поделитесь своими впечатлениями, вызванными от прочтения лирического стихотворения. Обозначьте тему, свяжите её с автором и его биографией, историко-культурным и философским контекстом. Обязательно обратите внимание на дату написания произведения. Например, *мне нравятся поэты, которые смотрели на мир под совершенно неожиданным, собственным углом зрения. Я ощущаю какую-то таинственную связь между обликом поэта и его поэзией.*

Стихотворение исполнено глубочайшего смысла: это как скрытый призыв автора пробудиться, задуматься, вникнуть в смысл самосознания, в самую глубину.

2. Комплексный анализ текста:

а) рассмотрите способы реализации темы, обратите внимание на смену событий, картин, чувств лирического героя и т. д.:

Тема стихотворения заявлена уже в первой строке (или в первых строках).

Стихотворение открывают строки...

Всего в стихотворении ...строк, но за это время поэт применяет разные картины природы, которые сменяют друг друга.

Для рифмы характерно... (какие рифмовки; точные или неточные рифмы)...

Так как эти слова вынесены в конец строки (или строфы), то есть в акцентированную позицию, они обладают дополнительной смысловой нагрузкой;

б) опишите образ лирического героя (его мысли, чувства, переживания);

в) найдите в стихотворении изобразительно-выразительные средства (тропы, звукопись, ритмический рисунок, лексические ряды, синтаксические фигуры)

и постарайтесь доказательно и убедительно связать их с тем, что вами выявлено на предыдущих этапах:

Оригинальные метафоры делают язык стихотворения ярким и выразительным, помогают увидеть именно то, что видел автор, почувствовать то, что чувствовал он: ... Олицетворение придает стихотворению образность: ... Гипербола ... позволяет представить, ... Таким образом, умелым использованием средств выразительности создается особое настроение. Стихотворение необыкновенно волнует читателя, производит на него неповторимое впечатление. Простота слов подчеркивает сложность чувств.

3. Оценка произведения.

Поэзия ... – величайшая жемчужина русской литературы. Людям она помогает не потерять умение удивляться всему, что нас окружает, восхищаться пленительным разнообразием мира, не забывать о тонких и глубоких человеческих чувствах: любви, искренности, страстности...

Выводы

Таким образом, при подготовке учащихся к профильным олимпиадам по русскому языку и литературе должны решаться следующие задачи: 1) выявление литературно и лингвистически одаренных детей; 2) развитие у них познавательного интереса в области филологических наук; 3) повышение уровня подготовки учащихся по соответствующим предметам; 4) повышение мотивации учителей-словесников в работе с одаренными детьми; 5) развитие творческих способностей учеников.

Список использованных источников

1. Долбик, Е. Е. Интегрированные задания в подготовке к олимпиадам по русскому языку и литературе / Е. Е. Долбик // Современная образовательная среда: приоритетные направления развития : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 22–23 окт. 2009 г. : в 4 ч. – Минск : НИО, 2010. – Ч. 2. – С. 29–35.

2. Учимся писать отзыв о литературном произведении / сост. О. И. Царёва [и др.]. – Минск : Бел. ассоц. «Конкурс», 2008. – 352 с.

УДК 373.03

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

О. В. Данич,

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры дошкольного и начального образования Витебского государственного университета им. П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь

E-mail: odanich@mail.ru

В статье рассматривается актуальная для современного образования проблема культурной грамотности школьников. Цель исследования – характеристика учебно-методического контента, предназначенного для формирования лингвокультурной грамотности младших школьников как культурной грамотности, явленной в языке и через язык. Материалом для исследования послужили

некоторые теоретические и практические разработки автора, предназначенные для использования в образовательном процессе I ступени общего среднего образования: дидактические материалы, учебный словарь. Делается вывод о том, что процесс формирования лингвокультурной грамотности будет эффективным при организации комплексной работы в рамках метапредметного подхода.

***Ключевые слова:** лингвокультурная грамотность, учебно-методическое обеспечение, младшие школьники.*

EDUCATIONAL AND METHODOLOGICAL SUPPORT OF THE PROCESS OF FORMATION OF LINGUISTIC AND CULTURAL LITERACY OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN

O. V. Danich,

Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Preschool and Primary Education of the Educational Institution Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
E-mail: odanich@mail.ru

The article deals with the problem of cultural literacy of schoolchildren, which is relevant for modern education. The purpose of the study is to characterize the educational and methodological content intended for the formation of linguistic and cultural literacy of younger schoolchildren as cultural literacy manifested in and through language. The material for the study was some theoretical and practical developments of the author intended for use in the educational process of the first stage of general secondary education: didactic materials, an educational dictionary. It is concluded that the process of formation of linguistic and cultural literacy will be effective in organizing complex work within the framework of a meta-subject approach.

***Keywords:** linguistic and cultural literacy, educational and methodological support, junior schoolchildren.*

Введение

Основным направлением современного образования можно с уверенностью считать воспитание всесторонне развитой личности, обладающей комплексом компетенций, которые позволят эффективно взаимодействовать с окружающим миром, осознать и реализовать свой потенциал, адаптировать свои стремления не только и не столько к личным потребностям, сколько к требованиям социума.

Обладание такими компетенциями требует определенного уровня общей культуры или культурного уровня личности, который «...характеризует в самом общем виде степень овладения тем, что накоплено человечеством в ходе исторического развития. Основными источниками повышения культурного уровня выступают образование, воспитание, самосовершенствование» [2, с. 2]. В этом случае принято выделять две составляющие культурного уровня: культурно-специальный уровень, связанный, главным образом, с профессиональной деятельностью человека, и общекультурный, отражающий возможную и актуальную культурную деятельность, эстетический вкус, нравственные ориентиры и др. Нет необходимости доказывать, что сегодня уже стало совершенно явным снижение именно общекультурного уровня членов социума, что стало следствием перекоса

системы образования в сторону подготовки узкого профессионала (читай, ремесленника). Говоря о школьном образовании, а точнее, о I его ступени, т. е. начальном образовании, мы считаем необходимым обратить пристальное внимание на формирование культурной грамотности младших школьников как фундамента для формирования культуры личности и эффективного повышения общекультурного уровня. Как видим, ориентация современного образования на воспитание человека культуры, из которого как раз и может вырасти настоящий профессионал, приобретает несомненную актуальность.

Цель и задачи

Основной целью нашего исследования является определение главных характеристик учебно-методического контента, ориентированного на формирование лингвокультурной грамотности младших школьников как культурной грамотности, явленной в языке и через язык. Достижение поставленной цели возможно через решение нескольких задач: определение понятия «лингвокультурная грамотность» и его составляющих; выделение компонентов учебно-методической литературы, обеспечивающей процесс формирования лингвокультурной грамотности; анализ характерных особенностей данного контента и их иллюстрация.

Методы и материал исследования

Материалом для проведения исследования послужил десятилетний опыт автора, связанный с разработкой и внедрением в образовательный процесс начальной школы теоретических и практических разработок, ориентированных на формирование лингвокультурной грамотности младших школьников. При этом применялся комплекс взаимно дополняемых методов: теоретический анализ исследований, отражающих состояние проблемы, моделирование и различные виды наблюдения.

Результаты и их обсуждение

В понимании феномена лингвокультурной грамотности мы придерживаемся трактовки проф. Л. А. Ходяковой, которая включает в это понятие «...достаточную (элементарную) степень владения языком, речью, читательской грамотностью, базовыми фоновыми культурными знаниями, приоритетными ценностными ориентациями, составляющими культуру личности» [4, с. 421]. Как уточнение, добавим, что лингвокультурная грамотность определяется нами как культурная грамотность, проявляемая индивидуумом при помощи языковых средств. Таким образом, обязательными компонентами лингвокультурной грамотности являются языковая грамотность, речевая грамотность, система нравственных ценностей и фоновые культурные знания.

Феномен лингвокультурной грамотности задает определенные векторы в организации процесса ее формирования и дальнейшего развития: включенность в урочную и во внеурочную деятельность младших школьников; использование культууроориентированного учебно-методического обеспечения образовательного процесса; создание предпосылок и условий для культурного самообразования и саморазвития учащихся.

Элементы работы по формированию лингвокультурной грамотности уместно включать в канву уроков, в первую очередь, филологического цикла: литературного чтения, русского и белорусского языков. Также выраженным культуурообразующим потенциалом обладают уроки по предмету «Человек и мир» («Мая Радзіма – Беларусь») и, конечно же, уроки изобразительного искусства и

музыки. Внеурочная деятельность в контексте формирования лингвокультурной грамотности может быть представлена тематическими праздниками, викторинами, конкурсами, КВН и другими мероприятиями, в том числе, организованными совместно с родителями. Особое место здесь может занимать организация факультативных занятий. В качестве одного из возможных необходимо привести разработки факультативных занятий из цикла «Функциональная грамотность», а именно, «Когда учиться легко. В мире культуры». Эти факультативные занятия рассчитаны на III–IV классы учреждений общего среднего образования и состоят из трех модулей: «Родное слово», «Мир белорусов», «В гармонии с окружающим миром». Содержание модулей направлено на формирование и развитие языковой личности в контексте интеллектуально-познавательной и информационно-читательской сфер деятельности учащихся:

на актуализацию и расширение знаний учащихся о культурно-национальной специфичности и ситуативности употребления таких единиц языка, как фразеологизмы, пословицы и поговорки;

на углубление знаний о традиционном быте, традициях, обрядах, о специфичности материальной и духовной культуры белорусского народа, прецедентных именах;

на актуализацию знаний о ситуативности норм поведения, в том числе, речевого, что позволит осуществлять неконфликтную внутри- и межкультурную коммуникацию.

Особенностью организации учебной деятельности на таких факультативных занятиях является акцент на усвоение компонентов лингвокультурной грамотности (фоновых культурных знаний, ценностных ориентаций, языка, речи) и формировании ряда важнейших метапредметных результатов. В этом случае читательская грамотность как способность понимать, интерпретировать и оценивать текстовую информацию становится одновременно и формируемым компонентом лингвокультурной грамотности, и средством формирования ее остальных компонентов: «... Усвоение фоновых культурных знаний и духовно-нравственных ценностей в рамках данного гуманитарного факультатива предполагается на основе метапредметного подхода, ориентированного на формирование комплекса личностных и метапредметных умений: поиск информации, ее анализ и интерпретация, оценка и создание собственного коммуникативного продукта» [1, с. 67].

Как видим, такие факультативные занятия ориентированы на использование проблемных, частично-поисковых, исследовательских методов, а конечной целью всех факультативных занятий будет решение проектной задачи – создание коллективного (рукописного) «Словарика культуры».

Близкий по своей сути комплексный подход к формированию лингвокультурной грамотности уместно использовать при разработке еще одного компонента учебно-методической литературы, а именно, межпредметного учебного словаря лингвокультурной грамотности младших школьников. Отличительной особенностью такой справочной литературы является возможность использовать словарь как на уроках по любому учебному предмету, так и во внеурочной деятельности. Разделы словаря включают основные объекты материальной и духовной культуры белорусского народа, а многокомпонентная структура словарной статьи предполагает обеспечение устойчивого владения младшими школьниками знаниями об этом объекте. В качестве примера приведем фрагменты словарной статьи, посвященной одному из прецедентных имен белорусской культуры – Марку Шагалу.

Белорусская земля удивительно богата талантливыми поэтами, писателями, художниками, но даже среди них выделяются настолько яркие звезды, что их имя известно в любом уголке земного шара. Одно из этих имен – Марк Шагал.

1. ШАГАЛ Марк Захарович, м. р. (бел. Марк Шагал, м. р.) – русский и французский живописец, художник, график, поэт.

Родился великий художник в 1887 году в местечке Лиозно близ Витебска, в бедной, многодетной семье. Затем семья переехала в Витебск, на улицу Покровскую. В наши дни в том самом доме создан музей Марка Шагала, где хранятся его гравюры, репродукции его известных картин.

В Витебске Шагал учился живописи у известнейшего художника с мировым именем – Юдея Пэна, который был потрясен ярким талантом своего ученика и порекомендовал ему продолжить обучение в Петербурге. Шагал начинает писать картины в уникальной, не похожей ни на кого манере, оттачивать мастерство продолжает в Париже, где учится сразу в нескольких художественных академиях, бродит по музеям и выставкам.

В 1914 году Марк Шагал возвратился в Витебск, где после революции организовал Витебское народное художественное училище, первое в Беларуси, в котором преподавали легендарный Казимир Малевич, Юдель Пэн, Эль Лисицкий, Александр Ромм. Затем уехал в Москву, где учил рисовать беспризорников, создавал декорации для театральных постановок, а в 1922 году художник принял участие в Первой русской художественной выставке в Берлине. Затем опять Париж, новые работы, самые разные жанры, в которых Марк Шагал все так же талантлив: гравюры, витражи, рельефы, фрески, а также стихи.

В период Второй мировой войны художник уехал с семьей в США и вернулся в Париж только после его освобождения от гитлеровской оккупации. Художник посетил СССР только в 1973 году, где прошла его выставка в Государственной Третьяковской галерее. А в 1977 году в парижском Лувре, впервые за всю историю этого знаменитого музея, состоялась прижизненная выставка работ художника.

Удивительно, но Шагал всегда помнил свою малую Родину – Витебск, где расцветал его талант. На многих его известнейших картинах мы узнаем площади, улочки, дома, крыши старого Витебска и жителей: «Над городом», «Прогулка», «Над Витебском», «Скрипач», «Синий дом», «Аптека в Витебске» и многие другие.

Умер наш великий земляк в 1985 году в городе Сен-Поль-де-Ванс во Франции, навсегда оставшись в памяти белорусским художником родом из Витебска.

– Какое из утверждений содержит главную мысль текста?

✓ Шагал жил в разных странах мира.

✓ М. Шагал родился в Витебске.

✓ Марк Шагал – это гордость нашей страны.

✓ Выставки Шагала проходили в самых знаменитых музеях мира.

– Какой из перечисленных городов не связан с содержанием текста и почему?
Витебск, Москва, Минск, Петербург, Берлин, Париж.

– Как называлось учебное заведение в Витебске, созданное М. Шагалом?
Чему там учили? Кто учил?

2. Творчество Марка Шагала было настолько ярким, что о нем самом осталось очень много воспоминаний, рассказов, стихов, снято несколько фильмов и даже мультфильм. Вот строки поэта Андрея Вознесенского: *Если сердце не солгало, / то в каком-нибудь году / в Витебске в Музей Шагала обязательно зайду.*

– Сбылась ли надежда поэта? Найдите в предыдущем тексте отрывок, подтверждающий ваш ответ.

– Почему поэт считал, что в Витебске обязательно должен быть музей великого художника?

– Прочитайте строки самого Шагала о своей Родине:

«Отечество мое – в моей душе» (из стихотворения «Высокие врата»);

«Давно, мой любимый город, я тебя не видел, не упирался в твои заборы... Я не жил с тобой, но не было ни одной моей картины, которая бы не отражала твою радость и печаль. Все эти годы меня тревожило одно: понимаешь ли ты меня, мой город, понимают ли меня твои граждане?» (из письма «Моему городу Витебску»).

– Как вы думаете, что может служить ответом на вопросы, которые тревожили Шагала?

– Найдите слова, которые говорят о чувствах художника к своей Родине.

3. От фамилии *Шагал* можно образовать слово, обозначающее признак – *шагаловский*: *шагаловская манера письма, шагаловский стиль, шагаловское влияние*, т. е. то, что к нему относится.

– В 1994 году в Витебске прошел I Международный Шагаловский пленэр, в 1997 году – II.

– Что художники называют словом «пленэр» (запомните его написание!)?

– Найдите информацию о последующих пленэрах, организованных в родном городе Шагала.

4. Для находчивых и любознательных.

– Найдите информацию о том, как связано творчество Марка Шагала с главным символом Международного фестиваля искусств «Славянский базар в Витебске»?

– Подумайте, какой смысл вкладывал Марк Шагал в свое высказывание: «Париж, ты мой Витебск!».

Обязательным элементом словарной статьи являются иллюстрации, часть из которых представляет собой содержание заданий, ориентированных на формирование и развитие универсальных познавательных учебных действий, таких, как работа с информацией из различных источников и разной формы представления (рисунков, схем, таблиц и др.): поиска, интерпретации, трансформации из одной формы в другую и т. д.

В целом, содержание каждой словарной статьи предполагает усвоение и присвоение учащимися культурозначимой информации в процессе работы с текстами различных жанров и видов (прозаических и поэтических, художественных и научно-популярных). Задания к текстам предполагают формирование трех групп метапредметных умений: найти и извлечь, интегрировать и интерпретировать, осмыслить и оценить [3].

Выводы

Лингвокультурная грамотность является важнейшим образованием личности современного школьника, поскольку позволяет успешно существовать как в рамках одного национально-культурного пространства, так и за его пределами.

Процесс формирования лингвокультурной грамотности требует соответствующего учебно-методического обеспечения образовательного процесса: учебно-программной документации, дидактических материалов, методических рекомендаций для педагогов и др.

Компоненты лингвокультурной грамотности предполагают организацию комплексной работы по ее формированию, ориентированной на различные уровни системы языка (орфоэпию, лексику, словообразование, грамматику), а методологическим основанием будет метапредметный подход.

Формирование и развитие лингвокультурной грамотности будет эффективным, если включать элементы работы как в урочную деятельность учащихся (учебные предметы гуманитарного цикла), так и во внеурочную (внеклассные мероприятия, факультативные занятия).

Список использованных источников

1. Данич, О. В. Лингвокультурная грамотность в теории и практике начального образования в Республике Беларусь / О. В. Данич // Русский язык за рубежом (специальный выпуск). Русистика Белоруссии. – 2022. – С. 62–68.

2. Жигулин, А. А. Общекультурные параметры личности [Электронный ресурс] / А. А. Жигулин // Гуманитарные научные исследования. – 2012. – № 3. – Режим доступа: <https://human.snauka.ru/2012/03/679>. – Дата доступа: 06.04.2023.

3. Ковалева, Г. С. Качество чтения и понимания текста / Г. С. Ковалева, Г. А. Цукерман // Оценка качества образования. – 2008. – № 2. – С. 41–48.

4. Ходякова, Л. А. Выявление уровня элементарной культурной грамотности как основного компонента общекультурной компетенции учащихся / Л. А. Ходякова, А. В. Супрунова // Ученые зап. Орловск. гос. ун-та. – 2018. – № 3 (80). – С. 419–425.

УДК 811.161.1'243 (075.8)

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В СЕРБСКОЙ АУДИТОРИИ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)¹

Н. А. Красовская,

доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
и литературы Тульского государственного педагогического университета
им. Л. Н. Толстого,

г. Тула, Российская Федерация

E-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru

В статье анализируется опыт работы, связанный с преподаванием русского языка в сербской аудитории. Автор анализирует запросы, поступившие от студентов-сербов, касающиеся социокультурной проблематики, для рассмотрения на занятиях по русскому языку. Так, по наблюдениям исследователя, студентам важно получить сведения об организации образования в Российской Федерации, о тематических особенностях современных глянцевого журналов, о традициях в устройстве жилья, организации быта и особенностях ведения хозяйства. Эти сведения, естественно, необходимо сопровождать работой над освоением

¹Статья публикуется в рамках выполнения госзадания Министерства просвещения РФ на тему «Формирование модели подготовки преподавателя РКИ (в рамках сотрудничества с Боснией и Герцеговиной (с акцентом на Республику Сербскую))».

лексики, фразеологии, а также следует включать их в широкий коммуникативный контекст.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, студенты-сербы, образование в России, современная публицистика, устройство жилья, традиции.

SOCIO-CULTURAL INFORMATION IN STUDYING THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE SERBIC AUDIENCE (FROM WORK EXPERIENCE)

N. A. Krasovskaya,

Associate Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Literature Tula State Pedagogical University. L. N. Tolstoy, Tula, Russian Federation

E-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru

The article analyzes the work experience related to the teaching of the Russian language in the Serbian audience. The author analyzes the requests received from Serbian students concerning socio-cultural issues for consideration in the Russian language classes. So, according to the researcher's observations, it is important for students to get information about the organization of education in the Russian Federation, about the thematic features of modern glossy magazines, about the traditions in housing arrangements, organization of life and housekeeping features. This information, of course, must be accompanied by work on the development of vocabulary, phraseology, and should also be included in a wide communicative context.

Keywords: *Russian as a foreign language, Serbian students, education in Russia, contemporary journalism, housing, traditions.*

Введение

Изучение русского языка за рубежом – это одна из важнейших задач современной образовательной и в целом международной политики Российской Федерации, о чем сказано в новой «Концепции внешней политики Российской Федерации». Так, «усиление значимости России в мировом гуманитарном пространстве, укрепление позиций русского языка в мире, содействие сохранению за рубежом исторической правды и памяти о роли России в мировой истории» является приоритетной сферой современной внешней политики [4].

Цель и задачи

Основной целью нашего исследования является систематизация и упорядочение полученного в ходе работы в сербской аудитории опыта, связанного с преподаванием русского языка. В качестве более частных задач предполагается рассмотрение некоторых аспектов, направленных на внедрение социокультурной составляющей в материал занятий по русскому языку в инославянской аудитории.

Методы и материал исследования

К основным методам исследования можно отнести общенаучные методы наблюдения, анализа, которые позволяют оценить степень важности включенного социокультурного материала в процесс преподавания русского языка как иностранного.

Основой для написания статьи послужили наблюдения автора и его работа среди студентов университетов городов Нови-Сад и Белград в течение 2015, 2016, 2018 годов.

Особенности русского и сербского этносов привлекают студентов не только, когда поднимаются вопросы культуры, истории, литературы в рамках специальных дисциплин, но и в рамках изучения русского языка.

Именно поэтому, как нам представляется, на занятиях по русскому языку, а также при подготовке к прохождению тестирования для подтверждения разных уровней знания языка можно включать в учебный процесс информацию культурного и социального характера.

Условно говоря, сведения социокультурного характера, которые достаточно интересны студентам, говорящим на сербском языке и изучающим русский язык, можно разделить на две группы: это та информация, которая связана с историей русского и сербского этносов, общей историей, историей славянских народов, их взаимодействием; и сведения, так или иначе укладываемые в понимание нашего времени, наших дней и также касающиеся специфики жизни в России и Сербии.

Результаты и их обсуждение

Надо отметить, что среди той информации, которая может считаться относительно новой и которая интересует сербских студентов, например, выделяются вопросы, связанные с современной системой образования. Причем, сербских студентов волнуют проблемы российского образования и в плане их структуры, и в плане содержания. В частности, в ходе лекций, которые мы читали по просьбе студентов-историков философского факультета Новисадского университета, были заданы вопросы о том, с какого возраста дети могут посещать детский сад, как детский сад структурно связан со школой, каким именно образом дети могут посещать школу, как они готовятся к поступлению в гимназии и лицеи. С другой стороны, их очень волновали вопросы организации высшего образования, его наполнения специальными программами, направления подготовки специалистов, возможности послевузовского образования, возможности трудоустройства.

Именно поэтому, как мы полагаем, в учебно-методические материалы по русскому языку, которые могут быть предложены для студентов, изучающих русский язык на разных уровнях, могут быть включены различные материалы, относящиеся к теме «Образование в современной России». Конечно, нужно понимать, что многие явления социальной жизни понятны студентам и они совпадают с реальностью в двух странах. Так, Данило Божович при рассмотрении методов и конкретных практик обучения сербов русскому языку отмечает: «Современными сербскими педагогами и методистами в области преподавания РКИ, авторами учебных пособий по русскому языку как иностранному для сербской аудитории упускается возможность обучения лексике с помощью синонимов, имеющих сходство с русскими словами, построения ассоциативных связей между русскими и сербскими словами» [2, с. 5]. То есть необходимо помнить, что совпадают реалии образования и могут совпадать области значения лексических единиц. Тут мы бы предложили познакомиться с такими выражениями, как *образовательная траектория, индивидуальный подход, цифровизация образования, проектная деятельность* и др.

Однако отметим, что реалии современного российского и сербского образования могут отличаться, как и лексические единицы, которыми они именуются. В этой связи хочется привести высказывание Веры Белокапич-Шкунца, которая указывает: «Педагогика, дидактика, частные методики являются едиными для разных форм обучения, лишь способы реализации педагогических,

дидактических, методических задач, принципов обучения могут быть разными в каждой из форм обучения. Развиваются новые концепции, но наука остается одна со своим методологическим аппаратом. Специалисты по языку считают, что невозможно согласиться и с термином *дистанционный учитель*. Для русского языка корректнее звучит *учитель, преподаватель дистанционного обучения*. В сербском языке эквивалентных нововведений почти нет» [1, с. 80]. Приведенные исследователем примеры показывают, что нужно с большой аккуратностью вводить слова и выражения, связанные с темой «Образование в современной России».

Если говорить об иных поступивших запросах от студентов-сербов, то также следует отметить отдельный запрос от студентов-филологов, касающийся языка и проблематики современных российских журналов. Студентов волновала метафоричность языка современной российской публицистики, способы оформления экспрессивности, грамматические конструкции в современной публицистике. Как можно заметить, эти вопросы больше относятся к лингвистической области, однако они волновали студентов в плане того, как язык отражает те или иные реальности современной жизни, как язык откликается своими возможностями на вызовы времени. Так, Йиржи Газда пишет: «Изучение языка массовой коммуникации – актуальная задача для филологов, которые призваны рассматривать СМИ в широком контексте, позволяющем понять и объяснить влияние социально-психологических, политических и культурных факторов на функционирование языка в обществе» [3, с. 112].

Можно отметить, что тексты из журналов становятся прекрасной базой для всех инофонов, которые интересуются вопросами русского языка. Материалы современных газет и журналов дают возможность анализировать не только стилистические, но и грамматические, лексические и фразеологические особенности. В частности, мы останавливались на явлениях, связанных с формами деминутивов, которые часто встречаются в языке современных журналов, а также в целом с тенденцией последних лет – представлять в языке все красиво и ярко, так, что это будет воздействовать на читателя образно-эмоционально. Поэтому студентам было интересно употребление на страницах глянцевого журналов таких слов, как *печенька, гламурный, комфортный, трешевый, мальчики и девочки (по отношению к мужчинам и женщинам)* и др. Помимо этого, интересной студентам была и тематическая подборка материалов. Они с удовольствием знакомились с рубриками, отражающими мир путешествий, с историческими публикациями, со статьями, посвященными уходу за своей внешностью и т. д. Естественно, что подобная работа должна снабжаться выдержками из журнальных материалов, адаптацией статей. В целом такой материал рассчитан на студентов, которые уже имеют достаточную степень владения русским языком.

Для студентов, которые осваивают элементарный и базовый уровни, важным и значимым является овладение информацией, которая уходит корнями в историю русского и сербского народов. По опыту своей работы мы можем сказать, что интересной для студентов представляется информация, связанная с устройством традиционного жилья, его интерьером, использованием отдельных предметов быта, связанных с жизнью человека, приемом пищи, особенностями приготовления отдельных блюд. Большой интерес вызывает традиционный костюм, его детали.

Наш опыт позволяет говорить о том, что в данном случае актуальным будет рассмотрение лексических единиц, отражающих особенности самих культурных

артефактов, их названий. Подбор и адаптацию текстов необходимо проводить таким образом, чтобы сделать акцент на том, что соединяет культуру русского и сербского народов, и на том, что отличает культуру двух славянских этносов.

Именно поэтому известные тексты, которые касаются заявленной проблематики и которые размещены в учебниках по русскому языку для иностранных обучающихся, необходимо адаптировать с привлечением контекстов, отражающих сербские условия или отражающих русско-сербские параллели.

В своей работе мы, например, обращались к теме, связанной с устройством дома. На наш взгляд, она включает в себя множество отдельных подтем, которые очень важны как для понимания особенностей ведения хозяйства, так и для понимания традиций, обрядов.

Отметим, что, кроме включения отдельных лексических единиц, которые относятся к указанной теме: *дом, потолок, пол, печь, лавка, окно, дверь, стол*, нами были использованы и диалектные лексические единицы: *кут, кутовой, полати, подпечек, пряха, стулица* и др. В ряде случаев они были интересны и понятны студентам, так как давали возможность более детального языкового сопоставления. Помимо этого, мы привлекали для сопоставления описание южнорусской хаты и севернорусского жилого комплекса, указывая на значительную разницу в устройстве жилья, которая во многом связана с природно-климатическими условиями проживания населения. Как отмечали сами студенты-сербы, устройство южнорусской хаты довольно значительно совпадает с теми традиционными жилыми домами, которые известны в Сербии. Более разительные отличия были отмечены при рассмотрении севернорусского жилого комплекса.

Приведенный сопоставительный анализ сопровождался включением широких сведений о климате, традициях, особенностях духовной культуры, питании, занятиях жителей севера и юга России. При изучении указанной тематической группы использовались видео- и аудиоматериалы.

Выводы

Таким образом, можно говорить о том, что вопросы, связанные с организацией социальной жизни в современной России, коммуникативными ситуациями и процессами, их сопровождающими, следует рассматривать при изучении русского языка на разных уровнях его усвоения.

Студенты, хорошо владеющие русским языком, могут воспринимать сложные тексты социокультурной направленности, специальную терминологию, рассматривать вопросы стилей и семантической дифференциации. Студенты, изучающие русский язык на базовом уровне, могут знакомиться с отдельными лексическими единицами, отражающими исторические факты, культурные реалии, традиционный уклад жизни.

При этом, конечно, для большей наглядности можно выявить фрагменты действительности, которые совпадают с этнокультурой сербского народа, и те, которые значительным образом отличаются. Рекомендуется при этом использовать аудио- и видеоматериалы как важную составляющую образовательного процесса.

Список использованных источников

1. Белокапич-Шкунца, В. Современная сербская и русская терминология в области образования и воспитания / В. Белокапич-Шкунца // Русский язык как инославянский. Вып. II. Современное изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении. – 2010. – С. 77–83.

2. Божович, Д. Положительный перенос в обучении сербов русскому языку / Д. Божович // Проблемы современного образования. – 2021. – № 5. – С. 170–181.

3. Газда, Й. Исследование языка СМИ – одно из важнейших направлений в современной русистике / Й. Газда // Русский язык как инославянский. Вып. II. Современное изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении. – 2010. – С. 103–115.

4. Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>. – Дата доступа: 16.01.2019.

УДК 373.5.016:811.161.1

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ПРИМЕНЕНИИ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ БУДУЩИМИ ПЕДАГОГАМИ

Т. И. Татарина,

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии
Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь

E-mail: tativ58@inbox.ru

В связи с модернизацией белорусского образования становится очевидной актуальность проблемы повышения качества подготовки специалиста сферы образования. Особая роль образования в современном мире, превращение его в самую важную область человеческой деятельности делают проблему подготовки будущих специалистов одной из приоритетных. В настоящее время одной из задач высшей педагогической школы является подготовка компетентного, гибкого, конкурентоспособного специалиста для работы в условиях динамично меняющейся школы, способного самостоятельно и творчески решать профессиональные задачи. В связи с этим остро встает проблема подготовки профессионально компетентных педагогов, формирование которых идет на протяжении всего образовательного процесса в вузе.

Ключевые слова: образовательный процесс, профессиональная компетентность, игровые технологии, формирование, навыки применения, организационно-управленческая, эксперимент.

FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE IN THE USE OF GAMING TECHNOLOGIES BY FUTURE TEACHERS

T. I. Tatarinova,

Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the
Department of Pedagogy and Psychology, Mozyr State Pedagogical University
named after I. P. Shamyakina,
Mozyr, Republic of Belarus

E-mail: tativ58@inbox.ru

The relevance of research. In connection with the modernization of Belarusian education, the urgency of the problem of improving the quality of training of an education

specialist becomes obvious. The special role of education in the modern world, its transformation into the most important area of human activity make the problem of training future specialists one of the priorities. Currently, one of the tasks of the higher pedagogical school is to prepare a competent, flexible, competitive specialist to work in a dynamically changing school, capable of independently and creatively solving professional tasks. In this regard, there is an acute problem of training professionally competent teachers, the formation of which goes on throughout the educational process at the university.

Keywords: *educational process, professional competence, game technologies, formation, application skills, organizational and managerial model, experiment.*

Введение

Анализ исследований, посвященных профессиональной компетентности учителя, показывает, что они нацелены на разработку основ формирования его педагогической направленности; развитие профессиональных и личностных качеств; определение сущности истоков педагогического творчества; анализ психологических основ его профессиональной деятельности. Следует отметить, что ученые неоднозначно толкуют понятие «профессиональная компетентность», то отождествляя его с понятием «готовность к профессиональной деятельности», то включая в содержательный компонент готовности педагога. В последние годы наметилась новая тенденция в установлении корреляции между обозначенными понятиями, акцентируется внимание на вопросах приоритетности формирования совокупности профессионально значимых качеств личности учителя в составе его психолого-педагогической компетентности, анализируется сущность психолого-педагогической компетентности учителя как совокупность профессиональных качеств педагога, являющихся основой для повышения педагогической культуры, предпринимаются попытки обоснования психолого-педагогических условий её эффективного формирования.

Вместе с тем, на сегодняшний день исследований, специально посвященных процессу формирования профессиональной компетентности педагога в области игровой деятельности, мы не обнаружили. До настоящего времени не разработана модель процесса её формирования; недостаточно изучены интегративные тенденции в системе подготовки будущего специалиста. Недостаточная научно-теоретическая и практическая разработанность содержания понятия «компетентность» как интегративного качества будущего учителя определяет *актуальность* нашего исследования.

Цель и задачи

Объект исследования – профессиональная компетентность как интегративное качество педагога.

Предмет исследования – формирование профессиональной компетентности будущих учителей в сфере применения игровых технологий в процессе изучения психолого-педагогических дисциплин.

Цель – определить условия и пути формирования профессиональной компетентности студентов в применении игровых технологий.

Методы и материал исследования

Методы исследования. Для решения поставленных задач применялся комплекс методов исследования: теоретический анализ психолого-педагогической

и методической литературы; описательный метод, методы наблюдения, педагогического эксперимента, анкетирование, беседа, метод математической обработки полученных результатов.

Результаты и их обсуждение

В настоящее время возникла научная отрасль педагогики «Педагогические технологии», которая занимается исследованием наиболее рациональных путей обучения и воспитания, конструированием и проектированием педагогических процессов. Помимо *научного аспекта* понятие «педагогическая технология» представлено *процессуально-описательным* (алгоритм процесса, совокупность целей, принципов, содержания, методов, средств) и *процессуально-действенным* (непосредственное осуществление педагогического процесса) аспектами. Важнейшей чертой технологии выступает четкое планирование ожидаемого результата деятельности и ориентация на его достижение.

Педагогические (образовательные) технологии – это совокупность способов (методов, приемов, операций) педагогического взаимодействия, создающих условия развития участников педагогического процесса и предполагающих определенный результат этого развития. Непосредственно проблема педагогических технологий обучения раскрывалась в работах И. И. Ильина, А. С. Дербицкого, А. М. Доронина, В. В. Жузеева и др. Технология обучения определяется как совокупность действий по отбору и определению порядка и последовательности использования дидактических средств, организации форм и методов обучения. Любая педагогическая технология предполагает определенный набор способов, операций, процедур, действий, методов, приемов, отдельных шагов, осуществление, использование которых в педагогическом процессе происходит в определенной последовательности и взаимосвязи, т. е. по совокупности способов. Так как одной из сущностных характеристик педагогического процесса является взаимная деятельность педагога и воспитанника, то и, ведя речь о педагогических технологиях, необходимо думать о совокупности способов взаимодействия педагога и воспитанника.

Эффективность (результативность) используемых в педагогическом процессе способов взаимодействия зависит от многих факторов: индивидуальных и половозрастных особенностей педагога и воспитанников; владения педагогом педагогической техникой; содержания педагогического процесса; смены видов деятельности; психофизиологического и эмоционального состояния учителя и ученика; ситуативности; уникальности педагогического процесса и т. д. В этой связи можно говорить о том, что применение в педагогическом процессе совокупности способов взаимодействия не гарантирует решения педагогических задач, а дает возможность продвижения к результатам, создает условия для их решения. Технологизация педагогического процесса, которая позволяет решать проблемы обучения и воспитания на качественно новом уровне, является объективным явлением в образовании и выступает не данью моде, а стилем современного научно-практического мышления. Перед педагогом встаёт проблема, связанная с пересмотром своей позиции в учебном процессе, разработкой различных вариантов его содержания, поиском новых идей. Такая научная отрасль, как педагогическая технология, изучает закономерности технологизации системы образования в целом и её отдельных подсистем, занимается исследованием наиболее рациональных путей обучения и воспитания, проектированием и конструированием педагогических процессов. Поэтому сегодня быть

педагогически грамотным специалистом нельзя без изучения всего обширного арсенала образовательных технологий.

Причинами технологизации образовательного процесса являются: недостаточный уровень результативности образовательного процесса и педагогической деятельности; необходимость повышения мотивации и активизации учебно-познавательной и исследовательской деятельности обучающихся; быстрые темпы информатизации образования; обеспечение здоровьесбережения учащихся и учителей и др. Технологизация – это комплекс конкретных действий, основанных на объективных законах педагогики и поэтому обеспечивающих достижения результата, соответствующего предварительно поставленным целям. Таким образом, внедрение в образовательный процесс современных образовательных технологий, направленных на повышение качества образования через снижение доли репродуктивной деятельности обучающихся и самореализацию их познавательной и творческой активности, обусловлено требованиями нового образовательного стандарта, основанного на компетентностном подходе, является объективной необходимостью.

Образовательная технология – это целостная педагогическая деятельность педагога и обучающегося, основанная на конкретной идее, принципах организации, взаимосвязи целей, содержания и методов образования и содержащая в себе ряд функций: индивидуально-групповую, информационно-диагностирующую, организационно развивающую, деятельностно-эвристическую, духовно-гуманитарную, мотивационно-управленческую. Она должна соответствовать *критериям технологичности*, которые основаны на методологических требованиях, а именно: *концептуальность* – основана на конкретной научной теории, которая включает психологическое, философское, дидактическое и социально-педагогическое подтверждение достижения образовательных целей; *управляемость* – механизм, позволяющий гарантировать достижения запланированных результатов, через проведение многоэтапной диагностической проверки текущих результатов образовательного процесса.

Необходимость использования технологий в образовательной практике не вызывает сомнения, но существует проблема *готовности педагога* к их творческому применению. То есть необходима профессионально-педагогическая культура, или *компетентность*. Технологическая компетентность учителя является важнейшей составляющей профессиональной компетентности педагога и условием повышения эффективности и качества педагогической деятельности.

Технологическая компетентность (ТК) – это комплекс умений применять педагогические технологии в учебном процессе, осуществлять проектирование педагогического процесса как целенаправленной последовательности операций, действий. Согласно исследованию Е. В. Козиной [1], существуют следующие уровни развития технологической компетентности учителя.

1. *Эмпирический уровень* сформированности ТК учителя, который характеризуется несистематизированностью, часто ошибочностью знаний о педтехнологиях. Действия педагога представляют отдельные операции. Не связанные логикой целостного учебного процесса, не носят творческого характера.

2. *Теоретический уровень* сформированности компонентов ТК, представленный поверхностными знаниями о педтехнологиях вообще и конкретной технологии в частности. Педагог проявляет интерес к отдельным приемам педтехники, особенно применительно к обучению. Интерес этот носит ситуативный, неустой-

чивый характер. Педагог может воспроизводить ранее увиденные технологии, т. е. работать по образцу.

3. *Алгоритмический уровень* сформированности ТК, характеризующийся знаниями теории педагогических технологий, умениями применять эти знания. Педагог может самостоятельно овладеть методом, технологией, применить их в педдеятельности, но при этом испытывает затруднения в их выборе, неуверенно реализует ее. Отличает данный уровень умение педагога творчески преобразовать алгоритм деятельности применительно к предмету, адекватно прогнозировать и оценивать результат.

4. *Креативный уровень* отличается от предыдущих качеством знаний по теории и практике технологического подхода, ценностно-смысловыми ориентациями. Учитель рассматривает ПТ как эффективное средство обучения, воспитания и развития, умеет творчески преобразовать структурные компоненты технологий, творчески применять отдельные методы и приемы, способен создать авторскую технологию, умеет анализировать и оценивать внешние и внутренние связи процесса и результата в комплексе. Прогнозирует развитие ситуации.

Уровень ТК определяется на основе следующих критериев: целесообразность, творчество, технологичность, оптимальность выбора эффективных средств, продуктивность (по результату). Чем выше ТК педагога, тем выше уровень его мастерства.

Наибольший интерес в нашем исследовании представляют игровые педагогические технологии. В XX в. произошел резкий скачок интереса к обучающей игре (В. В. Петрусинский, П. И. Пидкасистый, Ж. С. Хайдаров, С. А. Шмаков, М. В. Кларин, А. С. Пругченков и др.). В современной школе возникает насущная потребность в расширении методического потенциала в целом и в активных формах обучения в частности. К таким активным формам обучения, недостаточно освещенным в методике преподавания русского языка, и относятся игровые технологии. Игровые технологии в профессионально ориентированном обучении выполняют развивающую, познавательную функции и являются одной из уникальных форм обучения, которая позволяет сделать интересными и увлекательными не только работу учащихся на творческо-поисковом уровне, но и будничные шаги по изучению русского языка. Игровые технологии не подменяют традиционные методы обучения, расширяя педагогический арсенал преподавателя, позволяют более эффективно достигать поставленной цели конкретного занятия и всего учебного курса. Игровые технологии являются одной из уникальных форм обучения, которая позволяет сделать интересными и увлекательными не только работу учащихся на творческо-поисковом уровне. Нам кажется логичной классификация игр, основанная на тематическом принципе, когда игры распределены по разделам лингвистики; при этом в каждом из них есть игры, помогающие отрабатывать коммуникативный аспект, например, фонетические игры: фонемное различение слов («убери одну фонему», «замени фонему», метаграммы, анаграммы, логогрифы и др.; коммуникативно-фонетические игры: на опознавание, различение, характеристику и воспроизведение тембра голоса; на расширение звуковысотного диапазона; на выбор адекватной громкости; на развитие силы, «полетности» голоса; на отработку правильной мелодики, умения ставить логическое ударение,

выдерживать паузу, соблюдать темп речи, чувствовать ритм и др.; лексико-фразеологические игры: на значение слов (кроссворды, сканворды, чайнворды); системные отношения в лексике («пропорции», «третий (четвертый) лишний», «ассоциации», «гибриды», лото, домино, карты, игры с мячом, с юлой); игры на развитие навыков устной монологической и диалогической речи, расширение словарного запаса («ищи свою половину»; «соберите поговорки»; «кто догадливей?»; «кто наблюдательнее?» и мн. др.). Подобным образом подбираются также игры, помогающие осваивать морфемику, словообразование, орфографию, морфологию, синтаксис.

Вот примеры дидактических игр, которые учителя часто используют на практике.

1. Игра-упражнение. Игровая деятельность может быть организована в коллективной и групповой формах, но еще более индивидуализирована. Применяется при фиксации материала, проверке знаний учащихся, во внеклассной работе. Пример: «пятый лишний». На уроке ученикам предлагается найти в определенном наборе названий (растения одной семьи, животные единицы и т. д.) случайное слово из этого списка.

2. Игра-поиск. Ученикам предлагается самостоятельно найти решения и прийти к ответу на поставленное задание в новом материале или закрепляя пройденное. Для этих игр не нужно специальное оборудование, они требуют мало времени, но дают хорошие результаты.

3. Игра-конкуренция. Эти игры можно проводить как в классе, так и во внеклассной работе.

4. Сюжетно-ролевые игры. Их особенность заключается в том, что ученики играют определенные роли, а сами игры наполнены глубоким и интересным содержанием, которое соответствует определенным задачам учителя. Это «пресс-конференция», круглый стол, где ученики могут играть роль специалистов сельского хозяйства, историка, филолога, археолога и другие роли, которые ставят учеников в положение исследователя, которому необходимо продолжить когнитивные цели, но и профессионально ориентируют его. В ходе такой игры создаются благоприятные условия для удовлетворения разнообразных интересов, желаний и творческих устремлений учащихся.

5. Игры-путешествия. В предлагаемой игре ученики могут «путешествовать» по континентам, по разным географическим районам, климатам и т. д. Игра может предоставить учащимся новую информацию и проверить существующие знания. Обучающая игра обычно проводится после изучения одного предмета или нескольких предметов в разделе для определения уровня знаний обучающихся.

Игровые технологии выполняют 3 основные функции: *инструментальные*: формирование определенных навыков и способностей; *гностические*: формирование знаний и развитие мышления учащихся; *социально-психологические*: развитие навыков общения. Игра имеет ценность только в том случае, если она способствует лучшему пониманию природы проблемы, уточнению знаний учащихся. Игровые технологии стимулируют общение между учениками и учителями, поскольку отношения становятся более расслабленными и эмоциональными во время игр. Теоретический анализ методологической литературы показал, что игровые технологии используются на разных *этапах обучения*, но их

использование оправдано только в том случае, если они тесно связаны с учебным предметом и органично сочетаются с учебным материалом, соответствующим дидактическим целям обучения.

Подготовка специалистов, отвечающих требованиям времени, – одна из важнейших задач профессионального образования. Задачей нашего исследования было определить условия и пути формирования профессиональной компетентности студентов через организацию игровых технологий. Объектом нашего исследования является профессиональная компетентность студентов в применении игровых технологий, формируемая в процессе изучения психолого-педагогических дисциплин.

На этапе диагностики было проведено анкетирование 24 студентов филологического факультета с целью определения понимания ими целей и возможностей использования игровых технологий, владения этими технологиями. Студенты отметили, что игровая деятельность на уроках может быть использована как часть урока для обобщения и закрепления знаний, для развития мышления учащихся, их познавательной активности. Но большинство студентов (20) отметили в качестве цели использования игры на уроках – создание благоприятной атмосферы, установление коммуникации, формирование положительной мотивации к обучению. С целью формирования компетенции использования игровых технологий нами был подготовлен проект «Дидактические игры на уроках». Обсуждая его результаты, на вопрос: Какую цель преследует учитель, применяя дидактические игры? студенты дали следующие ответы: привести в урок что-то новое; активизировать деятельность учащихся; развивать творческую активность учащихся; повысить эффективность урока. Студенты пришли к выводу, что технологическая компетентность учителя является важнейшей составляющей профессиональной компетентности педагога и условием повышения эффективности и качества педагогической деятельности и одним из компонентов компетентности является умение применять игровые технологии. Формированию игровой компетенции и призвано изучение учебной дисциплины «Педагогические технологии». Учебная дисциплина по содержанию имеет практико-ориентированную направленность, предполагает овладение будущими учителями образовательными инновациями на основе освоенных знаний и умений в области педагогических технологий. В рамках образовательного процесса по учебной дисциплине «Педагогические технологии» студенты должны не только приобрести теоретические и практические знания, умения и навыки по специальности, но и развить свой ценностно-личностный, духовный потенциал. Языковые игры предназначаются для формирования произносительных, лексических и грамматических навыков и тренировки употребления языковых явлений. Игры помогают сделать однообразную деятельность более интересной. Так, например, на уроках русского языка лексические игры способствуют расширению словарного запаса учеников, закладывая «фундамент» речи, фонетические игры корректируют произношение, орфографические – способствуют овладению правописанием. В рамках учебной дисциплины «Педагогические технологии» студенты знакомятся с технологией проведения игры, основными правилами проведения игры, методиками проведения игр, учатся применять элементы игровой деятельности на каждом уроке. Игровая деятельность как элемент урока может применяться на любом его этапе – от проверки домашнего задания до выполнения контроля

и обобщения. Наиболее эффективными будут игры по фонетике, развивающие речевой аппарат у детей и выявляющие степень усвоения лингвистического материала. «Фонетическую разминку» предлагаем ввести наряду с орфографической в привычку. Так, например, при изучении в 5 классе темы «Звонкие и глухие согласные» можно проводить игры «эхо», «выключи голос», «найди пару», «поймай мяч», «Чья команда победит?» Все они основаны на делении согласных на парные и непарные звонкие и глухие. При знакомстве с понятием *тембр* голоса, уместно будет проверить задание, поиграв в конкурс пародистов. При отработке правописания слов с непроверяемыми орфограммами – путем обращения к их этимологии в игре «Откуда слово к нам пришло?» На уроках по морфологии увлекательной формой игры может стать разгадывание кроссвордов.

Выводы

Проведённое исследование позволяет нам говорить о том, что одним из путей повышения интереса к изучению русского языка может стать дидактическая игра, с помощью которой можно стимулировать деятельность школьников. Игра позволяет воспитывать желание и умение учиться, создает такой эмоциональный фон урока, который помогает детям лучше и глубже усвоить содержание материала. Если использовать игры на протяжении всего процесса обучения, они, несомненно, будут способствовать повышению интереса к русскому языку, учащиеся будут проявлять больший интерес к данному предмету, будут иметь более глубокие знания. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что игры необходимы для школы, использовать их надо систематически, на разных этапах урока, включать в них различные виды деятельности школьников, применять игры при изучении сложного, трудного для понимания материала. Исследование показало, что дидактические игры активизируют познавательную деятельность на всех стадиях изучения нового материала при использовании возможностей всех других методических приемов, направленных на изучение русского языка.

Список использованных источников

1. Козина, Е. В. Технологическая компетентность учителя. Современные исследования социальных проблем [Электронный ресурс] / Е. В. Козина. – Режим доступа: //cyberleninka. ru: информ.-справочный портал. 2013.
2. Коновалова, Е. И. Нестандартные уроки / Е. И. Коновалова. – М. : Дрофа, 2002.
3. Слостенин, В. А. Педагогика : учеб. для студентов учреждений высш. проф. образования / В. А. Слостенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов ; под. ред. В. А. Слостенина. – 10-е изд., перераб. – М. : Изд. центр «Академия», 2011. – 608 с.
4. Педагогические системы и технологии: лабораторный практикум : учеб.-метод. пособие / И. И. Цыркун [и др.] ; под ред. И. И. Цыркуна, М. В. Дубовик. – Минск : ТетраСистемс, 2010. – 224 с.
5. Пидкасистый, П. И. Технология игры в обучении и развитии / П. И. Пидкасистый. – М., 1996.
6. Подласый, И. П. Педагогика : учеб. для студентов высших пед. учебных заведений / И. П. Подласый. – М. : ВЛАДОС, 2007. – 463 с.
7. Селевко, Г. К. Современные образовательные технологии / Г. К. Селевко. – М. : Нар. образование, 1998.

ВЕДУЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В КИТАЕ

Т. Н. Чечко,

кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой белорусской
и русской филологии Мозырского государственного
педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: tatyana.chechko@yandex.ru

Цао Юньбинь,

аспирант кафедры педагогики и психологии Мозырского государственного
педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь

В данной статье выявлены и проанализированы преимущества цифрового образования и ведущие направления цифровизации образовательной среды в Китае. Охарактеризованы возможности моделей обучения «один к одному», «многие к одному» и направлений цифровизации – 01 Интеграция «умного мозга» и «Smart Brain», 02 Сочетание «традиционного обучения» и «виртуального обучения», 03 От «адаптации к искусственному интеллекту» до «ведущего искусственного интеллекта».

Ключевые слова: направления цифровизации, образовательная среда, интеграция «умного мозга» и «Smart Brain», традиционное обучение, виртуальное обучение.

LEADING DIRECTIONS OF DIGITALIZATION OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN CHINA

T. N. Chechko,

Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Chair of Belarusian and Russian
Philology, Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: tatyana.chechko@yandex.ru

Cao Yunbin,

Postgraduate student of the Department of Pedagogy and Psychology,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus

This article identifies and analyzes the advantages of digital education and the leading directions of digitalization of the educational environment in China. The possibilities of «one-to-one», «many-to-one» learning models and digitalization directions are characterized – 01 Integration of «smart brain» and «Smart Brain», 02 Combination of «traditional learning» and «virtual learning», 03 From «adaptation to artificial intelligence» to «leading artificial intelligence».

Keywords: directions of digitalization, educational environment, integration of «smart brain» and «Smart Brain», traditional learning, virtual learning.

Введение

В современном обществе процесс цифровизации образования становится одним из приоритетных. К цифровым ресурсам в образовании относятся совокупность онлайн-сервисов, различного программного обеспечения (порталы, средства, образовательные платформы, поисковики, образовательные приложения, портфолио), так же, как и данные (статистические, географические, социологические, демографические и др.), информация (статьи, передачи, аудиодорожки и др.), полезная обучающему и учащемуся в рамках использования ИКТ в образовании. Реалии современного образовательного процесса требуют более детального рассмотрения вопроса об использовании цифровой среды как средства развития познавательной деятельности обучающихся. Интересным в этом плане является опыт китайской школы (колледжа).

Цель и задачи

Целью исследования является попытка выявить и проанализировать преимущества цифрового образования и ведущие направления цифровизации образовательной среды в Китае. Для достижения цели исследования будут охарактеризованы возможности моделей обучения «один к одному» и «многие к одному»; направлений цифровизации – 01 Интеграция «умного мозга» и «Smart Brain», 02 Сочетание «традиционного обучения» и «виртуального обучения», 03 От «адаптации к искусственному интеллекту» до «ведущего искусственного интеллекта».

Методы и материал исследования

В процессе исследования нами использованы методы аналитического обзора источников, межпредметной интеграции, экстраполяции, сравнительно-сопоставительного анализа направлений и способов информатизации и цифровизации образовательной среды в Китае.

Результаты и их обсуждение

Прежде всего, цифровое образование обладает сверхвысокой эффективностью и удобством. Его гибкость и удобство далеко не сравнимы с традиционным образованием. Благодаря онлайн-обучению был изменен метод обучения, ориентированный только на личность учителя. Учащиеся могут более свободно подключаться к интернету в любое время, в любом месте и получать соответствующие материалы курса, которые им необходимы на определенном этапе освоения образовательной программы. Всего одним щелчком мыши можно получить доступ к информационному контенту любой точки мира.

В отличие от традиционных учебных аудиторий, цифровое образование *изменило модель обучения «один ко многим» на модель обучения «один к одному» или даже «многие к одному»*. Учителя могут проверять недостатки и восполнять их в соответствии с личными обстоятельствами учащихся, проводить индивидуальное консультирование и использовать индивидуальное обучение «один на один», чтобы больше взаимодействовать, получать больше обратной связи, чтобы способствовать улучшению личной успеваемости учащегося [4, с. 15].

Обеспечивается возможность совершенствования цифрового образования с учетом личных способностей и качеств учащихся. Учителя используют оцифровку как канал передачи знаний, учащиеся больше не пассивны в обучении, а могут устанавливать эффективную коммуникацию с учителями и одноклассниками. Также можно в любое время пользоваться «Интернетом вокруг нас», чтобы

подключаться к его богатым учебным ресурсам, делиться ими, а также быстро понимать содержание преподаваемого материала, что, несомненно, стимулирует личностный потенциал учащихся и, в конечном итоге, *обеспечивает мультипликативный эффект при минимальных усилиях*. В 2019–2021 гг. в Китае был введен ряд планов «Интернет+». Следовательно, можно констатировать, что тенденция оцифровки образования находится в процессе активного развития [2, с. 26].

Цифровые технологии, являясь основным двигателем на новом витке глобальной промышленной революции, вливают постоянный поток активности в глобальное цифровое экономическое развитие. В последние годы в процессе содействия информатизации образования учёные Китая изучают возможности использования цифровых технологий для *реформирования методов преподавания и моделей подготовки талантов, создания нового типа интеллектуальной системы профессионального образования и повышения способности информационных технологий управлять инновациями и развитием профессионального образования* [3, с. 25].

В целях содействия интеллектуальному развитию профессионального образования на основе существующей модели сотрудничества, групповой модели, модели интеграции отрасли и образования, других совместных разработок была создана *интерактивная платформа предоставления интеллектуальной образовательной информации, нормализованный интеллектуальный класс и интеллектуальная образовательная экосистема* с большими информационными базами данных. Эти нововведения призваны обеспечить поддержку высококвалифицированных и высокоинтеллектуальных талантов с целью интенсивного экономического развития Китая.

В эпоху интеллекта и информационных технологий наиболее важной особенностью является увеличение информационных каналов и взрывной рост объема данных. Следовательно, при деконструкции и реорганизации данных исходные знания должны постоянно обновляться. В то же время цифровые технологии способствовали широкомасштабному развитию социализации и сотрудничества, а также косвенно способствовали реорганизации и реконструкции основных элементов традиционной системы профессионального образования, инновационному развитию нового типа производственных отношений и нового типа позиции сотрудничества.

Самое важное, что нужно улучшить в эпоху инноваций, – это создать «цифровую мудрость». В то же время методы обучения студентов должны измениться. Темпы интеллектуального роста человека не могут угнаться за скоростью развития информации только за счет понимания и памяти. Следовательно, образование будущего должно развиваться по направлению «от понимания и запоминания знаний к миграции и применению знаний и, в конечном счете, к созданию и изобретению новых знаний». Это позволит развивать способность к обучению и способность к применению знаний; усилить инновационное и интеллектуальное мышление молодёжи. Повышение избирательности учащихся в образовании и содействие демократизации образования позволяют учащимся выбирать методы и содержание обучения, подходящие для их личностного развития в соответствии с их собственными ценностями, интересами и увлечениями. Это фундаментальный способ развития образования, который способствует индивидуальному и разностороннему развитию учащихся [1, с. 165].

Предложение образовательных услуг изменилось с конкурентных ресурсов на совместное сотрудничество, а линейное централизованное управление организацией перешло к децентрализованному и обобщенному управлению. Обеспечена возможность интегрирования ресурсов профессионального образования и обмена ими с помощью интеллектуальных технологических платформ *big data*, платформ дистанционного образования. Это позволяет «пересекать границы образования», устанавливая связи с рынками, отраслями, предприятиями и учреждениями профессионального образования в том числе для переподготовки кадров.

Интенсивное развитие цифровых технологий и стремление людей к высокому уровню самооценки в полной мере отражают необходимость и актуальность «обучения на протяжении всей жизни». В настоящее время в Китае активно создается повсеместная среда обучения для построения «общества непрерывного обучения».

Цифровые технологии и искусственный интеллект перестроили модель развития профессионального образования, завершили реинтеграцию и распределение ресурсов, а также изменили образ мышления, обучения и образ жизни людей. Без реформы модели профессионального образования невозможно построить по-настоящему современное профессиональное образование. Резюмируя роль цифровых технологий и искусственного интеллекта в развитии профессионального образования, можно выделить перспективные направления цифровизации образовательной среды.

01 Интеграция «умного мозга» и «Smart Brain»

С наступлением четвертой промышленной революции взрывное развитие информационных технологий создало «интеллектуальный мозг», основанный на компьютерах и интернете. Одна из целей интеллектуального развития профессионального образования заключается в том, чтобы дать учащимся возможность активно использовать «двойной мозг» – потенциал человеческого мозга «умный мозг человека» и «умный мозг машин». А для этого нужно создать оборудование для их совместной скоординированной работы. Глубокая интеграция профессионального образования и информационных технологий в эпоху искусственного интеллекта заключается в использовании синергии «умного мозга» и «Smart Brain» для полной реализации взаимодополняющих преимуществ и проведения интегрированного обучения, а не простой технологической стыковки между человеческим мозгом и компьютером.

02 Сочетание «традиционного обучения» и «виртуального обучения»

Развитие сетевых виртуальных технологий позволило человечеству иметь два мира, реальный и виртуальный. Интенсивное развитие виртуальных информационных технологий в определенной степени повлияет на физическое воспитание в профессиональном образовании, и, соответственно, развитие физического воспитания нуждается в поддержке виртуальных технологий. В конкретной практике обучения возникнут проблемы, которые трудно сбалансировать, когда эти два мира теряют друг друга.

В настоящее время непрерывное применение и продвижение технологии виртуализированного образования в области профессионального образования и непрерывная оптимизация модели развития профессионального образования постепенно стирают границы между онлайн- и оффлайн-профессиональными

колледжами, и тогда «реальный мир» и «виртуальный мир» лучше сочетаются. Следует отметить, что характер профессионального образования в эпоху цифровых технологий принципиально не изменился. Студенты просто должны научиться пользоваться преимуществами интеграции и высокого взаимодействия двух миров и в полной мере использовать свои собственные интеллектуальные ресурсы.

03 От «адаптации к искусственному интеллекту» до «ведущего искусственного интеллекта»

Развитие искусственного интеллекта обеспечило мощную техническую поддержку профессионального образования. Базовые знания и навыки на начальном этапе оцифрованы, искусственный интеллект адаптирован и применяется с помощью специальных курсов, моделей «облачного образования», персонализированных учебных планов и т. д. Профессиональное образование фокусируется на технологических инновациях и играет ведущую роль в развитии отраслевых технологий. В будущем искусственный интеллект станет технической поддержкой для быстрого развития и трансформации профессиональных колледжей и университетов. «... Некоторые профессиональные колледжи и университеты сотрудничают с компаниями по интеллектуальной автоматизации в смежных отраслях, основываясь на своих собственных сильных сторонах, чтобы реализовать развитие профессионального образования для руководства искусственным интеллектом» [4, с. 16].

В настоящее время искусственный интеллект находится на стадии развития большой адаптивности. С совершенствованием информационных технологий и популяризацией интеллектуального оборудования эра искусственного интеллекта определенно перейдет от «эры специализированного искусственного интеллекта» к «эре общего искусственного интеллекта». В эпоху «общего искусственного интеллекта» искусственный интеллект и профессиональное образование будут глубоко интегрированы и в стадии эффективного сотрудничества. Профессиональное образование будет полностью адаптировано, будет идеально применяться к искусственному интеллекту, что приведет к дальнейшему развитию от «искусственного интеллекта + профессиональное образование» к эпохе «профессиональное образование + искусственный интеллект».

Выводы

Так что такое оцифровка образования? Во-первых, оцифровка образования является устойчивой и не может быть упрощена до создания цифровых образовательных ресурсов (программного и аппаратного обеспечения). Она включает в себя развитие цифровых возможностей и корректировку правил развития образования. Во-вторых, оцифровка образования ориентирована на обучение на протяжении всей жизни, и поэтому необходимо разрабатывать и внедрять виртуальные модели, которые интегрируются с «реальными обучающимися практиками». Образовательная практика сейчас трансформируется: обогащается и усложняется созданием цифровых образовательных ресурсов (программного и аппаратного обеспечения). Оцифровка образования ориентирована на виртуальное преподавание, и, соответственно, необходимо внедрить модель интеграции с практикой преподавания. И, наконец, оцифровка образования должна соответствовать требованиям общества, и в процессе её продвижения нельзя игнорировать влияние алгоритмической дискриминации на справедливость образования.

Список использованных источников

1. Мун, Чжинрун. Исследование инновационной модели начального образования на информационном фоне / Мун Чжинрун // Экономика знаний. – 2017. – № 21. – С. 165–166.
2. Сунь, Сюйян. Использование мультимедийных средств в начальном образовании для повышения квалификации студентов в области инноваций / Сунь Сюйян // Современное образовательное оборудование Китая. – 2010. – № 14. – С. 26–27.
3. Сяоцин, Ван. Умеренная интеграция преподавания в классе с мультимедийными технологиями / Ван Сяоцин // Учитель Хуа-Шань. – 2017. – № 18. – С. 25.
4. Цзюнь, Ян. Умеренная интеграция преподавания в классе с мультимедийными технологиями / Ян Цзюнь // Образование во Внутренней Монголии. – 2018. – № 8. – С. 15–16.

УДК 378.147: 37. 037.1(043.3)

О ВЛИЯНИИ КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПСИХОЛОГИЮ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА

Т. Н. Чечко,

кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой белорусской
и русской филологии Мозырского государственного
педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: tatyana.chechko@yandex.ru

Хэ Цзянфэн,

аспирант кафедры педагогики и психологии Мозырского государственного
педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь

В статье предпринята попытка проанализировать основные направления влияния китайской традиционной народной культуры на психологию личности студента с трудностями в обучении. Выявлены характеристики образа студента с трудностями в обучении, определены и описаны воспитательные возможности произведений китайской традиционной народной культуры. В ходе анализа текстов выдающихся китайских ораторов установлено, что важно научить студентов развивать себя и других, развивать таланты и нравственность; сочетать постановку высоких целей в жизни с агрессивной активностью; быть открытыми, способными находить другой путь и освободить себя; воспитывать в себе безразличие к славе и богатству, способность к гармоничным межличностным отношениям; формировать настойчивость и позитивное отношение к жизни; быть благодарными и преданными.

Ключевые слова: психология личности, студент колледжа, воспитательный потенциал китайской традиционной народной культуры.

ON THE INFLUENCE OF CHINESE TRADITIONAL FOLK CULTURE ON THE PSYCHOLOGY OF A STUDENT'S PERSONALITY

T. N. Chechko,

Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Chair of Belarusian and Russian Philology, Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin, Mozyr, Republic of Belarus

E-mail: tatyana.chechko@yandex.ru

He Jianfeng,

Postgraduate student of the Department of Pedagogy and Psychology, Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin, Mozyr, Republic of Belarus

The article attempts to analyze the main directions of the influence of Chinese traditional folk culture on the psychology of the personality of a student with learning difficulties. The characteristics of the image of a student with learning difficulties are revealed, the educational possibilities of the works of Chinese traditional folk culture are identified and described. During the analysis of the texts of outstanding Chinese speakers, it was found that it is important to teach students to develop themselves and others, to develop talents and morality; to combine setting high goals in life with aggressive activity; to be open, able to find another way and free yourself; to cultivate indifference to fame and wealth, the ability to harmonious interpersonal relationships; to form perseverance and a positive attitude to life; to be grateful and loyal.

Keywords: *personality psychology, college student, educational potential of Chinese traditional folk culture.*

Введение

Период обучения в колледже, высшей школе – важнейший период социализации личности, который включает освоение культуры человеческих отношений и общественного опыта, социальных норм и ролей, новых видов деятельности и форм взаимодействия. В студенческом возрасте задействованы все механизмы социализации личности: освоение социальной роли студента; подготовка к овладению социальной ролью «профессионального специалиста»; механизмы подражания и социального влияния со стороны преподавателей и студенческой группы. Категории «социализация личности» и «воспитание личности» не являются тождественными, но взаимосвязанными и взаимообусловленными. Воспитание – это намеренное формирование личности в соответствии с принятым идеалом под влиянием сознательно организованных воздействий – убеждения, эмоционального вовлечения, личного примера, вовлечения в определенные виды деятельности – со стороны педагогов, родителей в том числе с целью полной социализации личности. Таким образом, воспитание является важной предпосылкой социализации, успешная социализация – стимулом и мотивом воспитания, а условием и дидактическим средством воспитания личности студента является активное обращение к произведениям китайской традиционной народной культуры.

Цель и задачи

Целью исследования является попытка проанализировать влияние китайской традиционной народной культуры на психологию личности студента. Для достижения цели исследования необходимо выявить характеристики образа студента с трудностями в обучении, определить и описать воспитательные возможности произведений китайской традиционной народной культуры.

Методы и материал исследования

В процессе исследования нами использованы методы аналитического обзора источников, междисциплинарной интеграции, экстраполяции, укрупнения дидактических единиц, моделирования педагогических ситуаций, драматургический метод прочтения текстов китайской традиционной народной культуры.

Результаты и их обсуждение

Работа со студентами с трудностями в обучении является актуальной проблемой, которой необходимо заниматься в процессе развития школьного, вузовского образования. При возникновении трудностей в обучении, как следствие, у обучающихся могут проявиться многие психологические проблемы: эмоциональный контроль, самопознание, низкий уровень развития личности и способности к формированию качества воли. Это приводит к психологическим и поведенческим отклонениям в межличностном общении, сексуальной психологии личности; появляются страх, тревога, раздражительность; развитие характера отклоняется от правильного пути. Обучающиеся будут выглядеть подавленными, неуверенными в учебных успехах, чувствовать безнадежность в будущем, допускать мысли, что жизнь бессмысленна [1, с. 160].

Как показывает анализ педагогических ситуаций в китайских колледжах и высших школах, в последние годы студенты с трудностями в обучении отстраняются от учебной работы и, как следствие, отчисляются из учреждения образования из-за проблем с психическим здоровьем [2, с. 58].

Превосходная традиционная народная культура Китая обширна и глубока, содержит идеи стремления к самосовершенствованию и дух предприимчивости [4, с. 67].

Традиционная народная культура является своеобразным геном. Она может быть активно использована в обучении психическому здоровью «студентов колледжей с трудностями в обучении», чтобы стимулировать устойчивость духа к тяжелой работе, постоянно преодолевать трудности, преодолевать себя. Стремление преодолевать трудности способствует здоровому развитию жизненного контекста обучающихся.

Народная культура Китая имеет богатую историю. Это духовная пища, накопленная китайским народом в многолетней общественной практике, а также духовное воплощение образа мышления китайской нации. Чжан Дайнянь резюмировал этот опыт как выработку основной идеи быть энергичным и многообещающим, развивать гармоничность с родной землей, координировать действия между небом и человеком.

Традиционная народная культура Китая считает пропаганду гармонии и единства высшей ценностной ориентацией, уделяет внимание внутреннему совершенствованию людей и учит человека быть лучше, быть деятельным и понимать истинный смысл жизни. Поскольку традиционная народная культура Китая является идеологической философией, которая предупреждает людей, профилактирует события, основы человеческого бытия не изменятся. Поэтому мы ищем метод воспитания психологии личности в тесном сочетании прекрасной традиционной народной культуры с современными социальными факторами; профилактируем, разрешаем конфликты; создаем благоприятную среду для всестороннего развития студентов с трудностями в обучении. Создаём педагогические условия для формирования правильных жизненных взглядов студентов,

ценностей и устойчивого мировоззрения, способности оперативного выхода из затруднительных ситуаций.

Мы считаем, что важно научить студентов, во-первых, развивать себя и других, развивать таланты и нравственность. Традиционная народная культура позволяет обучать самоанализу и способствует психологической адаптации студентов в нестандартных социально-педагогических ситуациях.

«Аналекты Конфуция: Сяньвэнь» Конфуция – «совершенствование себя с уважением» и «совершенствование себя, чтобы утешить других» – должны помочь учащимся понять свое истинное «я», чтобы проводить самоконтроль и самокоррекцию [3, с. 247]. «Аналекты Конфуция» позволяют научить студентов постоянно заниматься самосовершенствованием, чтобы быть не просто хорошим человеком, но и ценным человеком, чтобы жизнь была прекрасна благодаря постоянной активности, счастливой от успехов труда и согревала теплотой знаний. Эти труды учат уважать и понимать людей, делать себя экзистенциальной личностью: ощущать полноценность и красочность жизни при наличии тяжелой многоплановой работы. Кроме того, важно научиться самоанализу, научиться психологической адаптации к различным жизненным трудностям. Процесс успокоения людей – это процесс перехода от эйфории счастья к сердечному спокойствию, к заботе об общем благе, а затем к порождению концентрической гармонии сердца и разума. Самосовершенствование является отправной точкой, умиротворение людей – успешным финалом. Таким образом, процесс совершенствования человека является особым управленческим принципом для китайцев. Каждый представитель учреждения образования в Китае должен уметь постепенно корректировать собственные психологические проблемы и формировать здоровую личность.

Вторым немаловажным направлением в воспитании психологии личности является сочетание агрессивной активности и высоких целей в жизни.

В традиционной народной культуре, в памятниках ораторского искусства Древнего Китая – «Книга перемен», Чжунни (Конфуций) «Весна и Осень», Цюй Юань «Ли Сао», Цзо Цю «Го юй», Сунь Цзыбинь «Искусство войны» – содержатся речи правителей и сановников китайских царств и княжеств на политические и нравственно-эстетические темы, основанные на конфуцианской идеологии. В этих текстах мы находим проверенные веками методы формирования стойкости духа: одиночество, страдание, добродетель, устойчивая готовность усердно бороться с трудностями. Дух Даю, символизирующий постоянное самосовершенствование, стал образцом для китайцев. Он постоянно вдохновляет будущие поколения на установление высоких идеалов и верований, самосовершенствование и агрессивную активность. Мэн-цзы, китайский философ, представитель конфуцианской традиции, в Европе известный как Менций (Mencius), отмечал, что *«рожденный в беде, умирает в мире»*, поэтому, когда небо возлагает на людей большую ответственность и испытания, они должны терпеть свою долю и усердно работать *«своими мышцами и костями»*. В «Дао Дэ Цзин» Лао-цзы сказано: *«Те, кто знает других, мудры, а те, кто знает себя, просветлены»*. Редкое духовное богатство – опыт самосовершенствования древних ораторов – является для современных студентов, а также для педагогов прекрасным материалом по психологическому воспитанию студентов. В формировании здоровой психологии личности студентов с трудностями в обучении мы должны использовать классические истории успеха, которые провозглашают, что

трудности не страшны. Ключ успеха – в обретении уверенности в преодолении трудностей: постановка высоких целей в жизни и смелое движение вперед [3, с. 247].

«Призывайте студентов быть открытыми, учиться находить другой путь и освободить себя» – ещё один постулат текстов традиционной народной культуры Китая.

В «Истории песни: биография Ван Пу» записано, что Чжао Сиван восстал. Чжоу Цзу повел свои войска в крестовый поход. После подавления восстания он обнаружил переписку между Чжао Сиванем и сановниками при дворе. Чжоу Цзу не предал эти письма суду с целью наказать людей, а сжег все письма, простил их ошибки и, наконец, таким образом постарался успокоить людей и призвать их служить стране. Психика людей определяет их состояние. В реальной жизни возникновение и изменение некоторых вещей непредсказуемы и неуправляемы. Нужно принимать это со спокойной душой. Как только это произойдет, не грустите и не разочаровывайтесь, не говоря уже о том, чтобы разочароваться в себе. Когда вы сталкиваетесь с неудачами, вы должны знать, как найти проблему, знать, что является её предпосылкой, и научиться находить другой способ самостоятельного решения проблемы. Не обязательно, иногда даже противоположно, действовать по образцу.

Для спокойной и стабильной успешности важно воспитать в себе безразличие к славе и богатству, способность к гармоничным межличностным отношениям.

Безразличие к славе и богатству – это царство, происходящее из Дао Дэ Цзин: «Высшее благо подобно воде, а вода хороша для всех вещей без борьбы, и она лечит то, что все ненавидят, так что она почти подобна Дао». Это означает, что высшая сфера добрых дел подобна характеру воды: спокойное стремление, движение без борьбы за славу и богатство. «Книга заповедей» Чжугэ Ляна в «Хрониках трех королевств» ориентирует молодое поколение: «Мир для самосовершенствования, бережливость для возвращения нравственности, равнодушие, отсутствие явных амбиций ...». Способ обучения по традиции Чжугэ Ляна – безразличие к славе и богатству; спокойствие и мало желаний; понимание жизни и удовлетворенность жизнью. Жизнь – это преодоление многих препятствий, среди которых слава и богатство самые печальные из них. Равнодушие к славе и богатству означает отсутствие гонки за быстрым успехом, непричинение вреда другим из-за выгоды для себя, честную конкуренцию. Таким образом, студенты должны быть спокойными, правдивыми, великодушными, должны уметь уважать и любить себя, проецировать это отношение на окружающих. Люди не смогут устоять без добродетели, и корень воспитания людей состоит в том, чтобы возвращать людей с добродетелью. Следовательно, важно на первое место выдвигать мораль, а самосовершенствование ставить в основу логики личностного роста студентов. Следуя траектории личностного роста в первую очередь студенту нужно придерживаться морали, сохранить дух новаторства на академическом пути, не всегда повторять чужие шаги, быть стойким и предприимчивым. Соблюдение данных педагогических условий и есть Путь успеха.

Сунь Цзин, известный государственный деятель династии Хань, учился в Лянляне. В период Воюющих царств он много времени посвятил чтению. Его опыт становления личности показал, что первый год в новой сфере – это время

успешных новаций. Студенты, которые только что поступили в колледж, должны брать на себя инициативу по внедрению новаций в образовательный процесс, уделять время самостоятельной работе. Только при настойчивости и положительном отношении к жизни мы можем проложить светлый путь в жизни; только при положительном отношении к жизни мы можем осознать ее ценность. Превосходная традиционная народная культура Китая предупреждает учащихся с трудностями в обучении о том, что временные трудности не страшны, более страшно заблудиться, не зная, куда идти, не зная, как идти. Только сохраняя позитивное и предприимчивое отношение к жизни, настойчивость в обучении, мы можем уверенно двигаться к достижению поставленных целей. Прекрасная традиционная народная культура Китая призывает нас быть лучше самих себя, заимствовать мудрость других и добиваться собственных успехов. Это путь к успеху от Сунь Цзин.

«Изящество капельки, струйки должно быть сообщено организмам весной» (Мэнцзун из Трех Королевств). Полная сообразность с мудростью природы обеспечивает формирование чувств благородства и преданности. Тексты традиционной народной культуры учат студентов, что благодарность и преданность связаны и дополняют друг друга. Г-н Лу Синь отмечал, что посвящение – это своего рода состояние, своего рода дух и своего рода жертва. Новое поколение молодежи должно прилагать неустанные усилия, идти вперед и стремиться к самосовершенствованию. Необходимо учиться быть благодарными обществу, родителям, учителям, одноклассникам; дорожить настоящим, уважать класс, а свои юношеские силы посвящать Родине практическими делами. Следовательно, только будучи благодарными, научившись быть благодарными, зная, как отдавать не жалуясь, вы можете стать мудрее.

Выводы

Таким образом, в ходе исследования нами определены внешние характеристики студентов с трудностями в обучении, такие, как эмоциональная закрытость, глубинный самоанализ, низкий уровень развития личности, страх, тревога, раздражительность. Как следствие, развитие характера отклоняется от правильного пути, нарушаются процессы социализации личности. Установлено, что огромным воспитательным потенциалом обладают тексты выдающихся китайских ораторов (Чжунни Цюй, Юань Цзо, Цю Сунь, Цзыбинь Мэн-цзы, Чжугэ Ляна, Сунь Цзин, Мэнцзун Лу Синь). Определены приоритетные направления работы со студентами с трудностями в обучении: научить студентов развивать себя и других, развивать таланты и нравственность; сочетать постановку высоких целей в жизни с агрессивной активностью; быть открытыми, способными находить другой путь и освобождать себя; воспитать в себе безразличие к славе и богатству, способность к гармоничным межличностным отношениям; формировать настойчивость и позитивное отношение к жизни; быть благодарными и преданными. Превосходная традиционная народная культура рассматривает пропаганду гармонии и единства как свою высшую ценностную ориентацию, уделяет внимание внутреннему совершенствованию людей, а также учит нас постигать истинный смысл жизни.

Список использованных источников

1. Ван, Липин. О культуре кампуса и психологическом качестве колледжа. Развитие студентов [J] / Липин Ван // Китайский рынок. – 2011. – 5. – С. 160–161.

2. Е, Шущинь. Обратите внимание на психологические проблемы студентов колледжей и укрепите образование в области психического здоровья [J] / Шущинь Е // Поездка за границу и трудоустройство (Employment Edition). – 2010. – 12. – С. 57–58.

3. Guo, Xiaomeng. Практическое значение традиционной китайской культуры для обучения студентов колледжей психическому здоровью [J] / Xiaomeng Guo // China Science and Education Innovation Guide. – 2014. – 7. – С. 247–248.

4. Yu, Mingsong. Интерпретация национального духа / Mingsong Yu // Журнал Центрального института социализма. – 2010. – 6. – С. 65–68.

УДК 378.115

ФОРМИРОВАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

С. Н. Щур,

кандидат педагогических наук, доцент, проректор по воспитательной работе
Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: Shur-sergey-nikolaevich@mail.ru

В статье представлены результаты исследования структурно-содержательных аспектов формирования дисциплины в образовательной среде. Определен содержательно-функциональный состав категории «дисциплина», предложен сравнительно-сопоставительный анализ сформировавшихся подходов в определении данной категории, охарактеризованы виды дисциплины и уровни её организации в учреждении образования. Установлено, что конструктивная организация дисциплины позволяет эффективно решать ряд дидактических задач и формировать социально значимые личностные качества молодых людей.

Ключевые слова: дисциплина, учреждение образования, виды дисциплины, уровни организации дисциплины.

FORMATION OF DISCIPLINE IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT: SUBSTANTIVE AND STRUCTURAL ASPECTS

S. N. Shshur,

Candidate of Pedagogical Sciences, docent, vice-rector for educational work,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: Shur-sergey-nikolaevich@mail.ru

The article presents the results of a study of the structural and content aspects of discipline formation in the educational environment. The content and functional composition of the category «discipline» is determined, a comparative analysis of the formed approaches to the definition of this category is proposed, the types of discipline and the levels of its organization in an educational institution are characterized. It is established that the constructive organization of the discipline makes it possible

to effectively solve a number of didactic tasks and form socially significant personal qualities of young people.

Keywords: *discipline, educational institution, types of discipline, levels of discipline organization.*

Введение

Государственная политика в сфере образования Республики Беларусь основывается на гуманистических подходах в построении системы образования, законности прав каждого субъекта образовательных отношений, приоритетах общечеловеческих ценностей при обеспечении равного доступа к получению образования всех обучаемых с учётом разнообразия их образовательных потребностей и их индивидуальных возможностей.

Демократизация образовательной среды на современном этапе создаёт в учебных заведениях всё больше возможностей для проявления обучающимися двигательной активности, свободы выбора своего решения, поступков, проявления ими самостоятельности и, напротив, не способствует придерживанию дисциплинарных правил поведения в учебных заведениях.

В связи с этим при построении образовательных отношений предусмотрены и регулирующие статьи в Кодексе об образовании, определяющие дисциплинарную ответственность обучающихся и процедуры привлечения их к дисциплинарной ответственности, что является важным фактором в сохранении баланса свобод обучаемых при реализации образовательных отношений [1, с. 184–193].

Дисциплина для построения образовательных отношений, качества обучения и воспитания в учебных заведениях имеет важное значение, являясь, во-первых, необходимой предпосылкой обучения. Ведь без создания условий дисциплины и порядка при организации учебно-воспитательного процесса, признания авторитета учителя (преподавателя) в построении образовательных отношений педагогический процесс неэффективен. Во-вторых, дисциплина, в то же время является и результатом всего образовательного процесса в учебном заведении. Она способствует формированию различных черт характера, моральных качеств личности, ограничивает свободу обучаемого требованиями коллектива, определяет модели их поведения и упорядочивает взаимоотношения в образовательном сообществе, способствует формированию у молодых людей умения подчинять свои действия и чувства для реализации намеченных целей, создаёт условия для повышения культуры поведения и самообладания обучаемых.

Цель и задачи статьи

Целью данной статьи является исследование содержательных и структурных аспектов формирования дисциплины в образовательной среде. В статье будет определен содержательно-функциональный состав категории «дисциплина», предложен сравнительно-сопоставительный анализ сформировавшихся подходов в определении данной категории, охарактеризованы виды дисциплины и уровни её организации в учреждении образования.

Методы и материал исследования

В процессе исследования структурно-содержательных аспектов формирования дисциплины в образовательной среде были использованы методы аналитического обзора источников, сравнительно-сопоставительного анализа, моделирования социально-педагогических ситуаций.

Результаты и их обсуждение

Американский эксперт по вопросам лидерства и формирования мотивации Джон Кэлвин Максвелл в вопросах, касающихся определения дисциплины, отмечал: «Вначале дисциплина – это решение делать то, чего очень не хочется делать, чтобы достичь того, чего очень хочется достичь. Но удивительно: через какое-то время дисциплина превращается в решение достичь того, чего очень хочется достичь, делая то, что уже хочется» [2, с. 219–220].

В педагогической литературе понятие «дисциплина» рассматривается, исходя из различных подходов. Своё видение этого понятия мы изложили в исследовании этого феномена [3, с. 102–109].

В содержательном аспекте можно выделить три слагаемых термина «дисциплины» при её организации в образовательной подготовке молодёжи:

– учебная дисциплина, способствующая созданию условий для соблюдения обучаемыми требований к организации учебных занятий и позволяющая сконцентрировать собственные умственные и физические возможности на эффективное изучение программного учебного материала, овладения ими практическими умениями и навыками;

– дисциплина личностного поведения, позволяющая обучаемым осуществлять мотивационно-регулятивное управление личностными качествами для достижения намеченных целей при выполнении учебных заданий и построении коллективного взаимодействия при организации учебно-воспитательного процесса;

– дисциплина общественных обязанностей, нацеленная на формирование у обучающихся умений построения взаимоотношений при выполнении общественных поручений со всеми участниками образовательных отношений в учебном заведении.

Эти три стороны организации дисциплины у обучающихся, взятые в совокупности, позволяют сформировать их отношение как к личностной, так и к общественной ответственности, а также к построению ими траектории образовательных отношений в учебном заведении.

Можно выделить различные уровни организации дисциплины, в которые могут включаться обучаемые в учебно-воспитательной среде:

– исполнительская дисциплина, которая определяет обязанности обучающегося и требования их исполнения в учебном заведении;

– активная дисциплина, которая наряду с исполнением обязанностей, требований учебного сообщества стимулирует использование прав и свобод в образовательных взаимоотношениях;

– самодисциплина, которая предполагает не только соблюдение правил и требований, реализацию прав и свобод обучающимися, но и саморегулирование ими своих возможностей при построении образовательных взаимоотношений в учебном заведении.

Различают виды дисциплины, отличающиеся и по поведенческим мотивам при выстраивании образовательного процесса:

– внешняя дисциплина, которая предполагает желание обучаемого соответствовать требованиям, правилам поведения в учебном заведении, в ученическом коллективе ради получения положительной оценки или одобрения образовательного сообщества;

– внутренняя дисциплина – самостоятельное желание и способность к регулированию поведенческих реакций, управлению личностными качествами и собственным поведением, со временем переходящее в самодисциплину.

Выводы

Таким образом, можно констатировать тот факт, что при построении процесса образования в учебных заведениях организация дисциплины обучаемых позволяет эффективно решать ряд дидактических задач и формировать при этом значимо личностные качества молодых людей посредством создания определённых условий, необходимых для достижения намеченных целей.

Список использованных источников

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании : по состоянию на 1 сент. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 512 с.
2. Максвелл, Дж. Воспитай в себе лидера / Дж. Максвелл ; пер. с англ. Г. И. Левитан. – Минск : Поппури, 2018. – 272 с.
3. Щур, С. Н. Психолого-педагогические подходы к пониманию сущности дисциплины: исторический аспект и современное состояние / С. Н. Щур // Весн. Мазырскага дзярж. ун-та. – 2019. – № 2 (54). – С. 102–109.

К ЮБИЛЕЙНЫМ ДАТАМ БЕЛОРУССКИХ РУСИСТОВ

УДК 81.161.1

БЕЛОРУССКАЯ ОНОМАСТИКА: АННА МИХАЙЛОВНА МЕЗЕНКО

И. А. Королева,

доктор филологических наук, профессор,
Смоленский государственный университет
г. Смоленск, Российская Федерация

E-mail: innakor@mail.ru

В статье сделана попытка представить ведущего ономаста Республики Беларусь, доктора филологических наук, профессора А. М. Мезенко как Учителя, Ученого и Личность. Показывается история сотрудничества витебской ономастической школы, возглавляемой Анной Михайловной, и Смоленской ономастической школы, возглавляемой автором статьи. Материал написан к юбилею известного ученого и ставит своей целью знакомство широкой научной общественности с заслугами белорусского филолога

Ключевые слова: *А. М. Мезенко, белорусская ономастика, Витебская ономастическая школа, юбилей, ученый.*

BELARUSIAN ONOMASTICS: ANNA MIKHAILOVNA MEZENKO

I. A. Koroleva,

Doctor of Philology, Professor, Smolensk State University,
Smolensk, Russian Federation

E-mail: innakor@mail.ru

The article attempts to introduce the leading onomast of the Republic of Belarus, Doctor of Philology, Professor A. M. Mezenko as a Teacher, Scientist and Personality. The history of cooperation between the Vitebsk onomastic school, headed by Anna Mikhailovna, and the Smolensk onomastic school, headed by the author of the article, is shown. The material was written for the anniversary of the famous scientist and aims to familiarize the general scientific community with the merits of the Belarusian philologist

Keywords: *A. M. Mezenko, Belarusian onomastics, Vitebsk onomastic school, anniversary, scientist.*

Введение

В 2023 году славянское ономастическое сообщество отмечает юбилей известного белорусского ономаста, главы Витебской ономастической школы, доктора филологических наук, профессора Анны Михайловны Мезенко. Предыдущую знаменательную дату отмечали пять лет назад, и многие юбилейные материалы вышли в свет в специальном 25 выпуске Ученых записок Витебского государственного университета имени П. М. Машерова [6].

Процитируем фрагмент из приветственного слова ректора того времени А. В. Егорова: «Заслуги А. М. Мезенко в области исследования ономастики восточных славян бесспорные. Ее труд оценен многочисленными наградами: Анна Михайловна удостоена медали Франциска Скорины, благодарности Президента Республики Беларусь, почетной грамоты Министерства образования Вьетнама, имеет награды республиканского, областного и университетского уровня» [6, с. 4].

Очень хорошо написал в своем приветственном слове декан филологического факультета того периода С. В. Николаенко: «Движение науки вперед – это не просто научно-технический прогресс, новые открытия, изобретения, достижения, инновации. Это, прежде всего, Человек. Только благодаря пытливости Человека, его желанию действовать, узнавать, открывать мы смогли создать тот мир науки, в котором живем сегодня... Сотрудники университета и коллектив филологического факультета знают профессора А. М. Мезенко как Учителя и Ученого, начавшего свою профессиональную деятельность в Витебском государственном университете в 1974 году... коллектив... желает Анне Михайловне Мезенко неиссякаемой энергии и крепкого здоровья, новых научных открытий и побед!» [6, с. 5].

Сменился ректор, изменились название и структура факультета, нет уже кафедры общего и русского языкознания, которой долгие годы руководила профессор Мезенко. Теперь представлена кафедра языкознания, перепрофилирован факультет гуманитаристики и языковых коммуникаций. Но есть Учитель и Ученый, есть Человек с большой буквы – Анна Михайловна Мезенко.

Цель и задачи

Цель настоящей статьи – представить научный портрет юбиляра глазами смоленских коллег, в частности – автора статьи, главы Смоленской ономастической школы, самым тесным образом в течение более десяти лет сотрудничающей с Витебской ономастической школой и ее главой – Анной Михайловной Мезенко.

Результаты и их обсуждение

Смоленск и Витебск – города-побратимы, а Смоленский государственный университет и Витебский государственный университет имени П. М. Машерова – вузы-партнеры. До последнего времени тесно сотрудничали и кафедры – русского языка СмолГУ и общего и русского языкознания ВГУ имени П. М. Машерова. Теперь в Витебске кафедра изменилась, но хочется надеяться, что сотрудничество продолжится в новом формате. И, конечно же, может и должно продолжиться сотрудничество смоленских и белорусских ономастов – естественно, в рамках двух ономастических школ, успешно действующих и в настоящее время.

Обратимся к истории школ.

Свою докторскую диссертацию «Урбанонимия Беларуси» Анна Михайловна защитила в Белорусском государственном университете еще в 1991 году и практически сразу же возглавила витебских ономастов, так как именно Витебск и ВГУ имени П. М. Машерова стали главными в ее жизни [1, с. 6].

Автор статьи защитила докторскую диссертацию «Становление русской антропонимической системы» в Московском педагогическом государственном университете в 2000 году, почти через десять лет. И, конечно же, позже стала развивать ономастику на Смоленщине, в Смоленском государственном уни-

верситете. Смоленская ономастическая школа сложилась в 2010 году. Она «младше» и поэтому многому училась у «старшей», витебской. Анна Михайловна всегда была для смолян Учителем, большим другом и надежной поддержкой.

Сразу же ею был задуман и подан на грантовую поддержку проект «Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современность», который оказался успешным. Сотрудничество витеблян и смолян укреплялось. В рамках проекта были проведены два научных семинара и в 2014 году издана коллективная монография. Активно работали и публиковались ученики и соратники Анны Михайловны: В. М. Генкин, А. Н. Деревяго, Ю. М. Галковская, Т. П. Скребнева, Т. И. Синкевич, Т. П. Слесарева, Е. Ю. Муратова, М. Л. Дорофеев, Т. Ю. Васильева. Поддерживали совместную деятельность один из ведущих ученых Беларуси В. А. Маслова, нынешний декан факультета С. В. Николаенко.

Также активно по разным вопросам ономастики работали и смоленские ученые: В. С. Картавенко, Н. А. Максимчук, А. Н. Соловьев, Н. В. Бубнова, Н. А. Родина, Е. И. Попорва, И. А. Паневина, П. П. Альдингер и другие. Ономастика развивалась в рамках двух школ: Витебской и Смоленской.

В Смоленске проводились местные конференции по теме «Ономастика в Смоленске: проблемы и перспективы исследования», на которых встречались ученые разных смоленских вузов, аспиранты, магистранты, работающие в русле ономастики. Возникла идея, поддержанная Анной Михайловной, расширить географию участников. С 2015 года конференция стала называться «Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования»; проводится она до настоящего времени при самом активном участии обеих сторон, русской и белорусской. Профессор Мезенко – неизменный член оргкомитета научного сообщества.

Практически сразу же, с 2016 года, Анна Михайловна организовала еще более широкую по географии конференцию в Витебске – «Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования»; мероприятие сразу же получило широкий отклик в России и зарубежье. Витебск стал центром ономастических исследований и проведения крупных ономастических форумов. В 2022 году в конференции приняли участие более 90 ученых из России, Китая, Украины, Польши, филологи Национальной академии наук Беларуси и практически всех вузов республики. Издание материалов составило 23,42 печатных листа [5].

Вот что сказала при открытии ректор ВГУ имени П. М. Машерова, профессор В. В. Богатырева: «... на ней (конференции – И. К.) собрана научная элита, которая определяет основные направления развития современной ономастики, обеспечивает сохранение и поддерживает распространение знаний об именах собственных в мире.

Знаменательно, что ученые Витебска уже в третий раз собирают у себя лингвистов не только Беларуси, но и зарубежья, их молодых коллег, учеников и последователей. Все это говорит о значимости конференции, заинтересованности научной общественности в обсуждаемых проблемах. Национальные ономастиканы хранят в своей памяти широкие сведения об особенностях организации, экономического сотрудничества, развития, культуры, этнографии общества, для обслуживания которого они образовались. Поэтому вопросы сохранения местной

антропонимии и топонимии, находящиеся в центре внимания ономастологов не одно столетие, не теряют своей актуальности и в настоящее время» [6, с. 2].

Хочется обратить особое внимание на научные труды профессора Мезенко. Помимо многочисленных статей, особо отметим работы последних лет монографического характера. Так, очень важной и нужной книгой стал библиографический справочник по белорусской ономастике за 2000–2015 гг., выпущенный в Витебске в 2016 году [7]. В книге три больших раздела: перечень литературы по антропонимике, топонимике и по другим ономастическим проблемам. Особенно полезна книга для молодых ученых, аспирантов и магистрантов. И для смолян, естественно, так как многие смоленские ономасты занимаются проблемами изучения приграничья.

По одному из важнейших разделов ономастики – антропонимии – в Минске в 2017 году вышел учебник для высших учебных заведений Беларуси, утвержденный Министерством образования Республики Беларусь. Авторский коллектив возглавила профессор Мезенко [4].

Помимо теоретических сведений по современной и исторической антропонимике, в учебнике представлен по каждой теме цикл тренировочных упражнений, вопросы для самопроверки, контрольный тест для проверки полученных знаний. На материале учебника очень хорошо закрепляются ономастические компетенции.

Чуть ранее тоже в Минске вышло учебное пособие для работы по топонимике [3]. Авторский коллектив также возглавила Анна Михайловна, она же выступила редактором книги. Пособие построено по такому же принципу, как рассмотренный выше учебник. Обе книги могут быть использованы и учителями гимназий, лицеев, общеобразовательных школ, так как составлены интересно и не перегружены избыточной терминологией специального характера.

Одна из ключевых ономастических тем витебских ученых – исследование Белорусского Поозерья. В 2017 году вышла коллективная монография авторов А. М. Мезенко, Т. Ю. Васильевой, Ю. А. Галковской и М. Л. Дорофеенко «Белорусское Поозерье: культура – ономастика – социум» [5]. Подобное комплексное рассмотрение проблем топонимии края проводится впервые. В первой главе наименования населенных пунктов Поозерья представлены как язык культуры. По группам описаны различные коды культуры – временной, пространственный, растительный и пр. Во второй главе описываются наименования топографических объектов в пределах поселения. Отдельно рассмотрено внутригородское и внутрисельское топонимическое пространство. Убедительно проанализирован социальный фактор, что сегодня очень актуально для топонимии. В третьей главе отдельно рассмотрена антропонимия Белорусского Поозерья на славянском фоне. Интересно приложение – в нем дан краткий словарь ономастических терминов, используемых в работе. Книга очень востребована ономастами и Беларуси, и России.

Востребованной, как нам представляется, будет и подготовленная к печати коллективная монография «Белорусское Поозерье на ономастическом ландшафте малой родины», одним из рецензентов которой является автор настоящей статьи. Ее актуальность обуславливается изменением политико-экономической ситуации в последние годы, требующей осмысления вопросов сохранения исторической памяти и любви к своей Малой Родине, необходимостью теоретического обобщения современных номинативных процессов. Три главы монографии посвящены последовательному рассмотрению виконимной, урбанонимной и лимнонимной

составляющих ономастического ландшафта Поозерья. В четвертой главе исследуются способы репрезентации ономастического ландшафта в поэтическом наследии региона. Авторы монографии (А. М. Мезенко, М. Л. Дорофеев, Т. П. Слесарева и Т. И. Синкевич) по-настоящему любят свой родной край, и передают эту любовь читателю.

Выводы

Итак, мы попытались представить юбиляра – доктора филологических наук, профессора Анну Михайловну Мезенко как Учителя и Ученого и поблагодарить ее за ее уникальность и неповторимость как Человека, личности, просто удивительной женщины, истинного сподвижника интереснейшей науки об именах собственных – ономастики. Желаем ей больших успехов и новых свершений на нелегком, тернистом сегодня пути, по которому развивается наука Беларуси и России.

Список использованных источников

1. Анна Михайловна Мезенко: с любовью к родному слову : библиографический справочник. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2006. – С. 6.
2. Белорусская ономастика. Топонимия : учеб. пособие / А. М. Мезенко [и др.]. – Минск : Элайда, 2012. – 260 с.
3. Белорусское Поозерье: культура – ономастика – социум : моногр. / А. М. Мезенко [и др.] ; науч. ред. А. М. Мезенко. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2017. – 217 с.
4. Ономастика Беларуси. Антропонимия : учеб. / А. М. Мезенко [и др.]. – Минск : РИВШ, 2017. – 398 с.
5. Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2022. – 493 с.
6. Ученые записки Витебского государственного университета имени П. М. Машерова. – Витебск, 2018. – Т. 25. – 218 с.
7. Мезенка, Г. М. Беларуская анамастыка (2010–2015 гг.) : бібліяграфічны паказальнік / Г. М. Мезенка. – Віцебск : ВДУ им. П. М. Машэрава, 2016. – 172 с.

СЛОВО О ЮБИЛЯРЕ

Говорят, что «каждый человек – это целая книга, если вы только знаете, как читать её» (У. Ченнинг). Есть книги простые, незамысловатые и книги сложные, многогранные... Сергей Борисович для нас, его учеников, несомненно, как сложная книга, наполненная необычными метафорами, архетипами и прецедентными текстами, – всем тем, что вызывает неподдельный филологический интерес...

Кураш Сергей Борисович родился в Мозыре. В 1995 году окончил с отличием филологический факультет Мозырского государственного педагогического института. В 1999 году успешно защитил кандидатскую диссертацию на получение ученой степени кандидата филологических наук по теме «Развернутая метафора в русском стихотворном тексте: приемы построения и текстообразующая функция» под руководством доцента кафедры русского языка МГПИ Олега Игоревича Ревуцкого.

С 1995 года Сергей Борисович работает в Мозырском государственном педагогическом университете им. И. П. Шамякина, совмещая научную деятельность с весьма ответственной, требующей больших эмоциональных, нервных, интеллектуальных и физических затрат административной работой. Его карьерный рост заслуживает уважения. Сергей Борисович работал в разных должностях, совершенствуя свои профессиональные и личностные качества: ассистент, старший преподаватель, доцент кафедры русского языка, декан филологического факультета, проректор по научной работе, заведующий кафедрой русского языка, а впоследствии – кафедрой белорусской и русской филологии, доцент кафедры белорусской и русской филологии, заместитель председателя первичной профсоюзной организации МГПУ им. И. П. Шамякина.

Интерес к тексту как объекту лингвистического исследования возник у С. Б. Кураша еще в студенческие годы. Понимание сложности и многоуровневости текста в рамках антропоцентрической парадигмы привело к представлению этого феномена как свернутой метафоры, что предопределило дальнейшую научную работу в области метафорологии.

С. Б. Кураш является автором и соавтором свыше 280 научных и научно-методических работ, опубликованных в Беларуси, России, Украине, Азербайджане, Армении, Литве, Сербии, Польше, Чехии, в том числе монографий «Метафора и ее пределы: микроконтекст – текст – интертекст», «Слова ў мастацкім кантэксте: онімы, метафары» (в соавторстве с В. В. Шуром), «Литературно-художественный интертекст в системно-структурном и тексто-дискурсивном измерениях» (в соавторстве с О. Н. Хаками и Л. М. Шецко), «Метафорика русской и белорусской поэзии: тексто-дискурсивный аспект»; 5 учебно-методических пособий; 36 статей в научных изданиях, включенных в перечень ВАК РФ, а также статей в научных журналах и сборниках, индексируемых в наукометрических базах Scopus, Index Copernicus, РИНЦ и др. Под научным руководством С. Б. Кураша были подготовлены и защищены кандидатские диссертации О. Н. Хаками, О. Г. Яблонской, Л. М. Шецко, А. Н. Столяровой, Т. Е. Лаевской.

Сергей Борисович является инициатором создания и руководителем научно-методического Центра русистики, открытого в 2009 году при участии Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Республике Беларусь А. А. Сурикова. Всесторонне способствует налаживанию творческих связей как с ведущими учёными-русистами белорусских университетов, так и с российскими и другими иностранными партнерами. Внёс значительный вклад в развитие материально-технической базы Центра русистики, был награжден Почетным знаком «За дружбу и сотрудничество» Министерства иностранных дел РФ и получил Благодарность Министерства иностранных дел Российской Федерации за личный вклад в сохранение и распространение русского языка на пространстве СНГ.

Кроме того, Кураш Сергей Борисович был отмечен различного рода наградами, среди которых две Почётные грамоты университета, Благодарность Мозырского горисполкома, Почётная грамота Мозырского районного совета депутатов, Грамота Министерства образования, Почётная грамота Гомельского областного совета депутатов, грамота и Почётная грамота Гомельской областной организации Белорусского профсоюза работников образования и науки, Памятная медаль «Поэт и воин Игорь Григорьев» Санкт-Петербургского отделения союза писателей Российской Федерации.

Сергей Борисович является членом президиума Белорусского общественного объединения преподавателей русского языка и литературы, членом учебно-методического объединения по педагогическим наукам (филологическое образование) при УО БГПУ им. М. Танка, регулярно приглашается Министерством образования РБ для работы в качестве члена жюри финальных этапов республиканских и международных олимпиад по русскому языку и литературе. Более 10 раз выступал в качестве официального оппонента по защите кандидатских диссертаций.

С 2007 г. С. Б. Кураш возглавляет оргкомитет регулярно проводимой международной научной конференции «Текст. Язык. Человек» и ежегодного научно-образовательного проекта «Неделя русского слова», в рамках которого проводится ряд мероприятий научно-методического и просветительского характера, а также встречи с известными деятелями науки и культуры Беларуси и России.

Сергей Борисович – филолог не по диплому, а по призванию, человек, для которого Слово – высшая ценность. Как сильная языковая личность, тонко чувствующая неразрывную связь слова и бытия и мастерски владеющая всем его семантическим богатством, Сергей Борисович обладает уникальной способностью оказывать влияние на языковое сознание подрастающего поколения.

С. Б. Кураш – это Наставник, который для студентов и аспирантов является ярким примером высокого профессионализма, неординарности мышления, эрудированности и тонкого языкового чутья. Широкий кругозор и филологическая проницательность помогают ему видеть уникальное в обыденных вещах, приоткрывая дверь в мир таинственных аллюзий, реминисценций и языковой игры.

Сергея Борисовича уважают и любят не только за профессиональные качества. Искромётный юмор в сочетании с принципиальностью и порядочностью делают его «душой» любого филологического мероприятия. Талантливый лингвист, истинный профессионал, он всегда находит время, чтобы щедро поделиться своими идеями, дать мудрый и необходимый совет.

Дорогой Сергей Борисович, мы желаем Вам крепкого здоровья, успехов на научном поприще, способных учеников, верных и любящих людей рядом. Мы все убеждены в том, что на Вашем дальнейшем творческом пути Вас ждут новые вершины и новые победы!

Ваши ученики
Лаевская Т. Е., Сергушкова О. В., Шецко Л. М.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЮБИЛЕЙНЫМ ДАТАМ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ – 2023

Гончаренко Е. Д. Лексическая модернизация пьесы А. Н. Островского «Доходное место» в спектакле «Профит»	3
Гурьянова Л. Б. Роль антропонимов в пьесах А. Н. Островского	9
Муратова Е. Ю. Прораб духа (к 90-летию со дня рождения Андрея Вознесенского)	16
Николаева С. Ю. Символика весеннего пейзажа в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» (к 195-летию со дня рождения писателя)	21
Редькин В. А. Жанровое своеобразие «маленькой» поэмы В. Д. Федорова (к 105-летию со дня рождения поэта)	28
Сергушкова О. В. Вставные конструкции как структурно-семантические речевые единицы (в прозе И. С. Тургенева).....	37

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Стародубец С. Н., Головачева О. А. Функционально-прагматический потенциал фразеологических единиц в ранней публицистике Н. С. Лескова	43
Даниленко И. А. Авторские художественные субконцепты в номинативном поле художественного концепта-доминанты <i>War</i> (на материале романа Тима О'Брайена «The things they carried»)	48
Долбик Е. Е. Экспрессивный потенциал однородных рядов (на материале лирики Е. Евтушенко).....	54
Комин М. В. Крапивинские мотивы в повести Анны Зеньковой «С горячим приветом от Фёклы»	60
Кураш С. Б., Хаками О. Н. Источники и импульсы интертекстуальности русского лирического дискурса начала XX века	66
Ланская О. В. Пространство и время: ключевое слово <i>память</i> в творчестве Ю. П. Кузнецова (на материале стихотворения «Для того, кто по-прежнему молод...»)	72
Мальшева К. И. Стилистические особенности в художественном произведении как отражение социальной структуры общества	76
Маслова В. А. Понимание и интерпретация как основа филологического анализа текста	83
Папейко А. А. Опыт семантико-статистического моделирования концепта <i>жизнь</i> (на материале творчества О. Э. Мандельштама)	88
Прохоренко Л. В., Шакутина Д. В. Особенности перевода и сопоставительного анализа текстов (на материале романа И. Мележа «Люди на болоте»)	94
Родионова И. Г. Глагольные фразеологизмы в функции сказуемого в романе И. П. Шамякина «В добрый час»	99
Сивова Т. В. Потенциал цветового хронотопа в реконструкции языковой картины мира писателя (на материале повести «Орест Кипренский» К. Г. Паустовского)	105
Судибор И. Л. Цикл А. Ахматовой «В Царском Селе» как поэтическое начало пушкинской темы	113
Сузько Е. В. Художественное осмысление проблемы коллективизации и судьбы народа в переломный момент советской истории в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»	119
Шэцка Л. М. Лексика-семантычнае поле канцэпту <i>вада</i> ідыястылю паэзіі і прозы У. Караткевіча	124

СЛОВО, ТЕКСТ, ЛИЧНОСТЬ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ИДЕНТИФИКАТОРЫ

Дьякова Т. А. Кулинаронимы как этнокультурные маркеры и средство выразительности в пространстве художественных текстов Михаила Матусовского	132
Канакина Г. И. «Письма В. О. Ключевского в Пензу»: номинация адресатов и адресанта	138
Ковалёва Е. В., Буркова А. В. Номинативные характеристики эргонимов Восточного Полесья (на примере наименований г. Мозыря, г. Гомеля, г. Светлогорска)	144
Кравчук М. И. Об эволюции понятия «этноним»	149
Мазуркевіч Л. М. Спецыфіка ўжывання каларатыва <i>чорны ў</i> замоўных тэкстах	153

Мусіенка В. А. Другасныя ментальныя намінацыі, якія адносяцца да атмасферных з’яў, вогненнай стыхіі (на матэрыяле ад’ектываў беларускай і англійскай моў)	158
Николаенко Е. С. Смысловое наполнение лексемы <i>час</i> в языке русской поэзии (по данным национального корпуса русского языка)	162
Кузьмич В. В. Ономастикон травестийного текста как текстообразующий фактор	167
Слівец В. Р. Імёны прадстаўнікоў рускай літаратуры ў паэтаніміконе Максіма Танка	172
Стариченок В. Д. Прямые и обратимые структурно-семантические модели	176
Яблонская О. Г. Национально-культурная маркированность фразеологических единиц	182

НЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ЭКОЛОГИИ

Аматов А. М., Свищёв Г. В. «Четвёртая власть» Пятой республики: дискурс на грани институциональности	187
Гуцко И. Н., Потороча В. Н. Использование технологии медиафрейминга в средствах массовой информации	193
Дединкин А. Л. Лингвopsихологический портрет делинквентной личности (на примере экстремиста)	198
Зайцева И. П. Современная драматургия как исследовательское поле своеобразия современной устной речи	202
Коваль В. И. Неofразема <i>цифровая амнезия</i> : происхождение, семантика, функционирование	209
Колоколова Л. П. К вопросу о терминологическом словаре (на материале названий стилей современной музыки)	214
Лавицкий А. А. Современная деструктивная интернет-коммуникация: лингвоправовой взгляд	221
Матусевіч К. М. Моўны характар брэндз	226
Савчук Т. Н. Разобшенность языкового знака и смысла как эколнгвистическая проблема	230
Седых А. П. Фигуры речи и межкультурная коммуникация: дискурс современных СМИ	237
Столярова А. Н. Фразеологическая деривация как источник неofразеологии	244

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКА КАК РОДНОГО И ИНОСТРАННОГО В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Алхасов Я. К. О коммуникативном принципе обучения русскому языку как иностранному	249
Власенко Г. Н., Ахраменко П. Е., Кураш С. Б. Факультативные занятия по русскому языку	255
Гуркова О. С., Кураш С. Б. Из опыта подготовки учащихся к предметным олимпиадам по русскому языку и литературе	261
Данич О. В. Учебно-методическое обеспечение процесса формирования лингвокультурной грамотности младших школьников	264
Красовская Н. А. Социокультурная информация при изучении русского языка в сербской аудитории (из опыта работы)	270
Татарнинова Т. И. Формирование профессиональной компетентности в применении игровых технологий будущими педагогами	275
Чечко Т. Н., Цао Юньбинь. Ведущие направления цифровизации образовательной среды в Китае	283
Чечко Т. Н., Хэ Цзянфэн. О влиянии китайской традиционной народной культуры на психологию личности студента	288
Щур С. Н. Формирование дисциплины в образовательной среде: содержательные и структурные аспекты	294

К ЮБИЛЕЙНЫМ ДАТАМ БЕЛОРУССКИХ РУСИСТОВ

Королева И. А. Белорусская ономастика: Анна Михайловна Мезенко	298
Лаевская Т. Е., Сергушкова О. В., Шецко Л. М. Слово о юбиляре	302